Хусто Л.Гонсалес

История христианства. Том 2. От эпохи Реформации до нашего времени

Источник: http://www.krotov.info/history/00/posnov/gonzalez_0.htm

Предисловие

Второй том "Истории христианства" можно читать как отдельную, самостоятельную книгу, посвященную истории развития христианства от эпохи Реформации до наших дней. Но в таком случае читатель должен четко сознавать, что многие христианские деятели, о взглядах и деятельности которых здесь пойдет речь, не согласились бы с таким подходом. Лойола и другие видные представители католической контрреформации считали себя продолжателями и защитниками идеалов тех, кому посвящен первый том. То же самое относится к Лютеру, Кальвину, Весли и многим другим великим деятелям протестантской Реформации, которые, как и католические богословы, не считали себя новаторами.

За исключением случаев, отмеченных особо, цитаты из работ иностранных авторов приведены в моем переводе. Когда найти английский перевод цитируемого источника не представляет особого труда, я указываю на это в надежде побудить читателя обратиться к оригиналу. Здесь, как и в первом томе, я постарался свести количество сносок к минимуму, чтобы внимание читателя сосредоточивалось на самом тексте, а не на лежащих в его основе ученых изысканиях.

Сдавая книгу в печать, хочу еще раз выразить благодарность людям, упомянутым в предисловии к первому тому, чья помощь и поддержка в очередной раз сыграли неоценимую роль. К ним хочу также присовокупить работников издательства "Харпер энд Роу" в Сан-Франциско, принявших активное участие в осуществлении этого проекта и проявивших к нему интерес, - мне они тем самым очень помогли и доставили большое удовольствие. Наконец, хочу поблагодарить читателей за то время и внимание, которое они уделяют чтению столь дорогого моему сердцу повествования.

Декатур Январь 1984 года

Часть первая. РЕФОРМАЦИЯ

Необходимость Реформации

Разложение достигло такой степени, что души, порученные заботе духовенства, терпят большой урон, ибо нам известно, что большинство священнослужителей живут в открытом сожительстве, а когда наше правосудие вмешивается, чтобы наказать их, они возмущаются и устраивают публичный скандал, относясь к нашему правосудию с таким пренебрежением, что даже самолично вооружаются против него.

ИЗАБЕЛЛА КАСТИЛЬСКАЯ, 20 ноября 1500 года

К концу XV века стало ясно, что церковь нуждается в глубоких реформах и что многие к ним стремятся. Было хорошо известно об упадке и коррупции папства. После авиньонского периода, когда папство служило французским интересам, оно еще больше ослабло в результате великого раскола, в ходе которого западноевропейским государствам приходилось принимать сторону одного из двух или даже трех пап. В отдельных случаях одинаково недостойными выглядели все претенденты на папский престол. Затем, почти сразу же после преодоления раскола, папская власть оказалась в руках людей, которых больше привлекали идеалы эпохи Возрождения, чем

евангельское послание. С помощью войн, интриг, подкупов и разного рода недостойных дел эти папы пытались восстановить и даже превзойти славу Древнего Рима. В результате, хотя большинство продолжало верить в высший авторитет римской курии, многим было трудно сочетать веру в авторитет папы с недоверием по отношению к конкретным людям, занимавшим папский престол.

Но коррупция не ограничивалась только Римом. Соборному движению, стремившемуся положить конец великому расколу и реформировать нравственные устои всей церкви, удалось достичь первой из этих целей, но не второй. Произошло так отчасти потому, что епископы, заседавшие на соборах, сами принадлежали к числу тех, кому существующая коррупция была выгодна. Иными словами, тогда как реформаторы, поддерживавшие концилиаризм, метали громы и молнии против абсентеизма, плюрализма и симонии, то есть практики продажи и покупки церковных должностей, многие члены соборов сами были повинны в такого рода злоупотреблениях и намеревались поступать так и впредь.

Нравственное разложение оказывало влияние и на простых священников и монахов. Хотя безбрачие духовенства было законом церкви, многие открыто не соблюдали его - епископы и местные священники даже хвалились своими незаконнорожденными детьми. Прежняя монашеская дисциплина все больше ослабевала, а обители и монастыри превращались в центры веселой жизни. Монархи и высшая знать нередко обеспечивали своим незаконнорожденным отпрыскам будущее, назначая их аббатами и аббатисами, не считаясь с тем, есть ли у них монашеское призвание. Авторитет монастырей как источников получения знаний падал, а к образовательному цензу местных священников вообще не предъявлялось практически никаких требований.

В таких условиях даже тем многим священникам и монахам, которые искренне стремились оставаться верными своему призванию, делать это было крайне трудно. Как можно вести аскетический образ жизни и предаваться созерцанию в монастыре, превратившемся в место развлечений и светских приемов? Как может священник бороться со злоупотреблениями в приходе, если ему самому пришлось купить свою должность? И могут ли прихожане с доверием относиться к таинству покаяния, если оно совершается священником, который сам, по-видимому, не осознает всего ужаса греха? Религиозное сознание Европы раздвоилось - произошел разрыв между верой в церковь, которая была духовным наставником многих поколений, и пониманием ее теперешней несостоятельности в этой роли.

Но в реформировании нуждалась не только нравственная сторона жизни церкви. Наиболее трезвомыслящие христиане приходили к убеждению, что искажено само учение церкви. После падения Константинополя полвека назад Западная Европа, в особенности Италия, наполнилась богословами, чьи взгляды весьма отличались от общепринятых на Западе. Привезенные ими рукописи показали западным богословам, сколько изменений и вставок было внесено при многократных переписываниях древних текстов. Получали распространение новые философские веяния. Среди западных богословов увеличивалось число людей, знающих греческий язык, - они могли сравнивать греческий текст Нового Завета с латинской Вульгатой. В этих кругах и родилась все более распространявшаяся мысль о необходимости вернуться к истокам христианской веры с соответствующим обновлением учения и каждодневной жизни церкви.

Большинство из тех, кто придерживался таких взглядов, ни в коей мере не были сторонниками радикальных мер, но их призыв вернуться к истокам сам по себе подкреплял точку зрения более ранних реформаторов, таких как

Уиклиф и Гус. Стремление к радикальному реформированию учения церкви не должно было вызвать возражений у тех, кто признавал, что это учение за многие века подверглось изменениям и отошло от Нового Завета. Многочисленные последователи ранних реформаторов в Англии, Богемии и других странах встретили поддержку со стороны богословов, которые хотя и отвергали их наиболее радикальные требования, в

то же время принимали принципиальную установку о необходимости возврата к истокам христианства, в частности - через изучение Писания.

Все это сопровождалось недовольством народных масс, ранее выливавшимся в апокалиптические движения, подобные тому, которое возглавил Ганс Бем. Материальное положение народа не только не улучшилось, но за последние десятилетия продолжало ухудшаться. Крестьяне, в частности, подвергались еще более суровой эксплуатации со стороны землевладельцев. Хотя некоторые монашеские обители и церковные деятели продолжали заниматься благотворительной деятельностью, большинство бедняков больше не считали церковь своей защитницей. Более того, показная роскошь прелатов, их власть как землевладельцев и поддержка ими усиливавшегося социального неравенства многими рассматривались как предательство бедных и как символ того, что церковью завладел антихрист. Брожение в этих слоях населения периодически выливалось в крестьянские восстания, апокалиптические видения и призывы к установлению нового порядка.

Тем временем феодальная система приходила в упадок. Сначала во Франции, а затем в Англии и Испании установилась сильная централизованная монархическая власть, понуждавшая знать служить национальным интересам государства. Монархи стремились ограничить и поставить под контроль власть прелатов, многие из которых были одновременно феодальными правителями обширных областей. По примеру Франции, распустившей орден тамплиеров, Испания решила подчинить королевской власти такие военно-монашеские ордена, как Калатрава и св. Иакова Компостельского, и с этой целью король Фердинанд был провозглашен их магистром. В областях, не достигших такого единства, росли чувство национальной неудовлетворенности и мечты об объединении и независимости. Латынь, которая ранее была связующим звеном для большей части Западной Европы, постепенно становилась достоянием церковных и научных кругов, а национальные языки рассматривались как равноценные ей. Именно в XV и XVI веках сформировались большинство западноевропейских литературных языков. Национализм, заявивший о себе еще несколько веков назад, находил выражение в этих языках и вскоре стал реальностью как в странах, достигших политического единства, так и в тех, которые по-прежнему страдали от феодальной разобщенности или иностранного владычества. Подобные настроения разрушали идею об "одной пастве с одним пастырем", которая многим казалась теперь просто предлогом для иноземного вмешательства.

Мировоззрение Западной Европы менялось под влиянием и других важных событий. С открытием новых земель западные горизонты неизмеримо расширились. Путешествие на Дальний Восток становилось все более обычным делом. Представление о земле как о плоском диске, вокруг которого вращаются солнце и звезды, стало пережитком прошлого. Большие успехи были достигнуты в медицине, математике и физике. И все эти новые знания были доступны ученым разных стран благодаря книгопечатанию, изобретенному именно тогда.

Старый мир уходил в прошлое, и на его месте зарождался новый мир. Свежие веяния неизбежно должны были отразиться и на церкви - раз возникали новые формы человеческого бытия, неизбежно должны были возникнуть и новые формы христианской жизни. Но вопрос о конкретных путях развития оставался спорным. Одни пытались реформировать старую церковь изнутри, другие же, потеряв всякую надежду на такую реформацию, открыто порывали с папством. В эту эпоху нестабильности глубокие духовные поиски приводили многих искренних христиан к таким выводам и образу мыслей, предвидеть которые заранее они никак не могли. Другие столь же искренние и преданные христиане приходили к противоположным выводам. Возникавшими в результате этого разногласиями и конфликтами была отмечена вся эпоха, которую мы сейчас называем Реформацией XVI века.

В конце средневекового периода многие сторонники реформ пришли к убеждению, что самым большим злом в церкви был обскурантизм тех времен, которые вскоре назовут "мрачной эпохой". Изобретение книгопечатания, приток византийских ученых и

возрождение интереса к художественному и литературному наследию античного мира укрепляли надежду на то, что распространение научных знаний и образования приведет к столь необходимому реформированию церкви. Если в прошлом на каком-то этапе были введены обычаи, противоречащие изначальному христианскому учению, казалось разумным предположить, что возврат к истокам христианства - библейским и патристическим - искоренит эти обычаи.

Такой была программа реформаторов-гуманистов. В данном контексте термин "гуманист" относится в первую очередь не к тем, кто ставит превыше всего человеческую природу, а к тем, кто посвящает себя "классическому наследию", изучению латинской и греческой классики, пытаясь возродить славу античного мира. Гуманисты XVI века весьма различались между собой, но их объединяла любовь к литературе древних. Задолго до начала протестантской Реформации было множество гуманистов, поддерживавших между собой тесную связь через переписку и надеявшихся, что их усилия приведут к реформированию церкви. Их признанным лидером, которого многие почтительно называли "королем гуманистов", был Эразм Роттердамский.

Эразм был незаконнорожденным сыном священника и дочери врача, и его всю жизнь тяготило такое более чем скромное происхождение. Он вырос в обстановке бурного развития торговли, характерного для Нидерландов того времени, и в его мировоззрении нашли отражение обычные для буржуазии ценности: терпимость, умеренность, стабильность и так далее. Эразм начал изучать схоластическое богословие, но ему претила его слишком большая утонченность и склонность к удовлетворению праздного любопытства. Затем он решил обратиться к классической литературе, к которой в то время пробудился особый интерес. Во время посещения Англии Эразм стал членом кружка гуманистов, стремившихся к реформированию церкви и побудивших его начать изучение Писания и ранней христианской литературы, которую он считал полем деятельности исключительно схоластов. В это время он решил продолжить изучение греческого языка и вскоре овладел им в совершенстве. Тогда же он опубликовал "Enchiridion M ilitis Christiani" - "Руководство (оружие) христианского воина". В этой книге, используя военную терминологию, он объяснял, какой должна быть, по его мнению, христианская жизнь и какие есть возможности у "воина Христова".

В молодом возрасте Эразм учился в латинской школе при "братстве общинной жизни", "новое благочестие" которого произвело на него глубокое впечатление. Теперь же, дополнив искусство благочестия своими гуманистическими взглядами, он начал изображать христианство как олицетворение прежде всего благопристойной, умеренной и уравновешенной жизни. Он считал, что заповеди Иисуса вполне соответствуют моральным нормам стоицизма и платонизма, цель которых заключается в подчинении чувств разуму. Этого можно добиться при помощи строгой аскетической дисциплины, которую, однако, не следует путать с монашеством. Монах удаляется из общества, тогда как истинный "воин Христов" должен готовить себя к участию в практической и повседневной жизни и в человеческих делах. Для реформирования церкви необходимо, чтобы христиане следовали этой дисциплине и отказались от языческих пороков. Говоря о языческих пороках, Эразм имел в виду пример безнравственного поведения пап эпохи Возрождения, которых можно сравнивать скорее с Юпитером или Юлием Цезарем, чем с И исусом или св. Петром. Поэтому он осуждал помпезность и стремление к мирской славе, во многом присущие жизни церкви того времени, и призывал к большей простоте жизни. Однако это не означало, что достаточно просто возродить монашеский дух. У него было много критических замечаний в адрес монахов и монастырей, превратившихся в прибежища праздности и невежества. Но он отвергал также монашеский идеал, основывавшийся на неприемлемом различии между заповедями Иисуса, которым должны повиноваться все, и его "советами по совершенствованию", обращенными к монахам. Такое различие, хотя оно и побуждало многих к абсолютному повиновению, в то же время подразумевало, что простые христиане не рассматриваются как точно такие же "воины Христовы", призванные к полному послушанию.

Послушание Эразм считал более важным, чем догматы. Он полагал, что догматы имеют большое значение, и по таким вопросам, как воплощение и Троица, придерживался традиционных христианских ортодоксальных взглядов. Но он также утверждал, что праведность важнее ортодоксальности, и часто осуждал монахов, способных принять участие в изощренных богословских диспутах и при этом ведущих откровенно непристойную жизнь.

С другой стороны, истинно христианская жизнь - это духовная жизнь. Эразм, на которого глубокое влияние оказывали платонизм и ранние христианские авторы, испытавшие то же воздействие, был убежден, что христианин ведет внутренние поиски. Внешняя сторона, например таинства, тоже имеет значение, и ею не следует пренебрегать, но это значение определяется внутренним смыслом, тем посланием, которое донесено до сокровенного сердца верующего. О крещении он говорил: "Какая польза окроплять человека святой водой снаружи, если он развращен внутри?"

Короче говоря, Эразм стремился изменить обычаи, чтобы люди вели благопристойную и умеренную жизнь, учились и размышляли, развивая в себе внутреннее благочестие, и чтобы церковь поощряла все это. Несмотря на скромное происхождение, он в конечном счете завоевал уважение и восхищение разделявших те же надежды ученых Европы, выразителем взглядов которых он стал. В число его почитателей входили многие титулованные и даже некоторые коронованные особы. Его последователи работали секретарями и воспитателями при самых могущественных дворах Европы. Та реформация, сторонником которой он выступал, казалось, вот-вот произойдет.

Затем началась протестантская Реформация. Страсти накалились. Проявлять терпимость и умеренность становилось все труднее. Речь шла уже не о реформировании обычаев и не об уточнении отдельных аспектов христианского богословия, которые могли трактоваться неправильно, а о радикальном изменении некоторых фундаментальных предпосылок традиционного христианства. Сторонники противоборствующих лагерей искали поддержки у Эразма, но он предпочитал не вмешиваться в конфликт, в котором, как ему казалось, страсти брали верх над разумом. В конце концов, как мы увидим дальше, он порвал с Лютером. Тем не менее он отказывался поддерживать католиков в их борьбе против протестантов. К концу жизни он приобрел почитателей в обоих лагерях, но имел очень мало последователей. Из своего рабочего кабинета он продолжал призывать к умеренности, к реформации по гуманистическому образцу, убеждал следовать древним добродетелям стоиков и платонистов. Но прислушивались к нему немногие, во всяком случае - при жизни, и он жаловался: "Я ненавижу распри, потому что они противоречат учению Христа и внутреннему расположению природы. Сомневаюсь, что какую-либо из противоборствующих сторон можно заставить замолчать без серьезного ущерба. Совершенно ясно, что многие из реформ, к которым призывает Лютер, крайне необходимы. Единственное мое желание заключается в том, чтобы теперь, когда я стал старым, мне было дано увидеть результаты моих усилий. Но обе стороны упрекают меня и пытаются оказать на меня давление. Кто-то утверждает, что коль скоро я не выступаю против Лютера, я согласен с ним, лютеране же объявляют меня трусом, отошедшим от Евангелия"[1]. Но по прошествии веков, когда страсти улягутся, протестанты и католики согласятся друг с другом в том, что это был человек великого ума и благородного сердца и что всем им есть чему у него поучиться.

Мартин Лютер: путь к Реформации

Многие относятся к христианской вере как к чему-то очень легкому и понятному, а то и просто причисляют ее к разряду добродетелей. Происходит так потому, что сами они ее не переживали и не испытывали великой силы веры.

МАРТИН ЛЮТЕР

За всю историю христианства мало кто становился предметом таких ожесточенных споров, как Мартин Лютер. Одни представляют его извергом, разрушившим единство церкви, "диким кабаном", растоптавшим Божью ниву, монахом-вероотступником, посвятившим жизнь разрушению самих основ монашества. В глазах других он выглядит настоящим героем, благодаря которому восстановилась проповедь истинного Евангелия, поборником библейской истины, реформатором разложившейся и отступнической церкви. Но в последние годы среди христиан различных вероисповеданий наблюдается все большее единство во взглядах по этому вопросу. Изучение жизни и деятельности Лютера с большей объективностью побудило и католиков, и протестантов пересмотреть свои позиции, отстаивая которые они в пылу полемики не принимали в расчет исторических исследований. Сейчас мало кто сомневается в искренности Лютера, и многие католические историки признают обоснованность его протеста и его правоту по многим вероучительным вопросам. С другой стороны, лишь немногие протестантские историки продолжают рассматривать Лютера как героя-исполина, который почти в одиночку реформировал христианство и чьи грехи и ошибки не имеют особого значения.

Лютер был эрудированным и ученым человеком с простыми и даже грубоватыми манерами. Возможно, именно это помогало ему выражать глубочайшие богословские мысли в такой форме, чтобы они быстро находили отклик среди народных масс. В вере он был настолько искренним, что она стала для него всепоглощающей страстью и, стремясь выразить ее, он мог вести себя как неотесанный простолюдин. Ничто другое не имело для него такого значения, как вера и послушание Богу. Получив уверенность, что Бог направляет его на определенные дела, он шел по этому пути до конца. Он явно был не из тех учеников, кто, взявшись за плуг, оборачивается назад. Лютер мастерски владел словом, одинаково хорошо зная латинский и немецкий, хотя и проявлял склонность излишне преувеличивать значение того или иного положения и тем самым искажать его смысл. Убедившись в правоте своего дела, он был готов противостоять самым могущественным властителям своего времени. Но сама глубина его убежденности, его страстная приверженность истине и склонность к преувеличениям побуждали его использовать столь сильные выражения и отстаивать столь радикальные взгляды, что позднее он сам и его последователи будут об этом сожалеть.

С другой стороны, распространению взглядов Лютера в значительной мере благоприятствовали условия, которые создал не он, на которые он никак не мог повлиять и о роли которых в процессе реформации он имел лишь смутное представление. Благодаря изобретению печатного станка его сочинения доходили до такого числа читателей, которого не знала рукописная книга. Лютер, по сути дела, первым начал использовать печать как средство пропаганды и писать в надежде на дальнейшее широкое распространение своих сочинений. Рост националистических чувств в Германии, которые он разделял, давал ему неожиданное, но весьма ценное подспорье. Многие реформаторы-гуманисты, не соглашавшиеся с целым рядом его утверждений, тем не менее заявляли, что его надо сначала выслушать, а не осуждать заведомо, как это было в случае с Яном Гусом. Незамедлительному и безоговорочному осуждению Лютера не способствовали и политические условия, сложившиеся в начале эпохи Реформации; когда же гражданские и церковные власти решили успокоить разразившуюся бурю, было уже поздно. Изучение жизни и деятельности Лютера с очевидностью доказывает одно: Реформация произошла не потому, что так решил Лютер, а потому, что для нее пришло время, потому, что этот великий реформатор, а вместе с ним и многие другие были готовы исполнить свою историческую миссию.

Долгие поиски

Лютер родился в 1483 году в немецком городе Эйслебене. Его отец, по происхождению крестьянин, сначала был рудокопом, а затем стал владельцем нескольких литейных мастерских. Детство Мартина нельзя назвать счастливым. Родители воспитывали его в строгости, и много лет спустя он с горечью рассказывал о том, каким наказаниям подвергался в то время. В течение всей жизни он не раз впадал в меланхолию и состояние тревоги, которые некоторые исследователи объясняют крайней суровостью

обращения с ним в детстве и в отроческие годы. В школе поначалу дела шли не лучше, и впоследствии он вспоминал, что его секли, когда он не знал уроков. Не стоит преувеличивать значение этих ранних испытаний и считать, что они предопределили весь дальнейший ход жизни Лютера; тем не менее они, несомненно, наложили глубокий отпечаток на его характер.

В июле 1505 года, в возрасте почти двадцати двух лет, Лютер поступил в августинский монастырь в Эрфурте. К такому решению его подвели несколько причин. За две недели до этого во время грозы его охватил страх смерти и ада, и он дал обещание св. Анне стать монахом. По его собственным словам, в монастырь его привели трудные условия, в которых он рос. Отец прочил его в адвокаты и не жалел усилий, чтобы дать ему необходимое образование. Но Лютер не хотел быть юристом, и вполне возможно, что он, хотя и не сознавая полностью своих мотивов, избрал монашеское призвание как некий компромисс между планами отца и собственными наклонностями. Узнав об этом решении, старший Лютер пришел в негодование и долго не мог простить сына, считая, что тот предал благородные жизненные цели. Но в конечном счете в монастырь Лютера привела забота о собственном спасении. Мысль о спасении и осуждении буквально пронизывала атмосферу, в которой он жил. Земная жизнь - не более чем испытание и подготовка к грядущей жизни. Казалось глупым, став адвокатом, добиваться славы и богатства в настоящей жизни в ущерб жизни вечной. Поэтому Лютер как верный сын церкви поступил в монастырь с твердым намерением использовать предлагаемые церковью средства спасения, самым надежным из которых была монашеская жизнь в самоотречении.

За год послушничества Лютер пришел к убеждению, что принял мудрое решение, - он чувствовал себя счастливым и жил в мире с Богом. Настоятели быстро убедились в его необычайных способностях и решили, что он должен стать священником. Впоследствии, вспоминая о том, какие чувства переполняли его, когда он служил свою первую мессу, Лютер писал об охватившем его страхе при мысли, что он держит и предлагает само тело Христово. Затем чувство страха он начал испытывать все чаще - он считал себя недостойным Божьей любви и не был уверен, что его дел достаточно для спасения. Бог казался ему строгим судьей - подобным его отцу и школьным учителям, - Который в Судный день призовет к ответу и признает его не выдержавшим испытание. Дабы спастись от гнева такого Бога, человек должен использовать все средства благодати, предлагаемые церковью.

Но для такого глубоко религиозного, искреннего и страстного человека, каким был Лютер, этих средств оказалось мало. Считалось, что для оправдания молодого монаха перед Богом достаточно добрых дел и таинства покаяния. Лютер, однако, так не думал. Он испытывал непреодолимое чувство собственной греховности, и чем больше он стремился подавить его, тем сильнее сознавал власть греха над собой. Предположение, что он не был хорошим монахом или что он вел безнравственную жизнь, ошибочно. Наоборот, он стремился неукоснительно выполнять монашеские обеты. Он постоянно наказывал свое тело, как предписывали великие учителя монашества. Он исповедовался так часто, как только мог. Но все это не ослабляло в нем страха осуждения. Чтобы получить прощение грехов, в них надо покаяться, его же страшило, что он может забыть о каком-то грехе и тем самым лишиться награды, к которой так неустанно стремился. Поэтому он проводил долгие часы, составляя списки и анализируя свои мысли и поступки, и чем больше он этим занимался, тем больше отыскивал в себе грехов. Бывали случаи, когда, уже выйдя из исповедальни, он вспоминал о грехе, в котором не покаялся. Тогда его охватывало чувство тревоги и отчаяния, ибо грех - не просто сознательные поступки или мысли. Грех - это состояние, образ жизни, нечто гораздо большее, чем отдельные прегрешения, в которых можно покаяться священнику. Таким образом, само таинство покаяния, которое должно было приносить облегчение, на самом деле еще больше усиливало в нем ощущение своей греховности и не помогало справиться с отчаянием.

Духовный наставник посоветовал ему читать сочинения великих мистиков. Как мы уже видели, в конце средневекового периода (отчасти как реакция на разложение церкви)

резко возрос интерес к мистическому благочестию, предлагавшему иной путь приближения к Богу. Лютер тоже решил пойти по этому пути, но не потому, что сомневался в авторитете церкви, а потому, что получил от своего духовника, представлявшего этот авторитет, такой совет.

Мистицизм, как и монашество ранее, на время увлек его. Быть может, здесь он найдет путь к спасению. Но и этот путь тоже вскоре завел его в тупик. Мистики утверждали, что человеку достаточно просто любить Бога и что эта любовь дает все остальное. Лютер воспринял эти слова как освобождение - ему не надо было больше вести строгий учет всех своих грехов, как он добросовестно делал это до сих пор, получая в награду лишь чувство неудовлетворенности и отчаяния. Но вскоре он понял, что любить Бога не так-то просто. Если Бог подобен его отцу и учителям, избивавшим его до крови, как он может любить такого Бога? В конце концов Лютер пришел к ужасающему выводу, посчитав, что он испытывает к Богу не чувство любви, а ненависть!

Уйти от этих вопросов и размышлений было невозможно. Чтобы получить спасение, человек должен каяться в грехах, но Лютер видел, что, несмотря на все его усилия, грех выходит за рамки того, в чем он может покаяться. По утверждению мистиков, достаточно любить Бога, но это тоже не очень помогало, так как Лютер был вынужден признать, что не может любить справедливого Бога, требующего отчета о всех его поступках.

На этом этапе духовник, одновременно являвшийся настоятелем, предпринял смелый шаг. Обычно считалось, что священник, переживающий такой внутренний перелом, как это было с Лютером, не может быть пастырем и учителем. Но духовник решил, что Лютер тем не менее должен исполнять именно эту роль. Много веков назад Иероним избежал искушений благодаря работе над древнееврейскими текстами. Лютер сталкивался с иными трудностями, нежели Иероним, но учеба, преподавание и выполнение пастырских обязанностей могли и на него оказать такое же воздействие. Поэтому Лютер неожиданно для себя самого получил назначение на должность преподавателя Писания во вновь открытом университете в городе Виттенберг.

Согласно протестантскому преданию, в монашеские годы Лютер не знал Библии и изучать ее начал только со времени обращения или незадолго до этого. Но это не так. Будучи монахом, он соблюдал уставные часы молитв и поэтому знал наизусть Псалтирь. Кроме того, в 1512 году, после прохождения курса, включавшего в себя изучение Библии, он получил степень доктора богословия.

Столкнувшись с необходимостью готовить лекции на библейские темы, Лютер начал искать в Библии новый смысл, который дал бы ему ответ и на его собственные духовные поиски. В 1513 году он начал читать лекции по Псалтири. Проведя многие годы в чтении псалмов, следующих годичному кругу богослужений, в основу которого положены главные события жизни Христа, Лютер истолковывал псалмы с христологической точки зрения. Когда псалмопевец говорил от первого лица, для Лютера это означало, что словами псалмопевца Христос Сам говорит о Себе. В Псалтири Лютер увидел Христа, переживавшего такие же испытания, как и он сам. Это стало основанием для его великого открытия. Само по себе оно могло бы привести Лютера к признанию распространенного представления, согласно которому Бог-Отец требует суда, а любящий нас Бог-Сын способствует нашему прощению. Но Лютер изучал богословие и знал, что такая дихотомия применительно к Божеству неприемлема. Поэтому утешение, которое он нашел в страданиях Христа, было недостаточным, чтобы облегчить его боль и собственные страдания.

Великое открытие произошло, по всей видимости, в 1515 году, когда Лютер начал читать лекции, посвященные Посланию к римлянам. Позднее он заявил, что преодолеть трудности ему помогла первая глава этого послания. Но далось это ему нелегко. Недостаточно было просто открыть Библию и прочитать, что "праведный верою жив будет". По его собственному признанию, это открытие он сделал после долгой внутренней борьбы и душевных страданий, ибо в начале стиха Рим. 1:17 сказано, что в

Евангелии "открывается правда [или справедливость суда] Божия". Эти слова означают, что Евангелие раскрывает праведность - и справедливость суда - Бога. Но Лютеру тяжело было принять именно суд Божий. Как такое послание может быть Благой Вестью? В глазах Лютера Благая Весть могла заключаться только в том, что Бог не исполняет правосудие, то есть что Он не судит грешников. Но в Рим. 1:17 Благая Весть и суд Божий неразрывно связаны.

Лютеру претили слова "правда Божия", и он дни и ночи напролет пытался понять взаимосвязь между двумя частями этого стиха, в котором сначала провозглашается "правда [суда] Божия", а затем утверждается, что "праведный верою жив будет".

Ответ был удивительным. Лютер пришел к выводу, что "суд Божий" не означает, как он думал раньше, наказание грешников. "Правда", или "праведность" праведных принадлежит не им, а Богу. "Правду Божию" получают те, кто живет верой. Она дается им не потому, что они праведны, не потому, что они исполняют требования божественного правопорядка, а просто потому, что того желает Бог. Следовательно, учение Лютера об "оправдании верой" не подразумевает веру как нечто такое, чего мы по требованию Бога должны достигать, чтобы затем получать за это вознаграждение. Оно означает, что вера и оправдание - Божьи дела, дар благодати грешникам. Сделав это открытие, Лютер в предисловии к своим сочинениям на латинском языке писал: "Я чувствую себя рожденным заново и вижу, что передо мной открылись врата небесные. Все Писание обрело новый смысл. С этой минуты слова "правда Божия" больше не пугают меня, а, напротив, вызывают во мне невыразимое наслаждение как выражение великой любви".

Начало бури

В ходе дальнейших событий раскроется иная сторона характера Лютера, но до сих пор он выглядит достаточно спокойным человеком, занятым учебой и духовными поисками. Сделанное им великое открытие, хотя оно и заставило его по-новому взглянуть на Евангелие, не сразу побудило Лютера выступить против того, как понимала христианство официальная церковь. Напротив, монах продолжал заниматься преподавательской деятельностью и своими пастырскими обязанностями, и хотя, по некоторым сведениям, он уже тогда начал пропагандировать свои вновь приобретенные знания, в целом он придерживался традиционного учения церкви. Более того, он сам еще как будто бы не осознавал, до какой степени несовместимы сделанное им открытие и та система покаяния, на которой строились общепринятые богословские и религиозные взгляды.

Методом спокойного убеждения Лютеру удалось привлечь на свою сторону большинство коллег из Виттенбергского университета. Решив, что он должен бросить вызов традиционным взглядам, Лютер составил девяносто семь тезисов для обсуждения в ученых кругах. В них он подверг критике некоторые основополагающие догматы схоластического богословия, надеясь, что их публикация и обсуждение привлекут всеобщий интерес и позволят ему раскрыть сделанное им великое открытие. Но, к его удивлению, ни самими тезисами, ни их обсуждением за пределами университета никто особенно не заинтересовался. Казалось, что выдвинутая им идея, согласно которой Евангелие представляет собой нечто совершенно иное по сравнению с общепринятыми взглядами и которой он придавал первостепенное значение, осталась почти незамеченной.

Затем произошло неожиданное. Лютер написал другие тезисы без особых надежд на то, что ими заинтересуются больше, чем предыдущими, но они вызвали такое сильное волнение, что последствия его в конечном счете отразились на всем христианском мире. Причина совершенно иного отношения к новому варианту тезисов - известных как "Девяносто пять тезисов" Лютера - заключалась в том, что в них подвергались резкой критике продажа индульгенций и ее богословские основания. Не вполне

сознавая, что он делает и кого критикует, Лютер выступил против планов обогащения, которые строили могущественные сеньоры и прелаты.

Продажа индульгенций в Германии, вызвавшая протест Лютера, проводилась с разрешения папы Льва X и отвечала интересам могущественной династии Гогенцоллернов, стремившейся к гегемонии в империи. Один из членов этого семейства, Альбрехт Бранденбургский, уже владел двумя епархиями и стремился захватить самое крупное архиепископство Германии - Майнцское. Он начал переговоры со Львом X, одним из самых алчных и праздных пап, глубже других погрязшим в пороке. Они достигли соглашения, по которому за десять тысяч дукатов Альбрехт получал все, что просил. Это была значительная сумма, поэтому папа разрешил Альбрехту провести крупномасштабную продажу индульгенций на его территориях при условии, что половина вырученных доходов отправится в папскую казну. Лев мечтал закончить строительство большой базилики Св. Петра, начатое Юлием II, и нуждался для этого в средствах, которые надеялся получить от продажи индульгенций Альбрехтом. Таким образом, собор, ставший гордостью римского католичества, был одной из косвенных причин протестантской Реформации.

Продажа индульгенций в Германии была поручена доминиканцу Иоганну Тецелю, человеку беспринципному, готовому нарушить любые приличия, лишь бы сбыть свой товар. Так, например, Тецель и его проповедники заявляли, что индульгенции, которые они продают, делают грешника "чище, чем сразу же после крещения", "чище, чем Адам до грехопадения" и что "у креста продавца индульгенций больше силы, чем у креста Христа". Желавшим купить индульгенцию для кого-то из усопших близких обещали, что "как только раздается звон монеты, душа выходит из чистилища"[2].

Такие заявления вызывали негодование у многих образованных людей, знавших, что Тецель и его проповедники искажают учение церкви. Для гуманистов, сожалевших о широком распространении невежества и предрассудков, деятельность Тецеля была очередным свидетельством глубокого разложения церкви. Выразители немецких национальных чувств в кампании Тецеля видели еще один пример того, как папство ради пиров и роскоши вымогает деньги у немецкого народа, играя на его доверчивости. Но поскольку дело ограничивалось глухим недовольством, продажа индульгенций не прекращалась. Именно тогда Лютер прибил к дверям виттенбергской церкви свои знаменитые "Девяносто пять тезисов". Этими тезисами, написанными на латинском языке, он не рассчитывал, как это было в случае с первыми тезисами, произвести в церкви великое потрясение. После первого опыта он, по-видимому, пришел к выводу, что такие вопросы представляют интерес только для богословов и что обсуждение новых тезисов не выйдет за рамки ученых кругов. Но эти девяносто пять тезисов, продиктованные праведным гневом, обладали большей разрушительной силой, чем первые. Чисто богословским вопросам в них уделялось меньше внимания, и они вызвали благожелательный отклик у тех, кого возмущали эксплуатация Германии иностранными державами и политика попустительствовавших этому немцев, подобных Гогенцоллернам. Кроме того, выступив против продажи индульгенций в Германии, Лютер ставил под угрозу доходы и планы папы и династии Гогенцоллернов. Хотя критика его была относительно умеренной, Лютер не ограничился вопросом о действенности индульгенций и указал, что эта система строится на эксплуатации. Лютер заявил, что если папа действительно способен освобождать души из чистилища, он должен пользоваться этой властью не из каких-то практических побуждений (например, ради постройки церкви), а из чувства любви и делать это бесплатно (тезис 82). По сути, как раз папа должен давать деньги беднякам, у которых продавцы индульгенций вымогают последние сбережения, и поступать так он должен даже в том случае, если для этого ему придется продать базилику Св. Петра (тезис 51).

Свои тезисы Лютер обнародовал накануне Дня всех святых, и они оказали такое воздействие, что эта дата, 31 октября 1517 года, считается обычно началом протестантской Реформации. Текст девяноста пяти тезисов печатники вскоре распространили по всей Германии, причем не только в оригинале, на латыни, но и в переводе на немецкий язык. Экземпляр тезисов с исполненным почтения

сопроводительным письмом Лютер отправил Альбрехту Бранденбургскому. Тезисы и письмо Альбрехт переслал в Рим, попросив папу Льва вмешаться. Император Максимилиан пришел в ярость от наглости этого выскочки-монаха и в свою очередь попросил Льва принудить Лютера к молчанию. Тем временем Лютер опубликовал развернутое объяснение своих тезисов, в котором уточнил, что, собственно, он имел в виду в этих очень кратко сформулированных положениях, но при этом подверг систему индульгенций еще более суровой критике и изложил некоторые богословские предпосылки, на которых основывался его протест.

Папа попросил разобраться во всем этом орден августинцев, так как Лютер был его членом. Лютера вызвали на очередное собрание капитула ордена в Гейдельберг. Он прибыл туда, хотя и опасался за свою жизнь, предполагая, что его осудят и сожгут на костре как еретика. Но его приятно удивило, что многие братья-монахи благосклонно относятся к его теориям и что его взгляды находят поддержку среди молодежи. Остальные относились к спору между Лютером и Тецелем как к очередному проявлению соперничества между доминиканцами и августинцами и не хотели ради одной только этой борьбы отрекаться от уже сделанного выбора. В конечном счете Лютер вернулся в Виттенберг, заручившись поддержкой своего ордена и воодушевленный теми, кого он убедил в правоте своих взглядов.

Тогда папа пошел по другому пути. Имперский рейхстаг, то есть собрание знати, должен был состояться в Аугсбурге под председательством императора Максимилиана. Своим легатом на это собрание Лев назначил кардинала Каэтана, человека очень образованного, перед которым ставилась задача убедить немецких властителей в необходимости организовать крестовый поход против турок, угрожавших Западной Европе, и согласиться на взимание налогов для этой цели. Турок боялись до такой степени, что Рим готов был примириться с гуситами в Богемии и даже согласиться с некоторыми их требованиями. Кроме того, Каэтану поручили встретиться с Лютером и принудить его к отречению от своих взглядов. Если же монах стал бы упорствовать, его надлежало силой отправить в Рим.

Земли, где жил Лютер, находились под управлением Фридриха Мудрого, курфюрста Саксонии, который от имени императора Максимилиана выдал Лютеру охранное свидетельство. Лютер, впрочем, не очень доверял слову императора, так как помнил, что при таких же обстоятельствах и невзирая на императорское охранное свидетельство Яна Гуса сожгли на костре в Констанце. Но несмотря на это, он отправился в Аугсбург, будучи убежденным, что он не может умереть, если того не пожелает Бог.

Каэтан не выполнил возложенную на него миссию. Кардинал отказался обсуждать теории Лютера и потребовал, чтобы он просто отрекся от них. В ответ на это монах заявил, что готов отказаться от своих слов, но только если убедится в своей неправоте. Узнав, что Каэтан не желает обсуждать спорные вопросы, так как получил от папы полномочия на его арест, Лютер ночью тайно покинул Аугсбург и вернулся в Виттенберг, где выступил с призывом о созыве вселенского собора.

Все это время Лютер мог рассчитывать на поддержку Фридриха Мудрого, курфюрста Саксонии и, следовательно, правителя Виттенберга. На этом этапе Фридрих считал себя обязанным защищать Лютера не потому, что был убежден в правоте монаха, а потому, что простая справедливость требовала, чтобы его выслушали и чтобы суд над ним был беспристрастным. Превыше всего Фридрих хотел слыть и запомниться мудрым и справедливым правителем. С этой целью он основал Виттенбергский университет, многие преподаватели которого теперь говорили ему, что Лютер прав и что его ни в коем случае нельзя считать еретиком. По крайней мере до официального суда и вынесения приговора Фридрих был готов ограждать Лютера, дабы не совершилось преступление, подобное сожжению на костре Яна Гуса. Занимать такую твердую позицию было нелегко, так как число и влияние тех, кто объявлял Лютера еретиком, постоянно росли.

В это время умер Максимилиан, и императорский престол освободился. Он был выборным, и теперь коллегии выборщиков-курфюрстов предстояло определить преемника умершего императора. Двумя наиболее могущественными кандидатами были король Испании Карлос I и король Франции Франциск I. Но избрания как того, так и другого опасался папа Лев, так как концентрация власти в руках одного человека поставила бы под угрозу проводившуюся им политику. Помимо Испании, быстро богатевшей в результате притока золота из своих колоний, Карлос уже имел обширные наследственные владения в Австрии, Нидерландах и Южной Италии. Если бы он получил императорскую корону, как правителю в Западной Европе ему не было бы равных. Франциск, хотя он и не владел такими большими территориями, как Карлос, тоже представлял для Льва опасность, так как союз французской короны с германской мог снова поставить папство в зависимость от Франции. Поэтому папе надо было найти другого кандидата, достойного поддержки не в силу его могущества как монарха, а за личные достоинства и авторитет. Учитывая такие критерии, идеальным кандидатом, которого папа мог противопоставить Карлосу и Франциску, был Фридрих Мудрый, курфюрст Саксонии, пользовавшийся уважением многих германских князей. Если бы Фридриха избрали императором, сложившийся в результате этого баланс сил повысил бы влияние и независимость папы. Поэтому еще до смерти Максимилиана Лев решил обхаживать Фридриха и выставить его кандидатуру на избрание императором.

Но Фридрих был полон решимости защищать Лютера - по крайней мере, до суда и вынесения справедливого приговора. Поэтому Л ев избрал тактику, предполагавшую отсрочку осуждения Лютера И установление более дружеских отношений как с реформатором, так и с его покровителем. Чтобы добиться желаемого сближения, он назначил послом в Саксонии Карла фон Мильтица, родственника Фридриха. В знак особой милости папы Мильтиц привез Фридриху "Золотую розу"[3]. Какого-либо подарка Лютеру папа не прислал, но дал легату указание занимать в отношении непокорного монаха примиренческую позицию.

Мильтиц встретился с Лютером, который пообещал впредь воздерживаться от полемики, если его оппоненты поступят так же. Это привело к краткому перемирию, нарушенному Иоганном Экком, богословом из Ингольштадтского университета, которого возмущали доводы Лютера. Экк был хитрым противником и выступил не против Лютера лично, так как в таком случае он выглядел бы нарушителем заключенного перемирия, а против другого ученого из Виттенбергского университета - Андреаса Рудольфа фон Боденштайна Карлштадта. Карлштадт принял взгляды Лютера, но он был импульсивным человеком, готовым выражать свои новые верования в самых крайних формулировках. Это само по себе делало его более уязвимым по сравнению с Лютером для обвинений в ереси, так что Экк выбрал удачного противника для диспута. Его намеревались провести в Лейпциге, и поначалу темой полемики должны были стать богословские взгляды Карлштадта, а не тезисы Лютера. Но вопросы, предложенные для обсуждения, явно были связаны с тезисами Лютера, поэтому реформатор заявил, что это просто уловка для нападок на него и что он тоже примет участие в дискуссии.

Диспут проводился с соблюдением всех формальностей и продолжался несколько дней. Когда на нем наконец столкнулись Лютер и Экк, стало ясно, что первый лучше знает Писание, а второй чувствует себя более уверенно, когда речь заходит о каноническом законе и о средневековом богословии. Экк умело направлял дискуссию на рассмотрение выгодных для себя вопросов, и в конце концов Лютер был вынужден заявить, что Констанцский собор необоснованно осудил Гуса и что простой христианин, основывающийся на Писании, обладает большей властью, чем все папы и соборы, не имеющие такого основания. Этого было достаточно. Лютер сам заявил о своем согласии с еретиком, осужденным вселенским собором, и даже посмел объявить решение собора ошибочным. Несмотря на всю силу аргументации Лютера, одержавшего верх над своим противником по многим вопросам, победа в диспуте была присуждена Экку, ибо он выполнил поставленную перед ним задачу: доказать, что Лютер - еретик и последователь Гуса.

Так начался новый этап борьбы Лютера, в ходе которого он вступил в открытое противоборство с папством, - теперь ему грозила более серьезная опасность. Но реформатор и его последователи воспользовались благоприятно сложившимися для них политическими условиями - в Германии и за ее пределами росло число тех, кто видел в Лютере поборника библейской веры. Помимо сторонников его богословских взглядов, Лютера поддерживали многие гуманисты и немецкие националисты. Первые в протесте Лютера находили много общего с предлагавшимися ими реформами. Националисты же видели в нем рупор немецкого народа перед лицом попирающего его интересы Рима.

За несколько недель до лейпцигского диспута императором был избран испанский король Карлос I под именем Карла V. Карл испытывал к Фридриху Мудрому чувство благодарности за поддержку его кандидатуры, но он был человеком строго ортодоксальных взглядов и не мог терпимо относиться к ереси на своих землях, поэтому его избрание сулило Лютеру неприятности. Фридрих же все больше убеждался в правоте реформатора и продолжал поддерживать его. Но у папы теперь не было причин откладывать официальное осуждение, с которым он раньше медлил из политических соображений. В булле "Exsurge Domine" Лев заявил, что на ниву Господню вторгся "дикий кабан из леса", и приказал сжечь все книги Мартина Лютера; он также предложил ему в шестидесятидневный срок подчиниться римской власти, пригрозив в противном случае отлучением и преданием анафеме.

До Лютера булла добиралась долго. На разных германских землях она вызывала разную реакцию. В одних местах папские указания исполнялись, и книги Лютера публично предавали огню. В других же, наоборот, студенты и сторонники Лютера жгли книги его противников. Когда булла дошла наконец до Лютера, он публично сжег ее вместе с книгами, названными им худшими образчиками пропаганды "папистских доктрин". Это знаменовало окончательный разрыв, и пути назад уже не было.

Важное значение имело то, как поведут себя император и другие германские правители, так как без их поддержки Льву вряд ли бы удалось принудить реформатора к молчанию. Мы не будем останавливаться на всех обстоятельствах связанных с этими сложными политические маневрами. Достаточно сказать, что даже такой убежденный католик, как Карл V, изъявлял готовность сделать Лютера орудием своей политики, когда у него возникали опасения, что Лев слишком благожелательно относится к его сопернику, французскому королю Франциску I. Наконец, после многих перипетий было принято решение вызвать Лютера на заседание имперского рейхстага, который должен был собраться в Вормсе в 1521 году.

В Вормсе Лютер предстал перед императором и многими князьями Германской империи. Председательствующий показал ему несколько книг и спросил, действительно ли он является их автором. Просмотрев их, Лютер ответил, что эти и другие подобные книги написал он. Затем его спросили, продолжает ли он придерживаться взглядов, изложенных в этих изданиях, или же он хочет от них отречься. Наступил трудный для Лютера момент. У него не было страха перед императорской властью, но он боялся Бога. Казалось немыслимым выступить против всей церкви и против императора, власть которого установлена Богом. Монах в очередной раз содрогнулся перед величием Бога и попросил день на размышления.

На следующий день зал заседаний рейхстага был переполнен, поскольку все знали, что должен выступить Лютер. Присутствие в Вормсе императора, которого сопровождал отряд испанских солдат, пренебрежительно относившихся к немцам, раздражало не только простых людей, но и многих германских князей. Лютеру еще раз предложили отречься. Зал замер, и в полной тишине монах ответил, что мысли, высказанные в его сочинениях, в целом соответствуют фундаментальному христианскому учению, которого придерживается не только он, но и его оппоненты. Что же касается некоторых других положений, продолжал он, в них речь идет об угнетении и эксплуатации немецкого народа. От них он тоже не может отречься, к тому же рейхстаг был созван не для этого, а отказ от таких взглядов приведет к еще большей несправедливости. В-третьих, в своих работах он критикует ставшие предметом полемики отдельные

взгляды отдельных личностей. Возможно, признал он, в каких-то случаях его высказывания были слишком резкими. Но справедливость их отрицать невозможно, или пусть его убедят в обратном.

Император не хотел вступать в дискуссию с Лютером, поэтому велел очередной раз задать ему вопрос: "Отрекаешься ты или нет?" На него Лютер дал ответ на немецком языке, отбросив латынь, на которой традиционно проводились богословские диспуты: "Совесть моя подчиняется Слову Божьему. Я не могу и не хочу отречься, ибо неправильно и небезопасно идти наперекор своей совести. Да поможет мне Бог. Аминь"[4]. С таким победным заявлением он вышел из зала и вернулся домой.

Сожжением папской буллы Лютер бросил вызов Риму. Теперь же, в Вормсе, он бросил вызов империи. Так что у него были большие основания взывать: "Да поможет мне Бог".

Богословие Лютера

Друзья креста утверждают, что крест хорош, а дела плохи, так как благодаря кресту разрушаются дела и распинается ветхий Адам, сила которого заключена в делах.

МАРТИН ЛЮТЕР

На этом месте нам стоит, прервав ненадолго рассказ о жизни Лютера, остановиться для рассмотрения его богословских взглядов - движущей силы, во многом предопределившей всю его дальнейшую деятельность. К 1521 году, когда он предстал перед Вормсским рейхстагом, Лютер уже выработал основные положения своей богословской концепции. В дальнейшем он главным образом разъяснял и развивал те основополагающие принципы, которые отстаивал в Вормсе. Поэтому именно на этом этапе рассказа уместнее рассмотреть основные положения богословия Лютера. Выше мы уже говорили о его поисках личного спасения и о его учении об оправдании верой. Но все это ни в коем случае нельзя считать полным изложением богословия Лютера.

Слово Божье

Общеизвестно, что Лютер стремился сделать Слово Божье исходной точкой и конечным авторитетом всего своего богословия. В университете он был преподавателем Писания, поэтому Библия имела в его глазах первостепенное значение, и именно в ней он искал ответ на свои мучительные поиски спасения. Но это не означает, что он был библеистом-педантом, ибо в его понимании "Слово Божье" означало нечто большее, чем записанные в Библии слова.

В изначальном смысле Слово Божье есть не что иное, как Сам Бог. Это подтверждают первые стихи Евангелия от Иоанна, где записано, что "в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". В самой Библии заявляется, что, строго говоря, Слово Божье есть не что иное, как Бог-Сын,

второе Лицо Троицы, Слово, ставшее плотью и обитавшее с нами. Поэтому, когда Бог говорит, Он не просто сообщает информацию, но также и прежде всего действует. Именно это имеется в виду в Книге Бытие, где Слово Божье показано как творческая сила: "И сказал Бог: да будет... и стало". Когда Бог говорит, сказанное Им сотворяется. Слово Божье не только говорит, но и производит нечто в нас самих и во всем творении. Творческое и мощное Слово воплотилось в Иисусе, ставшем величайшим Божьим откровением и величайшим Божьим делом. В Иисусе нам раскрылся Сам Бог. В Иисусе же Бог поразил силы зла, державшие нас в подчинении. Божье откровение есть также Божья победа.

При таком библейском понимании Слова Божьего словом Божьим Библию делает не ее непогрешимость и не возможность ее использования в качестве авторитетного источника в богословских и религиозных диспутах. Библия есть Слово Божье, так как через нее к нам приходит Иисус - воплощенное Слово. Любой читатель Библии, по какой-либо причине не находящий в ней Иисуса, не видит и Божьего Слова. Именно поэтому Лютер, хотя он и настаивал на конечном авторитете Писания, отрицательно отзывался о некоторых его частях. Послание Иакова, например, казалось ему "совершенно пустым", так как он видел в нем не Благую Весть, а лишь набор правил поведения. С трудом воспринимал он и Книгу Откровение. Он не призывал исключить такие книги из канона, но открыто признавался, что ему трудно увидеть в них Иисуса Христа и что они не представляют для него особой ценности.

Представление о Слове Божьем как о Самом Иисусе Христе дало Лютеру возможность ответить на одно из главных возражений католиков против его учения о превосходстве авторитета Писания над церковным авторитетом. Они утверждали, что коль скоро именно церковь определила, какие книги следует включить в канон Писания, ее авторитет, несомненно, выше авторитета Писания. Лютер отвечал, что Библия создана не церковью, равно как и церковь создана не Библией, - как Библия, так и церковь появились в результате донесения Благой Вести, послания Иисуса Христа, воплощенного Слова Божьего. Но Писание предлагает более достоверное свидетельство Благой Вести, чем папская одержимая корыстью церковь или даже самое надежное христианское предание, поэтому Библия выше церкви, папы и предания. Это действительно так, хотя нельзя отрицать, что на раннем этапе развития христианства именно церковь распознала Благую Весть в одних книгах, а не в других и тем самым определила содержание Библии.

Познание Бога

Лютер не отрицал постулатов традиционного богословия о том, что Бога в какой-то степени можно познать с помощью рациональных и научных методов исследования. Такие исследования подтверждают факт бытия Бога и позволяют нам проводить различие между добром и злом. Это делали еще языческие философы античности, и даже законы Древнего Рима показывают, что понятия добра и зла в них четко разграничивались. Более того, философы приходили к выводу о существовании Высшего Божества, дающего начало всему.

Но все это не есть подлинное познание Бога. Лютер не раз повторял, что Бога невозможно познать опытным путем, подобно тому как, например, человек лезет по лестнице на крышу, чтобы посмотреть, что там есть. Любые потуги человека подняться на небо и тем самым познать Бога бессмысленны. Такие усилия Лютер называл "богословием славы", которое стремится познать Божество Само по Себе, в Его собственной славе, без учета огромного расстояния между Богом и людьми. По сути, богословие славы ищет Бога в тех вещах, которые люди считают наиболее ценными и достойными прославления, и именно поэтому оно уделяет такое внимание силе Бога, славе Бога и благости Бога. Но это почти то же самое, что создание Бога по нашему образу, и мы обманываем самих себя, полагая, что Божья природа такова, какой мы хотим ее видеть.

Суть вопроса заключается в том, что Бог откровения весьма отличается от Бога богословия славы. Высочайшее самораскрытие Бога произошло на кресте, поэтому вместо богословия славы Лютер предлагал "богословие креста". Это богословие ищет Бога не там и не в том, где нам хотелось бы, а в божественном откровении креста. Здесь Бог предстает в момент слабости, страданий и тяжелых испытаний. Это означает, что Бог действует совершенно иначе, чем мы могли бы предположить. На кресте Бог разрушил наши предвзятые представления о божественной славе. Познав Бога на кресте, мы должны отбросить свои прежние представления о Боге, то есть все, что, как нам кажется, мы знаем, основываясь на разумных предположениях или внутреннем голосе совести. Наше новое знание Бога весьма отличается от постулатов богословия славы.

Закон и Благая Весть

Бог познается в божественном откровении. Но в откровении Бог проявился двояко: как выразитель Закона и Благой Вести. Это не означает просто-напросто, что Закон первичен, а Благая Весть вторична или что Ветхий Завет - это Закон, а Новый Завет - это Благая Весть. Смысл гораздо глубже. Контраст между Законом и Благой Вестью показывает, что Божье откровение - это одновременно слово суда и слово благодати. Они неразрывно связаны, и человек не может слышать о благодати, не слыша в то же время о суде.

Учение об оправдании верой (весть о Божьем прощении) не подразумевает, что Бог безразлично относится к греху или что Бог прощает нас потому, что наши грехи в конечном счете не имеют серьезных последствий. Бог свят, и грех несовместим с Божьей святостью. Когда Бог говорит, нас переполняет сознание резкого контраста между такой святостью и нашими собственными грехами.

Но Бог говорит и о прощении - прощении, до такой степени связанном с Божьей святостью, что порой одно и то же слово относится одновременно к суду и к благодати. Это прощение и есть Благая Весть, которую суровость суда делает еще более радостной и всепобеждающей. Благая Весть не противоречит Закону и не отменяет его. Божье прощение не означает отрицания серьезности греха. Именно серьезность греха делает Евангелие такой удивительной радостной вестью.

Тем не менее, когда мы слышим это слово прощения, у нас меняется отношение к Закону. Груз, который раньше казался невыносимым, становится легким и даже приятным. В комментарии к Евангелию от Иоанна Лютер заявил:

Раньше Закон не доставлял мне никакого удовольствия. Теперь же я вижу, что он хорош и приятен, что он дан мне, чтобы я мог жить, и нахожу в нем удовольствие. Раньше он говорил мне, что я должен делать. Теперь я начинаю приспосабливаться к нему. И за это я поклоняюсь Богу, прославляю Его и служу Ему[5].

Эта постоянная диалектическая связь между Законом и Благой Вестью означает для христианина, что он в одно и то же время греховен и оправдан. Получив оправдание, грешник не прекращает быть таковым. Более того, после оправдания человек начинает сознавать свою глубокую греховность. Оправдание - это не удаление греха, а факт признания нас Богом праведными, хотя мы и остаемся грешниками. Неразрывная связь между Благой Вестью и Законом проявляется и в нашей христианской жизни одновременно как грешников и оправданных верующих.

Церковь и таинства

Вопреки распространенному мнению, Лютер не был ни индивидуалистом, ни рационалистом. В XIX веке, когда казалось, что рационализм и индивидуализм - знамения будущего, некоторые историки изображали Лютера провозвестником этих течений. Распространение таких взглядов часто сопровождалось попытками представить Германию родиной современной цивилизации, рационального мышления и свободы личности. В такой интерпретации Лютер стал национальным героем Германии и основоположником современной эпохи.

Но все это далеко от исторической истины. На самом деле Лютер отнюдь не был рационалистом. В качестве доказательства тому можно вспомнить, что Лютер часто называл разум "грязным" и "распутным". Что касается индивидуализма, то он был больше свойствен итальянским деятелям Возрождения, чем немецкому реформатору, и во всяком случае Лютер придавал слишком большое значение церкви, чтобы его можно было отнести к разряду подлинных индивидуалистов.

Несмотря на протест против общепринятого тогда учения и несмотря на бунт против властей римской церкви, Лютер был убежден в необходимости церкви как важного элемента христианского послания. Его богословие было богословием неличного и прямого общения с Богом, а богословием христианской жизни в сообществе верующих, которое он часто называл "материнской церковью".

Верно, что в силу крещения все христиане - священники, но это не означает, как позднее иногда истолковывали, что для приближения к Богу достаточно собственных усилий. Есть личное общение с Богом, которым христиане могут и должны пользоваться. Но есть также органически единая среда, в которой происходит общение с Богом, и этой средой является церковь. Священство подразумевает в первую очередь исполнение роли священника не для себя самого, а для всего сообщества верующих, равно как и исполнение другими этой роли для нас. Учение о священстве всех верующих не отвергает церковную общину, а, наоборот, подчеркивает, насколько она необходима. Верно, что общение с Богом не контролируется более иерархическим священством. Но нам все равно нужно сообщество верующих, Тело Христово, в котором каждый член исполняет роль священника для остальных и питает их. Без такого подкрепления предоставленный сам себе человек жить не может.

В рамках церковной жизни Слово Божье доходит до нас через таинства. Подлинным таинством может быть только обряд, который установлен Христом и который несет в себе физический символ евангельского обетования. На основании этих критериев Лютер пришел к выводу, что есть только два таинства: крещение и евхаристия. Другие обряды и ритуалы нельзя считать евангельскими таинствами, даже если они приносят определенную пользу.

Крещение в первую очередь символизирует смерть и воскресение верующего с Иисусом Христом. Но это гораздо больше, чем просто символ, ибо благодаря крещению мы становимся членами Тела Христова. Крещение тесно связано с верой, так как без веры обряд не имеет силы. Но это не означает, что человек должен уверовать до принятия крещения или что нельзя крестить младенцев, не способных иметь веру. Такая точка зрения, утверждал Лютер, отражает ложное представление, согласно которому вера есть результат человеческих усилий, то есть того, что мы должны сделать сами, а не дар Божий. Инициатива спасения всегда исходит от Бога, и именно это провозглашает церковь крещением младенцев, не способных понять, что с ними происходит. Более того, крещение не только кладет начало христианской жизни, но также создает основание и определяет условия всей жизни верующего. Крещение действует не только в момент его принятия, но и в течение всей жизни. Именно поэтому, как рассказывают, во времена тяжелых испытаний Лютер обычно восклицал: "Я крещен". Крещение позволяло ему стойко сопротивляться силам зла.

Другое христианское таинство - евхаристия. Лютер отвергал многие общепринятые положения, касающиеся причастия. Он был, в частности, не согласен с совершением индивидуальных служб, с пониманием евхаристии как повторения жертвы на Голгофе, с представлением о "наградах" в евхаристической службе, сучением о пресуществлении и с представлением о "сохранении" святых даров, то есть с утверждением, что тело Христово остается в хлебе после окончания службы. Но несмотря на несогласие с тем, что он считал искажением и неправильным истолкованием евхаристии, он продолжал придавать большое значение самому таинству и присутствию в нем Христа. Настаивая на необходимости проповеди Слова, он в то же время полагал, что зримое присутствие Слова в этом обряде занимает центральное место в христианском богослужении.

Вопрос о том, каким образом Христос присутствует в таинстве причастия, был предметом долгих споров не только с католиками, но и между протестантами. Лютер категорически отвергал учение о пресуществлении, считая, что оно чересчур тесно связано с аристотелевской, то есть с языческой метафизикой. А в том, как использовалось учение о пресуществлении, он усматривал связь с теорией, согласно

которой участие в евхаристической службе представляет собой достойную награды жертву, что противоречило учению об оправдании верой.

С другой стороны, Лютер не пытался представить обряд причастия просто знаком или символом духовной реальности. Слова Иисуса при установлении этого таинства он считал ясным и непреложным доказательством Его физического присутствия в нем: "Сие есть Тело Мое". На этом основании Лютер утверждал, что во время причащения верующие действительно и буквально вкушают тело Христово. Это не подразумевает, как в случае с пресуществлением, что хлеб становится телом, а вино - кровью. Хлеб остается хлебом, а вино остается вином. Но тело и кровь Господа тоже присутствуют в них, и когда верующий ест хлеб и пьет вино, он укрепляется этим телом и этой кровью. Впоследствии интерпретаторы учения Лютера о присутствии Христа в евхаристии начали называть его "консубстанциацией" (восуществлением), но сам Лютер никогда не пользовался такими метафизическими терминами. Он говорил о присутствии тела Христа в хлебе и вине, с ними, вокруг них и за ними.

В этом вопросе с Лютером соглашались не все противники традиционного учения, и вскоре это привело к разногласиям между лидерами Реформации. Карлштадт, как и Лютер преподававший в Виттенбергском университете, утверждал, что присутствие Христа - чисто символическое и что под словами "сие есть Тело Мое" Он имел в виду Себя Самого, а не хлеб. Ульрих Цвингли, речь о котором пойдет в главе 5, придерживался аналогичных взглядов, но подкрепляя их более солидной аргументацией. В конце концов вопрос о присутствии Христа в евхаристии стал одним из основных пунктов разногласий между лютеранами и кальвинистами.

Два царства

Прежде чем закончить краткий обзор богословия Лютера, необходимо сказать несколько слов об отношениях между церковью и государством. По воззрениям Лютера, Бог установил два царства: одно под властью закона и другое под властью Евангелия. Компетенция государства распространяется на сферу закона, и его главная задача - ограничить распространение греха и его последствий. Не будь государства, грех привел бы к хаосу и разрушению. Верующие же принадлежат к другому царству - царству Евангелия. Это означает, что христианам не следует ожидать, что управление государством будет осуществляться по евангельским принципам или что государство будет защищать ортодоксию, преследуя еретиков. Кроме того, у христиан нет оснований требовать, чтобы государством управляли верующие, дабы подчиняться им. Правители как таковые должны следовать закону, а не Евангелию. На царство Евангелия гражданская власть не распространяется. В сфере этого второго царства христиане не являются подданными государства и не обязаны лояльно относиться к нему. Но надо всегда помнить, что верующие одновременно оправданы и греховны, поэтому, будучи грешниками, мы находимся под властью государства.

Иными словами, это означает, что истинную веру следует распространять не с помощью гражданских властей, а только силой Слова. Но в сложных политических условиях следовать этим принципам было трудно. Лютер неоднократно отвергал предложения о помощи со стороны князей, принявших его точку зрения, но они все равно помогали ему. Когда сторонникам идей Реформации угрожали армии католиков, Лютер, сперва колебавшийся относительно того, какую позицию следует занять, затем согласился с лютеранскими князьями, что они должны воевать, так как речь идет о справедливой самозащите.

Лютер не был пацифистом. Находясь под властью закона, государство может браться за оружие, когда того требуют обстоятельства и справедливость. Когда христианский мир подвергся угрозе со стороны турок, Лютер посоветовал своим последователям взяться за оружие. А придя к убеждению, что крестьянские восстания и анабаптизм представляют серьезную опасность, он заявил, что гражданские власти обязаны подавить их. У него были серьезные сомнения относительно традиционного понимания

отношений между церковью и государством. Но его собственное учение о двух царствах, на основании которого он намеревался действовать на политической арене, было трудно применять в конкретных обстоятельствах.

Десятилетие неопределенности

Отныне Лютера следует рассматривать как убежденного еретика. С пятнадцатого числа апреля в его распоряжении двадцать один день. После этого времени никто не должен давать ему приюта. Осуждению подлежат и его последователи, а его книги будут вычеркнуты из человеческой памяти.

ВОРМССКИЙ ЭДИКТ

Ссылка, неуверенность и бунт

Сожжением папской буллы Лютер бросил вызов власти папы. В Вормсе отказом от отречения он бросил вызов власти императора. Последний не мог допустить, чтобы мятежный монах ставил под сомнение его власть, и был готов применить к нему самые решительные меры, невзирая на охранное свидетельство, которого добился для него Фридрих Мудрый. Н о против таких мер выступили некоторые влиятельные члены рейхстага, и Карлу пришлось начать с ними переговоры. Когда рейхстаг в конечном счете согласился с пожеланиями императора и принял приведенный выше эдикт, Лютера уже нигде не могли найти.

Фридрих Мудрый, зная, что император потребует от рейхстага осудить Лютера, позаботился о его безопасности. Вооруженный отряд с ведома курфюрста похитил реформатора и доставил его в Вартбургский замок. В соответствии со своими же указаниями сам Фридрих не знал, где прячется Лютер. Многие считали его мертвым, и ходили слухи, что его убили по приказу папы или императора.

Скрываясь в Вартбурге, Лютер отрастил бороду, написал ближайшим друзьям, чтобы они не беспокоились о нем, и занялся литературным творчеством. Самым значительным его трудом в этот период стал перевод Библии на немецкий язык. Перевод Нового Завета, начатый в Вартбурге, был закончен два года спустя, а перевод Ветхого Завета занял десять лет. Но эта работа стоила затраченного времени, так как Библия Лютера не только придала импульс самому реформаторскому движению, но и способствовала развитию немецкого языка и немецкого самосознания.

Пока Лютер был в ссылке, его сторонники в Виттенберге продолжали дело Реформации. Наиболее значительными фигурами среди них были Карлштадт, о котором мы уже упоминали в связи с его участием в лейпцигском диспуте, и Филипп Меланхтон. Последний был молодым преподавателем греческого языка, по своему характеру резко отличавшимся от Лютера, но твердо уверенным в правоте своего старшего соратника. До этого времени реформаторские взгляды Лютера не слишком сказывались на религиозной жизни Виттенберга. Лютер до такой степени боялся Бога и необдуманных нововведений, что воздерживался от конкретных действий в соответствии со своим учением. Между тем за время его отсутствия многое стремительно менялось. Монахи и монахини уходили из монастырей, женились и выходили замуж. Богослужение упрощалось, и немецкий язык заменял латинский. Службы за мертвых отменялись, как и дни поста и воздержания. Меланхтон начал совершать обряд причащения "под обоими видами", то есть давать прихожанам не только хлеб, но и чашу.

Сначала Лютер поддерживал эти изменения. Но вскоре он засомневался в обоснованности тех крайностей, которые наблюдались в Виттенберге. Когда Карлштадт и его последователи начали срывать иконы святых в церквах, Лютер призвал их к терпимости. Затем в Виттенберг из соседнего Цвиккау пришли три мирянина, заявившие о себе как о пророках. Они утверждали, что к ним напрямую обратился Бог и что теперь они не нуждаются в Писании. Меланхтон не нашелся, что ответить на

такие утверждения, и попросил совета у Лютера. Тот решил, что на карту поставлено само Евангелие и что он должен вернуться в Виттенберг. Но прежде он известил о своем намерении Фридриха Мудрого, дав ясно понять, что возвращается в Виттенберг, уповая на защиту не Фридриха, а Бога.

Когда речь шла о повиновении Богу, Лютер обычно не принимал в расчет политические обстоятельства, но они, как правило, благоприятствовали ему - Фридрих сумел спрятать его в Вартбурге, а затем ему удалось вернуться в Виттенберг, где его не арестовали и не казнили. Карл был полон решимости искоренить лютеранскую "ересь". Но ему угрожали более могущественные противники, и он не мог позволить себе роскошь оттолкнуть от себя германских подданных, которые поддерживали Лютера. Наиболее серьезным и неизменным соперником Карла был король Франции Франциск I, в предшествующие годы - самый влиятельный монарх Европы, не желавший мириться с возраставшим могуществом Карлоса I Испанского, ставшего также Карлом V, императором Священной Римской империи и обладателем обширных земель, по сути дела окружавших Францию. Незадолго до Вормсского рейхстага противники столкнулись в Наварре. (Как мы увидим ниже, в ходе именно этой кампании получил ранение Игнатий Лойола ставший впоследствии одним из лидеров католической контрреформации.) С 1521 года, когда собрался рейхстаг, по 1525 год Карл неоднократно воевал с Франциском. Наконец в битве при Павии король Франции был захвачен в плен императорскими войсками, и конфликт между двумя самыми могущественными монархами Западной Европы как будто бы был погашен.

За несколько месяцев до созыва Вормсского рейхстага умер Лев X, и Карл употребил все свое влияние, чтобы папой был избран его наставник Адриан из Утрехта. Новый папа, ставший последним неитальянским папой вплоть до XX века, принял имя Адриана VI и был готов к проведению реформ в церковной жизни, но не допускал никакого отхода от традиционной ортодоксальности. Он установил в Риме аскетический образ жизни и приступил к реализации программы реформ, которые, как он надеялся, дадут ответ на критику церкви и успокоят поднятую Лютером бурю. Но Адриан умер через полтора года после избрания, и от его программы отказались. Климент VII, ставший его преемником, вернулся к методам Льва, так как его гораздо больше интересовало искусство и итальянская политика, чем церковные вопросы. Вскоре между ним и императором возникли серьезные трения, и это помешало католической партии предпринять скоординированные действия против немецких реформаторов.

Карл V подписал мирный договор с захваченным в плен Франциском и вернул ему свободу и престол. Но условия договора были для Франциска очень тяжелыми, и, вернувшись во Францию, он заручился поддержкой Климента в своем противоборстве с Карлом. Последний хотел уничтожить лютеранство и избавиться от турецкой угрозы на восточных границах империи. Учитывая общую направленность этих двух целей, он рассчитывал на поддержку Франции и папства. Но в тот момент, когда он готовился к кампании, Франциск и Климент объявили ему войну.

В 1527 году императорские войска, состоявшие в основном из испанцев и немцев, вторглись в Италию и пошли на Рим. Защищать город было невозможно, и папа бежал в замок Сан-Анжело, оставив город на разграбление захватчикам. Многие из них были лютеранами, поэтому разграбление Рима приобрело религиозную окраску: Бог наконец наказывает антихриста. Положение папы было отчаянным, но в 1528 году ему на помощь пришла французская армия, пользовавшаяся денежными субсидиями Англии. Императорские войска были вынуждены отступить и понесли бы серьезные потери, если бы разразившаяся эпидемия не остановила преследовавших их французов. В 1529 году Карл согласился подписать мирный договор сначала с папой, а затем с Франциском.

Когда Карл в очередной раз готовился применить суровые меры против еретиков в Германии, к Вене, столице австрийских территорий Карла, подошли турецкие войска во главе с султаном Сулейманом. Падение Вены открыло бы всю Германию для турецкого нашествия, поэтому император и его подданные забыли на время о своих религиозных

разногласиях и объединились для отпора туркам. Защитники Вены оказали решительное сопротивление, и город выстоял до прибытия немецких армий, вынудивших Сулеймана отступить.

Затем, после продолжительного отсутствия, Карл вернулся в Германию с твердым намерением искоренить лютеранскую ересь. Но в предшествующие годы произошло несколько важных событий. С 1522 по 1523 год продолжалось восстание рыцарей во главе с Францем фон Зиккингеном. С некоторого времени положение рыцарского сословия ухудшалось, и среди безземельных и бедных рыцарей резко усилились националистические чувства. Многие в своих бедствиях винили Рим, а в Лютере видели защитника немецкого народа. Некоторые, например Ульрих фон Гуттен, были убеждены в правильности религиозного учения Лютера, но считали его слишком робким. Когда они наконец подняли восстание, многие заявили, что выступают в защиту Реформации, хотя Лютер никоим образом не побуждал их к этому. Восставшие осадили Трир, но потерпели сокрушительное поражение от немецких князей, воспользовавшихся предоставившейся возможностью, чтобы лишить мелкопоместное дворянство тех немногих земель, которые у него еще оставались. Зиккинген погиб в бою, а фон Гуттен бежал в Швейцарию, где вскоре умер. Все это Лютер него ближайшие соратники рассматривали как величайшую трагедию, в очередной раз показавшую необходимость подчиняться установленной власти.

В 1524 году разразилось крестьянское восстание. С каждым десятилетием положение немецкого крестьянства становилось все более тяжелым, поэтому восстания поднимались и раньше - в 1476, 1491, 1498, 1503 и 1514 годах. Но ни одно из них не было таким широкомасштабным и разрушительным, как крестьянская война 1524 и 1525 годов. Одним из факторов, сделавших это восстание особенно ожесточенным, стала его религиозная окраска, так как в глазах многих крестьян реформаторские идеи подкрепляли их экономические требования. Сам Лютер отказывался распространять свое учение на политическую сферу для оправдания революции, но не все были с ним в этом вопросе согласны. В первую очередь это относилось к уроженцу Цвиккау Томасу Мюнцеру, ранние воззрения которого перекликались со взглядами "пророков" из этого городка, вызывавшими такое волнение в Виттенберге. Мюнцер утверждал, что значение имеет не записанное слово Библии, а откровение Духа в настоящий момент. Спиритуалистское учение Мюнцера несло в себе политическую подоплеку, так как, по его мнению, рожденные свыше Духом должны объединиться в теократическое братство для приближения Божьего Царства. Опасаясь последствий распространения этого учения, Лютер вынудил Мюнцера покинуть Саксонию. Но страстный проповедник вернулся и присоединился к восставшим крестьянам.

Но даже если не принимать в расчет участия Мюнцера, нельзя отрицать, что восставшие вдохновлялись также и религиозными мотивами. В составленных ими "Двенадцати статьях" крестьяне выдвинули как экономические, так и политические требования. В своих претензиях они руководствовались авторитетом Писания и заявляли, что если какое-то их требование окажется не соответствующим Писанию, оно будет снято. Таким образом, тогда как сам Лютер не видел связи между своим учением и восстанием, крестьяне эту связь почувствовали.

Как бы там ни было, Лютер оказался в затруднительном положении, так как не знал, какую позицию ему следует занять. Возможно, колебания Лютера были связаны с его теорией о двух царствах. Прочитав впервые "Двенадцать статей", он обратился к князьям с заявлением о справедливости требований крестьян, подвергающихся жестокому угнетению. Но когда восстание началось и крестьяне взялись за оружие, Лютер пытался убедить их использовать более мирные средства и в конечном счете призвал князей подавить движение. Позднее, когда восстание было потоплено в крови, он попросил князей проявить милосердие. Но его слова проигнорировали, и, по имеющимся сведениям, было убито свыше 100 тысяч крестьян.

Эти события имели для Реформации чрезвычайно серьезные последствия. Ответственность за восстание католические князья возлагали на лютеран, и с этого

времени даже самые умеренные среди них начали искоренять ересь на своих территориях. Значительное число крестьян, убежденных, что Лютер предал их, либо вернулись к старой вере, либо стали анабаптистами. В то время как Германия переживала период смут и беспорядков, перед умеренными католиками в Европе встал вопрос о выборе между Лютером и его противниками. Эразм Роттердамский, самый известный из гуманистов, на первых этапах лютеранского движения относился к нему благосклонно, хотя посеянная им вражда была ему не по душе. Он очень не любил разногласия и расколы, поэтому предпочитал не вмешиваться в полемику. Но он был слишком известен, чтобы позволить себе такую роскошь, и в конце концов ему пришлось сделать выбор. Он часто критиковал невежество и коррупцию духовенства, но никогда не призывал к коренному пересмотру богословия, поэтому, встав перед необходимостью высказать свое мнение, он был вынужден принять сторону противников Лютера.

Вместе с тем Эразм избрал свое собственное поле битвы. Он не стал критиковать Лютера по таким вопросам, как оправдание верой, евхаристическая служба, жертва или авторитет папы, а поднял вопрос о свободной воле. Учение о предопределении Лютер провозгласил, во-первых, потому, что оно логически вытекало из положения об оправдании верой как дара Божьего, и, во-вторых, потому, что оно в значительной мере подкреплялось авторитетами Павла и Августина. Именно по этому пункту Эразм и подверг его критике, опубликовав трактат на тему о свободной воле.

В своем ответе Лютер поблагодарил Эразма за проявленную мудрость и сосредоточение на коренной проблеме, а не на второстепенных вопросах типа продажи индульгенций, мощей святых и тому подобного. Но вслед за этим он с характерной для него страстностью начал отстаивать свою собственную правоту. По его мнению, Эразм в своем представлении о свободной воле языческих философов и современных ему моралистов не учитывает огромной силы греха. Сами мы не способны избавиться от него. Получить оправдание и освободиться от силы зла мы можем только благодаря божественному вмешательству. Поэтому когда речь заходит о служении Богу, наша хваленая свободная воля сама по себе сделать ничего не может. Оправдание мы получаем только по Божьей инициативе, только благодаря божественному предопределению.

Полемика между Лютером и Эразмом побудила большинство гуманистов отойти от Лютера. Немногие, например Филипп Меланхтон, продолжали оказывать ему твердую поддержку, не порывая сердечных отношений с Эразмом и его друзьями. Но они отнюдь не составляли большинства, так что полемика о предопределении и свободной воле положила конец надеждам на тесное сотрудничество между сторонниками Лютера и гуманистами.

Рейхстаги империи

В ходе всех этих событий и в отсутствие императора надо было как-то управлять империей. Учитывая, что Карл V покинул страну почти сразу после Вормсского рейхстага и что направленный против Лютера эдикт был принят под давлением императора, никто и не думал исполнять его. Следующий имперский рейхстаг, собравшийся в Нюрнберге в 1523 году, провозгласил политику терпимости в отношении лютеранства, несмотря на протесты папских и императорских легатов.

В 1526 году, когда Карл был занят войной с Франциском 1 и папой Климентом VII, Шпейерский рейхстаг официально отменил Вормсский эдикт и предоставил каждому из многочисленных германских государств свободу в выборе вероисповедания. Австрия и многие южные германские земли избрали католичество, а в других частях империи начали внедрять принципы начатой Лютером Реформации. Таким образом, Германия представляла собой некую религиозную мозаику.

В 1529 году второй Шпейерский рейхстаг избрал иной курс. В это время снова возникла угроза вмешательства императора, и князья, занимавшие ранее вполне умеренную позицию, перешли в ряды убежденных католиков. В результате решение Вормсского рейхстага было восстановлено. Это побудило князей, поддерживавших Лютера, выступить с официальным протестом, после чего их стали называть "протестантами".

В 1530 году Карл V наконец вернулся в Германию для участия в Аугсбургском рейхстаге. В Вормсе император отказался выслушать аргументацию Лютера. Теперь же, учитывая поворот событий, он потребовал систематизированного изложения спорных вопросов. Этот документ, главным составителем которого был Филипп Меланхтон, получил название "Аугсбургского исповедания". Изначально он был написан от имени протестантов Саксонии, но затем свою подпись под ним поставили также другие князья и видные деятели, и он стал инструментом, с помощью которого большинство протестантов выступили перед императором единым фронтом (было еще два заявления меньшинства, выражавшего несогласие с некоторыми пунктами документа Меланхтона). Когда протестанты, подписавшие Аугсбургское исповедание, отказались отречься от своей веры, император пришел в ярость и приказал отречься до апреля следующего года, пригрозив в противном случае серьезными для них последствиями.

Под угрозу было поставлено само существование протестантизма. Если бы император объединил свои испанские и немецкие силы, он бы легко сокрушил любого протестантского князя, отказывавшегося от отречения. Протестантские князья решили, что их единственная надежда заключается в создании общего фронта. После долгих колебаний Лютер согласился с законностью вооруженных действий против императора в целях самозащиты. Протестантские земли объединились в Шмалькальденскую лигу, чтобы помешать проведению в жизнь императорского эдикта, если Карл захочет навязать его силой оружия.

Обе стороны готовились к долгой и жестокой войне, но международная обстановка в очередной раз вынудила Карла отсрочить решительные действия. Французский король Франциск строил планы новой войны, а турки намеревались взять реванш за неудачу у стен Вены. Для отпора этим могущественным врагам Карл нуждался в единой Германии. При таких обстоятельствах надо было вести переговоры, а не воевать, и в конце концов протестанты и католики заключили Нюрнбергский мир, подписанный в 1532 году. По его условиям, протестанты могли исповедовать свою веру, но им не разрешалось распространять ее на других территориях. Действие Аугсбургского императорского эдикта приостанавливалось, а протестанты предложили помощь в войне против турок. Они также обещали не выходить за рамки того, о чем было заявлено в Аугсбургском исповедании. Политическая обстановка в очередной раз благоприятствовала протестантизму, и он продолжал распространяться на новых землях, несмотря на Нюрнбергское соглашение.

Ульрих Цвингли и швейцарская Реформация

Если внутренний человек находит радость в Божьем законе, поскольку он сотворен по Божьему образу для общения с Ним, из этого следует, что не может быть никакого закона или слова, доставляющего внутреннему человеку большую радость, чем Слово Божье.

УЛЬРИХ ЦВИНГЛИ

Гуманизм и национализм, ставшие сопутствующими факторами реформации Лютера помимо его воли, сознательно учитывались Цвингли при проведении реформации в Швейцарии.

Жизненный путь Цвингли

Ульрих Цвингли родился в небольшом швейцарском городке в январе 1484 года, то есть менее чем через два месяца после Лютера. Получив начальное образование у своего дяди, он продолжил учебу в Базеле и Берне, где были сильны гуманистические тенденции. Затем он поступил в Венский университет, по окончании которого вернулся в Базель. В 1506 году он получил степень магистра искусств и стал священником в Гларусе. Там он продолжил гуманитарное образование и в совершенстве овладел греческим языком. Сочетание в священнике богословских и гуманистических знаний было крайне необычным явлением, ибо, как показывают документы того времени, большинство приходских священников в Швейцарии были невежественными людьми, некоторые из них не удосуживались даже полностью прочитать Новый Завет.

В 1512 и в 1515 годах Цвингли участвовал в итальянских кампаниях в составе наемников от своего округа. Первый поход оказался удачным, и молодой священник увидел, как его прихожане грабят захваченные территории. Исход второго похода был прямо противоположным, и теперь он получил возможность испытать судьбу побежденных. Это убедило его в том, что одним из главных зол в Швейцарии было наемничество, разрушавшее нравственные устои общества. После десяти лет, проведенных в Гларусе, его назначили священником в аббатство, куда приходило много паломников. Там он вскоре привлек к себе внимание заявлениями, что такие дела, как паломничество, не ведут к спасению и что в Новом Завете нет ничего, что подтверждало бы правильность таких действий.

К 1518 году, когда он стал священником в Цюрихе, Цвингли пришел примерно к тем же выводам, что и Лютер. Н о к этим выводам он пришел не в результате мучительных поисков, как это было в случае с немецким реформатором, а после того, как изучил Писание по методике гуманистов, решительно выступил против суеверий, выдававшихся за христианские обряды, долго размышлял над эксплуатацией народа некоторыми иерархами церкви и практикой наемничества.

Благодаря своим проповедям, благочестивым делам и знаниям Цвингли вскоре завоевал уважение прихожан в Цюрихе. Когда там появился продавец индульгенций, Цвингли убедил власти изгнать его из города, прежде чем он успеет предложить свой товар. Затем французский король Франциск 1, воевавший с Карлом V, потребовал от Швейцарской конфедерации наемников, и ему их предоставили все кантоны, за исключением Цюриха. Папа, который был союзником Франциска, настаивал на том, что Цюрих в силу своих обязательств перед папством должен послать наемников Франциску. Этот эпизод привлек внимание Цвингли к злоупотреблению папой своей властью, и его критика суеверий и несправедливости еще отчетливее обрела антипапскую направленность.

Именно в это время Лютер вызвал брожение в Германии, выступив, наперекор императорской воле, на Вормсском рейхстаге. Противники Цвингли принялись распространять слухи, что он придерживается взглядов немецкого еретика. Позднее Цвингли скажет, что, еще ничего не зная об учении Лютера, он пришел к тем же самым выводам через изучение Библии. Таким образом, реформаторская деятельность Цвингли была не прямым результатом начатой Лютером реформации, а параллельным движением, вскоре установившим связь со своими единомышленниками в Германии. Как бы там ни было, в 1522 году, через год после Вормсского рейхстага, Цвингли был готов приступить к осуществлению великой задачи реформирования, и городской совет Цюриха поддерживал его в этом начинании.

Разрыв с Римом

Цюрих находился под церковной юрисдикцией епископа Констанцского, выказывавшего признаки озабоченности по поводу того, что происходило в Цюрихе. Когда Цвингли выступил против предписаний поста и воздержания, а некоторые его прихожане во время Великого поста собрались вместе и ели сосиски, викарный епископ Констанца выдвинул против проповедника обвинения перед городским советом. Но

Цвингли, опираясь на Писание, отстоял свои взгляды, и ему разрешили продолжать проповеди. Вскоре после этого он расширил границы своей критики традиционного христианства, заявив, что в Библии ничего не сказано о безбрачии духовенства и что те, кто его требуют, сами не выполняют своих же предписаний. Папа Адриан VI, создававший необходимость реформы церкви, но не желавший заходить так далеко, как предлагали Лютер и Цвингли, сделал ему заманчивые предложения. Но Цвингли отказался, ссылаясь на то, что в своем требовании реформ он основывается на Библии. Это побудило городской совет устроить диспут между Цвингли и представителем епископа.

В назначенное время собралось несколько сотен зрителей. Цвингли изложил ряд тезисов и обосновал их с помощью Писания. Представитель епископа отказался отвечать ему, заявив, что скоро соберется вселенский собор, на котором будут решены все спорные вопросы. Его все же попросили попытаться доказать неправоту Цвингли, но он опять отказался. Тогда совет принял решение, что коль скоро никто не сумел опровергнуть учения Цвингли, он может продолжать свои проповеди. Это решение знаменовало окончательный разрыв Цюриха с констанцским епископством и тем самым - с Римом.

С этого момента реформы в Цюрихе при поддержке городского совета пошли стремительными темпами. Свою основную цель Цвингли видел в восстановлении библейской веры и библейских обычаев. Но конкретное содержание его программы было не таким, как у Лютера, - немец готов был сохранить все традиционные предписания, не противоречащие Библии, а швейцарец отвергал все, что не находит ясного подтверждения в Писании. На этом основании он, например, отменил использование органов в церкви, поскольку такой инструмент - как и скрипка, на которой он сам очень хорошо играл, - не упоминается в Библии. Под руководством Цвингли в Цюрихе происходили быстрые изменения. Причащение для мирян совершалось под обоими видами - с хлебом и чашей. Многие священники, монахи и монахини вступали в брак. Всеобщее образование без классовых различий стало нормой. Многие брали на себя задачу распространения идей Цвингли в других швейцарских кантонах.

Швейцарская конфедерация не была централизованным государственным образованием. Она представляла собой сложную мозаику мелких самостоятельных государств с собственными законами и правительствами, сообща решавших лишь некоторые общие задачи, в частности обеспечение независимости от Священной Римской империи. В этой разнородной мозаике одни кантоны стали протестантскими, а другие продолжали подчиняться Риму и его иерархии. Религиозные разногласия вкупе с другими источниками трений сделали гражданскую войну почти неизбежной.

Католические кантоны предприняли шаги для заключения союза с Карлом V, и Цвингли порекомендовал протестантским кантонам взять на себя инициативу и начать военные действия, пока не стало слишком поздно. Но власти протестантских земель не захотели первыми браться за оружие. Когда Цюрих наконец решил, что пришло время начать войну, другие протестантские кантоны с этим не согласились. Вопреки советам Цвингли, против католических кантонов, которые швейцарские протестанты обвиняли в предательстве за союз с Карлом V, представителем ненавистной династии Габсбургов, были приняты лишь меры экономического характера.

В октябре 1531 года пять католических кантонов неожиданно напали на Цюрих. У защитников не было достаточно времени для подготовки к сражению, так как они не знали, что находятся в состоянии войны, пока не увидели вражеские знамена. Цвингли выступил с передовым отрядом в надежде продержаться, достаточно долго, чтобы дать время для организации защиты города. В битве при Каппеле католические кантоны разгромили цюрихское войско, а сам Цвингли погиб.

Через месяц с небольшим был подписан Каппельский мир. Протестанты согласились покрыть расходы, связанные с войной, получив взамен заверение, что каждый кантон

будет свободен в выборе вероисповедания. В результате в одних швейцарских кантонах прочно укрепился протестантизм, а другие остались католическими. Миграция населения из одного кантона в другой в поисках возможности исповедовать свою веру вскоре привела к тому, что одни кантоны стали чисто протестантскими, а другие - чисто католическими.

Богословие Цвингли

В богословии Цвингли много общего с богословием Лютера, поэтому здесь мы остановимся главным образом на различиях между этими двумя реформаторами. Различия эти обусловливаются в первую очередь путями, которыми они шли. Путь Лютера - мучительный поиск души, нашедшей в конце концов утешение в библейском послании об оправдании верой. Цвингли же был гуманистом, изучавшим Писание как источник христианской веры, и именно гуманизм побуждал его вернуться к истокам. Это в свою очередь означает, что для Цвингли в сравнении с Лютером характерно более высокое представление о силе разума.

Различия между богословскими воззрениями этих людей хорошо видны на примере того, как каждый из них понимал учение о предопределении. Они были едины во мнении, что это учение основывается на Библии и что его надо провозглашать как основание учения об оправдании только благодатью. Но для Лютера учение о предопределении было выражением и конечным результатом его собственного опыта осознания себя беспомощным перед лицом греха, и именно поэтому он заявлял, что спасение - дело не его рук, а Бога. Цвингли же рассматривал предопределение как логическое следствие самой природы Бога. По мнению швейцарского реформатора, основной аргумент в пользу теории предопределения заключается в том, что Бог, будучи всевластным и всеведущим, знает обо всем наперед и определяет развитие событий. Лютер не прибегал к такой аргументации, он довольствовался заявлениями о необходимости предопределения в связи с неспособностью человека самому сделать что-нибудь для своего спасения. Он, по-видимому, не соглашался с аргументацией Цвингли, построенной на разумных основаниях, а не на библейском откровении и не на собственном переживании Благой Вести.

В своих представлениях об изначальном христианстве Цвингли следовал определенной традиции, влияние которой не вполне им осознавалось: благодаря работам Юстина, Оригена, Августина, Дионисия Ареопагита и других авторов в течение многих лет широкое распространение получало неоплатонистское истолкование христианства. Это направление отличалось, в частности, тенденцией принижать значение материи и противопоставлять ее духовной реальности. Это, наряду с прочим, было причиной того, что Цвингли склонялся к простым формам богослужения, в ходе которых чувства верующего не отвлекаются на материальное. Лютер, со своей стороны, считал материальную сферу не препятствием для духовной жизни, а ее помощником.

Последствия этих расхождений во взглядах со всей очевидностью проявлялись в понимании реформаторами таинств, в первую очередь - евхаристии. Лютер полагал, что когда совершаются внешние человеческие действия, происходят и внутренние божественные действия. Цвингли же не признавал за таинствами такой силы, ибо это означало бы ограничение свободы Духа. По его мнению, материальные хлеб и вино и связанные с ними физические действия могут быть лишь символами духовной реальности.

Для обоих реформаторов взгляды, которые они отстаивали по вопросу о таинствах, имели важное значение, так как они составляли неотъемлемую часть их богословия в целом. Поэтому, когда политические обстоятельства побудили ландграфа Филиппа Гессенского организовать встречу немецких и швейцарских реформаторов для выработки общей позиции, вопрос о присутствии Христа в евхаристии оказался непреодолимым препятствием. Это произошло в 1529 году, когда по приглашению Филиппа в Вартбурге собрались все видные деятели Реформации: Лютер и Меланхтон

из Виттенберга, Буцер из Страсбурга, Эколампадий из Базеля и Цвингли из Цюриха. По всем вопросам, за исключением смысла и действенности причащения, между ними было достигнуто согласие. Быть может, они бы пришли к единому мнению и по этому пункту, если бы Меланхтон не напомнил Лютеру, что компромисс с Цвингли в данном вопросе оттолкнет немецких католиков, которых Лютер и его соратники еще надеялись привлечь на свою сторону. Некоторое время спустя, когда разрыв с католиками стал необратимым, сам Меланхтон достиг согласия с швейцарскими и страсбургскими реформаторами.

Как бы там ни было, приписываемые Лютеру на Марбургской встрече слова: "Мы разные по духу" - заключают в себе совершенно справедливую оценку ситуации. Разногласия по вопросу о евхаристии вовсе не были каким-то второстепенным пунктом их богословских воззрений и проистекали из расхождений во взглядах, касающихся связи между материей и духом и, следовательно, природы Божьего откровения.

Анабаптистское движение

Сейчас все надеются получить спасение поверхностной верой, без плодов веры, без крещения испытаниями и страданиями, без любви или надежды и без истинно христианской жизни.

КОНРАД ГРЕБЕЛЬ

И Лютер, и Цвингли пришли к убеждению, что за прошедшие столетия христианство перестало быть таким, каким оно было в новозаветный период. Лютер стремился очистить его от всего, что противоречит Писанию. Цвингли шел еще дальше и утверждал, что вера и практические дела должны основываться только на том, что находит ясные библейские подтверждения. Но вскоре появились люди, заявлявшие, что Цвингли не развил свои идеи до логического конца.

Первые анабаптисты

По мнению этих критиков, Цвингли и Лютер забыли, что в Новом Завете церковь четко противопоставляется окружающему ее обществу. Следствием этого стали гонения, так как римское общество не могло терпимо относиться к раннему христианству. Поэтому компромисс между церковью и государством, достигнутый в результате обращения Константина, сам по себе был предательством раннего христианства. Истинное повиновение Писанию требует, чтобы начатая Лютером реформация пошла гораздо дальше рамок, установленных этим реформатором. Церковь не надо путать с обществом в целом. Коренное различие заключается в том, что членом общества человек становится просто-напросто в силу факта своего рождения в нем, не требующего принятия решения с его стороны, тогда как членом церкви он может стать, только самолично приняв данное решение. Исходя из этого, крещение младенцев недопустимо, так как оно подразумевает, что человек становится христианином просто потому, что он родился в обществе, считающемся христианским. Это делает необязательным принятие личного решения, в котором и заключается сама суть христианской веры.

Большинство этих радикальных реформаторов утверждали также, что пацифизм - неотъемлемая часть христианства. Нагорную проповедь следует понимать буквально, и те, кто считает невозможным следование ей, демонстрируют недостаток веры. Христианам нельзя браться за оружие для самообороны или для защиты своей страны, даже если им угрожают турки. Как и следовало ожидать, такие воззрения не получили одобрения ни в Германии, для которой турки представляли постоянную угрозу, ни в Цюрихе и других протестантских швейцарских кантонах, опасавшихся, что протестантизм может быть в любой момент подавлен силой оружия католических армий.

Такие идеи распространялись в самых разных и как будто бы даже не связанных между собой частях Европы, в том числе - и в некоторых католических странах. Но общественное внимание они впервые привлекли к себе в Цюрихе. В этом городе была группа верующих, побуждавшая Цвингли быть более решительным в деле реформ. Эти люди, называвшие себя "братьями", настаивали на необходимости создать сообщество истинных верующих, противостоящее тем, кто называет себя христианами просто потому, что родились в христианской стране и в младенчестве получили крещение.

Когда наконец стало ясно, что Цвингли не хочет идти по этому пути, "братья" решили, что настало время самим создать такое сообщество. Бывший священник Георг Блаурок попросил другого брата, Конрада Гребеля, крестить его. 21 января 1525 года в фонтане на площади в Цюрихе Гребель крестил Блаурока, который затем совершил тот же обряд с другими. Крестили они не погружением, так как считали своей основной целью продемонстрировать не способ совершения обряда, а необходимость веры для принятия крещения. Впоследствии, когда они начали больше думать о соблюдении требований Нового Завета, крещение совершалось погружением.

Противники назвали их "анабаптистами", то есть "перекрещенцами". Это название не совсем точно отражает суть вопроса, так как "перекрещенцы" заявляли не о том, что человек должен креститься заново, а о том, что крещение младенцев не имеет силы и что первое реальное крещение происходит тогда, когда человек публично заявляет о своей вере. Тем не менее они получили название анабаптистов, утерявшее сейчас первоначальный уничижительный смысл.

Анабаптистское движение столкнулось с сопротивлением со стороны как католиков, так и протестантов. Теоретически противники анабаптистов руководствовались богословскими соображениями, но фактически их преследовали потому, что считали их взгляды разрушительными для христианства и подрывающими его основы. Лютер и Цвингли, придерживавшиеся по другим вопросам достаточно радикальных взглядов, тем не менее считали, что церковь и государство должны жить в мире и согласии, поддерживать друг друга и воздерживаться от такого истолкования Писания, которое могло бы поставить под угрозу существующий общественный порядок. Анабаптисты же, хотя они к этому и не стремились, тем не менее угрожали этому порядку. Их пацифизм был неприемлем для тех, кому было поручено поддерживать общественный и политический порядок, особенно если принять во внимание характерную для XVI века социальную неустойчивость.

Кроме того, противопоставление церкви гражданскому обществу подразумевало, что властные полномочия государства не должны распространяться на церковь. Хотя Лютер изначально не ставил такой цели, лютеранство пользовалось поддержкой принявших его князей, которые обладали большой властью как в гражданских, так и церковных делах. В Цюрихе, где жил Цвингли, решающее слово в религиозных вопросах принадлежало городскому совету. Так же дела обстояли в католических землях, где сохранялись средневековые обычаи. Разумеется, это не исключало периодических столкновений между церковью и государством. Но по крайней мере для разрешения конфликтов можно было руководствоваться установленным набором общепринятых принципов. Все это анабаптисты отвергали, представляя церковь добровольным сообществом, полностью независимым от гражданского общества. Многие анабаптисты были также ревностными поборниками равноправия. В большинстве их общин женщины пользовались равными правами с мужчинами, по крайней мере - теоретически, а к бедным и невежественным людям относились так же, как к богатым и образованным.

Все это выглядело крайне опасным, поэтому анабаптисты стали объектом жестоких гонений. В 1525 году их начали карать смертной казнью в католических районах Швейцарии. В следующем году этому примеру последовал городской совет Цюриха. За несколько месяцев гонения охватили всю Швейцарию. В Германии не было единой политики - каждое государство проводило свой собственный курс, в основном применяя в отношении анабаптистов различные старые законы против еретиков. В

1528 году Карл V распорядился приговаривать их к смерти на основании древнего римского закона, направленного против донатистов, согласно которому смертной казни подлежали все виновные в повторном крещении. Шпейерский рейхстаг 1529 года - тот самый, на котором сторонники Лютера выступили с протестом и были впервые названы "протестантами", - утвердил императорский указ против анабаптистов. Единственным германским князем, последовавшим велению совести и отказавшимся исполнять эдикт, был ландграф Филипп Гессенский. В некоторых местах, в том числе в курфюршестве Саксония, где жил Лютер, анабаптистов обвиняли не только в ереси, но и в призывах к бунту. Поскольку первое преступление было религиозным, а второе государственным, анабаптисты подпадали под юрисдикцию как церковного, так и гражданского суда.

Мученическую смерть приняли многие, возможно даже, что погибло больше людей, чем за три столетия гонений до эпохи Константина. В разных землях и странах и в разных случаях анабаптистов казнили по-разному. Одних с садистским юмором топили в воде. Других сжигали на кострах, как и еретиков в предшествующие века. Третьих пытали до смерти или четвертовали. Рассказы о героических поступках во время этих бесчинств заняли бы несколько томов. И тем не менее ужесточение гонений лишь способствовало росту анабаптистского движения.

Революционные анабаптисты

Многие первые лидеры движения были учеными и почти все - пацифистами. Но вскоре это первое поколение погибло в гонениях. В результате движение становилось все более радикальным, превращалось в выразителя народного гнева, ранее выливавшегося в крестьянские восстания. Изначальный пацифизм был предан забвению, и его место заняли надежды на насильственную революцию.

Еще до расцвета анабаптистского движения Томас Мюнцер соединил некоторые его основные положения с надеждами крестьян на социальную справедливость. Теперь его дело продолжали многие анабаптисты. Одним из них был Мельхиор Гофман, кожевник, который, прежде чем стать анабаптистом, был сначала последователем Лютера, а потом Цвингли. В Страсбурге, где относительная терпимость позволила анабаптистскому движению набрать силу, Гофман начал возвещать приближение дня Господнего. Его проповедь воспламенила множество людей, стекавшихся в Страсбург в надежде, что именно там Новый Иерусалим станет реальностью. Гофман объявил, что его на полгода бросят в заточение и что тогда наступит конец. Он отвергал пацифизм первых анабаптистов на том основании, что с приближением конца чадам Божьим надо браться за оружие против сил тьмы. После его ареста, в котором его сторонники увидели исполнение первой части предсказания, в Страсбурге собралось еще больше народа, ждавшего лишь знамения с неба, чтобы взяться за оружие. Но столь большое скопление анабаптистов в городе побудило власти начать их преследование, кроме того, Гофман и после предсказанного им дня второго пришествия продолжал оставаться в тюрьме.

Затем кто-то заявил, что Новый Иерусалим будет установлен не в Страсбурге, а в Мюнстере. В этом городе благодаря равновесию сил между католиками и протестантами сложилась относительно терпимая обстановка, и анабаптисты не подвергались гонениям. Туда и отправились провидцы вместе со многими из тех, кого невыносимое угнетение довело до отчаяния. Царство скоро наступит. Это произойдет в Мюнстере. И там бедные получат в наследие землю.

Вскоре в Мюнстере собралось столько анабаптистов, что они завладели городом. Их лидерами были Ян Матис, голландский пекарь, и его первый ученик Иоанн Лейденский. Прежде всего они изгнали из города католиков. Епископ, вынужденный оставить свою кафедру, собрал войско и осадил Новый Иерусалим. Тем временем в городе громче звучали требования все делать в соответствии с Библией. Умеренных протестантов тоже изгнали. Уничтожались скульптуры, картины, иконы, предметы культа и утварь, связанные с традиционным богослужением. За пределами городских стен епископ

убивал всех анабаптистов, попадавших в его руки. Защитники, положение которых с каждым днем ухудшалось, так как съестные припасы таяли, приходили во все большее возбуждение. Ежедневно говорили о видениях и откровениях. Во время вооруженной вылазки из города погиб Ян Матис, и осажденных возглавил Иоанн Лейденский. В результате продолжительных военных действий и огромных потерь среди мужского населения женщин стало гораздо больше, чем мужчин. В связи с этим Иоанн Лейденский, следуя примеру ветхозаветных патриархов, разрешил многоженство.

Осажденные испытывали все большие лишения, но и у епископа не хватало средств на содержание полноценной армии на поле боя. Иоанн Лейденский со своими сторонниками совершил удачную вылазку, и за это его провозгласили "царем Нового Иерусалима". Но вскоре после этого жители города, уставшие от эксцентричных выходок провидцев, открыли ворота епископу. Царя Нового Иерусалима взяли в плен и возили по всей округе вместе с его двумя основными помощниками. Затем их пытали и казнили.

Так закончилось главное событие в истории революционного анабаптизма. Почти всеми забытый Мельхиор Гофман просидел в тюрьме, по всей видимости, до самой смерти. В течение многих лет посетители церкви Св. Ламберта в Мюнстере могли видеть три клетки, в которых возили "царя Нового Иерусалима" и двух его помощников.

Поздние анабаптисты

Падение Мюнстера положило конец эпохе революционного анабаптизма. Министерскую трагедию вскоре стали объяснять отходом от принципов пацифизма. Подобно ранним анабаптистам, новые лидеры движения утверждали, что христиане не хотят следовать предписаниям Нагорной проповеди не потому, что их невозможно исполнять, а потому, что они требуют великой веры. Истинно же уверовавшие проявляют любовь, которой учил Иисус, вверяя все в Божьи руки.

Наиболее известным представителем этого нового направления был Менно Симоне, католический священник, ставший анабаптистом в 1536 году - в тот год, когда казнили Иоанна Лейденского и его товарищей. Он вступил в Нидерландское анабаптистское братство, и в конечном счете его последователей стали называть "меннонитами". Меннониты подвергались таким же преследованиям, как и остальные анабаптисты, но Менно Симон-су повезло, и он многие годы беспрепятственно ездил по Н идерландам и Северной Германии, проповедуя свою веру и ободряя своих последователей. Он был убежден, что пацифизм является неотъемлемой частью истинного христианства, и не хотел иметь ничего общего с революционно настроенными анабаптистами. Он также полагал, что христианин не имеет права присягать кому бы то ни было и, следовательно, занимать посты, требующие присяги. Но христианин обязан подчиняться гражданским властям, если предъявляемые к нему требования не противоречат Писанию. Крестить можно только взрослых, публично заявляющих о своей вере, и этот обряд он совершал обливанием головы водой. Но ни этот обряд, ни обряд причащения не даруют благодати, они являются лишь внешними признаками внутреннего общения между Богом и верующим. Кроме того, по примеру Иисуса Менно Симоне и его последователи омывали друг другу ноги.

Хотя неучастие в антигосударственной деятельности было их принципиальной позицией, многие правители считали меннонитов подрывными элементами, поскольку те отказывались от присяги и от воинской службы. По этой причине их изгнали в Восточную Европу, в частности в Россию. Позднее многие из них отправились в Северную Америку, где нашли достаточно терпимые в вероисповедальном отношении условия. Но как в России, так и в Северной Америке они столкнулись со значительными трудностями, поскольку в обоих случаях государство требовало от них службы в армии. Поэтому в XIX и XX веках многие из них эмигрировали в Южную Америку - там еще были места, где они могли жить в относительной изоляции от общества. К XX веку меннониты остались основной ветвью старого анабаптист-ского движения XVI века, и

они до сих пор настаивают на своей привержен-ности пацифистским идеалам. Но гонения остались в прошлом, и теперь меннониты заняли уважаемое положение *в* обществе благодаря своей активной общественной деятельности.

Жан Кальвин

Давайте остерегаться, чтобы наши слова и мысли не шли дальше того, о чем нам говорит Слово Божье... Божье знание нам надо оставить Богу... и воспринимать Его таким, каким Он Сам раскрывает Себя нам, не пытаясь узнать что-либо о Его природе за пределами Его Слова.

ЖАН КАЛЬВИН

Нет сомнений, что самым видным систематизатором протестантского богословия в XVI веке был Жан Кальвин. Лютер был смелым первопроходцем движения, а Кальвин - вдумчивым мыслителем, соединившим различные протестантские учения в единое целое. Кроме того, мучительный поиск спасения и радостное открытие учения об оправдании верой сыграли в жизни Лютера такую роль, что всегда занимали центральное место во всей его богословской системе. Кальвин же, будучи богословом второго поколения, не позволил учению об оправдании затмить остальные христианские догматы и обращал больше внимания на другие аспекты христианской веры, которые Лютер оставлял почти без внимания, в частности - на учение об освящении.

Ранние годы

Кальвин родился на севере Франции, в Нойоне, 10 июля 1509 года. В это время Лютер уже читал первые лекции в Виттенбергском университете. Отец Кальвина принадлежал к набиравшим силу зажиточным слоям Нойона и служил секретарем у епископа и у келаря соборного капитула. Благодаря своим связям он устроил молодого Жана на две мелкие церковные должности, доход от которых шел на оплату его учебы.

Воспользовавшись открывшимися перед ним возможностями и надеясь сделать церковную карьеру, молодой Кальвин учился в Париже, где познакомился с гуманистическими теориями, а также с консервативной реакцией на них. Благодаря проводившимся там богословским спорам он получил представление об учениях Уиклифа, Гуса и Лютера. Но как он сам заявил позднее: "Я упорно цеплялся за папские предрассудки"[6]. В 1528 году он получил степень магистра искусств. Отец, к тому времени потерявший влияние в Нойоне, решил, что ему следует отказаться от богословского поприща и заняться изучением права. С этой целью Кальвин продолжил учебу в Орлеане и Бурже у двух самых известных юристов того времени - Пьера де л'Этуаля и Андреа Альчати. Первый следовал традиционным методам изучения и истолкования закона, тогда как второй был изощренным гуманистом, слывшим человеком весьма напыщенным. Когда между ними возникли разногласия, Кальвин принял сторону де л'Этуаля. Это доказывает, что хотя Кальвин и испытывал в то время глубокое влияние гуманизма, его отнюдь не восхищала бессмысленная изощренность, присущая некоторым известнейшим гуманистам.

"Наставления"

Нам неизвестно, как и когда именно Кальвин порвал с Римом. В отличие от Лютера, Кальвин мало писал о внутреннем состоянии своей души. Весьма вероятно, что к необходимости оставить католичество и встать на путь протестантизма Кальвин пришел под влиянием некоторых членов кружка гуманистов и благодаря изучению Писания и раннехристианской эпохи.

В 1534 году он вернулся в Нойон и отказался от двух церковных должностей, на которые его устроил отец, хотя они были основным источником его доходов. Решил ли

он уже тогда выйти из католической церкви или это был просто очередной этап на его духовном пути, установить с точностью невозможно. Но доподлинно известно, что в октябре того самого года Франциск I, до сих пор относившийся к протестантам достаточно терпимо, уже сточил свою политику, и в январе 1535 года Кальвин отправился в ссылку в Швейцарию, в протестантский город Базель.

Он видел свое призвание в том, чтобы посвятить себя учебе и литературным трудам. Он не стремился стать одним из лидеров Реформации, ему хотелось просто обосноваться в спокойной обстановке, где он мог бы изучать Писание и писать о своей вере. Незадолго до прибытия в Базель он написал краткий трактат о состоянии душ мертвых перед воскресением. Теперь он подумывал взяться за другие подобного рода трактаты, которые способствовали бы прояснению веры церкви в эти смутные времена.

Своей главной задачей в этой связи он видел краткое изложение основ христианской веры с протестантской точки зрения. До сих пор в протестантской литературе, с необходимостью подчинявшейся целям полемики, рассматривались почти исключительно спорные вопросы и очень мало внимания уделялось другим основополагающим догматам, таким как Троица, воплощение и так далее. Таким образом, он твердо намеревался заполнить этот вакуум, составив краткое руководство, которое назвал "Наставлениями в христианской вере".

Первое издание "Наставлений" - книга объемом в 516 страниц - вышло в Базеле в 1536 году. Формат книги был небольшим, и она легко умещалась, как тогда было принято, в просторных карманах, что давало возможность тайно распространять ее во Франции. Она состояла всего из шести глав. В первых четырех рассматривались вопросы о законе, символе веры, молитве Господней и таинствах. В двух последних, более полемичных по тону, излагалось протестантское отношение к "ложным таинствам" Рима и христианской свободе.

Книга сразу завоевала необычайный успех. Первое издание, вышедшее на латинском языке, благодаря чему это сочинение можно было читать в разных странах, разошлось за девять месяцев. В дальнейшем Кальвин продолжил работу над последующими изданиями "Наставлений", и год за годом объем книги увеличивался. Росту объема способствовали споры по разным вопросам, возникавшие в то время, высказывание различными группами точек зрения, которые Кальвин считал ошибочными, и практические потребности церкви; поэтому, чтобы получить представление о развитии богословской мысли Кальвина и его участии в разного рода дискуссиях, достаточно сравнить между собой разные издания "Наставлений".

Следующее издание, также на латинском языке, вышло в Страсбурге в 1539 году. В 1541 году Кальвин опубликовал в Женеве первое издание на французском языке, ставшее классикой французской литературы. Последующие издания были "парными" и с выходом французского издания сразу же вслед за латинским: в 1543 и 1545 годах, в 1550 и 1551 годах, в 1559 и 1560 годах. Последними при жизни Кальвина вышли латинское и французское издания 1559 и 1560 годов, поэтому они считаются окончательным вариантом "Наставлений".

Окончательный вариант резко отличается от небольшого пособия по христианской вере, опубликованного Кальвином в 1536 году, - шесть глав первого издания превратились в четыре тома с восемнадцатью в общей сложности главами. Первый том посвящен Богу и откровению, а также творению и природе человека. Во втором томе исследуется вопрос о Боге как Искупителе и о том, как это раскрывается нам сначала в Ветхом Завете, а затем во Христе. В третьем томе показывается, как через Духа мы можем соучаствовать в благодати Иисуса Христа и какие это производит плоды. Наконец, в четвертом томе рассматриваются "внешние средства" этого участия, то есть церковь и таинства. Работа в целом свидетельствует о глубоком знании не только Писания, но и древней христианской литературы, в частности трудов Августина, а также сути богословских споров XVI века. Нет сомнений, что она стала высшим достижением протестантского систематического богословия эпохи Реформации.

Женевский реформатор

Кальвин не намеревался вести бурную деятельность, подобно многим протестантам, ставшим лидерами Реформации в разных частях Европы. Он уважал их и даже восхищался ими, но был убежден, что у него призвание не пастыря или вожака, но скорее исследователя и писателя. После краткого посещения Феррары, а затем Франции он решил обосноваться в Страсбурге, где протестантизм одерживал победу, а оживленная богословская и литературная жизнь создавала благоприятные условия для дела, которому он решил посвятить себя.

Но прямой путь в Страсбург был закрыт из-за военных действий, и Кальвину пришлось сделать крюк через Женеву. Обстановка там была сложной. Незадолго до этого протестантский город Берн отправил в Женеву своих протестантских проповедников. Они добились поддержки со стороны небольшого сплоченного ядра прихожан и могущественного крыла буржуазии, выступавшего против ряда экономических и политических ограничений, отмены которых можно было добиться благодаря разрыву с Римом. Духовенство, которому не хватало образования, а еще больше убежденности, просто подчинилось постановлению городского совета Женевы, согласно которому месса отменялась и город становился протестантским. Все это произошло за несколько месяцев до приезда Кальвина в Женеву, и проповедники из Берна, которых возглавлял Гийом Фарель, оказались у руля религиозной жизни города и крайне нуждались в помощниках.

Кальвин приехал в Женеву в 1536 году с твердым намерением пробыть там не более одного дня, а затем продолжить путь в Страсбург. Но кто-то сказал Фарелю, что в городе находится автор "Наставлений", и в результате состоялась незабываемая встреча, описанная впоследствии самим Кальвином. Фарель, "сжигаемый благородной страстью распространения Благой Вести", изложил Кальвину несколько причин, по которым его присутствие в Женеве было бы крайне желательным. Кальвин почтительно выслушал человека, который был старше его лет на пятнадцать. Но его просьбе он не внял, заявив, что намерен заняться учеными штудиями и что в обстановке неопределенности, описанной Фарелем, это вряд ли возможно. Исчерпав все аргументы и не сумев убедить молодого богослова, Фарель воззвал к их общему Господу и бросил Кальвину вызов со страшной угрозой: "Да будут прокляты Богом тишина и покой, которые ты ищешь для своей работы, если перед лицом такой великой нужды ты отходишь в сторону и отказываешь в поддержке и помощи". Кальвин продолжает рассказ: "Эти слова потрясли и сломили меня, и я отказался от поездки"[7]. Это было началом его стези женевского реформатора.

Поначалу Кальвин согласился лишь оказывать помощь протестантским руководителям города, в частности Фарелю, но вскоре богословские знания, юридическая подготовка и реформаторское рвение сделали его центральной фигурой в религиозной жизни Женевы. Фарель, который до того времени был лидером протестантов, с удовольствием стал основным помощником Кальвина. Но идти по пути реформации, предложенному Кальвином и Фарелем, готовы были не все. Два пастыря настаивали, что к решению реформировать церковь надо относиться серьезно, многие же из числа буржуазии, поддержавшей разрыв с Римом, возражали им и распространяли в других протестантских городах слухи о якобы совершавшихся женевскими реформаторами ошибках. Кульминацией конфликта стало обсуждение вопроса о праве на отлучение от церкви. Кальвин утверждал, что для приведения религиозной жизни в соответствие с принципами реформации нераскаявшихся грешников необходимо отлучать от церкви. Городской совет, находившийся в то время под влиянием противников Кальвина, не согласился с этим, заявив, что такая точка зрения представляет собой ничем не оправданный ригоризм. В конечном счете Кальвина, настаивавшего на своей правоте, изгнали из города. Фарелю предложили остаться, но он предпочел отправиться со своим другом в изгнание, а не служить инструментом в руках бюргеров, стремившихся установить такие религиозные правила, которые предоставляли бы множество свобод, но не предполагали бы никаких обязательств.

Кальвин счел это данной ему Богом возможностью вернуться к своим ученым трудам и продолжил прерванную на долгий срок поездку в Страсбург. Но и там он не обрел покоя. В городе была большая община эмигрантов из Франции, изгнанных из страны за веру, и Мартин Буцер, возглавлявший реформаторское движение в Страсбурге, настоял на том, чтобы Кальвин стал их пастором. Именно там он начал проводить богослужения на французском языке и перевел на французский язык несколько псалмов и гимнов, которые пелись в общине французских изгнанников. Там же он подготовил второе издание "Наставлений" и женился на вдове Иделетте де Бюр, с которой жил счастливо вплоть до ее смерти в 1549 году.

Три года, проведенные в Страсбурге, с 1538 по 1541 год, были, вероятно, самым счастливым и спокойным периодом его жизни. Но несмотря на это, он сожалел, что не смог продолжить работу в Женеве, и очень беспокоился о судьбе женевской церкви. Поэтому когда ситуация в этом швейцарском городе изменилась к лучшему и новый городской совет попросил его вернуться, Кальвин без колебаний согласился.

В Женеву Кальвин вернулся в 1541 году и первым делом подготовил несколько церковных постановлений, которые городской совет утвердил с небольшими поправками. Тем самым управление церковью в Женеве передавалось в руки консистории, состоявшей из пасторов и двенадцати "старейшин" из числа мирян. Поскольку пасторов было всего пять, мирские старейшины составляли в консистории большинство. Но Кальвин пользовался таким высоким авторитетом, что консистория обычно следовала его рекомендациям.

В течение следующих двенадцати лет между консисторией и городским советом не раз возникали трения, так как церковный орган, следуя указаниям Кальвина, стремился подчинить жизнь граждан, которые в то же время были членами церкви, строгим требованиям, что не всегда нравилось городскому совету. В 1553 году к власти опять пришла оппозиция, и положение Кальвина стало шатким.

Именно к этому времени относится суд над Мигелем Серветом. Сервет был испанским врачом, работы которого в области психологии внесли значительный вклад в развитие медицинской науки. Но он был также автором нескольких богословских трактатов, в которых утверждал, что союз церкви с государством, заключенный после обращения Константина, означал по сути великое отступничество и что Никейский собор, провозгласивший учение о Троице, тем самым оскорбил Бога. Ему удалось бежать из французской тюрьмы, где католическая инквизиция судила его за ересь, но, когда он проезжал через Женеву, его опознали. Его арестовали, и Кальвин составил список обвинений против него из тридцати восьми пунктов. Противники Кальвина в Женеве встали на сторону Сервета под тем предлогом, что он обвиняется в ереси католиками и поэтому к нему надо относиться как к союзнику. Городской совет обратился за советом к другим протестантским кантонам Швейцарии, и все пришли к единодушному мнению, что Сервет - еретик не только по католическим, но и по протестантским меркам.

Это положило конец разногласиям, и Сервет был сожжен на костре, хотя Кальвин выступал за менее жестокую казнь отсечением головы.

Обстоятельства казни Сервета подвергались суровой критике, в частности со стороны Себастьяна Кастеллио, которого Кальвин ранее изгнал из Женевы за истолкование Песни песней как поэмы об эротической любви. Но и впоследствии сожжение на костре известного врача Сервета многие считали символом крайнего догматизма Кальвина. Безусловно, есть достаточно оснований для такой суровой оценки и самого суда, и той роли, которую во всем этом сыграл Кальвин. Но не надо забывать, что в то время с ересью в Европе в равной степени боролись как католики, так и протестанты. Сервет был приговорен к казни и французской инквизицией, которая не сожгла его на костре только потому, что ему удалось бежать.

После казни Сервета авторитет Кальвина в Женеве стал неоспоримым. Это объяснялось не в последнюю очередь тем, что он получил поддержку со стороны богословов других протестантских кантонов, в то время как его противники попали в сложное положение, поскольку им приходилось защищать еретика, осужденного и католиками, и протестантами.

В 1559 году сбылось одно из самых сокровенных желаний Кальвина - открылась Женевская академия, которую возглавил Теодор Беза, ставший впоследствии его преемником в качестве богословского лидера города. В этой академии женевская молодежь обучалась в соответствии с кальвинистскими принципами. Там училось и множество других студентов из разных концов Европы, которые затем, возвращаясь в родные земли, несли с собой кальвинистские взгляды.

Чувствуя приближение конца, Кальвин составил завещание и обратился с прощальным посланием к своим ближайшим помощникам. Последний визит ему нанес Фарель, взявший на себя проведение реформ в близлежащем Невшателе. Кальвин умер 27 мая 1564 года.

Кальвин и кальвинизм

При жизни Кальвина главным предметом расхождений среди протестантов (если не считать анабаптистов, к которым остальные протестанты относились как к еретикам) был вопрос о присутствии Христа в евхаристии. Именно он стал камнем преткновения на Марбургской встрече между Лютером и Цвингли. В этом вопросе Кальвин принял точку зрения страсбургского реформатора Мартина Буцера, занимавшего промежуточную позицию между Лютером и Цвингли. Кальвин считал присутствие Христа в евхаристии реальным, но духовным. Это означает, что присутствие - не просто символическое и что к причащению нельзя относиться только как к обряду воспоминания. В нем реально проявляется Божье воздействие на церковь, которая участвует в таинстве. С другой стороны, это не означает, что тело Христа спускается с неба или что оно может присутствовать у нескольких алтарей одновременно, как утверждал Лютер. Во время церемонии причащения верующие силой Святого Духа возносятся на небо и вместе с Христом предвкушают небесный пир.

В 1526 году Буцер, Лютер и другие богословы заключили "Виттенберг-ское соглашение", отражавшее взгляды как Лютера, так и Буцера. В 1549 году Буцер, Кальвин, наиболее видные швейцарские протестантские богословы и некоторые богословы из Южной Германии подписали аналогичный документ - "Цюрихское соглашение". Кроме того, Лютер благожелательно воспринял "Наставления" Кальвина. Таким образом, разногласия между Кальвином и Лютером в вопросе о присутствии Христа в евхаристии не были непреодолимым препятствием для протестантского единства.

Но последователи великих учителей оказались не столь гибкими. В 1552 году лютеранин Иоахим Вестфаль опубликовал направленный против Кальвина трактат, в котором утверждал, что кальвинистские взгляды тайком распространяются на традиционно лютеранских территориях, и представил себя защитником позиции Лютера в вопросе о евхаристии. К тому времени Лютер уже умер, а Меланхтон отказался выступить против Кальвина, как того требовал Вестфаль. Тем не менее результатом стала растущая отчужденность в отношениях между последователями Лютера и сторонниками Цюрихского соглашения, которых начали называть "реформатами" в противоположность "лютеранам".

Таким образом, в этот ранний период основное отличие "кальвинистов" или "реформатов" касалось не учения о предопределении - здесь они в целом были согласны с лютеранами, - а их понимания евхаристии. Как мы увидим ниже, отличительным признаком кальвинизма предопределение стало лишь в следующем

веке. При жизни же Лютера и Кальвина дело обстояло иначе, так как оба они провозглашали учение о предопределении.

Как бы там ни было, отчасти под влиянием Женевской академии и отчасти благодаря "Наставлениям" богословское влияние Кальвина вскоре начало ощущаться в самых разных частях Европы. В конце концов в Нидерландах, Шотландии, Венгрии, Франции и других странах появились церкви, принявшие учение женевского реформатора и получившие название "реформатских" или "кальвинистских".

Реформация в Британии

Всеобщее отступничество, о котором пророчествовал св. Павел, наблюдается сейчас как в религиозной жизни, так и в общепринятых правилах поведения. Разложение очевидно, и религиозные принципы основываются уже не на ясном Слове Божьем, а на обычаях, законах, воле, согласии и решениях людей.

ДЖОН НОКС

До начала XVII века Британией правили Тюдоры в Англии и Стюарты в Шотландии. Эти династии были связаны кровным родством, и в конце концов два королевства объединились. Но в XVI веке они враждовали и даже воевали, поэтому Реформация шла в них разными путями. Исходя из этого, в данной главе мы рассмотрим сначала, что происходило в Англии, а затем обратимся к шотландской Реформации.

Генрих VIII

В начале XVI века Шотландия была союзницей Франции, а Англия - Испании, и соперничество между французской и испанской коронами на континенте отражалось на враждебных отношениях между французской и испанской коронами. Дабы укрепить связи с Испанией, английский король Генрих VII договорился о браке своего сына и наследника Артура с Екатериной Арагонской, одной из дочерей Фердинанда и Изабеллы. Свадьба, ко времени которой новобрачной было пятнадцать лет, сопровождалась пышными празднествами в ознаменование дружеского союза между Англией и Испанией. Но Артур умер четыре месяца спустя, и испанцы предложили заключить новый брак между молодой вдовой и младшим братом ее покойного мужа Генрихом, ставшим теперь наследником английского престола. Король Англии, желавший сохранить дружбу с Испанией и приданое вдовы, согласился на этот брак. Но канонический закон запрещал мужчине жениться на вдове своего брата, поэтому английским представителям в Риме пришлось испросить у папы разрешение на брак, и как только Генрих достиг соответствующего возраста, его женили на Екатерине.

Брак оказался несчастливым. Несмотря на данное папой разрешение, оставались сомнения, имеет ли папа право нарушать закон, согласно которому человек не может жениться на вдове своего брата. Это в свою очередь ставило под сомнение законность самого брака. У Генриха и Екатерины не было наследника мужского пола (единственным выжившим ребенком была принцесса Мария Тюдор), и это истолковывалось как знамение Божьего гнева. Страна недавно пережила кровопролитную династическую войну, и появление наследника мужского пола казалось крайне необходимым. Но после нескольких лет совместной жизни Генриха и Екатерины стало ясно, что такого наследника у них не будет.

Предлагались разные решения. Сам Генрих хотел сначала объявить законным и сделать наследником своего внебрачного сына, которому он дал титул герцога Ричмонда. Для этого требовалось согласие папы, но папа не хотел предпринимать шаги, которые могли бы поссорить его с Испанией. Тогда кардинал, которому были поручены переговоры, предложил Генриху устроить брак Марии с его незаконнорожденным сыном. Но король полагал, что брак Марии с ее сводным братом приведет к еще более серьезным, последствиям, чем его собственный брак со вдовой своего брата. Он

предложил, чтобы Рим объявил недействительным его брак с Екатериной, благодаря чему он мог бы жениться на другой принцессе, которая дала бы ему долгожданного наследника. Скорее всего, на этом первоначальном этапе переговоров Генрих еще не был влюблен в Анну Болейн и заботился в первую очередь об интересах государства, а не о своих собственных.

Разводы не были каким-то необычайным явлением, и папа утверждал их по разным причинам. В данном же случае основанием служило то, что, несмотря на разрешение папы, брак между Генрихом и вдовой его брата все равно был незаконным, и поэтому его нельзя было считать истинным браком. Но еще большую роль играли другие факторы, ни в коей мере не связанные с каноническим законом. Основная трудность заключалась в том, что Екатерина была теткой Карла V, который в то время, по сути, держал папу "под башмаком" и к которому королева обратилась с просьбой спасти ее от бесчестия. Папа Климент VII не мог объявить брак Генриха с Екатериной недействительным, не оскорбив тем самым Карла V. Поэтому он старался как можно дольше оттянуть принятие решения, а его представители даже предлагали Генриху тайно взять другую жену, не изгоняя первую. Но такое решение было неприемлемым, так как Генрих хотел иметь официально признанного наследника. Томас Кранмер, главный советник короля по религиозным вопросам, предложил заручиться мнением католических университетов. Наиболее авторитетные из них - Парижский, Орлеанский, Тулузский, Оксфордский, Кембриджский и даже итальянские - признали брак Генриха с Екатериной недействительным.

С этого момента Генрих VIII начал проводить политику, которая в конечном счете привела к разрыву с Римом. Были восстановлены старые законы, запрещавшие обращаться за поддержкой к Риму, и теперь духовенство впрямую зависело от короля. Король также предложил удерживать денежные средства, обычно направлявшиеся в Рим. С помощью этой угрозы он вынудил папу назначить Кранмера архиепископом Кентерберийским. Однако конфликты короля с папством не означали, что он испытывал какую-то симпатию к протестантизму. Более того, за несколько лет до этих событий он написал направленный против Лютера трактат, восторженно встреченный папой Львом X, который присвоил ему титул "защитника веры". По мнению Генриха, нужна была не реформация в том виде, в каком она происходила на континенте, а восстановление прав короны в ответ на неоднократное необоснованное вмешательство папы.

Но в Англии наряду с отголосками учения Уиклифа уже распространялись лютеранские идеи, и их сторонников радовало постепенное охлаждение отношений между монархом и папством. Программа реформ Уиклифа включала создание национальной церкви под руководством гражданских властей, и политика Генриха с неизбежностью вела в этом направлении. На это надеялся и Томас Кранмер, стремившийся поставить церковь под власть короля.

Окончательный разрыв произошел в 1534 году, когда парламент под давлением короля принял ряд законов, запретивших выплату в римскую казну аннатов и других подобного рода вкладов, объявивших брак Генриха с Екатериной недействительным, лишив тем самым Марию права на наследование престола, и, наконец, провозгласивших короля "высшим главой церкви Англии". Дабы придать последнему закону большую силу, парламент объявил, что все, кто осмеливаются называть короля раскольником или еретиком, считаются виновными в государственной измене.

Наиболее заметной фигурой, выступившей против этих законов, был сэр Томас Мор, в прежнем - канцлер королевства и личный друг Генриха VIII. Он отказался присягнуть королю как главе церкви и был за это брошен в тюрьму. Туда к нему приходила одна из дочерей, которой он дал прекрасное образование в гуманистическом духе. Она попыталась убедить его отказаться от своих взглядов и с этой целью привела ему список достойных и уважаемых людей, которые уже сделали это. Рассказывают, что Томас Мор ответил: "Я привык поступать по совести, не оглядываясь на других". На суде бывший канцлер, выступая в свою защиту, разъяснил, что он никогда не отрицал

права короля быть главой церкви, что он всего-навсего отказывается публично подтвердить это право и что человека нельзя осуждать за то, что он чего-то не сказал. Но когда его приговорили к смертной казни, он открыто заявил, что для очистки совести хочет внести ясность и сказать, что, по его мнению, мирянин, в том числе и король, не может быть главой церкви и что ни один человек не облечен властью изменять законы церкви. Пять дней спустя его казнили в лондонском Тауэре. Перед казнью он воскликнул, что умирает как "добрый слуга короля, но прежде всего Бога". В 1935 году, через четыреста лет после смерти, имя Томаса Мора было внесено в официальный список святых католической церкви.

До сих пор речь шла просто о расколе без каких-то попыток реформирования и без провозглашения новых вероучительных формулировок для оправдания самого раскола. Но многие в Англии чувствовали необходимость глубоких реформ и в происходивших событиях усматривали возможность для их осуществления. Характерной в этом отношении была позиция Томаса Кранмера, поддерживавшего политику короля в надежде, что она приведет к дальнейшим и более глубоким изменениям.

В религиозных вопросах Генрих VIII, по сути, был консерватором. Он твердо верил в большинство традиционных догматов церкви, хотя в основном, несомненно, руководствовался политическими мотивами. Поэтому в период его правления законы, имеющие отношение к религиозным вопросам, менялись по политическим соображениям.

Став главой церкви, Генрих, естественно, объявил свой брак с Екатериной недействительным и узаконил фактический брак с Анной Болейн. Анна не дала ему наследника мужского пола, она родила только дочь Елизавету, а впоследствии ее обвинили в супружеской измене и приговорили к смертной казни. Затем король женился на Джейн Сеймур, от которой наконец получил наследника мужского пола. После смерти Джейн Генрих попытался с помощью четвертого брака заключить союз с немецкими лютеранами, так как был обеспокоен угрозой со стороны Карла V и французского короля Франциска I. С этой целью он женился на Анне Клевской, свояченице видного князя-протестанта Иоганна Фридриха Саксонского. Но когда стало ясно, что лютеране не намерены отказываться от своего вероучения, хотя его и отверг Генрих, и что Карл V и Франциск I не могут договориться о совместной политике в отношении Англии, Генрих развелся с четвертой женой и приказал обезглавить человека, устроившего этот брак. Новая королева, Екатерина Говард, придерживалась консервативных взглядов, поэтому после заключения пятого брака короля для сторонников реформ начался трудный период. Генрих договорился с Карлом V о совместном вторжении во Францию. Поскольку теперь ему не надо было опасаться императора, ставшего его союзником, он прервал все переговоры с немецкими лютеранами. В Англии он предпринял шаги, чтобы по возможности привести церковь в соответствие с католическими нормами, за исключением подчинения ее папе. Он отказался восстановить монастыри, которые ранее закрыл, конфисковав их земли под предлогом проведения реформ, и собственность которых теперь не хотел возвращать. Н о Екатерина Говард впала в немилость и была обезглавлена, а Карл V, преследуя собственные цели, порвал союз с Англией. Следующая и последняя жена Генриха VIII Екатерина Парр была сторонницей реформ, и после смерти короля в начале 1547 года положение их противников пошатнулось.

Реформаторские идеи распространялись в стране в течение всех лет правления Генриха, временами при поддержке короля, а иногда против его воли. Кранмер распорядился перевести Библию на английский язык, и по королевскому указу экземпляр английской Библии был помещен в каждой церкви на видном месте, где все могли читать ее. Это стало мощным оружием в руках сторонников реформ, которые, странствуя по Англии, привлекали внимание к отрывкам Писания, подкреплявшим их учение и цели. Закрытие монастырей лишило консервативное крыло его наиболее стойких союзников. А многочисленные и влиятельные гуманисты видели в политике короля возможность осуществить реформы без тех крайностей, в которые, как им

казалось, впадают немецкие протестанты. В результате ко времени смерти Генриха сторонники реформ пользовались широкой поддержкой во всем королевстве.

Эдуард VI

Генриха сменил его единственный наследник мужского пола Эдуард, болезненный молодой человек, проживший после восшествия на престол всего шесть лет. Первые три года правления Эдуарда при регентстве герцога Сомерсета были периодом широкого распространения реформ. Миряне при причащении получали чашу, священнослужителям разрешалось жениться, из церквей убирали иконы. Но самым значительным религиозным событием регентства Сомерсета стала публикация "Книги общественного богослужения", основным составителем которой был Кранмер и которая впервые дала английскому народу литургию на родном языке.

После Сомерсета регентом стал герцог Нортумберленд, отличавшийся меньшей принципиальностью, чем его предшественник. Тем не менее из соображений чисто практических он продолжил политику реформ. При его регентстве было опубликовано пересмотренное издание "Книги общественного богослужения". Влияние идей Цвингли можно увидеть при сравнении слов, которые служитель должен произносить, предлагая хлеб причастникам, в старом и новом изданиях. В первом варианте они звучали так: "Предложенное тебе тело нашего Господа Иисуса Христа сохраняет тело твое и душу твою для вечной жизни". В новом издании они видоизменились: "Возьми и ешь это в воспоминание, что Христос умер за тебя, питай Им сердце твое с верой и благодарением". Первое издание можно было понимать как в католическом, так и в лютеранском ключе, тогда как второе явно черпало вдохновение у Цвингли и у тех, кто придерживался сходных взглядов. Различие между двумя изданиями показывало, в каком направлении развиваются события в Англии. У лидеров реформаторской партии, все больше склонявшихся к кальвинизму, были основания надеяться, что они добьются победы без особого сопротивления.

Мария Тюдор

После смерти Эдуарда VI корона перешла к его сводной сестре Марии, дочери Генриха VIII и Екатерины Арагонской. Мария всегда была католичкой - для нее начало реформаторского движения навсегда осталось отмеченным позором ее юных лет, когда ее объявили незаконнорожденным ребенком. Кроме того, если считать, что Генрих имел законные основания провозглашать себя главой церкви и объявлять брак с Екатериной недействительным, она стала внебрачным ребенком и, следовательно, имела сомнительные права на престолонаследие. С учетом всего этого, а также из соображений политической целесообразности, Мария поставила перед собой цель восстановить в Англии католичество. В этом деле она могла рассчитывать на мощную поддержку своего родственника Карла V, а также многих консервативных епископов, лишившихся сана за время правления двух последних королей. Но она понимала, что должна действовать осторожно, поэтому первые пять месяцев посвятила упрочению своего положения в Англии и укреплению связей с католической династией Габсбургов, для чего вышла замуж за своего двоюродного брата Филиппа Испанского, ставшего впоследствии Филиппом II.

Почувствовав себя на троне увереннее, Мария перешла к преследованию протестантов. В конце 1554 года Англия официально вернулась под власть папы. Порядки, введенные при Генрихе и Эдуарде, по большей части отменялись. Восстанавливались дни памяти святых. Женатым священникам предписывалось оставить своих жен. Затем в королевстве начались открытые гонения на протестантов. Почти триста человек были сожжены на кострах, а бесчисленное множество других оказались в тюрьмах или ссылке. В результате королева получила прозвище, под которым известна до сих пор, - "Мария Кровавая".

Самым известным мучеником в годы правления Марии стал Томас Кранмер. Он был архиепископом Кентерберийским, поэтому его дело отправили на рассмотрение в Рим, где после его осуждения как еретика было сожжено его изображение. Но королева ставила целью принудить лидера реформаторской партии к отречению от своей веры, надеясь тем самым одержать моральную победу над протестантами. Для этого его заставили наблюдать из тюрьмы за казнью двух его наиболее видных последователей и близких товарищей - епископов Латимера и Ридли. В конце концов Кранмер подписал отречение. Историки до сих пор спорят, поступил ли он так из страха перед костром или во исполнение своих же неоднократных заявлений о том, что он всегда будет повиноваться монархам. Скорее всего, он сам точно не знал своих мотивов. Как бы там ни было, он письменно отрекся, но, несмотря на это, был приговорен к смертной казни в назидание тем, кто вздумал бы продолжить его дело. Кранмер согласился на публичное отречение перед казнью. Архиепископа привели в церковь Св. М арии, где был подготовлен деревянный помост, и после проповеди ему предоставили возможность для покаяния. Он начал говорить о своих грехах и о своей слабости, и все ожидали от него заявления, что он согрешил, отойдя от католической церкви. Но он, обманув ожидания своих мучителей, отказался от слов отречения:

Они написаны вопреки истине, которую я храню в сердце, они написаны из страха перед смертью, дабы сохранить жизнь, если это возможно... И поскольку я написал многое, что противоречит верованиям моего сердца, рука моя должна быть наказана в первую очередь; если я смогу подойти к костру, она сгорит первой. Что касается папы, я отвергаю его как врага Христа и антихриста вместе со всеми его лжеучениями[8].

Этот последний мужественный шаг престарелого человека, который действительно держал свою руку в огне, пока она не обуглилась, заставил забыть о его колебаниях, и в глазах протестантов Кранмер стал великим героем веры. Под влиянием его примера многие принялись с новой энергией распространять протестантское учение, и становилось все яснее, что для искоренения протестантизма Марии понадобятся еще более суровые меры.

Елизавета

Мария умерла в конце 1558 года, и на престол взошла ее сводная сестра Елизавета, дочь Генриха VIII и Анны Болейн. Карл V не раз советовал Марии казнить ее, но кровавая королева не посмела зайти так далеко, и теперь ее преемница резко поменяла проводимую ею политику. Многие из тех, кто был вынужден покинуть королевство по религиозным причинам, теперь вернулись на родину, неся с собой воспринятые на континенте цвинглиан-ские и кальвинистские идеи. Мария по убеждениям и по политическим соображениям была католичкой. Елизавета по тем же причинам избрала протестантизм. Если глава английской церкви - папа, а не король, то брак Генриха VIII с Екатериной Арагонской остается в силе и Елизавета, рожденная Анной Болейн еще при жизни Екатерины, должна считаться незаконнорожденной. Папа Павел IV дал понять, что готов признать Елизавету законной дочерью Генриха, если она будет придерживаться римско-католического вероисповедания. Но Елизавета даже не уведомила его о своей коронации и отозвала английского посла в Риме. Будучи менее расчетливой по сравнению с Марией, она тем не менее пришла к выводу, что отец поступил правильно, провозгласив себя главой церкви Англии, и никогда не отходила от этого убеждения.

Елизавета придерживалась умеренных протестантских взглядов. Ее идеалом была церковь с единообразными обрядами, объединяющая страну в общем богослужении, но не препятствующая свободно высказывать различные точки зрения. В этой церкви не должно быть места ни для римского католичества, ни для крайнего протестантизма. Допустимы любые формы умеренного протестантизма, если их сторонники участвуют в общем служении церкви Англии.

Политика Елизаветы в области религии нашла выражение в новом издании "Книги общественного богослужения". Свидетельством ее политики "широкой церкви" стало объединение двух разных, взятых из прежних изданий формулировок, которые должны были использоваться во время богослужения, при раздаче хлеба. Новый текст был следующим:

Предложенное тебе тело нашего Господа Иисуса Христа сохраняет тело твое и душу твою для вечной жизни. Возьми и ешь это в воспоминание, что Христос умер за тебя, и питай Им сердце свое с верой и благодарением.

Несомненно, что эта "сдвоенная" формулировка преследовала цель примирить позиции тех, кто считал причащение просто обрядом воспоминания, и тех, кто утверждал, что человек действительно вкушает тело Христово.

Та же политика отражена в "Тридцати девяти статьях", опубликованных в 1562 году как богословское основание церкви Англии. В них многое в католических догматах и обычаях открыто отвергалось, но в то же время не делалось никаких попыток отдать предпочтение одной из протестантских точек зрения. Статьи предлагали "средний путь", который могли принять все, за исключением католиков и занимавших крайние позиции протестантских доктринеров. С тех пор такой подход стал одной из основных отличительных черт англиканской церкви, то есть церкви Англии, и вышедших из нее церквей, главным образом церквей в бывших британских колониях.

При правлении Елизаветы положение католичества в Англии было шатким. Некоторые католики встали на сторону вынужденной бежать из своей страны королевы Шотландии, Марии Стюарт, речь о которой пойдет в следующем разделе этой главы. Если бы Елизавету признали незаконнорожденной, английский престол унаследовала бы Мария Стюарт. Поэтому она стала главным звеном нескольких заговоров католиков, которых папа освободил от всяких обязательств по отношению к Елизавете. Изгнанные из страны католики заявляли, что Елизавета - еретик и узурпатор, и строили планы ее свержения и возведения на английский престол Марии Стюарт. В то же самое время бежавшие из Англии выпускники католических семинарий тайно возвращались в страну, где, рискуя жизнью, совершали таинства. Отличить тайные встречи, на которых совершались запрещенные обряды, от заговоров против королевы и правительства было очень трудно. Арестовывали и приговаривали к смертной казни как заговорщиков, так и незаконно проникнувших в страну священников. Доказательств покушений на жизнь королевы было предостаточно, и в большинстве своем они связывались с надеждой возвести на престол Марию Стюарт. Неясно, была ли вдохновительницей этих заговоров сама Мария. Но так или иначе, она в них была вовлечена, и Елизавета после долгих колебаний приказала предать свою двоюродную сестру смерти.

Общее число казненных по религиозным причинам при Елизавете и Марии Тюдор было примерно одинаковым, но при этом надо иметь в виду, что

Елизавета царствовала почти в десять раз дольше, чем Мария. Во всяком случае, в конце жизни Елизаветы католикам дали понять, что верность папе в религиозных вопросах они могут сочетать с политической и гражданской лояльностью короне. Именно на этом основании им впоследствии была предоставлена возможность открыто исповедовать свои религиозные убеждения.

В конце правления Елизаветы возросло и число "пуритан". Они придерживались кальвинистских взглядов, а "пуританами" их назвали потому, что они призывали восстановить учение Нового Завета во всей его чистоте. Движущей силой религиозной жизни в Англии они станут позднее, поэтому к рассмотрению их богословских взглядов мы вернемся в одной из следующих глав нашего рассказа.

Реформация в Шотландии

Шотландское королевство, расположенное к северу от Англии, традиционно проводило политику союза с Францией против англичан, неоднократно вторгавшихся на его территорию. Но в XVI веке страна разделилась на сторонников традиционной политики и тех, кто считал, что обстоятельства изменились и что в наибольшей мере интересам страны отвечает политика сближения с Англией. Самую большую победу сторонники новой политики одержали в 1502 году, когда шотландский король Яков IV женился на Маргарите Тюдор, дочери короля Англии Генриха VII. Поэтому когда королем Англии стал Генрих VIII, появилась надежда, что два королевства будут наконец жить в мире. Яков V, сын Якова IV и Маргариты Тюдор, приходился Генриху племянником. Последний стремился установить еще более тесные связи и с этой целью предложил Якову руку своей дочери Марии. Но Шотландия решила вернуться к традиционному союзу с Францией, и Яков женился на француженке Марии де Гиз. С этого времени два британских королевства пошли разными путями, в частности в том, что касается реформации церкви и отношений с папством.

Между тем протестантизм обретал последователей и в Шотландии. Гораздо раньше сюда проникли идеи лоллардов и гуситов, искоренить их сторонников не удалось, и теперь протестантизм нашел среди них благодатную почву. Многие шотландцы, учившиеся в Германии, возвращались на родину, неся с собой учения и труды Лютера и других реформаторов. Шотландский парламент принял законы, направленные против этих сочинений и против тех, кто распространял протестантскую доктрину. 1528 год был отмечен первой мученической смертью, принятой одним из странствующих проповедников, и с этого времени казни участились. Но все было напрасно. Несмотря на гонения, новое учение продолжало привлекать последователей. Особенно глубокие корни протестантизм пустил среди дворянства, недовольного усилением королевской власти и утерей многих прежних привилегий, и среди студентов, читавших и в обход закона распространявших тайно полученные книги протестантских авторов.

Когда в 1542 году умер Я ков V, наследницей престола стала его дочь Мария Стюарт, родившаяся всего через несколько дней после его смерти, что привело к борьбе за власть. Генрих VIII хотел женить на малолетней королеве своего сына и наследника Эдуарда, и этот план поддерживала проанглийски настроенная протестантская шотландская знать. Со своей стороны, католики профранцузской ориентации хотели отправить Марию для получения образования во Францию и там выдать ее замуж за французского принца. В этом они преуспели, сорвав тем самым планы Генриха.

Тем временем группа протестантских заговорщиков захватила замок Сент-Андрус и убила архиепископа. Правительство, раздираемое внутренними конфликтами, мало что могло сделать. Чтобы схватить и наказать бунтовщиков, были отправлены войска, но после непродолжительной осады их отозвали, и отныне протестанты всего королевства видели в замке Сент-Андрус оплот своей веры.

Именно тогда на сцену выступил Джон Нокс. О молодых годах пламенного реформатора, ставшего лидером шотландского протестантизма, известно мало. Родился он около 1515 года, изучал богословие и был рукоположен священником до 1540 года. Затем он стал домашним учителем сыновей двух дворян, участвовавших в заговоре по захвату замка Сент-Андрус, и поддерживал связь с Джорджем Уисхартом, известным протестантским проповедником, принявшим смерть за веру. Когда заговорщики захватили замок Сент-Андрус, Ноксу поручили привести туда его юных воспитанников. После этого Нокс намеревался отправиться в Германию изучать протестантское богословие, но в замке он оказался в самой гуще событий, сотрясших страну. Помимо воли его сделали проповедником в протестантской общине, и с этого времени он стал основным рупором протестантского движения в Шотландии.

В замке Сент-Андрус протестантам удалось продержаться благодаря тому, что и Англия, и Франция переживали трудные времена и не могли вмешаться в шотландские дела. Но как только Франция сумела отправить в Шотландию подкрепление, правительство послало против замка сильную армию, и протестантам пришлось сдаться. Однако условия капитуляции не были выполнены, и Нокса с некоторыми другими повстанцами

приговорили к каторжным работам, на которых будущий реформатор в невыносимых; условиях провел девятнадцать месяцев. Его освободили благодаря вмешательству Англии, где теперь правил Эдуард VI и где Нокс стал пастором.

Этот английский период его жизни закончился со смертью Эдуарда, когда на трон взошла Мария Тюдор и начались преследования протестантов. Нокс уехал в Швейцарию, где оставался некоторое время в Женеве с Кальвином и в Цюрихе с преемником Цвингли Буллингером. Он также дважды посетил Шотландию, чтобы укрепить решимость протестантской общины.

Тем временем в Шотландии происходили важные события. Молодую Марию Стюарт отправили во Францию, где она пользовалась покровительством своих родственников из семейства Гизов. Ее мать, тоже принадлежавшая к этому роду, осталась в Шотландии регентом. В апреле 1558 года Мария вышла замуж за наследника французского престола, который через год с небольшим был коронован под именем Франциска П. Таким образом, в шестнадцать лет Мария стала супругой короля Франции и официальной королевой Шотландии. Но это было еще не все - она также претендовала на титул законной королевы Англии. Мария Тюдор умерла в 1558 году, и престол заняла ее сводная сестра Елизавета. Но если справедливы утверждения католиков, что Елизавета - незаконнорожденная, престол должен был принадлежать Марии Стюарт, правнучке Генриха VII. Поэтому после смерти Марии Тюдор Мария Стюарт приняла титул королевы Англии, превратившись тем самым в злейшего врага Елизаветы. В Шотландии в качестве регентши правила королева-мать Мария де Гиз. Ее прокатолическая политика вынудила протестантских лидеров объединиться, и в конце 1557 года они заключили торжественное соглашение. Они дали обещание служить "благословенному Слову Божьему и Его конгрегации" и поэтому получили название "Лорды конгрегации". Понимая, что у них одни цели с английскими протестантами, они установили с ними связь. Регентша усилила гонения на "еретиков", но они не оставляли своих позиций и в 1558 году организовали собственную церковь. Незадолго до этого они написали Ноксу в Швейцарию и попросили его вернуться в Шотландию.

В изгнании Нокс написал сочинение с резкими выпадами в адрес женщин, правивших в то время в Европе: регентши Шотландии, Марии Тюдор в Англии и Екатерины Медичи во Франции. Его работа "Первые звуки труб против чудовищного правления женщин" вышла не ко времени, так как едва она попала в Англию, как умерла Мария Тюдор и ее сменила Елизавета. Хотя книга была направлена против ее покойной сводной сестры, Елизавете в ней многое не понравилось, ибо аргументация Нокса, построенная на антифеминистских предубеждениях, могла относиться и к ней самой. Это препятствовало естественному пониманию, которое могло бы сложиться между Елизаветой и Джоном Ноксом, к которому, несмотря на его неоднократные отречения ,английская королева относилась с недоверием.

Развитие событий не благоприятствовало шотландским протестантам. Регентша попросила у Франции войска для подавления лордов Конгрегации, которые одержали над захватчиками несколько побед. Но из-за отсутствия денег их армия не могла долго продержаться на поле боя. Они неоднократно взывали к Англии, указывая, что если католикам удастся подавить протестантское восстание и королевство останется в руках католической партии, тесно связанной с Францией, то под угрозой окажется корона Елизаветы. Нокс, вернувшийся незадолго до этих событий, поддерживал протестантов проповедями и силой своей убежденности. Наконец, в начале 1560 года Елизавета решила послать в Шотландию войска. Английская армия присоединилась к шотландским протестантам, и казалось, что длительная война неизбежна. Но регентша умерла, и французы решили, что настало время приступить к мирным переговорам. В результате французы и англичане вывели свои войска.

Но как только непосредственная опасность миновала, между Ноксом и лордами, до сих пор поддерживавшими реформаторское движение, начались разногласия. В основе конфликта лежали экономические причины, хотя и не они одни. Лорды стремились завладеть церковными ценностями, а Нокс и его сторонники хотели использовать их,

чтобы создать систему всеобщего образования, облегчить положение бедных и поддержать церковь.

В разгар этих неурядиц знать решила предложить Марии Стюарт вернуться в Шотландию и занять трон, унаследованный ею от отца. Мария надеялась быть шотландской королевой, оставаясь во Франции, но смерть мужа лишила ее таких надежд, и она приняла предложение шотландцев. В Шотландию она приехала в 1561 году. Она никогда не пользовалась популярностью, и поначалу следовала советам своего незаконнорожденного сводного брата Джеймса Стюарта, графа Меррея, одного из лидеров протестантов, удерживавшего ее от прямого столкновения с другими протестантскими лордами.

Нокс, по всей видимости, был убежден в неизбежности конфликта с королевой, и в этом вопросе она, судя по всему, разделяла его точку зрения. С самого начала она настояла, чтобы месса совершалась в ее личной часовне, и пламенный реформатор резко выступил против "идолопоклонства новой Иезавели". Между ними состоялось несколько бурных встреч. Но лорды, которым такое положение дел было на руку, не поддержали выпадов проповедника.

Осложнение отношений с королевой и некоторыми протестантскими лордами не помешало Ноксу и его последователям создать реформатскую церковь Шотландии, по своему устройству близкую к идеалам пресвитерианства, возникшего позднее. В каждой церкви старейшины и служители избирались, но последние занимали свои должности только после проверки, произведенной другими служителями. Столпами новой церкви стали "Книга церковной дисциплины", "Служебник церкви Шотландии" и "Шотландское исповедание".

В конечном счете Мария сама стала причиной своей гибели. Она всегда мечтала занять английский престол и, пытаясь осуществить эту мечту, потеряла сначала шотландский трон, а затем и жизнь. Дабы сделать свои претензии на английский престол неоспоримыми, она вышла замуж за своего двоюродного брата Генриха Стюарта, лорда Дарили, который тоже имел основания претендовать на него. Граф Меррей возражал против этого брака и против союза Марии с Испанией для искоренения протестантизма в стране, и когда его возражения проигнорировали, он восстал. Тогда Мария призвала на помощь лорда Босуэла, способного военачальника, разгромившего графа Меррея и вынудившего его искать защиту в Лондоне. Мария, воодушевленная этой победой, заявила, что скоро она взойдет на трон в Лондоне.

Лишившись здравых советов графа Меррея, Мария проводила все более неразумную политику. Она решила, что брак с Дарили был ошибкой, и дала понять это Босуэлу и другим. Вскоре после этого Дарнли был убит, и подозрения пали на Босуэла. Он был оправдан в ходе суда, на который не допустили ни одного свидетеля обвинения. Но оправдание не сняло с него подозрения, тем более что через несколько месяцев Мария стала его женой.

Шотландские лорды ненавидели Босуэла, и вскоре они восстали. Королева, предпринявшая попытку подавить восстание, лишилась поддержки войск и оказалась в руках лордов. Они убедили ее, что располагают доказательствами ее участия в убийстве Дарнли, и предложили ей либо отречься от престола, либо предстать перед судом за убийство. Она отреклась в пользу своего годовалого сына Якова VI, родившегося у нее от Дарнли, и граф Меррей вернулся из Англии, став регентом Шотландии. Марии удалось бежать и собрать войско. Но граф Меррей разгромил его, и ей оставалось только искать защиты у ненавистной Елизаветы в Англии.

Пленение и смерть Марии стали темой многочисленных романтических сказаний, в которых она предстает жертвой своей жестокой и честолюбивой сестры. Но на самом деле Елизавета приняла ее с таким почтением, какого нельзя было ожидать от человека, которого долгое время объявляли незаконнорожденным, пытаясь отобрать у

него корону. Мария была узницей в том смысле, что не имела права покидать предоставленный ей замок, но в то же время были даны строгие указания относиться к ней как к королеве, и ей разрешили самой набрать для себя тридцать слуг. Но к ней сходились нити многих заговоров, большинство из которых имели целью убийство Елизаветы, представлявшей собой основное препятствие на ее пути к престолу и восстановлению католичества в Англии. Другим общим звеном этих заговоров была подготовка вторжения в Англию испанских войск для помощи Марии. Когда был раскрыт третий заговор, доказательства неоспоримо свидетельствовали, что Мария была если не его вдохновителем, то во всяком случае активным участником, ее предали суду и приговорили к смертной казни. Представ перед палачом, она приняла смерть достойно, как и подобает королеве.

В Шотландии после бегства Марии противоборство между разными партиями продолжалось. Нокс выступал за регентство графа Меррея. Но когда реформатора разбил паралич и он был вынужден отойти от дел, оппозиция еще сохраняла достаточную силу. Узнав о резне, устроенной во Франции в Варфоломеевскую ночь (о которой пойдет речь в одной из следующих глав), он в последний раз попытался вернуться на кафедру, с которой призвал шотландцев продолжить борьбу, если они не хотят испытать такую же судьбу. Умер он через несколько дней после своей последней проповеди. К тому времени стало ясно, что верх в Шотландии одерживают реформатские взгляды.

Дальнейшее развитие лютеранства

Христианский правитель может и должен защищать своих подданных, от любых сил, стремящихся принудить их к отречению от Слова Божьего и к идолопоклонству.

МАГДЕБУРГСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ (1550)

Шмалькальденская война

По условиям Нюрнбергского мирного договора, подписанного в 1532 году, протестанты могли открыто исповедовать свою веру на принадлежавших им территориях, но не имели права проповедовать протестантское учение за их пределами. Вероятно, Карл V тем самым надеялся приостановить распространение лютеранской ереси, чтобы затем, когда у него появятся для этого возможности, уничтожить ее. Но такая политика была обречена на провал, и, несмотря на Нюрнбергское соглашение, протестантские идеи продолжали распространяться.

Политическая обстановка в Германии была крайне сложной и неустойчивой. Хотя Карл и был императором, но он не мог в полной мере проводить свою политику, так как слишком многие полагали, что она не отвечает их интересам. Не говоря уже о религиозных разногласиях, многие противились росту могущества династии Габсбургов, которую в то время возглавлял Карл. Среди них были и католики, опасавшиеся, что Карл под предлогом борьбы с лютеранством расширит свои владения, и потому не желавшие принимать участие в антипротестантском крестовом походе, который хотел организовать Карл. Кроме того, одним из самых влиятельных князей, оказывавших сопротивление Габсбургам, стал Филипп Гессенский, возглавлявший Шмалькальденскую лигу. По всем этим причинам император не сумел приостановить распространение протестантизма на землях, в которых по условиям Нюрнбергского мира его пропаганда была запрещена.

В 1534 году Филипп Гессенский отвоевал Вюртембергское герцогство у захвативших его католиков. Удостоверившись сначала в ходе дипломатических переговоров, что другие католические князья не намерены вмешиваться, Филипп напал на герцогство и вернул находившегося в изгнании герцога, объявившего затем о своей приверженности протестантизму. Жители герцогства, которые и ранее проявляли склонность к лютеранству, последовали примеру своего монарха.

Еще одним тяжелым ударом по германскому католичеству стала смерть в 1539 году герцога Георга Саксонского. Саксония состояла из двух частей - герцогства Саксонии и курфюршества Саксонии. Последнее при Фридрихе Мудром стало источником распространения лютеранских идей. Герцогство же Саксонское упорно их отвергало, а герцог Георг был одним из злейших врагов Лютера и его последователей. После смерти Георга сменивший его брат Генрих заявил о себе как о протестанте и пригласил Лютера проповедовать в своей столице Лейпциге, где тот когда-то встретился на диспуте с Экком.

В том же году, когда умер Георг Саксонский, протестантским стал и Бранденбург, и даже ходили слухи, что три церковных курфюрста, имевших право участвовать в выборах императора, архиепископы Трирский, Кельнский и Майнцский, хотят обратиться в протестантскую веру. Это дало бы протестантам неоспоримое большинство в коллегии курфюрстов по избранию будущего императора, состоявшей из четырех князей и трех архиепископов.

Карл, связанный участием в многочисленных военных конфликтах в разных частях мира, считал единственной возможностью создать противовес Шмалькальденской лиге в образовании союза католических князей. Им стала Нюрнбергская лига, основанная в 1539 году. К тому же политическая обстановка часто вынуждала также Карла идти на компромиссы для сближения позиций католиков и протестантов. С этой целью было проведено несколько встреч, которые, однако, не принесли почти никакого результата. Тем временем Шмалькальденская лига завладела землями Генриха Брауншвейгского, самого верного союзника императора на севере Германии, и герцогство стало протестантским. Несколько епископов, являвшихся также феодальными сеньорами и понимавших, что прихожане их епархий склоняются к лютеранству, секуляризовали свои владения, сделались наследственными сеньорами и заявили о своей поддержке протестантов. Разумеется, большую роль тут сыграли личные амбиции. Вместе с тем неоспоримо, что протестантизм пускал корни по всей Германии и что на протяжении свыше десяти лет власть и влияние императора и папы неуклонно уменьшались.

Однако вскоре протестантизм испытал несколько тяжелых ударов. Первым стало двоеженство Филиппа Гессенского. Князь, возглавлявший Шмалькальденскую лигу, был чистосердечным человеком, беззаветно преданным делу протестантизма. Но совесть у него была нечиста, так как в течение многих лет он не имел с женой супружеских отношений и при этом не находил в себе силы вести аскетическую жизнь. Он был не распутником, а человеком, которому не давало покоя половое влечение и которого мучило чувство вины за его недозволенное удовлетворение. Он обратился за советом к ведущим протестантским богословам, и Лютер, Меланхтон и Буцер (реформатор из Страсбурга) пришли к мнению, что Библия не запрещает полигамию и что Филипп может взять вторую жену, не разводясь с первой. Но это надо было сделать тайно, так как многоженство, не будучи преступлением в глазах Бога, выглядит таковым с точки зрения гражданского права. Так Филипп и поступил, но когда тайное стало явным, разразившийся скандал поставил Филиппа и богословов, давших ему такой совет, в крайне трудное положение. Все это обернулось не только резким падением его морального авторитета, но и ослаблением Шмалькальденской лиги, так как многие ее члены не хотели, чтобы Филипп и дальше возглавлял ее.

Вторым ударом стал отказ герцога Морица Саксонского присоединиться к лиге. Он считал себя протестантом, но хотел проводить собственную независимую политику. Когда Карл заявил, что борется не с протестантизмом, а с бунтом лютеранских князей, и обещал относиться к нему с особенным вниманием, Морис поверил императору и выступил против Шмалькальденской лиги.

Третьим ударом стала смерть Лютера в 1546 году. Хотя его авторитет значительно упал после крестьянского восстания и раскрытия двоеженства Филиппа Гессенского, Лютер оставался единственной фигурой, которая могла объединить протестантов под единым знаменем. Его смерть, наступившая вскоре после раскрытия двоеженства Филиппа, обезглавила протестантскую партию как в политическом, так и в духовном отношении.

Но самый тяжелый удар нанес император, получивший наконец свободу действий для вмешательства в германские дела и стремившийся положить конец упорному сопротивлению мятежных протестантских князей в отместку за веете унижения, которые он претерпел от них. Воспользовавшись растерянностью в рядах протестантов, Карл при поддержке герцога Морица вторгся в Германию и взял в плен Филиппа Гессенского и Иоганна Фридриха, сына и преемника Фридриха Мудрого.

Интерим

Несмотря на одержанную военную победу, император понимал, что навязывать свою волю в религиозных вопросах уже поздно, и довольствовался заключением "Аугсбургского интерима", текст которого был составлен объединенной комиссией католических и протестантских богословов. По указу императора все немцы должны были подчиняться этому интериму (временному распоряжению), названному так потому, что он становился законом вплоть до созыва всеобщего собора для решения спорных вопросов. (Тридентский собор начал работу за три года до этого, в 1545 году, но папа и император были не в ладах, поэтому Карл отказывался признать законность этого собора.) Карл надеялся, вслед за своей бабушкой Изабеллой, реформировать церковь в Германии по испанскому образцу, что предполагало преследование злоупотреблений и стяжательства, распространение благочестивых порядков и знаний и запрет богословских отклонений. С помощью интерима он надеялся выиграть время, необходимое ему, чтобы начать реформы.

Но эта попытка законодательного вмешательства в вопросы совести не доставила удовольствия ни католикам, ни протестантам. Интерим встретил всеобщее неодобрение. Некоторые протестантские богословы наотрез отказывались исполнять его. В Виттенберге протестанты во главе с Меланхтоном составили видоизмененный вариант - "Лейпцигский интерим". Но и он оказался неприемлемым для большинства лютеран, обвинивших Меланхтона и его последователей в трусости. В ответ Меланхтон заявил, что надо отличать главное от второстепенного и что они пошли на уступки во второстепенных вопросах, чтобы иметь возможность проповедовать главное.

Как бы там ни было, Карлу не удалось воспользоваться преимуществами, полученными в результате Шмалькальденской войны. Многие германские князья, в том числе католики, протестовали против неподобающего обращения с Филиппом Гессенским и Иоганном Фридрихом Саксонским. Ходили слухи, что Карлу удалось взять в плен Филиппа, лишь запятнав свою честь. Протестантские князья, среди которых до войны царил разброд, объединились, дабы противостоять интериму. Достигнутые Карлом успехи были не по душе папе и французскому королю, предпринявшим дипломатические контрмеры.

Вскоре протестантские князья организовали против Карла V заговор. Мориц Саксонский, недовольный наградой, полученной от императора за предательство протестантов, и опасавшийся усиления могущества Габсбургов, тоже примкнул к заговорщикам, отправившим посольство к французскому королю, чтобы заручиться его поддержкой. Когда началось восстание, армия французского короля Генриха II вторглась во владения Карла за Рейном. Войск, на верность которых император мог рассчитывать, недоставало, и Карлу пришлось бежать. Но даже это оказалось нелегким делом, так как Мориц Саксонский занял несколько стратегических пунктов, и Карл чуть не попал в плен. Вырвавшись из окружения. Карл приказал своим войскам вернуть захваченный французами Мец. Но французы отбили атаку, а протестантские князья продолжали открыто бунтовать. К концу жизни Карл, вероятно, понял, что вся его германская политика закончилась полным провалом.

Германские дела Карл все больше перепоручал своему брату Фердинанду, который в конце концов заключил с мятежными князьями Пассауский мирный договор. Этим соглашением предписывалось освободить Филиппа Гессенского и Иоганна Фридриха Саксонского и провозгласить по всей империи свободу вероисповедания, - правда, с

некоторыми ограничениями. Эта свобода не означала для подданных право выбирать веру, подразумевая лишь, что местные правители могут принимать решение за самих себя и за своих подданных и что император не должен пытаться обращать протестантских князей в католичество. Кроме того, предоставленная договором свобода вероисповедания распространялась только на католиков и на протестантов, придерживавшихся Аугсбургского исповедания. Анабаптисты и реформаты в расчет не принимались.

Неудача в Германии стала для Карла одной из причин, побудивших его отказаться от власти и уйти в монастырь. В 1555 году он начал "избавляться" от своих земель, отрекшись в пользу сына Филиппа сначала от Нидерландов, затем от своих итальянских владений и, наконец, от испанского престола. В следующем году он официально сложил с себя полномочия императора и удалился в испанский монастырь, где жил в роскоши и откуда продолжал давать наставления своему сыну Филиппу II Испанскому. Умер он два года спустя, в сентябре 1558 года.

Новый император Фердинанд I отказался от религиозной политики брата и проявлял такую терпимость, что у католиков возникли подозрения, не обратился ли он тайно в протестантскую веру. При правлении его самого и его преемника Максимилиана II протестантские идеи, распространяясь все дальше, дошли даже до Австрии - главного наследственного владения Габсбургов. Напряженность в отношениях с католиками неоднократно выливалась в мелкие политические и военные столкновения. Но в конечном счете в следующем столетии все это привело к начавшейся Тридцатилетней войне, речь о которой пойдет ниже.

Скандинавское лютеранство

Пока в Германии происходили все эти события, учение Лютера проникло и в соседнюю Скандинавию. Но если в Германии Реформация и вызванные ею столкновения способствовали разделению страны и укреплению положения аристократии в противовес монархии, в Скандинавии наблюдались прямо противоположные последствия. Там монархи приняли реформаторские идеи и считали их победу своей собственной заслугой.

Теоретически Дания, Норвегия и Швеция составляли единое королевство. Но фактически король правил только в Дании, где располагались его коронные земли. В Норвегии же его власть была весьма ограниченной, а в Швеции, где в качестве регентов правило могущественное семейство Стуре, он вообще не обладал никакой властью. Даже в Дании его возможности сводились к влиянию аристократии и церковных иерархов, упорно отстаивавших старые привилегии и сопротивлявшихся любому посягательству на них со стороны короля. Королевская власть была выборной, поэтому при каждых очередных выборах мирские и церковные магнаты вырывали у претендентов новые уступки. Народ под гнетом светских и церковных сеньоров был вынужден платить все более высокие налоги и подчиняться законам, направленным на защиту интересов властей.

Когда в Германии началась Реформация, скандинавский престол занимал Кристиан II, женатый на сестре Карла V Изабелле. Поскольку шведы отказывались предоставить ему реальную власть в стране, он обратился к своему шурину и другим князьям и с большим иностранным войском вторгся в Швецию, а затем в Стокгольме организовал собственную коронацию. Несмотря на данную им клятву сохранить жизнь своим противникам в Швеции, на следующий день после коронации он устроил "стокгольмскую кровавую баню", в которой погибли ведущие представители церкви и аристократии.

"Кровавая баня" вызвала большое негодование не только в Швеции, но также в Норвегии и даже в Дании - феодальные сеньоры на территориях Кристиана опасались, что, расправившись со шведской аристократией, король примется за них. Христиан

утверждал, что хотел освободить народ Швеции от произвола аристократии. Но вероломные методы расправы с врагами и мощное противодействие церкви привели к тому, что вскоре он утерял остатки популярности.

Тогда для достижения своих целей Кристиан попытался использовать Реформацию. Незадолго до этих событий в Дании появились первые лютеранские проповедники, и народ как будто бы внимательно прислушивался к ним. Но эта политика провалилась, еще усугубив враждебность прелатов к королю, а большинство протестантов предпочли держаться на расстоянии от организатора стокгольмской резни. В конце концов вспыхнуло восстание, и Кристиан был вынужден бежать. Он вернулся восемь лет спустя при поддержке нескольких католических правителей из других частей Европы. Высадившись в Норвегии, он объявил себя поборником католичества. Но дядя и преемник Кристиана Фредерик I разгромил его и бросил в тюрьму, где он оставался все последние двадцать семь лет своей жизни.

Фредерик I был протестантом, и к тому времени многие среди народа и знати придерживались таких же убеждений. Но при избрании новый король обещал, что не будет бороться с католичеством или использовать свою власть в интересах протестантизма. Он понимал, что лучше быть реальным королем небольшого королевства, чем номинальным правителем большого, и отказался от притязаний на шведскую корону, а Норвегии разрешил избрать собственного короля. Норвежцы избрали его самого, поэтому Фредерик мог в определенной мере поддерживать прежнее единство Скандинавии, не прибегая к силе, как его племянник. Кроме того, получив возможность сосредоточиться на датских и норвежских делах, он принял меры для усиления в этих королевствах власти короны. В религиозных вопросах он соблюдал клятву, данную при избрании. Протестантизм между тем, в условиях предоставленной ему свободы, быстро набирал силу. В 1527 году он стал официально признанным вероисповеданием, а ко времени смерти Фредерика в 1533 году большинство его подданных были протестантами.

Тогда была предпринята попытка с помощью иностранного вторжения посадить на престол католического короля. Но войска претендента потерпели поражение, и новым королем стал Кристиан III, убежденный лютеранин, присутствовавший на Вормсском рейхстаге и восхищавшийся учением Лютера и его мужеством. Он быстро принял меры по упрочению протестантизма и ограничению власти епископов. Для помощи в проведении реформ

Лютер, к которому он обратился, выделил проповедников. В конце концов вся датская церковь подписалась под Аугсбургским исповеданием.

Тем временем события в Швеции развивались в том же направлении. Когда Кристиан II пытался подчинить своей власти эту страну, среди захваченных им пленных был молодой швед по имени Густав Эрикссон, более известный как Густав Ваза. Молодой человек совершил побег и, находясь за границей, готовил выступление против Кристиана. Узнав о стокгольмской резне, в которой погибли несколько его родственников, он тайно вернулся на родину. Работая поденщиком и живя среди простых людей, он убедился, что народу ненавистно датское присутствие. Затем с группой последователей из простолюдинов он взялся за оружие и поднял национально-освободительное восстание. После многочисленных побед и боевых подвигов его имя стало легендой. В 1521 году повстанцы провозгласили его регентом королевства, а два года спустя - королем. Спустя несколько месяцев он с триумфом вошел в Стокгольм, где его приветствовали радостными возгласами.

Но королевский титул не давал особой власти, так как знать и прелаты не хотели отказываться от старых привилегий. Новый король начал проводить тонкую политику, надеясь расколоть своих противников. Сначала наиболее суровые меры он принимал в отношении епископов. Он всегда четко разграничивал организаторов бунта и их последователей. Захватив и приговорив к смертной казни двух мятежных епископов, король простил всех их последователей - он заявил, что их просто ввели в

заблуждение. Тем самым он вбивал клин между духовенством и знатью, а также между ними и народом. В тот год, когда произошел мятеж епископов, он созвал сословное собрание риксдаг, состоявшее не только из прелатов и дворян, но также из представителей буржуазии и даже крестьянства. Когда духовенство и знать объединились и отвергли предложенную королем программу реформ, он просто отрекся от власти, заявив, что Швеция еще не созрела для того, чтобы иметь настоящего короля. Три дня спустя перед угрозой хаоса риксдаг согласился вернуть короля и ограничить власть прелатов.

Результатом этого решения риксдага и победы Густава Вазы стала утеря высшим духовенством политической власти. С этого момента лютеранское влияние неизменно росло, а протестантские верования дополнялись роялистскими настроениями. Густав Ваза не отличался глубокими религиозными убеждениями. Но ко времени его смерти в 1560 году Швеция стала протестантской страной с лютеранской церковной иерархией, а монархия превратилась из выборной в наследственную.

Реформация в Нидерландах

У *каждого из нас две руки, и если нас к этому вынудит голод, одну из них мы съедим, чтобы иметь силы сражаться другой.*

ПРОТЕСТАНТ, ЗАЩИЩАВШИЙ ЛЕЙДЕН ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ

В Нидерландах, как и в других частях Европы, приверженцы протестантизма появились очень рано. В 1523 году в Антверпене на костре сожгли двух первых протестантских мучеников. Доподлинно известно, что с этого времени протестантские идеи проникали во все уголки страны. Но политическая обстановка была такой, что распространение протестантизма вскоре оказалось неразрывно связанным с длительной и тяжелой борьбой за независимость.

Политическая обстановка

Земли в устье Рейна, известные под общим названием "Семнадцать провинций", включали в себя территории современных Нидерландов, Бельгии и Люксембурга. Эти земли находились во владении Габсбургов, и Карл V унаследовал их от своего отца, эрцгерцога Австрийского Филиппа Справедливого. Именно там Карл родился и вырос, поэтому местные жители его любили, и при его правлении Семнадцать провинций становились все более сплоченными.

Но отчасти это политическое единство было мнимым. Карл V поощрял создание и развитие общих государственных учреждений, тем не менее при его власти каждая территория сохраняла многие старые привилегии и особые формы управления. Не было и культурного единства - между франкоязычным югом и голландскоязычным севером располагалась область, где преобладающим языком был фламандский. В плане религии все было еще запутаннее, так как епископальное деление не совпадало с политическим, и в составе епископств были даже земли, центры которых располагались за пределами Семнадцати провинций.

Передав в 1555 году, на церемонии в Брюсселе, Семнадцать провинций под управление своему сыну Филиппу II, Карл V надеялся, что тот будет продолжать его политику. Филипп так и намеревался поступить. Но дело, начатое отцом, продолжить было не так-то просто. В Семнадцати провинциях Карла воспринимали как фламандца, и на фламандском языке он говорил лучше, чем на каком-либо другом. Филипп же вырос в Испании и как по языку, так и по мировоззрению был испанцем. Получив от отца в 1556 году испанскую корону, он стал Филиппом II, и было ясно, что для него это самое важное из всех владений. Нидерланды были поставлены на службу Испании и ее интересов. Это в свою очередь породило чувство обиды в правящей верхушке

Семнадцати провинций, которые упорно сопротивлялись попыткам Филиппа завершить объединение этих земель и сделать их наследственным владением испанской короны.

Протестантская проповедь

Еще до начала протестантской Реформации в Нидерландах существовало сильное реформаторское движение. Именно там появились братства общинной жизни и родился величайший из реформаторов-гуманистов Эразм Роттердамский. Одним из главных постулатов братьев общинной жизни была необходимость читать Писание не только на латыни, но и на родном языке народа. Поэтому протестантская Реформация нашла в Нидерландах благодатную почву.

Пришедшие туда лютеранские проповедники обратили множество людей. Затем больших успехов добились анабаптисты, особенно те, кто следовал учению Мельхиора Гофмана. Показательно, что лидерами "Нового Иерусалима" в Мюнстере были уроженцы Нидерландов. Пока Мюнстер держался, к осажденным пытались присоединиться многие из соотечественников, но императорские войска перехватывали и убивали их. Затем анабаптисты предприняли несколько неудачных попыток захватить города в самих Семнадцати провинциях. Наконец, в Нидерланды хлынули кальвинистские проповедники из Женевы, Франции и Южной Германии. В конечном счете наибольших успехов добились именно эти проповедники, и кальвинизм стал преобладающей формой протестантизма на этих территориях.

Карл V принимал суровые меры, чтобы пресечь здесь распространение протестантизма. Он издал несколько эдиктов, направленных против протестантов и в первую очередь против анабаптистов. Частота появления этих эдиктов - они буквально следовали один за другим - свидетельствует, что они не достигали поставленной цели: воспрепятствовать распространению протестантизма и обращению в него. За веру погибли десятки тысяч людей. Учителей сжигали на кострах, их последователям отрубали головы, многих женщин живьем закапывали в землю. Но несмотря на такие жестокие наказания, протестантизм продолжал пускать корни. Есть свидетельства, что к концу правления Карла его религиозная политика встречала все большее сопротивление. Но Карл пользовался популярностью, к тому же большинство населения все еще было убеждено, что протестанты - еретики и вполне заслуживают наказания.

К Филиппу, которого в Нидерландах никогда не любили, стали относиться еще с большей неприязнью из-за его безрассудства, упрямства и лицемерия как политика. Решив вернуться в Испанию и оставить в провинциях в качестве наместника свою сводную сестру Маргариту Пармскую, он, дабы укрепить свою власть в Нидерландах, разместил там испанские войска, которые должны были содержаться за счет местных средств. Вскоре между испанскими солдатами и коренными жителями, не видевшими необходимости в присутствии иностранных войск, начались трения и конфликты. Коль скоро не было войны, их присутствие означало, что Филипп сомневается в лояльности своих подданных.

Одновременно были назначены новые епископы, получившие инквизиторские полномочия. Церковь в Семнадцати провинциях, несомненно, нуждалась в реорганизации, но Филипп избрал неудачное время и поступил неразумно, объясняя свои действия необходимостью искоренить ересь. Между тем жители Нидерландов знали, что в Испании инквизиция превратилась в орудие королевской политики, и опасались, что и у них в стране король намеревается сделать то же самое.

Но еще хуже было то, что Филипп и наместница пренебрежительно относились к самым лояльным из своих подданных. Правда, Вильгельм Оранский, близкий друг Карла V, и граф Эгмонт, выдающийся военачальник, были введены в Государственный совет. Но все важные решения принимались без них регентшей и ее иностранными советниками. Самым ненавистным среди этих советников был кардинал Гранвелла, которого жители Нидерландов винили во всех выпавших на их долю несправедливостях и унижениях.

Они неоднократно возмущались действиями Гранвелла, и из-за протестов король отозвал его. Но вскоре стало ясно, что низложенный кардинал всего лишь подчинялся указаниям своего повелителя и что вся эта оскорбительная для страны политика проводится с ведома самого короля.

В поисках справедливости руководители Семнадцати провинций отправили в Испанию графа Эгмонта. Филипп принял его с почестями и обещал радикальные перемены. Обрадованный полученными заверениями, Эгмонт вернулся на родину. Но, вскрыв перед Советом переданное ему Филиппом запечатанное письмо, он испытал жестокое разочарование - оно явно противоречило обещаниям, которые ему дал король. В то же самое время Филипп отправил указания Маргарите проводить в жизнь решения Тридентского собора в отношении протестантизма, карая смертной казнью тех, кто будет этому противиться.

Распоряжения короля вызвали большое волнение. У должностных лиц и судей в Семнадцати провинциях не поднималась рука истребить такое количество своих сограждан, которых королевский указ приговаривал к смертной казни. В ответ на указания Филиппа несколько сот представителей дворянства и буржуазии обратились к наместнице с петицией отказаться от такой политики. Маргарита заколебалась, но в этот момент вмешался один из придворных, посоветовав ей не обращать внимания на "этих нищих".

Гезы

На патриотов эти слова произвели сильное впечатление. Раз угнетатели называют их нищими (гезами[9]), они и сами будут называть себя так же. Кожаная сума нищего стала знаменем восстания, охватившего все население страны, а не только дворянство и буржуазию. Знамена мятежников развевались повсюду, и власти не знали, как подавить сопротивление.

Еще до начала боевых действий движение приняло религиозную окраску. На митингах, на которые часто собирались под охраной вооруженных "нищих", раздавались призывы защищать протестантизм и оказывать сопротивление властям. Опасаясь более серьезных беспорядков, войска не разгоняли эти собрания. Были также группы иконоборцев, которые врывались в церкви, опрокидывали алтари и уничтожали иконы и другие символы старой религии. Во время этих бесчинств никто не вмешивался - одни в душе радовались, а другие поражались, что небо не карает тех, кто совершает подобное кощунство.

Наконец Государственный совет был вынужден обратиться к Вильгельму Оранскому, советами которого он часто пренебрегал. Проявив такую же верность, с какой он служил Карлу, и рискуя жизнью, Вильгельм вмешался в ход событий. Благодаря призывам и уговорам его самого и других людей, оказавших ему поддержку, волна насилия спала, а иконоборцы прекратили погромы церквей. Но произошло это только после того, как Совет приостановил деятельность инквизиции и ввел ограниченную свободу вероисповедания. Со своей стороны, гезы обещали воздерживаться от каких-либо акций, если правительство не будет восстанавливать инквизицию или прибегать к другим формам угнетения.

Но такого короля, как Филипп, не могло поколебать сопротивление подданных. С грубой откровенностью он заявил, что не желает быть "господином еретиков". Старый принцип "нельзя доверять неверному" вполне отражал суть происходящего. Дав обещание придерживаться достигнутых в Провинциях соглашений и простить мятежников, он одновременно занялся подготовкой армии, чтобы силой навязать Нидерландам свою волю и свою веру. Вильгельм Оранский, знавший о двуличности короля, посоветовал своим друзьям, в частности графам Эгмонту и Горну, объединиться и организовать вооруженное сопротивление. Но они поверили обещаниям короля, и Вильгельм удалился в свои владения в Германии.

Буря не заставила себя ждать. В начале 1567 года герцог Альба вторгся в страну с испанскими и итальянскими войсками. Король наделил его такими полномочиями, что он, по сути дела, стал истинным правителем, тогда как у регентши осталась лишь номинальная власть. Ему вменялось в задачу потопить в крови восстание и ересь. Одной из первых его мер стало учреждение Совета по делам о мятежах, который народ вскоре окрестил "Кровавой палатой". Суд Альбы не был связан никакими правовыми положениями, ибо, как он сам объяснял Филиппу, легальные методы позволяют признавать виновными лишь тех, чьи преступления доказаны, теперь же "государственные преступления" требуют принятия более решительных мер. Протестанты осуждались за ересь, а католики за недостаточную решимость в противоборстве с ересью. Уже одно только сомнение в правомочности Совета по расследованию беспорядков считалось государственной изменой, равно как и неприятие реорганизации церкви или заявления о том, что у Провинций есть права и привилегии, отменить которые король не может. Казненных по этим обвинениям было так много, что авторы того времени писали о витавшем в воздухе запахе смерти и о сотнях повешенных на деревьях вдоль дорог. Графы Эгмонт и Горн, проявив наивную доверчивость, с осознанием выполненного долга остались на своих землях, но были арестованы и предстали перед судом. Поскольку сам Вильгельм Оранский был недосягаем, Альба арестовал его пятнадцатилетнего сына Филиппа Вильгельма и отправил его в Испанию. На это Вильгельм ответил тем, что всемерно способствовал снаряжению армии для вторжения в Нидерланды. Но Альба, после нескольких одержанных побед, приказал казнить Эгмонта и Горна.

Казалось, Альба все подчинил своему контролю, но повстанцы получили помощь с неожиданной стороны. Вильгельм Оранский предоставил каперские свидетельства морякам в надежде, что они смогут нарушить торговое сообщение Альбы с Испанией. Эти "морские гезы", поначалу попросту пираты, со временем превратились в более организованное сообщество, и военно-морской флот Филиппа уже не мог с ними справиться. Одно время им оказывала покровительство английская королева Елизавета, разрешая продавать захваченную добычу в английских портах. Затем Испания вынудила Елизавету изменить политику. Но морские гезы уже набрали достаточную силу, и от них так просто было не избавиться. В результате блестяще проведенной операции они захватили город Бриль, добились еще ряда значительных успехов, после чего о них стали слагать легенды, - они и вдохновляли патриотов, сражавшихся на суше. Несколько городов встали на сторону Вильгельма Оранского, когда тот опять вторгся в Нидерланды, на этот раз при поддержке французов. Но французы вели себя неискренне, и известие о резне в Варфоломеевскую ночь (речь о которой пойдет в следующей главе) побудило Вильгельма на подходе к Брюсселю оставить надежды на сотрудничество протестантов с французской короной. Не имея собственных средств и не рассчитывая еще на чью-либо помощь, Вильгельм был вынужден распустить войска, состоявшие в основном из наемников.

Месть Альбы была ужасной. Его войска, захватывая город за городом, каждый раз нарушали условия капитуляции. Пленных убивали просто из мести, а несколько городов, оказавших сопротивление, были преданы огню. Наряду с повстанцами без разбора убивали женщин, детей и стариков. Вскоре в руках Альбы оказались все опорные пункты повстанцев.

И только на море повстанцы еще сохраняли силу. Гезы одерживали над испанцами победу за победой и даже взяли в плен адмирала. У Альбы возникли сложности со снаряжением и провиантом, и в его войсках росло недовольство. Устав от долгой борьбы и не получая из Испании необходимой технической и военной поддержки, Альба попросил перевести его в другое место.

Новый испанский наместник Луис де Рекесенс разумно решил воспользоваться религиозными разногласиями среди повстанцев. Он поставил целью заключить сепаратный мир с католиками южных провинций, вбив тем самым клин между ними и протестантами, проживавшими в основном на севере. До тех пор религиозный вопрос был всего лишь одной из многих составляющих того, что по сути представляло собой

национально-освободительное восстание против иноземного угнетения. Лидер восстания Вильгельм Оранский был либеральным католиком, по крайней мере - до вынужденного отъезда в Германию, и лишь в 1573 году объявил себя кальвинистом. Но политика Рекесенса по нейтрализации южных католических провинций выдвинула религиозный фактор на первый план.

Положение протестантов было отчаянным. Рассчитывать они могли только на морских гезов, так как на суше их войска постоянно терпели сокрушительные поражения. Переломным событием стала осада Лейдена, важного торгового центра, заявившего о приверженности протестантизму и окруженного испанскими войсками. Отряд, отправленный Вильгельмом Оранским для снятия осады, был разгромлен испанцами, и в этом бою погибли два брата Вильгельма. Казалось, что пришел конец, но Вильгельм, которого враги называли "Молчаливым" или "Хитрецом", предложил разрушить дамбы и затопить окружавшие Лейден поля. Принять такое решение значило свести на нет результаты многолетних трудов и потерять значительную часть пахотных земель. Но жители пошли на это. Осажденные же, несмотря на неимоверные трудности из-за нехватки продовольствия, продержались четыре месяца, - за это время море подошло к Лейдену. Воспользовавшись этим, подошли морские гезы, провозгласившие, что они скорее станут турками, чем папистами. Не получая поддержки с моря, испанцы были вынуждены снять осаду.

В это время умер Рекесенс. Его войска, лишившись военачальника и не получая платы, взбунтовались и принялись грабить южные города, менее защищенные по сравнению с северными. Это привело к воссоединению Семнадцати провинций, подписавших в 1576 году так называемое "Гентское умиротворение". В этом союзном договоре южных и северных провинций со всей очевидностью провозглашалось, что решающее значение имеет национальная независимость, а не религиозные разногласия. Это соглашение поддержал Вильгельм Оранский, который всегда заявлял, что религиозный догматизм и сектантская нетерпимость представляют собой одно из главных препятствий на пути к единству и независимости Нидерландов.

Следующим испанским наместником стал дон Хуан Австрийский, внебрачный сын Карла V и, следовательно, сводный брат Филиппа II. Он был одним из наиболее почитаемых героев христианского мира за подвиги, совершенные в морском сражении с турками при Лепанто, тем не менее ему не разрешали войти в Брюссель, пока он открыто не заявит о согласии с условиями "Гентского умиротворения". Но Филипп II не хотел отказываться от борьбы. В Нидерланды была послана еще одна армия, и южные провинции опять уклонились от участия в сопротивлении. Тогда северные провинции наперекор совету Вильгельма Оранского образовали собственный союз для защиты своей свободы и веры.

Борьба продолжалась несколько лет. Завладев южными провинциями, испанцы никак не могли покорить северные. В 1580 году Филипп II выпустил прокламацию с обещанием награды в 25 000 крон и возведения в дворянское сословие любого, кто убьет Вильгельма Молчаливого. В ответ на это Вильгельм и его сторонники заявили, что они не подчиняются никакой королевской власти. Но три года спустя, после нескольких неудачных попыток, одному из претендентов на награду удалось все же убить Вильгельма. (Филипп в очередной раз не сдержал слова, сначала вообще отказавшись выплатить награду, а затем выплатив ее частично.) Филипп надеялся, что смерть Вильгельма положит конец восстанию. Но сын Вильгельма Мориц, которому тогда было всего девятнадцать лет, проявил себя еще более одаренным военачальником, чем отец, и возглавил войска повстанцев, одержавшие под его руководством несколько замечательных побед.

В 1607 году, почти через десять лет после смерти Филиппа II, Испания пришла к выводу, что потери в этой войне не стоят затраченных на нее усилий, и подписала перемирие. К этому времени большинство населения в северных провинциях стало кальвинистским и сочетало кальвинистскую веру с националистическими убеждениями, тогда как южные провинции оставались католическими. В конечном счете религиозные,

экономические и культурные различия привели к образованию трех стран - протестантских Нидерландов и католических Бельгии и Люксембурга.

Протестантизм во Франции

К Тебе взываем, Господи: допустишь ли Ты такие преступления, попирающие честь Твою?

ЭТЬЕН ДЕ МЕЗОНФЛЕР

К началу XVI века ни одна другая западноевропейская страна не достигла такого уровня национально-государственного единства и централизации власти, как Франция. Тем не менее на всем протяжении этого столетия мало найдется стран, где нация была бы до такой степени расколота. К этому привели непрекращавшиеся конфликты между протестантами и католиками, вылившиеся во Франции в долгую междоусобную войну.

Непостоянство королевской политики

В начале Реформации во Франции правил Франциск I, последний выдающийся король династии Валуа. Его религиозная политика всегда была двойственной и непостоянной. С одной стороны, он не хотел, чтобы протестантизм проникал на его территории, способствуя расколу, а с другой - поощрял его распространение в Германии, где для его соперника Карла V это оборачивалось болезненной проблемой. Таким образом, хотя Франциск никогда не оказывал поддержки французским протестантам, его отношение к ним менялось в зависимости от требований политической целесообразности. Когда с целью ослабления позиций Карла V он стремился установить более тесные связи с немецкими протестантами, ему приходилось предоставлять определенную свободу тем, кто в его собственной стране исповедовал ту же веру. В иные же времена французские протестанты подвергались гонениям, как это было и в прочих католических странах. Несмотря на такие колебания, протестантизм приобрел во Франции множество приверженцев, особенно среди образованных людей и дворян. Такое чередование периодов затишья и суровых гонений вынудило многих французских протестантов, среди прочих - Жана Кальвина, эмигрировать из страны. Из расположенных неподалеку городов, таких как Женева и Страсбург, эмигранты наблюдали за событиями, происходившими на родине, и вмешивались в них, когда предоставлялась возможность.

Тем временем в расположенном по соседству (между Францией и Испанией) Наваррском королевстве сестра Франциска Маргарита Ангулемская, вышедшая замуж за короля Генриха Наваррского, поощряла распространение реформаторского движения. Она была образованной женщиной и, когда еще жила во Франции, поддерживала французских реформаторов-гуманистов. Теперь же она предоставила церковь при своем дворе французским протестантам, бежавшим с территорий ее брата. Из Наварры и из городов, расположенных неподалеку от французской границы, таких как Страсбург и Женева, во Францию тайными путями постоянно переправлялись протестантские книги. Но несмотря на все это, до 1555 года никаких сведений о существовании протестантских церквей нет.

Франциск I умер в 1547 году, и его сменил сын Генрих II, продолживший политику отца, хотя с протестантизмом он боролся тверже и с большей жестокостью. Но несмотря на преследования, именно при Генрихе была создана первая протестантская церковь по образцу, установленному находившимся в изгнании Кальвином. Четыре года спустя, когда собрался первый национальный синод, церкви существовали уже по всей стране. Это собрание, тайно организованное близ Парижа, приняло "Исповедание веры" и "Дисциплинарный устав" новой церкви.

Вскоре после этого Генрих II умер от раны, полученной во время рыцарского турнира. Он оставил четырех сыновей, трое из которых будут поочередно занимать престол -

Франциск II, Карл IX и Генрих III, - и трех дочерей, в том числе Маргариту Валуа. Матерью их была Екатерина Медичи, честолюбивая женщина, стремившаяся через своих детей управлять страной.

Но исполнению планов Екатерины препятствовали предводители рода Гизов. Это семейство из Лотарингии заняло видное положение при Франциске I. Позднее военачальник Франсуа де Гиз и его брат Карл, кардинал Лотарингии, были основными советниками Генриха П. Теперь же эти два брата фактически правили страной от имени молодого Франциска II, не интересовавшегося государственными делами. Но полученная ими власть вызывала недовольство у представителей более древних родов, в особенности у "принцев крови", то есть ближайших родственников короля.

В число этих принцев крови входили Антуан де Бурбон и его брат Луи де Конде. Первый был женат на Жанне д'Альбре, дочери Маргариты Наваррской, следовавшей религиозным убеждениям матери и ставшей кальвинисткой. Ее муж Антуан и деверь Луи приняли ее религиозные взгляды, и таким образом протестантские идеи проникли в сферу высшей аристократии королевства. Поскольку Гизы были убежденными католиками и стремились искоренить протестантизм, их борьба с Бурбонами вскоре приняла религиозную окраску. Затем был раскрыт амбуазский заговор, имевший целью устранить Гизов из окружения короля. Нельзя сказать, что заговорщики руководствовались исключительно религиозными мотивами, но большинство из них были "гугенотами" - этим словом неясного происхождения называли французских протестантов. Среди участников заговора, брошенных Гизами в тюрьму, был Луи де Конде. Это вызвало большие волнения среди знати, как протестантской, так и католической, опасавшейся, что суд над принцем крови и его осуждение станут тяжелым ударом по ее древним привилегиям.

В этот момент Франциск II неожиданно умер. Екатерина Медичи быстро вмешалась в события и приняла титул регентши своего десятилетнего сына Карла IX. Гизы неоднократно расстраивали ее планы и унижали ее, поэтому она фазу же освободила Конде и присоединилась к гугенотам в их борьбе за ограничение влияния лотарингского семейства, как называли Ги-зов. К этому времени гугенотов во Франции было уже много, о чем свидетельствовало количество протестантских церквей, приближавшееся к двум тысячам. Поэтому Екатерина, будучи католичкой, из политических соображений поддерживала протестантов. Тех из них, кто томился в заключении, освобождали, мягко увещевая отказаться от ереси. Затем она устроила в Пу-асси встречу протестантских и католических богословов для достижения соглашения между ними. Как и следовало ожидать, из этого ничего не вышло. Тогда в 1562 году регентша издала Сен-Жерменский эдикт, предоставлявший гугенотам свободу вероисповедания, но запрещавший им владеть местами для богослужений, проводить синоды без предварительного разрешения, собирать денежные средства, содержать вооруженные силы и так далее. Таким образом, гугеноты получили всего лишь право собираться на службы, если они происходят вне городов, в дневное время и без оружия. Тем самым Екатерина надеялась завоевать расположение протестантов, одновременно ограничив их возможное политическое или военное влияние. Она хотела, чтобы гугеноты стали опасны для лотарингского семейства, не угрожая при этом единству страны или королевской власти.

Гизы отказались подчиниться эдикту в надежде подорвать тем самым власть Екатерины. Спустя два с небольшим месяца после провозглашения эдикта братья Гизы с отрядом из двухсот вооруженных дворян окружили конюшню в деревушке Васси, где гугеноты собрались на службу, и перебили всех, кого могли.

Убийства в Васси привели к первой из долгой серии религиозных войн, прокатившихся по Франции. После нескольких мелких столкновений обе стороны собрали войска и выступили на поле боя - католики под командованием герцога де Гиза, а протестанты - адмирала Гаспара де Колиньи. В большинстве битв победу одержали католики, но их командующий был убит дворянином-протестантом, и ровно через год после убийств в Васси стороны согласились на перемирие, предоставлявшее гугенотам определенную

свободу. Но мир продолжался недолго - в период между 1567 и 1570 годами вспыхнули еще две религиозные войны.

Варфоломеевская ночь

После продолжительных войн заключенный в 1570 году договор давал надежду на установление долгого мира. Екатерина Медичи проявляла готовность пойти на уступки протестантам, чтобы заручиться их поддержкой в своей борьбе с Гизами за власть. В 1571 году Колиньи появился при дворе и произвел на молодого короля такое благоприятное впечатление, что тот величал его своим "отцом". Постепенно вызревал замысел брака между дочерью Екатерины Маргаритой Валуа и сыном Антуана протестантским принцем Генрихом Бурбоном. Для гугенотов, которые после долгих лет противостояния получили возможность свободно появляться при дворе, все как будто бы складывалось хорошо.

Но за этой благостной видимостью скрывались совсем иные помыслы. Генрих, новый герцог Гиз, был убежден, что его отца убили по приказу Колиньи, и жаждал мести. Екатерина все больше опасалась возросшего влияния протестантского адмирала, который завоевал доверие и восхищение короля. Возник заговор с целью убрать адмирала, который был одним из самых честных людей в те бурные времена.

На венчание Генриха Бурбона, к тому времени ставшего королем Наварры, и сестры французского короля Маргариты Валуа в Париж съехались наиболее видные гугеноты. Церемония состоялась 18 августа в атмосфере всеобщей радости и примирения. Дружеский прием и очевидные проявления доброй воли короля усыпили бдительность протестантов. Когда Колиньи возвращался из Лувра в особняк, где он остановился, кто-то выстрелил в него из окна, принадлежавшего Гизам. Он потерял палец на правой руке и был ранен в левую. Но покушение на его жизнь не удалось.

Возмущенные таким коварством, гугеноты, верившие в гостеприимство короля, потребовали расследования. Карл IX отнесся к расследованию серьезно, и появились сведения, что стреляли из аркебузы, принадлежащей герцогу Гизу, и что покушавшийся скрылся на лошади из конюшни Екатерины. Подозревали даже, что в заговоре участвовал брат короля Генрих Анжуйский, ставший впоследствии Генрихом III. Разгневанный король запретил Гизам появляться при дворе, а следствие продолжилось.

Заговорщики тем временем перешли к решительным действиям. Екатерина убедила Карла, что гугеноты организовали широкий заговор с целью свержения его с престола и что во главе заговора стоит Колиньи. Король, всегда отличавшийся мягкотелостью, все принял за чистую монету: дорога к избиению протестантов была открыта.

В ночь на 24 августа 1572 года (день св. Варфоломея) герцог де Гиз с согласия Карла IX и Екатерины Медичи собрал своих людей и парижскую милицию и подробно им разъяснил, в какие дома врываться и кто должен стать их жертвами. Убийство Колиньи, который еще не оправился от ранения, он взял на себя. Адмирала застали врасплох в его спальне и искромсали кинжалами. Еще живым, его выбросили из окна поджидавшему внизу герцогу, который приказал добить его. Затем его тело изуродовали, а то, что от него осталось, повесили на виселице в Монфоконе.

Та же участь ждала чуть ли не две тысячи гугенотов. Рассказывают, что даже в Лувре, королевском дворце, по лестницам текла кровь. Двух протестантских принцев крови Луи де Конде и Генриха Бурбона (короля Наварры, ставшего также зятем Карла) приволокли к французскому королю, где они отреклись от своей веры, тем самым сохранив себе жизнь.

Резня в Париже стала сигналом к избиению гугенотов в провинциях. Герцог де Гиз распорядился, чтобы бойня охватила всю Францию. Несколько не поступившихся

совестью судей отказались исполнять приказ, заявив, что они не палачи и не убийцы. Но большинство подчинились, и число жертв достигло десятков тысяч.

Известие об этом распространилось по всей Европе. Как уже отмечалось, Вильгельм Оранский, приближавшийся к Брюсселю с армией, которую он собрал благодаря поддержке французов (и позднее женившийся на одной из дочерей Колиньи), счел своим долгом распустить войска и прекратить кампанию. В Англии Елизавета надела траур. Императора Максимилиана II это известие повергло в ужас, хотя он и был убежденным католиком. В Риме и Мадриде реакция была иной. Папа Григорий XIII, заявив, что сожалеет о пролитии крови, вместе с тем распорядился отслужить @*Te Deum"* в ознаменование Варфоломеевской ночи и совершать эту службу каждый год в память о таком славном событии. Согласно испанским источникам, Филипп II, узнав о резне, впервые прилюдно улыбнулся и тоже приказал спеть *"Te Deum"* и совершить другие службы.

"Война трех Генрихов"

Несмотря на многочисленные потери, протестантизм не умер. Лишившись в результате резни военачальников, гугеноты укрепились в Ла-Рошели и Монтобане, ранее переданных им по мирному договору, и заявили, что готовы сражаться не только с Гизами, но и с королем, которого называли теперь предателем и убийцей. Им оказывали поддержку многие католики, уставшие от междоусобных войн и кровопролития и убежденные в необходимости проводить политику терпимости. Что касается Карла IX, было ясно, что он не способен управлять страной, которая вплоть до его смерти в 1574 году балансировала на грани хаоса.

Корона перешла к его брату Генриху Анжуйскому, ставшему Генрихом III, одному из вдохновителей резни. Ранее Екатерина Медичи добилась его избрания королем Польши. Но, узнав о смерти брата, он примчался в Париж и предъявил претензии на французский престол, не удосужившись отречься от польского. Как и его мать, Генрих исповедовал лишь те принципы, которые были необходимы для захвата и удержания власти. Поэтому, сочтя выгодным для себя мир с протестантскими повстанцами, он предоставил им свободу вероисповедания повсюду, за исключением Парижа.

Наиболее воинственно настроенные католики во главе с герцогом де Гизом отреагировали на это весьма решительно. Заручившись поддержкой Испании, они объявили гугенотам войну. В конце концов к ним примкнул и Генрих III. Так началась еще одна религиозная война - восьмая в казавшейся бесконечной череде войн, истощавших страну и ничего не решавших, так как гугеноты были слишком слабы, чтобы разгромить католиков, а у тех в свою очередь недоставало сил для искоренения протестантизма.

Но тут события приняли неожиданный оборот. Младший сын Генриха II и Екатерины Медичи умер, не оставив наследника. Поскольку у короля не было прямого наследника, престол по закону принадлежал Генриху де Бурбону, королю Наварры. Этому правителю, которого после Варфоломеевской ночи держали в плену в Париже, в 1576 году удалось бежать. Затем он в четвертый (и не в последний) раз сменил религию, объявив себя протестантом. Распутный образ жизни Генриха (и его жены) был не по нраву гугенотам, тем не менее он стал вождем протестантского движения. Таким образом, в силу сложившихся обстоятельств законным наследником престола оказался протестант.

Допустить такое католики не могли. Еще до того, как король умер и престол освободился, они пытались найти иное решение и выдвинули в качестве законного наследника престола Генриха де Гиза. В Лотарингии якобы нашли документ, удостоверявший, что Гизы ведут свой род от Карла Великого и поэтому обладают большими правами на престол, чем Бурбоны и даже Валуа, к династии которых принадлежал последний король Генрих III.

Так сформировались три политические группировки с тремя Генрихами во главе. Законный король Генрих III был среди них наименее достойным. Притязания претендента от католиков Генриха де Гиза основывались на явно фальшивом документе. Лидер же протестантов Генрих де Бурбон претендовал не на сам престол, а только на право его наследовать.

Война велась вяло, пока Генрих де Гиз не захватил Париж и не провозгласил себя королем. В ответ Генрих III прибег к тем же методам, которые ранее Генрих де Гиз использовал против протестантов, - за два дня до Рождества 1588 года герцога убили по приказу короля Генриха де Гиза.

Но католическая оппозиция не смирилась. Мало кто доверял королю, который слишком часто прибегает к политическим убийствам. Католики нашли новых лидеров и продолжили борьбу. Вскоре положение короля стало отчаянным, и у него не оставалось другого выхода, как только бежать из Парижа и искать защиты в лагере своего соперника Генриха де Бурбона, который хотя бы признавал его законным королем.

Генрих де Бурбон принял короля с должным почтением и предоставил ему убежище, но не разрешил вмешиваться в проводившуюся им политику. Однако такая неопределенность продолжалась недолго - в протестантский лагерь проник фанатично настроенный доминиканский монах, убежденный, что король - тиран, и убивший короля, не видя в данных обстоятельствах иного выхода.

Со смертью Генриха III война не закончилась. Законный наследник престола Генрих де Бурбон принял имя Генриха IV. Но французские католики не хотели иметь протестантского короля. Филипп II искал возможности самому завладеть Францией. Папа заявил, что претензии Генриха Бурбона на престол безосновательны. Ввиду всего этого война продолжалась еще четыре года. В конце концов Генрих пришел к выводу, что ему не удержать престол, если он не станет католиком, и в очередной раз сменил религию. Вполне вероятно, что он никогда не произносил приписывающихся ему слов: "Париж стоит мессы", но в них выражено все то, что он чувствовал. Через год после пятого обращения новый король вступил в Париж - так закончились продолжавшиеся не одно десятилетие религиозные войны.

Став католиком, Генрих IV не забыл своих старых товарищей по оружию. Наоборот, он так заботился о них и так им покровительствовал, что особо твердолобые католики продолжали считать его еретиком. Наконец, 13 апреля 1598 года он издал Нантский эдикт, предоставлявший гугенотам свободу вероисповедания везде, где у них были церкви, за исключением Парижа. Он также гарантировал им безопасность, отдав им все укрепленные города, которыми они располагали в 1597 году.

Несмотря на непостоянство религиозных убеждений и распутный образ жизни, Генрих IV был мудрым правителем. При нем страна процветала, и он очень быстро завоевал уважение своих прежних врагов. Но религиозная нетерпимость и религиозные предрассудки не исчезли, и Генрих пал их жертвой в 1610 году, когда его жизни положил конец католик-фанатик, убежденный, что король - протестантский еретик и что его смерть угодна Богу.

Католическая реформация

На кресте Господь Неба и земли, И мир зарождается В разгар войны.

СВ. ТЕРЕЗ А

В протестантизме нашли выражение не все из разнообразных и весьма мощных реформаторских течений, развивавшихся в Европе. Задолго до протеста Лютера многие призывали к реформированию церкви и всячески этому способствовали. Это в первую очередь относится к Испании, где при королеве Изабелле и кардинале Франсиско

Хименесе де Сиснеросе католическая реформация уже шла полным ходом, когда Лютер был еще мальчиком.

Реформация испанского католичества

Когда Изабелла в 1474 году взошла на кастильский престол, церковь в ее стране отчаянно нуждалась в реформах. Как и повсюду в Европе, многие прелаты были также крупными феодальными сеньорами, интересовавшимися больше войнами и интригами, чем духовным состоянием верующих. Большинство простых священнослужителей плохо знали свое дело - многие из них не были способны ни на что другое, кроме как отслужить мессу. Во всех европейских странах монашество пришло в упадок, и некоторые крупные обители и монастыри превратились в привилегированные пристанища для внебрачных детей королевской семьи и знати.

Изабелла была полна решимости реформировать церковь, и с этой целью прежде всего испросила у папы право самой назначать служителей на высокие церковные должности. Ее муж Фердинанд, король соседнего Арагона, добился того же для своих территорий. Но мотивы у них были совершенно разными. Изабелла искала возможности провести церковную реформу, тогда как в глазах Фердинанда право назначать прелатов было важным политическим инструментом для укрепления короны. Поэтому Изабелла всеми силами старалась подбирать на вакантные должности наилучших кандидатов, тогда как Фердинанд назначил архиепископом Сарагоссы, столицы королевства, своего внебрачного сына, которому было тогда всего шесть лет от роду.

Ее муж Фердинанд никак не помогал Изабелле осуществлять реформы, но зато она нашла поддержку у своего духовника Франсиско Хименеса де Сиснероса. Он был францисканцем строгих правил и провел десять лет в тюрьме за отказ участвовать в грязной политике того времени. В тюрьме он изучил древнееврейский и халдейский языки, так как его интересовали ученые труды гуманистов. Наконец, по рекомендации реформаторски настроенного епископа Толедо (назначенного Изабеллой), он стал духовником королевы. Когда архиепископ умер, Изабелла предприняла необходимые шаги для назначения на эту самую важную в королевстве церковную должность Хименеса. Хименес отказался, и королева добилась от папы Александра VI (которого никак нельзя назвать реформатором) папской буллы с повелением несговорчивому монаху принять предложение.

Королева и архиепископ занялись реформированием монастырей. Они посещали самые крупные монашеские обители и те из них, которые особенно славились своей распущенностью, призывая всех вернуться к соблюдению монашеских обетов, порицая тех, кто не возрастал в благочестии, а порой сурово наказывая сопротивляющихся. В Рим пошли письма с протестами. Но папа, хотя он и не был реформатором, как политик понимал, что с королевой надо поддерживать дружеские отношения. В результате положение Изабеллы еще больше упрочилось, и даже самые коррумпированные среди прелатов королевства были вынуждены принять участие в реформе церкви.

Важную роль в реформаторской программе Изабеллы играли эрудиция Хименеса и особенно его глубокий интерес к Писанию. Изабелла была убеждена, что и церковь, и испанское королевство в целом нуждаются в образованных руководителях, и поэтому поощряла распространение просвещения. Она сама была человеком ученым и окружила себя множеством образованных мужчин и женщин. При поддержке Фердинанда она развивала книгопечатание, и вскоре типографии появились во всех крупных городах их королевств. В осуществлении всех этих проектов активное участие принимал Хименес. Но самыми значительными его начинаниями были основание университета в Алкале и публикация "Камплутской полиглоты". Выпускниками Алкальского университета, расположенного в нескольких милях от Мадрида, вскоре стали многие выдающиеся представители испанской религиозной и литературной жизни, в том числе Сервантес и Лойола. "Камплутская полиглота" (от латинского названия города Алкалы - Камплут) представляла собой большое издание Библии на

нескольких языках, подготовленное лучшими из местных ученых: трое обращенных из иудаизма готовили древнееврейский текст, критянин и два испанца отвечали за греческий текст, лучшие латинисты Испании работали над текстом Вульгаты. Текст, располагавшийся в параллельных колонках, вышел в шести томах (четыре первых - Ветхий Завет, пятый - Новый Завет и шестой - развернутое исследование древнееврейской, халдейской и греческой грамматик). Работа была закончена в 1517 году, но опубликовали это издание только в 1520 году. Рассказывают, как радовался Хименес "этому изданию Библии, раскрывающему в столь трудные времена священные источники нашей религии, из которых изольется богословие куда более чистое, нежели то, которое исходит из менее прямых источников". Заяви он так открыто о превосходстве Писания над преданием несколько лет спустя, его бы обвинили в "лютеранской ереси".

Однако интерес Хименеса и Изабеллы к научным изысканиям отнюдь не побуждал их к большей терпимости. Исследования поощрялись, если они способствовали оздоровлению обычаев и исправлению нравственных норм. Но любые отклонения в вероучительных вопросах строго наказывались. Инквизиция, находившаяся официально в руках папы и использовавшаяся в основном как инструмент папской политики, была передана папой в ведение Фердинанда и Изабеллы. Главой инквизиции в Кастилии был назначен доминиканский монах Томас Торквемада, известный своей бескомпромиссностью, ярый сторонник ортодоксии, и его имя получило широкую известность благодаря рвению, с которым он преследовал тех, кого считал еретиками. Ими были в основном принудительно обращенные евреи, которых теперь обвиняли в "иудействовании".

Во время правления Изабеллы при твердой поддержке Хименеса давление на иудеев и на "иудействующих" христиан усиливалось. Наконец, в 1492 году был издан указ, согласно которому все евреи должны были либо принять крещение, либо покинуть территории, принадлежавшие Изабелле и Фердинанду. Большинство из них креститься отказались, хотя это означало изгнание и потерю большей части имущества. Точные цифры неизвестны, но, по всей видимости, в изгнание было отправлено около 200 000 испанцев иудейской веры, что для многих из них обернулось смертью, захватом в плен пиратами и другими бедствиями.

Незадолго до обнародования королевского указа, направленного против евреев, кастильские войска захватили Гранаду. Это был последний оплот мавров на полуострове, и по условиям капитуляции мусульманам предоставлялась свобода исповедовать свою религию. Но вскоре Хименес и его представители попытались насильственно обращать мавров, и у тех не осталось другого выхода, кроме как поднять восстание. Оно было потоплено в крови. Но сопротивление продолжалось, и в конце концов был принят указ, предоставлявший маврам выбор между крещением и высылкой. Когда стало ясно, что ожидается массовый исход, был издан новый указ, запрещавший маврам покидать страну и обязывавший их креститься. Мавров обращали насильственно, а инквизиция сбилась с ног, выслеживая тех, кто не отказывался от своих мусульманских обычаев. Хименес, назначенный великим инквизитором, принял выполнение этой задачи близко к сердцу. В 1516 году после смерти Фердинанда и Изабеллы он стал также регентом и пытался использовать свою власть для принуждения "обращенных" мавров отказаться от их традиционной одежды и исконных привычек. Но в этом он потерпел неудачу, и в королевстве опять вспыхнуло восстание и пролилась кровь.

Таким образом, ученый, возглавивший работу по изданию "Камплутской полиглоты", покровитель книгопечатания и образования, реформатор церковной жизни был также великим инквизитором, который не допускал отклонений в вероучительных вопросах. В этом отношении он был типичным представителем католической реформации, стремившейся очистить церковь, насаждая простоту, благочестие и образование, но в то же время выступавшей за строгое следование традиционным догматам. Святые и мудрецы католической реформации, подобные Изабелле, были чистыми, преданными, но нетерпимыми людьми.

Полемика с протестантами

Католическая реформация началась раньше, но с появлением протестантизма она приняла иной характер. Речь шла уже не только о вызванной внутренними причинами необходимости провести церковную реформу, но и о попытке дать ответ тем, кто настаивал на реформировании самого учения. В частности, в тех областях, где протестантизм представлял собой реальную угрозу, католические реформаторы пытались, с одной стороны, изменить сложившиеся обычаи, а с другой - отстаивать традиционное учение.

Одни из этих католиков были по-настоящему учеными людьми, а другие просто боялись, что гуманистическая программа несет в себе такую же угрозу, как и протестантизм. Экк, тот самый богослов, который участвовал в диспуте с Лютером и Карлштадтом в Лейпциге, был добросовестным пастырем и богословом, опубликовавшим в 1537 году свой собственный перевод Библии на немецком. С другой стороны, Иаков Латомус, ректор Лувенско-го университета, критиковал как протестантов, так и гуманистов, утверждая, что для понимания Писания достаточно прочитать его на латыни в свете предания церкви и что изучение греческого и древнееврейского языков не имеет никакого смысла. Но в конце концов стало ясно, что для опровержения протестантских учений необходимы глубокие исследования, и в результате появилось множество богословов и ученых, направивших все свои усилия на опровержение выдвигавшихся протестантами аргументов. Наиболее видными среди них были Роберто Беллармино и Цезарь Бароний.

Беллармино стал основным систематизатором католических богословских аргументов, выдвигавшихся против протестантов. В течение двенадцати лет, начиная с 1576 года, он заведовал в Риме вновь созданной кафедрой обличительного богословия и к концу этого срока приступил к публикации своего главного сочинения "Рассуждение о распрях в христианской вере", которое закончил в 1593 году. Оно стало классическим источником аргументации в спорах с протестантами. Более того, большинство аргументов, выдвигаемых и сегодня, уже содержались в книге Беллармино. Беллармино участвовал также в суде над Галилеем, где тот был признан еретиком за утверждение, что земля вращается вокруг солнца.

Цезарь Бароний был видным католическим историком. Группа ученых Магдебургского университета начала публикацию обстоятельной истории церкви, в который стремилась доказать, что римское католичество отошло от изначального христианства. В этой незаконченной работе каждому веку посвящалось по одной книге, поэтому она получила известность под названием "Магдебургских центурий". В ответ Бароний написал "Церковные анналы". Эти труды ознаменовали зарождение церковной истории как современной дисциплины.

Новые ордены

К началу Реформации подлинное монашество пришло в упадок, тем не менее в монастырях многие продолжали серьезно относиться к своим обетам и сожалели о плачевном состоянии монашества. В XVI веке эти умонастроения вылились в реформирование старых орденов по образцу, который пропагандировали Изабелла и Хименес, и в создание новых. Одни из таких новых орденов стремились возродить строгое соблюдение монашеских обетов, а другие ставили целью приспособиться к новым условиям XVI века. Наиболее заметным новым орденом первого типа стал основанный св. Терезой орден босоногих кармелиток. Иезуиты во главе с Игнатием Лойолой были самым крупным из орденов, предлагавших новые решения в новых условиях.

Большую часть молодых лет Тереза провела в Авила, древнем городе с крепостными стенами, расположенном на Кастильском плато. Ее отец был обращенным евреем, перебравшимся с семьей в Авила из-за преследований инквизиции в родном Толедо.

Терезу с раннего возраста влекла монашеская жизнь, хотя позднее она говорила, что одновременно эта жизнь внушала ей опасения. В кармелитский монастырь "Воплощение" рядом с Авила она вступила против воли отца. Благодаря своему остроумию и обаянию она завоевала там такую популярность, что для аристократии города стало модным приходить к ней, чтобы обменяться шутками. Но она испытывала неудовлетворенность от такой слишком легкой монашеской жизни и старалась как можно больше времени проводить за чтением религиозных книг.

Она была очень удручена, когда инквизиция опубликовала список запрещенных книг, в который вошло большинство ее любимых сочинений. Но в посланном ей видении Иисус сказал: "Не бойся - Я буду для тебя как открытая книга". С этого времени она все чаще получала видения. Это повлекло за собой продолжительную внутреннюю борьбу, так как она не могла определить, подлинные ли это видения или, по ее словам, "бесовские". От духовников, которых она часто меняла, помощи было мало. Один из них даже посоветовал ей изгонять видения непристойным знаком, но она не могла решиться на это. В конце концов с помощью опытных монахов она пришла к выводу, что видения были подлинными.

Затем, опять же в видении, она получила призыв покинуть монастырь и основать поблизости другой, с более строгими правилами монашеской жизни. Преодолев сопротивление епископа, других монахинь и городской аристократии, она сумела основать небольшой монастырь. Но этого было недостаточно, так как видения призывали ее создавать подобные обители по всей Испании. Враги обвиняли ее в праздном и бессмысленном хождении по стране. Но она завоевала уважение епископов и королевской семьи, и в конечном счете основанный ею орден распространился по всей Испании и ее владениям. Ее монахини ходили в сандалиях, а не в туфлях, поэтому их стали называть босоногими кармелитками.

Ее усилия поддержал св. Хуан де ла Крус, человек такого низкого роста, что, как рассказывают, впервые увидев его, св. Тереза не удержалась от колкости: "Господи, я просила у Тебя монаха, а Ты прислал мне половину". Благодаря его трудам начатая Терезой реформа привела к созданию мужского ответвления босоногих кармелитов. Таким образом, Тереза стала единственной женщиной в истории церкви, основавшей монашеский орден как для женщин, так и для мужчин.

Несмотря на большую загруженность административными делами, связанными с управлением основанных ею монастырей, Тереза много времени проводила в мистическом созерцании, после чего у нее часто возникали видения или она впадала в состояние религиозного исступления. Ее многочисленные сочинения на эту тему стали классикой мистического благочестия, и в 1970 году папа Павел VI включил ее имя в официальный список "учителей церкви". Вместе с ней этой чести удостоилась еще всего лишь одна женщина - св. Екатерина Сиенская.

Реформа Терезы была направлена на преобразование монашеской жизни, предполагавшее более строгое соблюдение старого устава кармелитов. Реформа же св. Игнатия Лойолы, начатая на несколько лет раньше, имела целью предложить решение внешних проблем, которые ставила перед церковью новая эпоха. Игнатий был выходцем из древней аристократической семьи и надеялся сделать военную карьеру. Эти мечты развеялись, когда во время осады Памплоны в Наварре он получил ранение, после которого остался на всю жизнь хромым. Будучи еще прикованным к постели и испытывая мучительную боль и горькое разочарование, он начал читать религиозные книги. В результате он получил видение, о котором позднее рассказал, говоря о себе в третьем лице:

Однажды ночью, лежа без сна, он ясно увидел образ Божьей Матери со святым младенцем Иисусом, и это видение дало ему удивительное утешение на долгое время и такое отвращение к прежней жизни, особенно к вожделениям плоти, что, казалось, все нарисованные в его душе образы исчезли[10].

Затем он отправился в уединенное место в Монсеррате, где, совершив обряд, напоминавший ритуалы древних рыцарских орденов, посвятил себя служению Божьей Матери, Деве Марии, и покаялся во всех грехах. Затем он удалился в Манрезу, где намеревался жить отшельником. Но этого было недостаточно для успокоения его души, мучимой, как и у Лютера до него, глубоким чувством своей греховности. Его рассказ об этих днях удивительно напоминает мысли Лютера:

На этом этапе ему пришлось вести тяжелую борьбу с одолевавшими его сомнениями, ибо хотя в Монсеррате он покаялся искренне и в письменном виде... ему все же казалось, что он еще не во всем покаялся. Это очень печалило его, так как даже если бы он во всех этих вещах покаялся, это все равно не принесло бы ему умиротворения.

Затем... исповедник предложил ему покаяться только в том из прошлого, в чем он абсолютно уверен. Но поскольку ему и так все было совершенно ясно, это предложение не принесло ему никакой пользы...

Такие мысли часто сопровождались сильным искушением выброситься из окна, находившегося рядом с его молитвенным местом. Но, сознавая, что самоубийство - грех, он восклицал: Господи, я не сделаю ничего, что оскорбило бы Тебя[11].

Такие терзания основатель ордена иезуитов испытывал до тех пор, пока не познал Божью благодать. Он не рассказал, как это произошло, но написал, что "с того дня он освободился от всяких сомнений, убедившись, что Господь по Своей милости желает сделать его свободным"[12].

На этом аналогия между духовными поисками Лютера и Лойолы заканчивается - немецкий монах проложил путь, который в конечном счете приведет к открытому разрыву с католической церковью, а испанец занял противоположную позицию. С этого времени свою жизнь он посвятил уже не поискам собственного спасения, а служению церкви и ее миссии. Он отправился в Святую землю, которая веками таинственным образом привлекала европейцев, пытавшихся стать миссионерами для турок. Н о францисканцы, которые там уже работали, опасались, что из-за присутствия этого непримиримого испанца могут возникнуть осложнения, и вынудили его покинуть страну. Затем он решил, что для большей пользы его служения ему надо изучить богословие. Будучи уже зрелым человеком, он вместе с молодыми студентами учился в университетах Барселоны, Алкалы, Саламанки и Парижа. Затем вокруг него образовалась небольшая группа последователей, которых привлекали его страстная вера и его воодушевление. Наконец, в 1534 году он вместе со своей небольшой группой вернулся в Монсеррат, где все они дали торжественную клятву жить в бедности, целомудрии и послушании папе.

Изначальной целью нового ордена была работа с туркам и в Святой земле. Но к тому времени, когда папа Павел III в 1540 году официально утвердил орден Общества Иисуса, более известного как орден иезуитов, угроза со стороны протестантизма так возросла, что он стал одним из основных инструментов борьбы католиков с протестантами. Иезуиты, однако, не отказывались от своей изначальной миссионерской цели, и вскоре сотни их представителей начали работать на Дальнем Востоке и в Новом Свете. Общество Иисуса было мощным орудием в руках реформировавшегося папства в его борьбе с протестантизмом. Структура общества, построенная по военному образцу, позволяла быстро и действенно усмирять несогласных и не упускать благоприятные возможности. Многие иезуиты были учеными, внесшими вклад в полемику с протестантами.

Папская реформация

Когда Лютер прибил свои тезисы на дверях виттенбергской церкви, папский престол принадлежал Льву X, больше интересовавшемуся украшением города Рима и защитой интересов семейства Медичи, чем религиозными вопросами. Поэтому даже верные

католики не очень надеялись, что столь необходимая реформация будет исходить из Рима. Одни из них, желая навести порядок в церкви, уповали на мирских правителей, а другие пытались возродить концилиаризм идеи и призывали созвать собор, чтобы обсудить вопросы, поставленные Лютером и его последователями, и положить конец коррупции и злоупотреблениям в церкви.

Краткий понтификат Адриана VI внушил определенные надежды на проведение реформ. Он был человеком возвышенных идеалов, действительно стремившимся реформировать церковь. Но интриги в курии расстраивали большинство его планов, от которых и вовсе отказались после его неожиданной смерти. Следующий папа Климент VII был двоюродным братом Льва X и проводил такую же политику, как и его родственник. Ему удалось осуществить свои планы по украшению Рима, но в целом его понтификат был крайне неудачным для римской церкви - именно в это время Англия объявила о независимости от папского престола, а войска Карла V захватили и разграбили Рим. Сменивший Климента Павел III был неоднозначной фигурой. Он как будто бы больше доверял астрологии, чем богословским учениям, и его понтификат, как и предшествующие, был запятнан непотизмом - своего сына он сделал герцогом Пармы и Пьяченцы, а своих внуков-подростков - кардиналами. Он хотел также превратить Рим в самый богатый центр искусства эпохи Возрождения и с этой целью продолжал политику эксплуатации, которую папство использовало для сбора средств во всех странах Европы. Но он был также сторонником реформ. Именно он официально признал иезуитов и начал использовать их в полемике и борьбе с протестантами. В 1536 году он назначил комиссию из кардиналов и епископов, которая должна была представить ему доклад о целях и средствах реформ. Этот доклад каким-то образом попал в руки противников папства и предоставил протестантам богатые возможности для проведения кампании против "папизма". Сам Павел, осознав, что значительную часть дохода он получает за счет деяний, которые его собственная комиссия признала бесчестными, решил оставить все как есть. Тем не менее он созвал собор, чего требовали многие. Собор начал работу в Тренто в 1545 году. Следующий папа, Юлий III, обладал всеми пороками своего предшественника и очень немногими его достоинствами. Непотизм вновь встал на повестку дня, а римский двор превратился в центр игр и развлечений по подобию других европейских дворов. Затем папой стал Марцелл II, человек твердых реформаторских убеждений. Но его понтификату положила конец внезапная смерть.

Наконец, в 1555 году папой был избран кардинал Джованни Пьетро Ка-рафа, принявший имя Павла IV. Он входил в состав комиссии, назначенной

Павлом III, и как только стал папой, принялся искоренять пороки, вскрытые комиссией. Он был человеком строгих и непреклонных взглядов, и проведение реформ старался сочетать со строгим единообразием во всех делах. Под его началом инквизиция все больше склонялась к политике устрашения - так, в составленный по его указанию "Индекс запрещенных книг" были включены некоторые лучшие произведения католической литературы. Но несмотря на это, Павел IV заслуживает уважения за то, что он "очистил" римскую курию и поставил папство во главе католической реформации. Разными путями и в разной степени его политику продолжили некоторые из его преемников.

Тридентский собор

Читатель помнит, что Лютер и ряд других реформаторов неоднократно призывали провести вселенский собор. Но на раннем этапе Реформации папы всячески этому противились, так как боялись возрождения соборного движения, представители которого требовали признать превосходство авторитета соборов над папским. Поэтому лишь при Павле III, когда разногласия между протестантами и католиками приняли необратимый характер, в Риме серьезно отнеслись к возможности созыва вселенского собора. После долгих и трудных переговоров было решено, что собор начнет работу в Тренто (лат. Tridentum - Тридент) в декабре 1545 года. Карл V настаивал на проведении собора на его территории, и именно по этой причине выбор пал на Тренто,

имперский город в Северной Италии. Но в работе собора все равно участвовало не так уж много прелатов - 31 человек на первой сессии и 213 - на последней.

Прежде соборы обычно занимались рассмотрением небольшого числа спорных вопросов или какого-то конкретного учения, считавшегося еретическим. Но на этот раз темы, выдвинутые для обсуждения протестантами, были столь важными, а церковь в такой степени нуждалась в реформировании, что собор не ограничился простым осуждением протестантизма и счел своим долгом не только обсудить все те пункты богословской системы, которые протестантская Реформация ставила под сомнение, но и принять ряд постановлений, направленных на реформирование церкви. Кроме того, для достижения ортодоксального единообразия вероучения собор принял меры, регулирующие жизнь и служение церкви.

У Тридентского собора, считающегося католической церковью девятнадцатым вселенским собором, была сложная история. Карл V настоял на его проведении на своей территории. Когда позднее отношения между папой Павлом III и императором обострились, папа перенес собор в папские государства. Но император приказал своим епископам оставаться в Тренто, и в результате в 1547 году работа собора была приостановлена. Он вновь собрался в 1551 году, но в следующем году опять наступил перерыв. В 1555 году папой стал Павел IV. Он стремился продолжить реформаторскую работу, начатую собором, но, опасаясь чрезмерного влияния на нем испанцев, не стал вновь открывать его. Наконец, в 1562 году при понтификате следующего папы Пия IV собор был созван в последний раз и в 1563 году завершил свою работу. Таким образом, хотя теоретически собор продолжался с 1545 по 1563 год, большую часть этого времени он не работал.

Тридентский собор принял слишком много декретов, чтобы их можно было перечислить здесь. Что касается реформаторских мер, то он предписал епископам оставаться в своих епархиях, осудил плюрализм (занятие одновременно нескольких церковных должностей), определил и сформулировал обязанности священнослужителей, упорядочил такие вопросы, как использование реликвий и индульгенций, и предписал создать семинарии для подготовки к служению (до этого времени общепринятых правил или требований для рукоположения не было). Он также рекомендовал изучение трудов Фомы Аквинского, положив их в основу богословской системы католической церкви. С другой стороны, он принял ряд постановлений, направленных против протестантизма. В этом плане он провозгласил, что в вероучительных вопросах надо полагаться на Вульгату, латинский перевод Библии, что предание столь же авторитетно, как и Писание, что таинств семь, что месса представляет собой подлинную жертву, которая может приноситься за умерших, что причащение под обоими видами, то есть с предложением прихожанам хлеба и вина, необязательно, что оправдание основывается на добрых делах благодаря соединению верующего с благодатью, и так далее.

Несмотря на свою сложную историю, небольшое число участвовавших в его работе прелатов и сопротивление многих монархов, препятствовавших распространению на своих землях принятых им решений, Тридентский собор заложил фундамент современного католичества. Теперь оно уже не было той средневековой церковью, против которой выступил Лютер, ибо несло на себе печать борьбы с протестантизмом. В последующие четыре столетия это противостояние достигло такой степени, что католическая церковь даже отказывалась признать, что многие положения протестантской Реформации, отвергнутые Тридентским собором, уходят корнями в христианское предание. И лишь гораздо позднее, в XX веке, католическая церковь смогла выработать собственную программу реформирования, которая не была в своей основе реакцией на протестантизм.

Бурная эпоха

Господь наш - крепость и оплот, Чья мощь неколебима. От смерти, бурь и всех невзгод Он нас хранит незримо.

МАРТИН ЛЮТЕР

Шестнадцатый век был одним из самых бурных периодов за всю историю христианства. За несколько десятилетий рухнуло величественное здание средневекового христианства. Попытавшись, в меру своих сил, предотвратить полный разгром, Тридентский собор задал тон современному католичеству, тем временем из руин вырастало сразу несколько протестантских конфессий. Старый идеал единой церкви с папой во главе, который никогда не признавали на Востоке, утратил теперь притягательную силу и на Западе. С этого времени христианство разделилось на разные конфессии, отражавшие его культурную и богословскую неоднородность.

В начале XVI века, несмотря на широкое распространение коррупции и на многочисленные призывы к реформированию, христиане в целом единодушно считали, что церковь по своей сути - единое тело и что это единство должно быть отражено в ее структуре и иерархии. Все основные деятели протестантской Реформации вначале разделяли такое представление о церкви, и лишь очень немногие доходили до такой крайности, что отвергали его. Большинство видных протестантов полагали, что церковь должна быть единой по самой своей природе и что, хотя необходимо временно нарушить это единство, дабы остаться верным Слову Божьему, сама эта верность требует сделать все возможное для восстановления нарушенного единства.

В начале XVI века, как и раньше, в период средневековья, считалось также само собой разумеющимся, что существование и выживание государства требуют религиозного согласия среди его граждан. Такие идеи, отвергавшиеся христианами, когда они составляли меньшинство в Римской империи, получили широкое распространение спустя несколько десятилетий после обращения Константина. Все жители христианского государства должны быть христианами и верными детьми церкви. Единственными возможными исключениями были евреи и в некоторых районах Испании - мусульмане. Но такие исключения считались отклонениями от нормы и не ограждали последователей этих религий от лишения гражданских прав и преследований.

Представление о национальном единстве, связанное с необходимостью религиозного единообразия, лежало в основе многочисленных религиозных войн XVI и XVII веков. Но в конечном счете, в одних местах раньше, а в других позже, приходили к выводу, что для обеспечения национальной безопасности не требуется религиозного согласия, или что оно желательно, но цена его слишком высока. Это произошло, например, во Франции, где Нантский эдикт признал неудачной прежнюю политику насильственного объединения подданных короля в единое религиозное сообщество. В Нидерландах по иным политическим мотивам такие деятели, как Вильгельм Молчаливый, тоже отрицали необходимость религиозного единообразия. Так начался долгий процесс, имевший очень серьезные последствия, - одно европейское государство за другим постепенно переходили к политике религиозной терпимости. Это в свою очередь привело к более современной идее светского государства - то есть государства без религии в качестве связующего начала, - которая сурово осуждалась одними церквами и приветствовалась другими. К этим событиях мы вернемся ниже.

В XVI веке рухнула также мечта о политическом единстве под эгидой империи. Последним императором, который в какой-то мере мог строить такие иллюзии, был Карл V. После него так называемые императоры были не более чем немецкими королями, но даже в Германии они обладали весьма ограниченной властью.

Наконец, поколебались надежды на реформирование, связанные с проведением собора. На протяжении нескольких десятилетий протестантские реформаторы надеялись, что вселенский собор признает их правоту и наведет порядок в папском

хозяйстве. Но произошло прямо противоположное. Папству удалось провести собственную реформу без помощи собора, и ко времени созыва Тридентского собора стало ясно, что он станет не подлинно международным и вселенским собранием, а инструментом в руках папства.

Преданные христиане, как протестанты, так и католики, которым довелось жить в XVI веке, были свидетелями того, как ниспровергались многие истины, ранее считавшиеся несомненными. Географические открытия и завоевания в Новом Свете, Африке и Азии ставили вопросы, на которые невозможно было дать ответ по старым меркам. Средневековые устои - папство, империя, предание - больше не выглядели прочными. Выяснилось, если верить Галилею, что даже землю нельзя считать надежной точкой опоры. Часто возникали социальные и политические потрясения. Старая феодальная система уступала место зарождавшемуся капитализму.

Таким было время, в котором жили Лютер, Эразм, Кальвин, Нокс, Лой-ола, Менно Симоне и другие великие реформаторы. Но в условиях, когда

происходившее вокруг могло казаться непредсказуемым хаосом, эти реформаторы оставались твердыми в своей вере, полагаясь на силу Божьего Слова. Это Слово, сотворившее мир из ничего, несомненно, могло произвести реформацию церкви, и протестантское движение было лишь ее прелюдией. Лютер и Кальвин, например, всегда подчеркивали огромную силу Слова - она настолько велика, что пока католики продолжают читать его, даже если папа и его советники отказываются к нему прислушаться, в католическом исповедании все равно остаются "отголоски истинной церкви". И великие реформаторы ожидали дня, когда старая церковь снова прислушается к Слову и начнет проводить реформы, к которым они призывали.

Часть вторая. ОРТОДОКСИЯ, РАЦИОНАЛИЗМ И ПИЕТИЗМ

Эпоха догматизма и сомнений

Наша пресвятая религия основывается на Вере, а не на разуме; и есть надежный способ явить ее суть - подвергнуть ее таким испытаниям, выдержать которые она как будто бы никак не может.

ДЭВИД ЮМ

Шестнадцатый век был периодом необычайной религиозной активности, захватившей протестантов и католиков, богословов и правителей, высшие слои общества и низшие. Обе стороны, участвовавшие в религиозных столкновениях того времени, были убеждены, что действуют исходя из религиозных убеждений. Высший интерес как Карла V со стороны католиков, так и Фридриха Мудрого со стороны протестантов заключался в защите Божьей истины в том виде, как они ее себе представляли, и свои политические и личные амбиции они подчиняли этой цели. Лютер и Лойола пережили годы мучительных поисков, прежде чем пришли к выводам и убеждениям, сделавшим их знаменитыми. Деятельность их самих и их последователей несла на себе печать глубоких богословских переживаний. Даже Генрих VIII, о личности которого мало кто может сказать добрые слова, как будто бы был убежден, что все предпринимаемое им в религиозных вопросах основывается на искреннем стремлении служить Богу. Таким образом, резкие слова и даже применение насилия христианами разных конфессий по отношению друг к другу отчасти объяснялись твердостью их убеждений и религиозным опытом, лежавшим в основе их вероисповедания.

Но с течением времени появлялось все больше людей, не разделявших такого энтузиазма, а нередко даже и таких убеждений. В конечном счете даже участники религиозных войн начали склоняться к мнению, что решающее значение должны иметь политические и личные соображения. Типичным в этом отношении было поведение французского короля Генриха IV, неоднократно менявшего религию для спасения собственной жизни или ради собственной политической выгоды. Когда он наконец занял престол, его политика ограниченной религиозной терпимости сделалась одним из столпов, на которых он начал строить современную Францию.

В XVII и XVIII веках примеру Генриха следовали многие. Тридцатилетняя война, к которой мы обратимся в следующей главе, привела в Германии к таким же последствиям, как и религиозные войны во Франции. Германские князья и их служители все чаще использовали религию для достижения своих политических целей. Это препятствовало политическому единству Германии, в то время как там росли националистические настроения, и многие немцы приходили к выводу, что вероучительные расхождения не должны вести к войне и что гораздо разумнее проводить политику религиозной терпимости.

Отчасти по этим причинам, а отчасти - в результате новых научных открытий, Европу наводнили рационалистические идеи. Зачем вдаваться в подробности христианского учения, которое вызывает лишь споры и разногласия, если данный природой разум, которым обладают все люди, может дать ответ на все коренные вопросы, касающиеся Бога и человеческого бытия? Не лучше ли создать на этом основании "естественную религию", а детали и все, что касается откровения, оставить легковерным и фанатикам? Таким образом, в XVII и XVIII веках широкое распространение получили сомнения относительно традиционных догматов как протестантской, так и католической церкви.

С другой стороны, были люди, защищавшие истинное учение с таким же рвением, как Лютер, Кальвин или Лойола. Но это время уже не было эпохой великих богословских открытий, ведущих новыми путями. Богословы XVII и XVIII веков пытались по мере сил отстаивать учения великих представителей XVI века, но они не обладали смелой

творческой энергией своих предшественников. Свои мысли они выражали все более скованно, рассудочно и наукообразно. Главную свою задачу они видели не в полной открытости Слову Божьему, а в защите и разъяснении того, что уже было сказано до них. Вера часто подменялась догмой, а любовь - приверженностью к ортодоксальному учению. Реформаты, лютеране и католики в равной мере развивали учения, которым надо было неукоснительно следовать, чтобы не оказаться исключенным из числа верующих.

Но такие догматические теории устраивали не всех. Мы уже упоминали о рационалистических идеях. Люди, чьи верования считались неприемлемыми в родной стране, перебирались на новые земли. Другие искали альтернативу, делая особый упор на духовную сторону Евангелия, часто игнорируя или даже отрицая его связь с физическими и политическими реалиями. Третьи - методисты в Англии и пиетисты на континенте - организовывали группы верующих, которые, не порывая связь с официальной церковью, стремились развивать веру и благочестие, отмеченные большей глубиной и более ориентированные на отдельную личность.

Все эти соображения составили канву данной части нашего рассказа. Сначала мы обратимся к религиозным войнам в Германии (глава 15), Франции (глава 16) и Англии (глава 17). Затем рассмотрим, как развивались католическое (глава 18), лютеранское (глава 19) и реформатское, или кальвинистское (глава 20) учения. Глава 21 будет посвящена рационализму. В главе 22 мы коснемся взглядов тех, кто искал убежища в спиритуалистском истолковании Евангелия. Темой главы 23 будут немецкий пиетизм и английский методизм. И в конце этой части, в главе 24, мы обратимся к тем, кто искал альтернативу в новых колониях по ту сторону Атлантики.

Тридцатилетняя война

Где же мы получим свободу представать пред Господом в Его собственном доме, не подвергая при этом свою жизнь опасности?

ПРОТЕСТАНТСКИЙ ПРОПОВЕДНИК, 1638 год

Аугсбургский мир, положивший в XVI веке конец религиозным войнам в Германии, не мог продолжиться долго. По его условиям католическим и протестантским князьям или правителям предоставлялась свобода выбирать исповедание на своих территориях, а их подданным - право по желанию переселяться туда, где исповедовали ту же веру, что и они. Но это соглашение распространялось только на тех протестантов, которые признали Аугсбургское исповедание, а все остальные, в том числе кальвинисты, продолжали считаться еретиками и подвергались преследованиям. Поскольку свобода религиозного выбора предоставлялась только правителям, многие их подданные испытывали беспокойство и неудовлетворенность. Наконец, Аугсбургский мир предусматривал сохранение права "церковного владения", гарантировавшего, что католические церковные территории будут оставаться таковыми, даже если их епископы станут протестантами. По всем этим причинам подписанный в Аугсбурге мир был в лучшем случае перемирием, которое могло продолжаться, только пока каждая из сторон не чувствовала в себе достаточно сил, чтобы начать военные действия против другой.

Тучи сгущаются

Рудольфу II, ставшему императором в 1576 году, протестанты не доверяли, так как он учился в Испании у иезуитов, которые, как считалось, продолжали оказывать влияние на многие его политические решения. При нем в течение тридцати лет сохранялся относительный мир, так как правителем он был слабым и его решения в поддержку католичества часто просто не исполнялись. Затем в 1606 году в имперском городе Донауверте возникли беспорядки. Этот город, расположенный на границе с католической Баварией, принял протестантизм, и к 1606 году католики там оставались

лишь в монастыре, обитателям которого было разрешено свободно исповедовать свою веру, но только в пределах монастыря. Однако в том году монахи, воодушевленные, возможно, благожелательным отношением императора, устроили шествие, и жители встретили их дубинками и камнями, вынудив вернуться в монастырь. В те времена такое случалось нередко, и обычно дело ограничивалось словесным порицанием обеих сторон. Но на сей раз были приняты более суровые меры. Спустя год с небольшим после этих событий герцог Максимилиан Баварский, чувствовавший призвание искоренить протестантизм, появился в Донауверте с сильной армией и принялся насильно обращать жителей в католичество.

Реакция последовала незамедлительно. В начале 1608 года протестанты объединились в Протестантскую унию. Год спустя их противники создали Католическую лигу. Но в Унию вошли не все протестанты, поэтому было ясно, что, разразись сейчас война, Католическая лига без труда выиграла бы ее.

Тем временем развитие событий в соседней Богемии тоже привело к конфронтации. Это была земля гуситов, принявших сторону протестантов-реформатов, к которым теперь присоединились многие иммигранты из числа немецких кальвинистов, и в глазах католиков большинство населения там были еретиками. Назревало восстание, и Рудольф в результате своей неумелой политики был вынужден отречься от престола. Его брат и преемник Матвей тоже проявил себя не лучшим образом. Его двоюродный брат Фердинанд, которого он сделал королем Богемии, был твердолобым католиком, к которому вскоре его подданные начали относиться с недоверием. Когда Пражский королевский совет отказался прислушаться к их возражениям касательно проводимой королем политики, протестанты в Богемии возмутились и даже выбросили из окна двух королевских советников, которые, впрочем, не получили серьезных увечий, так как упали на кучу мусора. Именно этот инцидент положил начало Тридцатилетней войне, самой кровавой и самой опустошительной общеевропейской войне в период до XX века.

Ход войны

Затем богемцы пожелали видеть своим королем Фридриха, курфюрста Пфальцского. Пфальц, отделенный от Богемии католической Баварией и другими территориями, в основном был реформатским и казался богемцам естественным союзником. Вскоре восстание распространилось на восток от Богемии и охватило соседние Силезию и Моравию. Тем временем Матвей умер, и его двоюродный брат Фердинанд II, ставший новым императором, призвал М аксимилиана Баварского и Католическую лигу вторгнуться в Богемию. Они откликнулись на его призыв и нанесли повстанцам такой сокрушительный удар, что вынудили их капитулировать. Фридрих не только был низложен с престола в Богемии, но и лишился своих наследственных земель в Пфальце. Богемию вернули тому же самому королю Фердинанду, которого свергли повстанцы, а Пфальц отошел Максимилиану в качестве награды за оказанные услуги. В обоих государствах протестанты подверглись гонениям. Некоторые их руководители были казнены, а собственность тех, кто ее имел, подлежала конфискации. В Богемии был издан указ, согласно которому все, кто не станут католиками до Пасхи 1626 года, должны покинуть страну. Эти и другие подобные меры привели к такому опустошению, что по оценкам за тридцать лет войны население Богемии сократилось на четыре пятых.

Успехи Максимилиана вызвали серьезную озабоченность в протестантских странах. К этому примешивались династические соображения: усиление Габсбургов, правивших в Испании и со времени Карла V сохранявших императорский титул, внушало опасения другим правящим династиям. Поэтому в конце 1625 года Англия, Нидерланды и Дания объединились в Протестантскую лигу с намерением вторгнуться в Германию и восстановить Фридриха, который был зятем английского короля Якова I, на престоле Пфальца. Их также поддерживал ряд немецких протестантских князей и даже некоторые католики, опасавшиеся роста могущества Габсбургов. Тем временем Фердинанд II, не полагаясь в деле защиты своей империи только на Максимилиана и

Католическую лигу, решил набрать собственную армию, которую поставил под командование Альбрехта Валленштейна. Таким образом, когда датский король Кристиан IV вторгся в Германию, ему пришлось воевать с двумя армиями - Максимилиана и Валленштейна. Походы и битвы в очередной раз подвергали разорению немецкую землю, пока Фердинанд II и Кристиан II не заключили Любекский договор. Датчане покинули Германию, не добившись особого успеха и лишь причинив еще большие страдания земле, уже и так опустошенной войной. За этим последовали тысячи насильственных обращений в католичество.

Затем пришла помощь с другой стороны. В 1611 году, когда ему едва исполнилось семнадцать, Густав Адольф унаследовал шведский престол. Наследие было небогатым, так как датчане владели большей частью Швеции и страна была поделена между несколькими политическими группировками, ни одна из которых не выказывала особого уважения к короне. Но молодой король проявил себя способным правителем, постепенно объединившим своих подданных и изгнавшим датских оккупантов. По мере роста сил его все больше тревожила угроза завоевания Габсбургами шведских владений на Балтийском море. Будучи также твердым лютеранином, которого беспокоили события в Богемии и Германии, он счел своим долгом вмешаться, преследуя две цели: защитить протестантов и разрушить амбициозные планы Габсбургов.

Фердинанд II распустил армию Валленштейна, которого боялся, и доверил защиту своих интересов Католической лиге. Поэтому когда в 1630 году Густав Адольф вторгся в Германию, выступившая против него от имени императора армия на самом деле принадлежала Католической лиге. Поначалу шведы не получали особой поддержки со стороны немецких протестантов, опасавшихся гнева императора и не доверявших шведским захватчикам. Но Густав Адольф был очень способным военачальником, чьи неоднократные победы вскоре стали легендарными. В отличие от армий других стран, участвовавших в этой затяжной войне, его войска относились к местному населению с уважением и доброжелательно. Будучи протестантами, шведы не требовали обращения католиков на завоеванных ими территориях. Густав Адольф неоднократно давал ясно понять, что он не ставит целью расчленение Германии в интересах Швеции. Когда Франция предложила ему денежные субсидии в борьбе против Габсбургов, он принял их с условием, что ни одна деревня на германской территории не станет в результате этого французской. В конце концов ему оказали поддержку несколько влиятельных немецких протестантских князей. Католическая лига осадила Магдебург в надежде, что шведы бросятся ему на помощь и попадут в приготовленную для них ловушку. Но Густав Адольф разгадал их уловку и продолжил кампанию по намеченному плану. Лига захватила Магдебург, жителей которого перебили, и двинулась навстречу шведам. На поле близ Лейпцига Л ига была наголову разбита, и Густав Адольф отправил некоторых своих немецких союзников в Богемию, а сам двинулся в Южную Германию, угрожая Баварии, центру Католической лиги. К тому времени некоторые католические лидеры уже просили мира, и многие были готовы подписать его на условиях шведского короля: религиозная терпимость в отношении как католиков, так и протестантов, восстановление прав Богемского королевства, возвращение Пфальца Фридриху и изгнание иезуитов из империи.

Католическая лига не оправдала ожиданий Фердинанда II, поэтому он снова призвал Валленштейна, который согласился прийти на помощь только после того, как ему было обещано большое вознаграждение. Валленштейн напал на протестантов, взявших Прагу, и вынудил их отступить. Затем он соединился с остатками армии Католической лиги и двинулся на шведов. Они встретились на поле близ Лютцена, где армия Валленштейна потерпела поражение, но Густав Адольф был убит.

Затем война превратилась в нескончаемые стычки, бандитские налеты и затяжные переговоры. Шведское правительство было готово заключить мир, но для его офицеров и войск, проведших не один год на поле битвы, война была теперь по сути дела их жизнью. Валленштейн вел секретные переговоры со шведами, французами и немецкими протестантами. Об этом узнал император, и Валленштейн вместе с

несколькими своими офицерами были убиты, хотя и нет уверенности, что это произошло по прямому указанию Фердинанда. Испанские Габсбурги отправили армию на помощь своим родственникам в Германии. Французы, в свою очередь, стали активнее поддерживать протестантов, хотя Францией тогда правил кардинал-католик. Тем временем простой народ изнемогал под бременем войны, религиозная подоплека которой к тому времени почти забылась и стала просто предлогом в борьбе за власть.

Вестфальский мир

В конце концов от войны и разрушений устали даже самые кровожадные ее сторонники. В 1637 году умер Фердинанд II, и его преемник Фердинанд III, хотя он и был искренним католиком, не разделял нетерпимости своего отца. Немцев возмущало, что на их земле хозяйничают иностранные войска, поддерживающие воюющие стороны. Швеция была готова вывести свою армию. Франция понимала, что наступило время, когда можно добиться наибольших уступок. В результате Вестфальский мир, подписанный в 1648 году после долгих и сложных переговоров, положил конец конфликту, получившему известность как Тридцатилетняя война.

Наибольшую выгоду из войны извлекли Франция и Швеция - первая расширила свои границы до Рейна, вторая получила обширные земли на побережье Балтийского и Северного морей. В соответствии с пожеланиями Франции и Швеции, германским князьям были предоставлены более широкие властные полномочия в ущерб императорской власти. В плане религии и князья, и их подданные могли теперь свободно исповедовать свою веру при условии, что они оставались католиками, лютеранами или реформатами. Здания и учреждения возвращались конфессиям, владевшим ими в 1624 году. Было объявлено о всеобщей амнистии тех, кто воевал против своих правителей, на всех территориях, кроме наследственных владений Габсбургов.

Таким был непосредственный результат этой затяжной и жестокой войны. Но были и другие последствия, не отраженные в мирном договоре, но от этого не менее значительные. Принципы терпимости, заложенные в Вестфальском мирном договоре, обусловливались не столько более глубоким пониманием христианской любви, сколько возраставшим равнодушием к религиозным вопросам. Война со всей очевидностью продемонстрировала, какими гибельными последствиями оборачиваются попытки решать конфессиональные споры силой оружия. В конечном счете война так ничего и не решила. Возможно, правителям следует подчинять свои действия нерелигиозным или конфессиональным соображениям, а собственным интересам или интересам своих подданных. Так зародилась современная идея о светском государстве. Наряду с этим появились сомнения в некоторых вещах, которые предшествующие поколения считали само собой разумеющимися. На каком основании богословы утверждают, что они правы, а другие ошибаются? Может ли быть истинным учение, приведшее к ужасам Тридцатилетней войны? Существует ли более терпимый, более глубокий и даже более христианский способ служения Богу, чем просто следование диктатам ортодоксии, будь то католической или протестантской? Это - лишь часть вопросов, поставленных XVII и XVIII веками, отчасти - в результате Тридцатилетней войны и других подобных событий.

Церковь пустыни

Дух освящения, силы... и превыше всего мученичества не только учит нас каждодневно умирать внутри себя... но также готовит и побуждает нас мужественно отдать свою жизнь под пытками или на виселице, если нас к тому призовет божественное провидение.

АНТУАН КУР

Убийство Генриха IV, совершенное фанатиком Равальяком 14 мая 1610 года, повергло французских протестантов в большое смятение. Хотя Генрих по политическим соображениям перешел в католичество, он оставался верным другом своих старых товарищей по вере и оружию, свободу и жизнь которых он защитил Нантским эдиктом. Они знали, что многие из их прежних врагов недовольны политикой мира и терпимости, проводившейся покойным королем, и постараются положить ей конец. Новому королю Людовику XIII было всего восемь лет, поэтому заправляла делами его мать Мария Медичи, вторая жена Генриха IV, которая сочла разумным, дабы успокоить волнения, подтвердить Нантский эдикт. На этом основании состоявшаяся затем генеральная ассамблея французских гугенотов присягнула на верность новому королю.

Но Мария окружила себя итальянскими советниками, не понимавшими сложившейся во Франции обстановки и не учитывавшими, ценой какой крови и страданий достигнуто нынешнее равновесие сил. Они проводили политику тесного сотрудничества с Габсбургами и в особенности - с испанской ветвью этой династии, известной своей бескомпромиссной приверженностью католичеству и ненавистью к протестантизму. Молодого короля женили на испанской принцессе Анне Австрийской, а его сестру Изабеллу выдали замуж за будущего короля Испании Филиппа IV. Это вызвало гугенотские мятежи, закончившиеся гибелью их предводителей и потерей ряда протестантских крепостей.

К 1622 году влияние Марии Медичи ослабло. Восходящей звездой при французском дворе был кардинал Арман де Ришелье. Два года спустя он стал ближайшим советником короля. Он был хитрым политиком, заинтересованным прежде всего в расширении Французского королевства и в усилении собственной власти. Религиозная политика этого кардинала католической церкви определялась не богословскими или конфессиональными мотивами, а соображениями целесообразности. Так, будучи убежденным, что основными политическими противниками Бурбонов в Европе являются Габсбурги, Ришелье во время Тридцатилетней войны, участие Франции в которой сводилось главным образом к тайному предоставлению финансовой помощи, выступал на стороне протестантов против католического императора. Одновременно, исходя из тех же самых политических соображений, во Франции Ришелье проводил совершенно иную религиозную политику. Поддерживая протестантов в их борьбе с императором, он без всяких угрызений совести способствовал распаду Германии. Во Франции же он стремился уничтожить гугенотов, так как считал их опухолью на теле государства. В этом случае Ришелье опять же волновало не то, что гугеноты - протестантские еретики, а то, что Генрих IV, гарантируя их права и безопасность, передал им ряд укрепленных городов, позволявших гугенотам, с одной стороны, заявлять о верности короне, а с другой - восставать и сопротивляться, если их "привилегии" нарушались. В проводившуюся Ришелье политику централизации никак не вписывалось наличие во французском государстве такой независимой силы.

Стремление Ришелье удалить протестантскую опухоль привело к осаде Ла-Рошели, основной цитадели гугенотов. Осада продлилась год, в течение которого защитники мужественно сопротивлялись отборным частям французской армии. Когда город в конце концов капитулировал, из 25 000 жителей там оставалось всего 1 500 изголодавшихся и вконец ослабленных людей. Городские укрепления были снесены, а во всех его церквах отслужили католические мессы. Узнав об этом, несколько других протестантских городов взялись за оружие и выступили против короля. Н о ни один город не смог организовать такую стойкую оборону, как Ла-Рошель, и во многих из них королевские войска устроили настоящую бойню.

Однако больше всего Ришелье беспокоил не сам факт того, что во Франции есть протестанты и что они проводят свои богослужения, а их политическое влияние. Поэтому, захватив в 1629 году их укрепленные города, он издал эдикт о терпимости по отношению к протестантам как в религиозных, так и в гражданских вопросах. Лишившись своих военных крепостей, гугеноты не представляли больше опасности для королевской власти, и Ришелье не намеревался истощать страну и ослаблять ее экономику продолжительной гражданской войной. Разбив протестантов и лишив их

политического могущества, кардинал направил свои усилия на борьбу с Габсбургами, благодаря чему последние годы его правления были для гугенотов относительно спокойными.

Ришелье умер в 1642 году, а в следующем году умер и король. Людовику XIV было всего пять лет, и регентшей стала его мать Анна Австрийская, передавшая управление государственными делами кардиналу Джулио Мазарини, который был доверенным лицом Ришелье и теперь продолжил политику своего предшественника. Вследствие этого в течение нескольких десятилетий после падения Ла-Рошели и других протестантских городов французские протестанты жили в обстановке религиозной терпимости. В годы правления Мазарини неоднократно возникали заговоры и восстания, но протестанты в них обычно не участвовали, и их число росло во всех слоях общества. В сельской местности протестантов было много как среди крестьян, так и среди сельского дворянства. А в городах блиставших умом и образованием гугенотов принимали в самых изысканных салонах.

Когда Мазарини умер, Людовику XIV было двадцать три года, и он не стал назначать ему преемника. "Король-Солнце", как его будут называть впоследствии, не мог допустить, чтобы кто-то затмил его. По этой же причине у него возник конфликт с папой, пытавшимся вмешиваться во французские дела. В ответ на проводившуюся в то время папством политику централизации Людовик провозгласил и отстаивал "свободу галликанской церкви", о чем пойдет речь в главе 18. Но по той же самой причине он не мог терпимо относиться к еретикам и разного рода инакомыслящим и настойчиво пытался искоренить во Франции протестантизм.

Меры короля по "воссоединению", как называлось обращение протестантов в католичество, с годами менялись и становились жестче. Сначала их пытались просто уговаривать и оказывать на них мягкое давление. Затем король предложил, по сути дела, продавать обращения, объясняя это тем, что протестантские пасторы, переходя в католичество, теряют средства к существованию и что то же самое в случае принятия католичества происходит с прихожанами, теряющими клиентов или другие источники доходов. Исходя из этого, всем, кто принимал решение обратиться, предлагались деньги для компенсации потерь. Но эта политика закончилась неудачей, и король предпринял более суровые меры. Когда в 1684 году Франция получила кратковременную передышку в непрестанных войнах, которые вел Король-Солнце, для принудительного "воссоединения" французских протестантов была использована армия. Эти новые методы принесли большой "успех" - в некоторых районах в католичество насильственно обратились десятки тысяч.

Наконец, в 1685 году эдиктом, изданным в Фонтенбло, король отменил Нантский эдикт и поставил протестантов во Франции вне закона. Сразу же начался массовый исход - французские гугеноты бежали в Швейцарию, Германию, Англию, Нидерланды и в Северную Америку. Многие из этих беженцев были ремесленниками и купцами, поэтому с их бегством Франция понесла большие экономические потери. Высказывалось даже мнение, что экономический кризис, вызванный эдиктом Фонтенбло, стал одной из причин Французской революции.

Официально после эдикта, подписанного в Фонтенбло, во Франции не осталось протестантов. На самом же деле многие из формально обращенных крепко держались своей прежней веры и продолжали собираться на протестантские службы. Для многих из них эти собрания были тем более необходимы, что на их совести лежал тяжкий груз отречения от веры. Не имея церквей, они собирались прямо в поле или на лесных полянах. Там, под покровом ночи, по всей стране десятки, если не сотни, верующих внимали Слову, каялись в грехах и преломляли хлеб. Эти встречи происходили в строжайшей тайне, и правительственным агентам очень редко удавалось установить время и место протестантских собраний. Когда же им это становилось известно, они дожидались, пока не придут все, а затем захватывали их. Мужчин отправляли на каторжные работы, женщин до конца дней бросали в тюрьму. Пасторов казнили, а детей отдавали в чужие семьи, где их воспитывали католиками. Несмотря на это,

протестанты не сдавались, и королевским чиновникам не удавалось справиться с "христианами пустыни", как они себя сами называли.

Как это часто происходит в таких случаях, в протестантском движении появилось радикальное и мистически настроенное крыло, представители которого говорили о приближении конца света. Находившийся в изгнании в Роттердаме пастор Пьер Жюрье опубликовал свои размышления о Книге Откровение, показав, что ее пророчества исполняются и что окончательная победа произойдет в 1689 году. Под влиянием такого рода предсказаний некоторые протестанты во Франции стали действовать смелее, и в результате многие были казнены или приговорены к каторжным работам. Но пророческие видения и мистические предсказания множились, и все больше людей проявляли готовность умереть за дело, которое вот-вот получит Божье оправдание. Одни слышали голоса. Другие говорили в трансе. Все это облегчало задачу властей по поиску непокорных протестантов, которых подвергали жестоким пыткам. Но лишь у очень немногих вырывали роковые слова "я воссоединяюсь", то есть возвращаюсь в католическую церковь.

Затем эти пророческие настроения вылились в вооруженное восстание. Во главе его стояла уже не протестантская знать, как это было раньше, во время религиозных войн. Новая армия "пустыни" состояла главным образом из крестьян. Они, продолжая пахать, сеять и собирать урожай, объединялись в вооруженные отряды и нападали на королевские войска. Перед выступлением они читали Писание, а на поле боя пели псалмы. Число этих повстанцев никогда не превышало нескольких сотен, но опасность их выступления требовала, чтобы армия в 25 000 человек постоянно находилась в боевой готовности. По не совсем ясным причинам их называли "камизарами". Обычными методами ведения войны подавить восстание не удавалось, поэтому армия просто стирала с лица земли поселения, где действовали камизары. Было уничтожено около пятисот крупных и мелких деревень. Но это лишь умножало ряды повстанцев, к которым присоединялись многие из тех, кто оставался без крова. Борьба продолжалась много лет. С помощью обещаний, которые никогда не выполнялись, королевским чиновникам удалось кое-где подавить восстание. Но сопротивление продолжалось до 1709 года, когда были схвачены и казнены последние предводители камизаров. К этому времени об их борьбе в протестантских странах слагали легенды, но ни одна из этих стран не предоставила им существенной помощи. В 1710 году Англия решила, наконец, оказать им поддержку, но она опоздала, так как последние вспышки восстания уже были потушены.

Тем временем на передний план среди французских протестантов вышла другая группа. Эти люди не доверяли апокалиптическим видениям, которые к тому же не исполнялись, и выступали за возврат к реформатской традиции со служением, в центре которого стоит ясное и точное изложение Писания. Выдающимся лидером этого движения был Антуан Кур, созвавший в 1715 году первый синод Французской реформатской церкви. Он советовал повиноваться гражданским властям во всем, что не противоречит Слову Божьему, и это стало официальной программой новой церкви. Через десять дней после проведения этого первого синода умер Людовик XIV, и престол унаследовал его пятилетний правнук Людовик XV. Но смерть Короля-Солнца не дала передышки гугенотам, так как новое правительство во главе с регентом герцогом Филиппом Орлеанским продолжило религиозную политику предыдущего короля. Несмотря на это, Кур и его последователи не отказались от избранной ими линии. Когда одного из пасторов схватили, Кур дал указание своим последователям не прибегать к насилию ради его спасения. В 1726 году в швейцарском городе Лозанне была, в изгнании, открыта семинария. В ней учились французы, готовившие себя к служению и затем возвращавшиеся на родину. Тем самым Французская реформатская церковь начала создавать сеть проповедников, хорошо знающих Писание и разбирающихся в богословских вопросах. В 1729 году Кур тоже перебрался в Лозанну, где стал наставником целого поколения проповедников, тайно осуществлявших свое служение. Живя в изгнании, Кур неоднократно посещал Францию, где поддерживал реформатскую церковь и руководил ее деятельностью. Ко времени его смерти в 1767 году в возрасте восьмидесяти трех лет во Франции прочно укоренились реформатские

идеи. Но гонения продолжались вплоть до 1787 года, когда Людовик XVI, внук и преемник Людовика XV, провозгласил наконец политику веротерпимости. За этот долгий период гонений тысячи мужчин были отправлены на каторжные работы и примерно столько же женщин приговорены к пожизненному заключению, но мало кто произнес слова: "Я воссоединяюсь". От веры отреклись всего двое пасторов, тогда как бесчисленное множество других умерли за отказ отречься от нее. "Церковь пустыни" выжила.

Это противостояние, как и Тридцатилетняя война в Германии, породило У многих глубокое недоверие к догмам и ортодоксальным учениям. К числу таких людей относился Вольтер, защищавший протестантов не потому, что он испытывал к ним какую-то симпатию, а просто потому, что считал нетерпимость абсурдной и аморальной. В эти годы преследований и сопротивления им, трагедий и славы рождались умонастроения, составившие впоследствии духовные идеалы Французской революции.

Пуританская революция

Гражданское должностное лицо не может брать на себя проповедь Слова и совершение таинств... тем не менее оно обладает властью, и долг его - всемерно поддерживать единство и мир в церкви, хранить Божью истину во всей ее чистоте и полноте, подавлять всякое богохульство и всякую ересь, любые искажения и злоупотребления в служении, поддерживать или укреплять дисциплину, неукоснительно проводить, совершать и соблюдать все предписанные Богом обряды.

ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ

При рассмотрении Реформации в Англии мы видели, что королева Елизавета придерживалась промежуточной линии, лавируя между консерваторами, стремившимися сохранить как можно больше из старых обычаев и верований, и кальвинистами, считавшими, что жизнь и структура церкви должны быть приспособлены к тому, в чем они видели библейские нормы. При жизни королевы это хрупкое равновесие сохранялось, хотя неоднократно возникали неизбежные при таком положении трения, которые удавалось преодолевать лишь благодаря энергичному и решительному вмешательству королевы и ее министров.

Яков I

После смерти королевы в 1603 году у нее не осталось прямого наследника, но своим законным преемником она объявила Якова, сына Марии Стюарт, который уже был королем Шотландии. Передача власти произошла без особых затруднений, и таким образом правящей династией в Англии стали

Стюарты. Для нового короля - Якова I в Англии и Якова VI в Шотландии - управление Англией оказалось делом нелегким. Англичане всегда относились к нему как к иностранцу. Вынашивая замысел (в конечном счете исполнившийся) объединить два королевства, он нажил себе много врагов как в Шотландии, так и в Англии. Принятые Елизаветой меры по развитию торговли начали приносить плоды, и купеческое сословие, недовольное политикой короля, защищавшего интересы дворянства и своих фаворитов, набирало силу. Но в особенности настороженно к Якову относились те протестанты, которые считали, что Реформация в Англии развивается слишком медленно и что повинна в этом политика монархов и их советников. Поскольку соседняя Шотландия, выходцем из которой был новый король, продвинулась по пути реформ дальше, английские кальвинисты полагали, что настало время для таких же изменений и у них в стране.

Эти радикально настроенные протестанты не составляли единой группы и между ними не было единодушия, поэтому им трудно дать общее определение. Их назвали

"пуритане", поскольку они настаивали на необходимости "очистить" церковь путем возврата к библейским религиозным принципам. Они выступали против многих традиционных элементов служения, сохранившихся в церкви Англии, таких как использование распятия, ношение некоторых священнических облачений и совершение евхаристии на алтаре. Вопрос о том, должен ли это быть стол или алтарь и где этот стол или алтарь должен помещаться, подразумевал разное истолкование смысла евхаристии и вызывал долгие и ожесточенные споры. Они также проповедовали простую жизнь, основанную на заповедях Писания и лишенную роскоши и внешнего блеска. Недовольство богослужениями церкви Англии усиливалось и тем, что многое в них казалось им неоправданно усложненным. Многие настаивали на необходимости посвящать воскресенье исключительно религиозным и благотворительным делам. Они не выступали за полное запрещение алкогольных напитков, и большинство из них употребляли их в умеренных дозах, но крайне неодобрительно относились к пьянству, в особенности - среди служителей церкви Англии. Они осуждали также все, что считали безнравственным, в том числе театральные представления, причем не только из-за тех сцен, которые казались им безнравственными, но и из-за "Двуличия", исконно присущего игре актеров.

Многие пуритане выступали за упразднение должности епископов. Они утверждали, что епископское правление, по крайней мере в том виде, каким оно было в их время, является позднейшим изобретением, о котором ничего не сказано в Библии, и что церковь должна считать Писание своим основным законом не только в вероучительных вопросах, но и в делах, относящихся к ее устройству и управлению. Более умеренные пуритане просто заявляли, что в Библии показаны разные формы церковного управления и что, следовательно, епископство, будучи само по себе, возможно, целесообразным и полезным, не относится к вопросам "божественного права". Другие утверждали, что новозаветной церковью управляли "пресвитеры", то есть старейшины, и что истинно библейская церковь должна следовать этому примеру. Третьи заявляли, что каждая церковь должна быть независимой от других, за что их назвали "индепендентами". Среди последних были люди, считавшие, что крестить можно только взрослых верующих, поэтому их назвали "баптистами". Между этими различными группами не было согласия по многим вопросам, но в целом они вдохновлялись идеями Кальвина, Цвингли и других швейцарских реформаторов. Наиболее радикально настроенные среди них придерживались взглядов, близких к анабаптистским.

Тем временем официальная церковь шла параллельным, но противоположным курсом. Елизавета достигла равновесия, учредив церковь с умеренно кальвинистской богословской системой и одновременно сохранив в служении и управлении все, что ясно и прямо не противоречило этому новому богословию. Но поддерживать установленный Елизаветой порядок было трудно. Защищая традиционные формы богослужения, многие начали отходить от кальвинистских богословских взглядов. Ведущие богословы церкви Англии до такой степени восторгались красотой проводившихся тогда богослужений, что почти и не пытались привести их в соответствие с богословскими требованиями или с библейской экзегетикой. Вскоре пуритане начали опасаться, что готовится возврат к "папизму" и что многие стремятся именно к этому.

Подспудно все это вызревало еще до восшествия Якова на престол Елизаветы. Но затем долгое время сдерживавшиеся конфликты начали давать о себе знать со все большей силой. Пуритане не доверяли новому королю, чьей матерью была не кто иная, как Мария Стюарт. На самом деле Яков не особенно благожелательно относился к католикам, которые неоднократно пытались добиться от него крупных уступок, но каждый раз безуспешно. Его идеалом была абсолютная монархия по французскому образцу. В Шотландии подданные-пресвитериане не давали ему возможности править так, как ему хотелось бы, и, по его мнению, не выказывали ему должного почтения, поэтому в Англии он стремился для усиления собственной власти повысить роль епископата. Ему приписывают слова: "Без епископов нет и короля".

Росту авторитета Якова мешали и его особые наклонности. Он был гомосексуалистом, и его фавориты пользовались незаслуженными привилегиями и влиянием при дворе и в правительстве. Настаивая на праве быть абсолютным монархом, он проявлял при этом то крайнюю непреклонность, то слабость и уступчивость. Он честно распоряжался финансами страны, но выделял огромные суммы на абсолютно пустые затеи, и для реализации многих замыслов просто не хватало средств. Его щедрость на титулы и привилегии для друзей оскорбляла многих из тех, кто всю жизнь служил короне за скромное вознаграждение или вообще бескорыстно.

Яков пытался продолжать религиозную политику Елизаветы. Систематическим преследованиям подвергались только анабаптисты, так как их эгалитаристские идеи возмущали короля. К католикам относились как к верным слугам папы и, следовательно, как к потенциальным предателям.

Но если бы папа признал права Якова на престол и осудил цареубийство, на которое готовы были пойти некоторые крайние католики для разрешения религиозных конфликтов в Англии, король стал бы терпимее относиться к католикам. Пресвитериане, которых король возненавидел еще в Шотландии, в Англии не вызывали особой неприязни, и Яков даже сделал им ряд уступок. Но отказаться от системы епископского правления он не мог, так как был убежден, причем вполне обоснованно, что епископы - самые верные и полезные сторонники престола.

Во время правления Якова напряженность в отношениях между прелатами официальной церкви и пуританами постоянно возрастала. В 1604 году архиепископ Кентерберийский Ричард Бэнкрофт добился принятия нескольких постановлений, согласно которым епископская иерархия провозглашалась установленной свыше и неотъемлемой от истинной церкви. Это умаляло авторитет многих протестантских церквей на континенте, в которых не было епископов, и пуритане усмотрели в этом попытку порвать связи с протестантами для возрождения католичества в Англии. Кроме того, по настоянию архиепископа были приняты и другие постановления, со всей очевидностью направленные против пуритан.

В это время работал парламент - Яков был вынужден созвать его для утверждения новых налогов. В состав нижней палаты, или палаты общин, входило много пуритан, и они, объединившись с другими делегатами, обратились к королю с воззванием, направленным против постановлений Бэн-крофта. На созванной им конференции в Хэмптоне король сам председательствовал, и когда кто-то из пуритан упомянул о "совете пресвитеров", заявил, что между монархией и пресвитерией такие же отношения, как между Богом и дьяволом. Все попытки примирения закончились неудачей, и единственным результатом этой встречи стал опубликованный в 1611 году новый перевод Библии, известный как Библия короля Якова.

Это посеяло враждебность между палатой общин и наиболее консервативно настроенными епископами. Последние вслед за королем заявили, что власть епископов, как и власть короля, основывается на божественном праве. В 1606 году церковные власти приняли ряд еще более антипуританских постановлений. В ответ парламент выступил с критикой не короля или архиепископа, а наиболее уязвимых их сторонников. В конце концов при следующем царствовании это противостояние приведет к гражданской войне.

Тем временем в 1605 году был раскрыт "пороховой заговор". Годом раньше под предлогом того, что католики хранили верность папе, а не королю, был принят направленный против них закон. На самом деле подоплекой закона был, по всей видимости, сбор денег, так как католикам грозили высокие штрафы и конфискация собственности. Как бы там ни было, католики решили, что от короля необходимо избавиться. Один из заговорщиков снял рядом с парламентом особняк, откуда через подземный потайной ход можно было попасть в подвальное помещение, расположенное под залом заседаний. План заключался в том, чтобы под видом вина подложить под зал заседаний несколько бочек с порохом и взорвать их, когда король будет открывать

очередную сессию парламента. Таким образом, погибли бы как король, так и заседавшие в парламенте пуритане. Но заговор был раскрыт, и его руководителей вместе с некоторыми предполагаемыми участниками казнили. В разных частях королевства на католиков началась настоящая охота. Сам Яков как будто бы пытался проводить различие между виновными и теми, кто просто были католиками. Вместе с тем он воспользовался произошедшим для расширения системы штрафов и конфискаций. Вскоре тысячи католиков оказались в тюрьмах.

Через несколько лет Яков попытался управлять страной без парламента. Но для введения новых налогов необходимо было согласие этого органа власти, и в 1614 году, когда королевство было на грани финансового краха, Яков решил созвать парламент. Когда после выборов выяснилось, что новая палата общин оказалась еще более непокорной, чем предыдущая, Яков распустил ее и попытался обойтись теми налогами, которые имел право вводить сам. Он был также вынужден занимать деньги у епископов и знати. Затем разразилась Тридцатилетняя война. Низложенный курфюрст Пфальца и король Богемии Фридрих доводился Якову зятем. Но Яков не предложил ему помощи, и многие английские протестанты начали называть его трусом и предателем, в ответ на что он заявлял, что не может вмешаться в войну из-за недостатка средств. Наконец, в 1621 году король снова созвал парламент в надежде, что пуритане в палате общин согласятся с новыми налогами, если он пообещает, что часть из них пойдет на оказание помощи немецким протестантам. Но прошел слух о намерении короля женить своего сына и наследника на испанской инфанте. Такой брачный союз с Габсбургами казался неприемлемым пуританам и парламенту, который утвердил лишь некоторые мелкие налоги и направил ряд жалоб королю. В ответ король распустил парламент и арестовал нескольких ее лидеров. Затем от брачных планов отказались по другим причинам, и в 1624 году Яков снова созвал парламент, но в очередной раз распустил его, не добившись средств, которых просил. Вскоре после этого король умер, и престол занял его сын Карл.

Карл I

Новый король, как и его отец, был убежден в необходимости централизованной и сильной монархической власти и поэтому тоже не ладил с парламентом. Пуритане с подозрением относились к намерениям короля, так как после неудавшихся переговоров с Испанией Карл женился на сестре французского короля Людовика XIII. Договоренности, приведшие к заключению этого брака, предусматривали уступки английским католикам, и было также достигнуто соглашение, что королева и ее двор могут совершать свои религиозные обряды. Усматривая во всем этом возрождение идолопоклонства, многие пуритане заявляли, что в королевский дворец вошло отступничество. Вскоре королеву начали сравнивать с Иезавелью, хотя пока еще и не в открытую.

Карл унаследовал от отца конфликты с парламентом, достигшие апогея во время суда над Ричардом Монтепо, защитником божественного права королей и противником как пуританства, так и парламентской системы. Он опубликовал несколько книг на эти темы, и наконец, после издания очередной из них, особенно оскорбительной для парламента, палата общин привлекла его к суду и приговорила к штрафу и тюремному заключению. Король Карл спас своего сторонника, сделав его при себе личным капелланом и тем самым оградив от парламента. Затем стали поговаривать, что в отместку будет предъявлено обвинение в государственной измене королевскому советнику герцогу Бэкингему. Тогда король распустил парламент и решил править без него. Это было в общем-то невозможно, так как король нуждался в средствах, которые можно было получить только через парламент. Но король пришел в такую ярость, что принял еще более жесткие меры. Когда архиепископ Кентерберийский попытался выступить посредником, король, по сути дела, лишил его полномочий и передал их комиссии под председательством Уильяма Лода, одного из самых непримиримых противников пуританства. Карл несколько раз созывал парламент, а затем распускал его, так как палата общин настаивала на рассмотрении своих жалоб, прежде чем голосовать за выделение средств. Своих сторонников Карл отблагодарил в палате

общин, сделав их лордами и лишив себя тем самым небольшой поддержки, которую он имел в нижней палате. Порицать короля начали даже лорды, недовольные тем, что членам палаты общин, ограничившимся поддержкой короля во время парламентских прений, оказана такая честь. Распустив в 1629 году парламент третьего созыва, Карл решил править самостоятельно и лишь одиннадцать лет спустя был вынужден созвать новый парламент.

Эти одиннадцать лет единоличного правления принесли процветание высшим классам. Но цены росли быстрее доходов, и большинство населения подвергалось все большей эксплуатации, в то время как власть имущие все богатели. Для получения нужных ему средств Карл предоставлял все большие льготы аристократии, которая в свою очередь эксплуатировала бедных. Хотя король проявлял определенный интерес к их судьбе и кое-что предпринимал, чтобы улучшить их положение, при существовавшем социально-политическом порядке эти слабые меры не могли облегчить их страданий. В короле и в епископах, поддерживавших его от лица церкви, все чаще видели врагов народа, особенно в промышленных районах. Пуритане, осуждавшие злоупотребления короля и епископов, а также роскошный образ жизни и идолопоклонство "новой Иезавели", быстро завоевывали поддержку среди народа.

В 1633 году Уильям Лод стал архиепископом Кентерберийским. Его восхищали красота и великолепие англиканских церковных служб, и он твердо верил, что для блага государства необходимо религиозное единообразие. Против пуритан он принимал суровые и жестокие меры, в число которых входили смертные приговоры и увечащие наказания (бичевание, клеймение, вырезание ноздрей и т. п.). Воодушевленный его рвением, Карл предоставил Лоду полноту власти в Шотландии, где архиепископ попытался навязать англиканскую литургию. Это привело к беспорядкам, вскоре вылившимся в восстание. Когда общешотландская Генеральная ассамблея попыталась ограничить власть епископов, представители короля объявили о ее роспуске. Но ассамблея отказалась подчиниться приказу короля, отменила епископское правление и реорганизовала церковь Шотландии на пресвитерианской основе.

Это сделало войну неизбежной. У короля не было ни достаточно крупной армии, ни средств для ее содержания, поэтому он обратился за поддержкой к своим ирландским подданным, убежденным католикам, в надежде, что католическая вера королевы побудит их прийти ему на помощь. Но тем самым он лишь добился сближения шотландских кальвинистов и английских пуритан. В 1640 году Карл созвал парламент, надеясь получить средства для войны против шотландских повстанцев. Но скоро стало ясно, что многие члены палаты общин к королю относятся хуже, чем к его врагам, и Карл распустил собрание, получившее впоследствии название Короткого парламента. Шотландцы, воспользовавшись таким поворотом событий, вторглись в Англию, и королевские войска в беспорядке бежали. Карл был вынужден в очередной раз созвать парламент. Так начал работу Долгий парламент, сыгравший важную роль в истории Англии.

Долгий парламент

Годы, непосредственно предшествовавшие первой сессии Долгого парламента, были отмечены экономическими трудностями. Последствия социальных и экономических неурядиц, отражавшихся до тех пор почти исключительно на бедноте и рабочем люде, теперь ощутили на себе и зажиточные слои. Поэтому большинство делегатов, избранных в палату общин, представляли тех, кто был недоволен политикой короля, если не по религиозным, то во всяком случае по экономическим причинам. Среди титулованной аристократии многие вместе с буржуазией вкладывали деньги в коммерческие предприятия, поэтому в большинстве своем палата лордов была готова поддержать палату общин в ее требовании ограничить власть короля. Так что новый парламент оказался еще более неуступчивым. Король собрал его, чтобы добиться денег, необходимых для создания армии и изгнания шотландских повстанцев с английской территории. Но парламентарии понимали, что угроза со стороны повстанцев - гарантия их властных полномочий, и не спешили с рассмотрением этого

вопроса. Сначала они приняли ряд мер против тех, кто в последние годы пытался уничтожить пуританское движение. Еще остававшиеся в живых жертвы архиепископа Лода вышли на свободу и получили компенсацию за перенесенные страдания. Лорд Страффорд, один из самых верных министров короля, предстал перед судом парламента и был приговорен к смертной казни, причем король, можно сказать, ничего не сделал для его спасения.

Затем парламент занялся обеспечением долговременности принятых им решений. В мае 1641 года он принял закон, согласно которому король не мог распускать ассамблею без ее собственного согласия. Этот закон лишал короля важной прерогативы, но он не стал противиться ему в надежде все разрешить путем закулисных интриг. Когда парламент приступил наконец к обсуждению вопроса о средствах для борьбы с шотландцами, выяснилось, что король ведет с ними переговоры в надежде подорвать власть парламента. Кое-кто даже утверждал, что католическое восстание в Ирландии было спровоцировано королевой, чтобы поставить парламент в затруднительное положение и принудить его выделить королю средства для содержания армии. Реальное или мнимое двуличие монархов побудило радикально настроенных протестантов объединиться в еще более тесный союз с целью ограничения королевской власти.

Основными сторонниками Карла в парламенте были епископы - члены палаты лордов. Но палата общин возбудила против некоторых епископов судебное преследование, и когда обвиняемые пытались посещать заседания парламента, лондонцы выходили на улицы и преграждали им путь. Окрыленные этими событиями, наиболее радикально настроенные члены палаты общин объявили о намерении привлечь к суду королеву за предполагаемое подстрекательство к восстанию в Ирландии. Такие крайности навлекли на пуритан ответную реакцию. Многие в палате лордов считали, что настало время навести порядок. Время было на стороне короля. Но он не проявил должного терпения и не стал ждать, когда сам ход событий принесет ему победу. Он скоропалительно выдвинул перед палатой лордов обвинения против лидеров палаты общин. Лорды, опасаясь, что однажды такая же участь постигнет и их самих, отвергли обвинение. Затем король приказал арестовать обвиняемых, но парламент отказался их выдать. На следующий день вооруженный отряд, отправленный Карлом для ареста обвиняемых, обнаружил, что парламент сбежал в Лондон, где продолжил работу при поддержке народа. Потеряв столицу, король удалился в свои дворцы в Хэмптоне и Виндзоре. Тем временем в Лондоне в качестве "короля без короны" правил лидер мятежного парламента Джон Пим. Затем палата общин вынесла на рассмотрение закон об исключении епископов из палаты лордов. Верхняя палата согласилась, король не возражал, и прелатов изгнали из парламента. Таким образом, начался процесс, в ходе которого из парламента будут постепенно удалены все противники пуританства, а сама ассамблея примет более радикальный характер. Затем парламент принял решение о создании милиции[13]. Эти соединения должны были находиться под командованием парламента, поэтому король решил, что настало время для решительных действий. Он собрал верные ему войска и приготовился к сражению с армией парламента. Конфликты и распри между короной и парламентом в конечном счете привели к гражданской войне.

Гражданская война

Обе стороны теперь готовились к войне и собирали силы. Карла активнее других поддержали аристократы, а парламент - тех, кто особенно пострадал за последние времена. Его армия состояла в основном из представителей низших классов, к которым присоединялись также купцы и даже некоторые дворяне. Костяком королевской армии была кавалерия - традиционно ударная сила аристократии, а парламент делал ставку на использование пехоты и флота, для которого важное значение имела торговля. Все началось с небольших стычек, в ходе которых каждая из сторон стремилась заручиться поддержкой извне - парламент со стороны шотландцев, а Карл со стороны католиков в Ирландии. Кроме того, учитывая угрозу возникновения гражданской войны, различные пуританские группы все больше сплачивались.

Пытаясь привлечь на свою сторону шотландцев, парламент принял ряд решений в пресвитерианском духе. Среди английских пуритан не все считали такую форму церковного управления правильной, но большинство из них отвергали епископство - основной оплот короля в лоне церкви. В конце концов епископское правление было отменено, отчасти из-за поддержки епископами короля, отчасти по богословским соображениям и отчасти потому, что, конфисковав имущество епископов, парламент мог получить средства, не вводя новых налогов.

Тем временем парламент созвал богословов для решения религиозных вопросов. Это была знаменитая Вестминстерская ассамблея, в работе которой, помимо 121 служителя и тридцати мирян, назначенных парламентом, участвовали восемь представителей Шотландии. За шотландцами стояла самая сильная армия в Британии, поэтому их влияние на ассамблее было решающим. В главе 20 мы подробнее остановимся на богословских решениях ассамблеи и на принятом ею Исповедании, которое стало одним из основополагающих документов кальвинистской ортодоксии. Здесь же достаточно сказать, что хотя некоторые ее участники были "индепендентами", то есть сторонниками конгрегационалистского устройства церкви, а другие склонялись к епископскому правлению, ассамблея сделала выбор в пользу пресвитерианской формы правления и рекомендовала парламенту принять ее для Церкви Англии. В парламенте было много индепендентов, предпочитавших иную форму правления, но ход войны вынудил их объединиться с шотландцами в "Священной лиге и завете", связав себя тем самым с пресвитерианством. Решение вступило в силу в 1644 году, и в следующем году архиепископ Кентерберийский Уильям Лод был казнен по приказу парламента.

Как раз когда парламент готовил армию, на первый план выступил Оливер Кромвель. Он был довольно богатым человеком и потомком одного из советников Генриха VIII. За несколько лет до этого он стал пуританином и теперь жадно читал Писание. Он был убежден, что любое решение, личное или политическое, должно основываться на Божьей воле. Поэтому поиски решения часто занимали у него много времени, но, раз приняв его, он шел по избранному пути до конца. Он пользовался уважением пуритан, но до Гражданской войны был известен всего лишь как один из членов палаты общин. Однако, осознав неизбежность вооруженного конфликта, он отправился домой и собрал небольшой отряд кавалерии. Он понимал, что кавалерия - основное оружие короля и что парламенту понадобится такой же род войск. Его пример оказался заразительным, и небольшой отряд превратился в мощную кавалерийскую часть, воины которой были убеждены, что ведут священную войну, и отправлялись в бой с пением псалмов. Вскоре вся армия парламента прониклась такой же убежденностью и превратилась в непреодолимую силу, разгромившую войска короля в битве при Нейсби.

Эта битва стала началом конца короля. Повстанцы захватили лагерь, где нашли доказательство тому, что он подталкивал иностранные католические войска к вторжению в Англию. Тогда Карл решил провести переговоры с шотландцами в надежде задобрить их обещаниями. Но шотландцы взяли его в плен, а затем передали парламенту. Выиграв войну, парламент принял ряд законов в пуританском духе - таких как предписание посвящать воскресенье только религиозным делам и запрет фривольных развлечений.

Но в рядах пуритан, объединившихся в борьбе с королем и его епископами, наблюдался теперь глубокий раскол. Большинство парламента поддерживало в то время пресвитерианскую форму правления с национальной церковью без епископов. Но в армии большинство составляли индепенденты. По многим вопросам у них не было между собой согласия. Но все они единодушно считали, что национальная церковь с пресвитерианской формой правления лишит их свободы следовать Библии в соответствии с тем, как они ее понимают. В результате отношения между парламентом и армией все больше обострялись. В 1646 году парламент предпринял безуспешную попытку распустить армию. В армии набирали силу еще более радикальные группы, такие как "пятая монархия" и "левеллеры". Некоторые из них провозглашали, что Господь вот-вот вернется и что необходимо преобразовать общественный порядок, установив справедливость и равенство. Парламент, в котором купеческое сословие все

еще обладало значительным весом, в ответ ужесточил меры против армии, та же в свою очередь заявила, что от имени народа может выступать не парламент, а армия, так как она шире отражает его представительство.

В этот момент король сбежал. Затем он начал переговоры с шотландцами, с армией и с парламентом, давая всем взаимоисключающие обещания. Он добился поддержки шотландцев, которым обещал установить пресвитерианство как в Шотландии, так и в Англии. Тем временем он продолжал секретные переговоры с парламентом. Но пуританская армия разгромила шотландцев, захватила короля и приступила к чистке парламента. Сорок пять лидеров парламента были арестованы, среди оставшихся многих не пускали на заседания, а кое-кто сам отказывался их посещать. То, что от него осталось, его противники совершенно справедливо назвали "охвостьем" Долгого парламента.

Именно это "охвостье" начало судебное разбирательство по делу Карла, которого обвинили в государственной измене и в развязывании в стране гражданской войны. Четырнадцать лордов, посмевших явиться на заседание палаты лордов, единодушно отказались поддержать обвинения. Тем не менее палата общин продолжила суд, и Карл, не желавший защищаться на том основании, что у его судей нет правовых полномочий, 30 января 1649 года был обезглавлен.

Протекторат

Шотландцы, боявшиеся вновь стать зависимыми от Англии, быстро признали своим монархом Карла II, сына покойного короля. Ирландцы воспользовались обстоятельствами и подняли очередное восстание. В самой Англии среди пуритан-индепендентов возникли разногласия. Все большую силу набирали "диггеры" - одно из самых радикальных ответвлений этого движения. Они призывали к установлению нового общественного порядка, при котором право на обладание собственностью должно принадлежать всем. Своей пропагандой они угрожали интересам торгово-купеческих слоев, ранее поддерживавших парламент в его противоборстве с королем. В то же время пресвитериане продолжали настаивать на принципах общенациональной церкви, что с точки зрения индепендентов было тиранией. Короче говоря, стране угрожал хаос.

Тогда бразды правления взял в свои руки Кромвель. Он не участвовал в чистке парламента, но одобрил ее, и от имени "охвостья" парламента сначала подавил восстание ирландцев, а затем положил конец всплеску роялистских настроений в Шотландии. Карл II был вынужден бежать на континент. Затем Кромвель решил сделать то, чего не сумел король: когда "охвостье" парламента приступило к обсуждению закона, который должен был увековечить его власть, Кромвель явился на заседание, изгнал из помещения немногих остававшихся там делегатов и опечатал его. Тем самым, возможно даже против собственной воли, он стал хозяином страны. В течение некоторого времени он пытался вернуться к какой-то форме представительного управления, но в конце концов принял титул "лорда-протектора". Теоретически он должен был править с помощью парламента, состоявшего из представителей Англии, Шотландии и Ирландии. Но на самом деле парламент состоял по преимуществу из англичан, а реальная власть принадлежала Кромвелю.

Кромвель разработал программу реформирования как церкви, так и государства. С учетом атмосферы в стране его религиозная политика выглядела достаточно терпимой. Сам он был индепендентом, но старался установить такую религиозную систему, где нашлось бы место пресвитерианам, баптистам и даже умеренным сторонникам епископского правления. Будучи пуританином, он пытался также реформировать нравы и обычаи в стране путем принятия законов, касающихся воскресенья, скачек, петушиных боев, театральных представлений и так далее. Его экономическая политика благоприятствовала среднезажиточным слоям населения в ущерб интересам

аристократии и в определенной мере бедноты. Сопротивление протекторату росло как среди самых богатых, так и среди самых бедных.

При жизни Кромвелю удавалось сохранять контроль над страной. Но его мечты о создании сильной республики не исполнились. Как и короли до него, он не ладил с парламентом даже при том, что сторонники Кромвеля силой не допускали туда его противников, превратив тем самым парламент в новое "охвостье". Протекторат был по сути своей временным явлением, и Кромвелю предложили королевскую корону, но он отказался, все еще надеясь установить республиканский строй. В 1658 году, незадолго до смерти, он назначил преемником своего сына Ричарда. Но молодой Кромвель не обладал способностями отца и сложил с себя доверенные ему полномочия.

Реставрация

Падение протектората не оставило другой альтернативы, кроме восстановления монархии. Парламент во главе с генералом Монком призвал Карла II занять престол своего отца. Это повлекло за собой принятие антипуританских мер. Поначалу Карл хотел найти в национальной церкви место для пресвитериан, но новый парламент выступил против таких планов и предпочел традиционное епископское правление. В результате новое правительство восстановило епископское правление и "Книгу общественного богослужения", а также приняло законы, направленные против диссидентов, места для которых в официальной церкви не оставалось. Но эти законы не смогли положить конец движениям, возникшим во время народных волнений в прежние годы. Они тайно продолжали существовать вплоть до конца века, когда была провозглашена веротерпимость.

В Шотландии последствия реставрации оказались более серьезными. В этой стране пресвитерианство пустило прочные корни, и теперь королевским указом вновь вводилось епископское правление, а пресвитерианских служителей надлежало заменить другими, готовыми поддержать епископов. По стране прокатились беспорядки и бунты. Был убит архиепископ Джеймс Шарп, наиболее видный прелат Шотландии. Это привело к вмешательству англичан, поспешивших на помощь шотландским роялистам, и пресвитерианское восстание было потоплено в крови.

На смертном одре Карл II объявил себя католиком, подтвердив тем самым подозрения многих подвергавшихся преследованиям пуритан и шотландских пресвитериан. Его брат и преемник Яков II решил восстановить католичество в качестве официальной религии своих королевств. В Англии он попытался добиться поддержки диссидентов, провозгласив политику веротерпимости. Но антикатолические настроения там были настолько сильны, что их сторонники предпочли бы даже отказаться от терпимости в отношении самих себя, лишь бы помешать возрождению католичества. В Шотландии все складывалось еще драматичнее, и Яков II (он же Яков VII Шотландский) распорядился приговаривать к смертной казни всех, кто посещает неразрешенные службы, и поставил на ключевые должности католиков.

После трех лет правления Якова II англичане восстали и пригласили на престол Вильгельма Оранского и его жену Марию, дочь Якова. Вильгельм прибыл в 1688 году, и Яков бежал во Францию. В Шотландии его сторонники продержались несколько месяцев, но к следующему году Вильгельм и Мария твердо держали в руках власть и в Шотландии. Их религиозная политика была достаточно терпимой. В Англии свобода вероисповедания была предоставлена всем, кто признавал "Тридцать девять статей" 1562 года и давал клятву верности монархам. Людям, отказывавшимся приносить присягу, которых называли "непоклявшимися", предоставлялась свобода вероисповедания при условии не участвовать в заговорах против монархов. В Шотландии пресвитерианство стало официальной государственной религией, а Вестминстерское исповедание - ее вероучительной нормой.

Но пуританский идеал не исчез после реставрации и оказал глубокое влияние на формирование британского характера. Два великих представителя этого направления Джон Беньян и Джон Мильтон долгое время оставались одними из наиболее читаемых английских авторов. Самое крупное литературное произведение Беньяна, известное под сокращенным названием "Путешествие Пилигрима", стало популярной христианской книгой, которая дала тему для размышления и обсуждения не одному поколению. А "Потерянный рай" Мильтона предопределил понимание и истолкование Библии в большей части англоязычного мира.

Католическая ортодоксия

Есть достаточно света для тех, кто хочет видеть, и есть достаточно тьмы для тех, кто настроен иначе. Достаточно сияния для озарения избранных, и достаточно мрака для их смирения. Достаточно тьмы для ослепления нечестивых, и достаточно света, чтобы подвергнуть их осуждению и показать непростительность их поведения.

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ

Тридентский собор сформулировал принципы католической ортодоксии на следующие четыре столетия, а также разработал программу реформ. Но в рядах католиков были противники как самой этой ортодоксии, так и предлагавшихся реформ. Во-первых, тридентская реформаторская программа основывалась на централизации власти в руках папства и тем самым вступала в противоречие с интересами различных правительств. Во-вторых, от многих прелатов реформы требовали жертв, идти на которые они не хотели. Наконец, были люди, полагавшие, что в своей борьбе с протестантизмом Тридентский собор зашел слишком далеко, оставив, в частности, без внимания учение Августина о первостепенной роли благодати в спасении человека.

Галликанство и оппозиция папской власти

Созыв Тридентского собора был вынужденной мерой ввиду отсутствия у папского престола воли и силы, чтобы ответить на вызов, брошенный протестантской Реформацией, но к концу работы собора авторитет папства повысился, и ему была вручена большая власть над всей католической церковью. Однако во многих европейских странах это решение собора не встретило понимания. То было время роста национальных чувств и укрепления абсолютных монархий, поэтому и короли, и поборники национальной независимости выступали против централизованной церкви под властью папы. Такая тенденция получила название "галликанства" (от слова "Галлия", как в древности называли Францию), так как именно во Франции она проявлялась наиболее ярко. Сторонников папской власти называли "ультрамонтанами", поскольку они искали водительство "по ту сторону гор", то есть за Альпами.

В позднем средневековье, когда папство находилось под пятой Франции, французская монархия добилась от пап ряда уступок, предоставлявших французской церкви определенную автономию. Теперь французы настаивали на сохранении древних "свобод галликанской церкви" и отвергали постановления Тридентского собора, предусматривавшие централизацию церковной власти. Одни галликане противились сосредоточению власти в руках папы из политических соображений, а другие исходя из убеждения, что церковной властью должны обладать епископы, а не папа. Как бы там ни было, во Франции постановления Тридентского собора не могли вступить в силу без утверждения их королевской властью, а добиться этого было не так-то просто. Генрих IV после долгих переговоров согласился утвердить постановления собора, но французский парламент этому воспротивился. В 1615 году, через пять лет после убийства Генриха IV, постановления опять не были утверждены французскими гражданскими властями, и французское духовенство, ведущую роль в котором к тому времени начали играть ультрамонтаны, решило сделать это самочинно. Но тот факт, что именно французское духовенство постановило признать решения собора в их стране, послужил для защитников "галликанских свобод" дополнительным аргументом.

Подобного рода движения распространялись и в других частях Европы. "Фебронианство" получило название по имени Юстина Феброния, опубликовавшего в 1763 году под этим псевдонимом книгу под названием "Положение церкви и законность власти римского понтифика". В ней утверждалось, что церковь представляет собой сообщество верующих и что епископы, будучи их представителями, должны управлять церковью. Следовательно, верховная власть принадлежит совету епископов, а не папе. Папа Климент XIII осудил книгу как еретическую. Но высказанные в ней идеи продолжали распространяться и завоевывать сторонников. Одни видели в них возможность объединить католиков и протестантов, созвав собор. Другие поддерживали их, так как они соответствовали их националистическим взглядам. Были также богатые епископы, владевшие крупными епархиями, для которых они стали предлогом уклониться и, вопреки требованию Рима, не проводить реформы.

В Вене фебронианство приняло иное направление. Император Иосиф II был образованным человеком либеральных взглядов, намеревавшимся провести широкие реформы. Для этого ему необходима была поддержка церкви, но только не тридентской, которую он считал обскурантистской и нетерпимой. Поэтому он уделял внимание образованию священнослужителей, закрывал слишком консервативные на его взгляд монастыри, открывал новые церкви и в целом проводил реформу церкви в том направлении, которое считал наилучшим. Его примеру были готовы последовать и другие правители, поэтому римская церковь, уже осудившая в 1764 году фебронианство, осудила в 1794 году и "иосифлянство". Но этому и другим подобным движениям конец положило не папское осуждение, а Французская революция (к которой мы вернемся ниже).

Тем временем серьезным ударом по папской власти стал роспуск ордена иезуитов. Абсолютные монархи XVIII века с подозрением относились к этому ордену, как раз и созданному для защиты папства. Падению популярности иезуитов способствовала и поддержка ими крайних католиков, нетерпимость которых привела к Тридцатилетней войне. Бурбоны, в частности, испытывали глубокую антипатию к иезуитам, последовательно поддерживавшим их противников Габсбургов. Поэтому, когда Бурбоны упрочились, а Габсбурги начали сдавать позиции, иезуиты оказались в трудном положении. В 1758 году ответственность за покушение на жизнь португальского короля Жозе I была возложена на иезуитов. Год спустя "Общество Иисуса" было изгнано из Португалии и ее колоний, а его имущество было конфисковано. Во Франции, где правили Бурбоны, "Общество" было запрещено в 1764 году. Три года спустя Карл III изгнал его из Испании и ее колоний. Затем примеру своего отца Карла последовал король обеих Сицилии Фердинанд IV. Это привело к объединению усилий Бурбонов с целью запретить деятельность иезуитов не только в своих странах, но и во всем мире. В начале 1769 года послы Бурбонов в Риме представили папе совместное обращение с требованием уничтожить орден иезуитов. Наконец, в 1773 году папа Климент XIV распустил "Общество Иисуса", лишившись тем самым одного из самых мощных орудий для проведения папской политики.

Существование таких движений, как галликанство, фебронианство и иосифлянство, а также роспуск ордена иезуитов показывают, что хотя папы и претендовали на неограниченные полномочия, на самом деле они теряли власть и авторитет.

Янсенизм

Тридентский собор безоговорочно осудил взгляды Лютера и Кальвина в вопросе о благодати и предопределении, однако многие опасались, что такая крайняя форма противодействия протестантизму может привести к отрицанию учения св. Августина. В результате среди католиков возникла полемика о смысле благодати и предопределения.

Позднее в XVI веке иезуиты Саламанкского университета под руководством Луиса де Молина пришли к убеждению, что предопределение основывается на Божьем

предвидении. Доминиканец Доминго Баньес, один из лучших католических богословов того времени, в ответ на это заявил, что

такие взгляды противоречат учению Августина и, следовательно, заслуживают осуждения. Обе стороны выдвинули обвинения друг против друга перед испанской инквизицией, причем иезуиты утверждали, что доминиканцы - кальвинисты, а доминиканцы называли иезуитов пелагианами. Инквизиция передала дело на рассмотрение в Рим, и папа после долгих колебаний принял простое решение, признав оба обвинения не соответствующими действительности и предписав оппонентам впредь воздерживаться от взаимных нападок.

Аналогичная полемика в Лувенском университете получила более широкий резонанс. Мишель Бай выдвинул тезисы, близкие к учению Августина, и заявил, что греховная воля не может произвести ничего хорошего. В 1567 году папа Пий V осудил семьдесят девять положений, извлеченных из сочинений Бая. Тот отрекся от них, но продолжал проповедовать весьма схожее с ними учение. Когда с критикой Бая выступил один из богословов-иезуитов, преподаватели Лувенского университета обвинили его в пелагианстве. Пытаясь успокоить умы, снова вмешался папа. Но богословские взгляды Бая продолжали распространяться в Лувене и вновь всплыли шесть десятилетий спустя в 1640 году в работе Корнелия Янсения. Его изданная посмертно книга "Августин" не претендовала ни на что, кроме исследования и изложения учений великого богослова о благодати и предопределении. Но то, что Янсений раскрыл у Августина, слишком походило на учения Кальвина, и в 1643 году папа Урбан VIII осудил его тезисы.

Но на этом полемика не закончилась. Во Франции факел янсенизма принял Жан Дювержье, более известный как аббат Сен-Сиран, поскольку под этим именем он был аббатом одного из монастырей и так его звали монахини аббатства Пор-Рояль. Аббатство Пор-Рояль под руководством матери Анжелики стало центром благочестия и реформ, а Сен-Сиран был хорошо известен как ведущая фигура в этом движении. Ришелье бросил его в тюрьму, так как опасался, что религиозное рвение этих реформаторов может затруднить осуществление его политической программы. Выйдя на свободу в 1643 году, в том же году, когда подверглись осуждению тезисы его покойного друга Янсения, Сен-Сиран стал поборником янсенизма, сделав его центром аббатство Пор-Рояль. Но теперь янсенизм был уже не столько учением о благодати и предопределении, сколько движением за коренные религиозные реформы. Иезуиты выдвинули теорию "пробабилизма", согласно которой вероятность, пусть даже самая малая, что то или иное действие правильно, делает его с моральной точки зрения оправданным. В глазах французских янсенистов это выглядело нравственным индифферентизмом, и они пропагандировали строжайшую самодисциплину и строгость жизни - о монахинях Пор-Рояля говорили, что они "чисты, как ангелы, и горды, как бесы".

Сен-Сиран умер вскоре после освобождения, и эстафету приняли брат матери Анжелики Антуан Арно и философ Блез Паскаль. Гений Паскаля проявлялся с раннего возраста, особенно в области физики и математики. В тридцать один год, за восемь лет до смерти, он обратился в янсенизм. Это стало для него глубоким религиозным переживанием, оставившим отпечаток на всей последующей жизни. Когда Сорбонна осудила Арно, он опубликовал первое из двадцати "Писем к провинциалу", якобы направленных парижскими иезуитами жителю провинции. Благодаря юмору и остроумию они вскоре завоевали широкую популярность и, кроме того, попали в "Индекс запрещенных книг". На какое-то время среди парижской интеллигенции и аристократии вошло в моду быть янсенистом.

Затем последовала реакция. Людовик XIV не мог терпеть таких крайностей, которые легко могли превратиться в сектантство. Ассамблея клира осудила движение. Монахинь Пор-Рояля разогнали. Несмотря на свое галликанство, Людовик XIV попросил помощи

у папы Александра III, предписавшего всем священнослужителям отречься от янсенизма. Но маятник в очередной раз качнулся в другую сторону. Александр умер,

его преемник оказался более терпимым, монахиням разрешили вернуться в Пор-Рояль, и ходили даже разговоры, что Арно могут сделать кардиналом. Однако это было лишь краткой передышкой. В конце концов Арно вынудили отправиться в эмиграцию, где он и умер. Людовик XIV проявлял все большую нетерпимость, а папа Климент XI подтвердил осуждение янсенизма. В 1709 году полиция захватила Пор-Рояль и изгнала пожилых монахинь. На кладбище аббатства продолжали приходить многочисленные паломники, поэтому его приказали перекопать, и рассказывают, что за выкопанные останки дрались собаки. В 1713 году в булле "Unigenitus" Климент XI безоговорочно осудил янсенизм.

Но янсенизм не умер и даже развивался. Однако к тому времени он уже имел мало общего с учением Янсения, с реформаторским рвением Сен-Си-рана и Анжелики или даже с глубокой религиозностью Паскаля. Он стал скорее политическим и интеллектуальным движением, близким к галликанству. Некоторые простые священники присоединялись к нему в знак протеста против роскоши, в которой жили их руководители. Другие использовали его как средство противостоять необоснованному вмешательству Рима во французские дела. Третьи были рационалистами, видевшими в янсенистском движении реакцию на догматизм власти. В конце концов янсенизм исчез, но не потому, что был осужден и подвергался преследованиям, а из-за его излишней аморфности.

Квиетизм

Еще одним поводом для серьезной полемики в рядах католиков стал "квиетизм". Это учение возникло после выхода в 1675 году "Духовного руководителя" испанца Мигеля де Молиноса. Он был неоднозначным человеком, которого одни называли святым, а другие шарлатаном. "Духовный руководитель" и написанный позднее "Трактат о каждодневном общении" вызвали большое волнение - одни обвиняли его в ереси, другие утверждали, что он является выразителем наивысшей формы христианского благочестия.

Молинос проповедовал полную пассивность пред Богом. Верующий должен просто исчезнуть, умереть, раствориться в Боге. Надо отказаться от любой активности, будь то телесной или душевной. Созерцание должно быть чисто духовным и не иметь ничего общего с какими бы то ни было физическими или видимыми реалиями, в том числе с человечностью Христа. То же самое относится к аскетической дисциплине, которая есть не что иное, как еще одна форма проявления активности. Когда душа теряется в созерцании Божества, она не должна обращать внимание ни на что другое, даже на своих ближних.

Это учение встретило сильное сопротивление. Одни утверждали, что оно скорее сродни мусульманскому мистицизму, чем учениям великих христианских богословов. Другие указывали, что молинизм ведет к замкнутости, при которой церковь не имеет никакого значения и не обладает никаким авторитетом, а христиане никак не связаны с политической и общественной жизнью. Инквизиция, которую попросили высказать свое мнение по этому вопросу, сначала поддержала Молиноса. Но многие исповедники возражали, указывая, что это учение ведет к распущенности в среде верующих. Ходили также слухи, что сам Молинос поощряет распущенность своих последователей и что его отношения с принявшими его идеи женщинами отнюдь не безупречны.

В 1685 году Молиноса и нескольких его последователей арестовали по распоряжению папы. На суде инквизиции он отказался отвечать даже на самые абсурдные обвинения. Его поклонники утверждали, что он просто применяет на практике проповедуемые им принципы квиетизма. Обвинители же говорили, что молчание доказывает его вину. Когда ему приказали отречься от своих взглядов, он сделал это с такой покорностью, что само это отречение можно было рассматривать как выражение верности своим убеждениям. Многие требовали смертного приговора, но папа Иннокентий XI, не желая, чтобы у квиетизма был свой мученик, сделал так, что оставшиеся одиннадцать лет

жизни он провел в заключении. В тюрьме он как будто бы продолжал вести жизнь в спокойном созерцании, которому учил.

Квиетизм проник во Францию, где его восприняли вдовствующая мадам Гюйон и ее духовник отец Лакомб. Оба они были глубоко верующими людьми, подверженными видениям и другим мистическим переживаниям.

Вокруг них образовался кружок верующих, которых они направляли в их религиозной жизни. Когда мадам Гюйон опубликовала трактат "Краткий и простой метод молитвы", ее известность распространилась по всей стране. Затем она вместе со своим духовником перебралась в Париж, где в число их почитателей вошли несколько женщин из круга высшей аристократии.

Однако взгляды мадам Гюйон кое в чем вызывали возражения, так как она доводила учение Молиноса до крайностей. В конце концов она заявила, что бывают времена, когда для принесения Богу истинной жертвы необходимо совершать грехи, которые в глазах самого человека выглядят мерзкими. Такие заявления в сочетании с ее близкими отношениями с Лакомбом породили дурные слухи, и архиепископ Парижский приказал заключить священника в тюрьму, а мадам Гюйон - в монастырь. Лакомба переводили из одной тюрьмы в другую, и в конце концов он сошел с ума и умер. Мадам Гюйон по ходатайству одной из фавориток короля выпустили на свободу.

Именно в это время мадам Гюйон познакомилась с молодым епископом Франсуа Фенелоном. Его увлекли ее взгляды, хотя он никогда не доводил их до крайностей. В конечном счете вопрос о квиетизме вылился в ожесточенный спор между Фенелоном и одним из величайших французских богословов того времени Жаком Бенинем Боссюэ. Полемика долго не приносила результатов, поскольку Боссюэ пользовался поддержкой короля, а Фенелон был известен как человек необычайного благочестия. Наконец под давлением Людовика XIV папа Иннокентий XII согласился отвергнуть некоторые из тезисов Фенелона, хотя и с оговоркой, что речь идет не об их ошибочности, а о том, что они могут вводить в заблуждение. Выслушав папский приговор, Фенелон проявил такое смирение, что в глазах общественного мнения Боссюэ предстал человеком высокомерным, без всяких на то оснований унизившим достойного оппонента. Затем Фенелон вернулся к исполнению своих пастырских обязанностей архиепископа Камбре, раздал все свое имущество нищим и вел замечательную жизнь, став, вполне вероятно, прототипом епископа Мириэля, изображенного Виктором Гюго в романе "Отверженные".

Все эти события и споры показывают, что в XVII и XVIII веках католическая церковь внутренне перестраивалась после кризиса, вызванного Реформацией. Тридентский собор дал четкое определение католической ортодоксии, и теоретически папство стало центром церковной власти. В веро-учительных вопросах решения Тридентского собора считались незыблемыми, поэтому вся богословская полемика велась в рамках тридентской ортодоксии. Но были также мощные политические силы, противившиеся централизации церковной власти и находившие выражение в таких движениях, как галликанство, фебронианство и иосифлянство. Эта оппозиция папской власти в конечном счете ослабит католическую церковь и помешает ей достойно ответить на вызов, брошенный Французской революцией.

Лютеранская ортодоксия

Я христианин, глубоко преданный Аугсбургскому исповеданию, в духе которого меня воспитали родители. Моя преданность объясняется также непрестанными и сосредоточенными размышлениями в сочетании с каждодневной борьбой с разного рода искушениями.

ПАУЛЬ ГЕРХАРДТ

Реформы, к которым призывал и которые начал Лютер, касались и доктринальных вопросов, не ограничиваясь церковной практикой. Разумеется, он критиковал коррупцию, получившую широкое распространение в церкви, но главное заключалось не в этом. Лютеровская реформация началась с богословского открытия, и он был убежден, что правильные верования имеют для церкви первостепенное значение. Это, однако, не означает, что все и во всем должны быть согласны. Его основным соратником и ближайшим другом долгие годы был Филипп Меланхтон, который расходился с ним по многим вопросам. Сам Лютер говорил, что его задача - вырубить деревья и удалить с поля камни, а Меланхтон как более терпеливый человек должен пахать и сеять. Равным образом, несмотря на разногласия между Кальвином и Лютером, прочитав первое издание "Наставлений" Кальвина, немецкий реформатор отозвался о них благожелательно. Но не все отличались такой широтой взглядов, что ярко проявилось в ходе дискуссий, разделивших следующее поколение лютеран.

Филипписты и твердые лютеране

После смерти Лютера место главного истолкователя лютеранского богословия занял Меланхтон. Его систематическое изложение богословия, известное под сокращенным названием "Loci communes", стало для лютеран основным пособием по изучению богословия и выдержало несколько изданий, в каждое из которых автор вносил исправления. Но были люди, считавшие, что Меланхтон неверно выражает богословские взгляды покойного реформатора. Главным пунктом противоречий, лежавшим в основе всех других разногласий, были гуманистские наклонности "мейстера Филиппа", как его называл Лютер. Когда Лютер порвал с Эразмом и с его гуманистической программой реформ, Меланхтон продолжал поддерживать со знаменитым ученым теплые отношения. Отчасти это объяснялось миролюбивым характером Меланхтона, но также и его несогласием с категорическим отвержением Лютером "грязного разума". По аналогичным причинам, провозглашая учение об оправдании верой, Меланхтон в то же время настаивал на необходимости добрых дел, хотя он видел в них не путь к спасению, а лишь его результат и свидетельство.

Эти разногласия, раздувавшиеся некоторыми последователями Лютера после его смерти, привели к полемике между "филиппистами" и "твердыми лютеранами". Непосредственной причиной конфликта стал "Аугсбургский интерим" - попытка вынудить лютеран пойти на компромисс с католиками (см. главу 9). Лютеранские лидеры отнеслись к интериму без энтузиазма, и большинство отказались подписать его. Но император оказывал на них сильное давление, и в конце концов виттенбергские богословы во главе с Меланхтоном приняли его видоизмененный вариант - "Лейпцигский интерим". "Твердые лютеране", наотрез отказавшиеся подписывать интерим, несмотря на недовольство императора, обвинили виттенбергских "филиппистов" в отходе от некоторых богословских положений Лютера. В ответ Меланхтон указал на различие между основополагающими и несущественными элементами Евангелия. Последние он назвал греческим словом "адиафора". От главного нельзя отступать ни в коем случае. Адиафора имеет определенное значение, но ее не надо путать с главным. Следовательно, в сложившихся обстоятельствах для церкви вполне оправданно отказаться от некоторых второстепенных элементов, чтобы не терять возможности продолжить проповедь и объяснение главного. Твердые лютеране во главе с Матиасом Флацием возражали, что, хотя, быть может, действительно есть основания делить Евангелие на главные и несущественные элементы, бывают обстоятельства, требующие ясного исповедания веры. В таких условиях некоторые элементы, которые в принципе можно было бы считать несущественными, становятся символами самой веры. Отказ от них означает отказ от веры. Те, кто искренне стремятся свидетельствовать о вере, не должны уступать даже во второстепенных вопросах, ибо уступка может быть расценена как капитуляция. Признав "Лейпцигский интерим", утверждал Флаций, филипписты, уступив пусть даже только в несущественных вопросах, отказались от исповедания своей веры.

Со временем круг спорных вопросов расширился. Твердые лютеране обвинили филиппистов в том, что они придают слишком большое значение участию человека в

спасении. Меланхтон, никогда не соглашавшийся с заявлениями Лютера о "порабощенной воле", постепенно пришел к мысли, что греховная человеческая воля в действительности обладает большей свободой, и в конце концов заговорил о сотрудничестве Духа, Слова и человеческой воли. Твердые лютеране, напротив, подчеркивали, что грех растлил человеческую природу, а Флаций даже утверждал, что растление есть сама природа падшего человечества. Одновременно твердые лютеране упорно противопоставляли Лютера Кальвину, истолковывая присутствие Господа в обряде причащения, и утверждали, что филипписты - по сути кальвинисты, так как взгляды Меланхтона весьма схожи с позицией Кальвина.

Эти и другие споры в конечном счете привели к выработке в 1577 году Формулы согласия. По большинству спорных вопросов Формула отражала промежуточную позицию. Например, в ней провозглашалось, что хотя в Евангелии действительно есть несущественные элементы, тем не менее во времена гонений от них отказываться нельзя. Но в вопросе о причащении Формула согласия приняла точку зрения твердых лютеран - в ней заявлялось, что между позицией Цвингли, безоговорочно отвергнутой Лютером на Марбургской встрече, и позицией Кальвина никаких существенных различий нет. В результате с этого времени одной из отличительных черт лютеранства стало особое толкование обряда причащения, шедшее вразрез с кальвинистскими представлениями на этот счет.

Триумф ортодоксии

Период до принятия Формулы согласия был отмечен полемикой между филиппистами и твердыми лютеранами, а следующие поколения поставили перед собой задачу привести в соответствие учения Лютера и Меланхтона. Это стремление уже прослеживалось в Формуле согласия и во взглядах ее главного составителя Мартина Хемница, который, разделяя многие положения, выдвигавшиеся твердыми лютеранами, в то же время в общих чертах придерживался той же методологической схемы, что и Меланхтон. Хемниц считал, что прежде всего следует заняться примирением и согласованием разных направлений внутри лютеранства, одновременно отмежевываясь как от католичества, так и от других форм протестантизма.

Возникшее на основании этой программы богословие получило название "протестантской схоластики", и именно она определила лютеранскую мысль на протяжении всего XVII и частично XVIII веков. Основной ее отличительной чертой был упор на систематизации. Лютер никогда не стремился создавать какую-то богословскую систему. Меланхтон написал краткое систематическое руководство, получившее широкое распространение. Богословы же протестантской схоластики писали пространные систематические труды, сравнимые со всеобъемлющими "Суммами" средневековых схоластов по объему и по тщательности исследования и анализа. Например, работа Иоганна Герхардта состояла из девяти томов, превратившихся при втором издании в двадцать три. С 1655 по 1677 годы Абрахам Каловий выпустил труд по систематическому богословию в двенадцати томах.

Второй отличительной чертой протестантской схоластики, сближавшей ее со средневековым богословием, было использование философии Аристотеля. Лютер говорил, что если человек хочет стать богословом, он должен отойти от подобных воззрений. Однако к концу XVI века возродился интерес к философии Аристотеля, и вскоре большинство лютеранских богословов начали строить свои системы на основании его логики и метафизики. Некоторые из них пользовались даже работами иезуитских богословов, которые тоже опирались на Аристотеля. Таким образом, хотя по содержанию протестантская схоластика резко отличалась от католической, по своему тону и методике она приближалась к католическому богословию того времени.

Третья причина, по которой лютеранское богословие XVII века совершенно справедливо назвали "схоластическим", состояла в том, что оно было в основном результатом книжной работы. Если в предшествующем веке лютеранское богословие

исходило из жизни церкви и ставило своей задачей проповедь и попечение о душах, то теперь оно разрабатывалось в университетах и предназначалось для других ученых и преподавателей.

К концу XVIII века протестантская схоластика сошла на нет, но она оставила после себя ценное наследие: учение о богодухновенности Писания и дух строгого конфессионализма. Лютер никогда не разрабатывал вопрос о богодухновенности Писания. Он был, несомненно, убежден, что Библия богодухновенна и что именно по этой причине она должна служить основанием любого богословского заявления. Но природу богодухновенности он никогда не рассматривал. Значение для него имел не текст Писания сам по себе, а Божье вмешательство, о котором этот текст свидетельствует. Слово Божье есть Иисус Христос, и Библия есть Слово Божье, так как ведет к Нему. Лютеранские же схоласты поставили вопрос о способе и смысле богодухновенности. Ответ большинства из них заключался в том, что Святой Дух наставлял авторов и говорил им, что надо писать. Иначе было бы трудно опровергнуть аргумент, выдвигавшийся некоторыми католиками, полагавшими, что одни учения апостолы передавали ученикам в письменном виде, а другие - изустно. По мнению лютеранских схоластов, не имеет никакого значения, действительно ли апостолы изучили изустно то, что не записано в Библии, ибо такие учения - если они в самом деле существовали - не богодухновенны в той же мере, как Библия. Авторитетным для церкви может быть только то, что Дух повелел апостолам и пророкам записать.

Другой важный вопрос, поставленный лютеранскими схоластами в связи с богодухновенностью Писания, касался степени личностного влияния его авторов на то, что они писали. Наиболее распространенный ответ заключался в том, что библейские авторы были не более чем секретарями или переписчиками Святого Духа. Они слово в слово записывали то, что им диктовал Дух. Но Дух знал индивидуальные особенности каждого автора и принимал их в расчет. Вот почему послания Павла, например, отличаются от посланий Иоанна. Все это было признано подчеркнуть, что авторы Писания вдохновлялись словами Духа, который они воспроизводили буквально, а также сделать упор на богодухновенности этого текста, передававшегося через века. В этой связи показательно, что тогда как католические богословы настаивали на богодухновенности Вульгаты, латинского перевода Библии, некоторые лютеранские богословы отвергали ее богодухновенность, но в то же время утверждали, что средневековых иудейских ученых, добавивших гласные буквы в древнееврейский текст Писания, вдохновлял Святой Дух (в Ветхом Завете на древнееврейском языке гласных не было).

Георг Каликст и "синкретизм"

Растущая непреклонность лютеранской схоластики проявилась в полемике, развернувшейся вокруг предложений Георга Каликста. Он был убежденным лютеранином, полагавшим, что лютеранское учение служит наилучшим истолкованием Писания, но что это не дает оснований объявлять всех остальных еретиками или лжехристианами. В спорах того времени и, в частности, в яростных нападках одних христиан на других он видел отход от самого духа христианства. Поэтому он стремился к сближению с верующими других конфессий, но так, чтобы это не потребовало отказа от лютеранских убеждений. Поэтому он, подобно Меланхтону, проводил различие между основополагающим и второстепенным. Все, что содержится в Писании, раскрыто Богом, и во все это надо верить, но не все имеет равное значение. Принципиально и абсолютно необходимо только то, что относится к спасению. Остальное тоже истинно и важно, иначе Бог не раскрыл бы этого. Но это - не главное для христианина. Между ересью и заблуждением существует различие. Ересь - это отрицание чего-то существенно необходимого для спасения. Заблуждение - отрицание какой-либо иной части откровения. То и другое - зло, которого надо избегать. Но только ересь - зло настолько серьезное, что способно удерживать христиан от общения друг с другом.

Как же отличить основополагающее от второстепенного? На основании того, что Каликст называл "согласием первых пяти веков". На протяжении этих пяти веков,

говорил Каликст, среди христиан существовало согласие. Некоторые взгляды осуждались как еретические, и нам надо следовать тем же принципам. Но было бы безрассудством утверждать, что христианское богословие этих первых пяти веков было лишено какой-то неотъемлемой составляющей спасения. Тогда нам пришлось бы сделать вывод, что в ранние века жизни церкви спасения не получил ни один человек.

Это не означает, что верить следует только тому, что написано в сочинениях первых пяти веков. Напротив, мы должны верить во все, что говорит Писание. Но неверие в какое-либо учение, содержащееся в Писании, но отсутствующее в христианском богословии первых пяти веков, - это заблуждение, а не ересь. Примером может служить учение об оправдании верой. Нет никаких сомнений, что это учение присутствует в Писании. Но в первые пять веков оно не было частью общепринятых богословских взглядов. Следовательно, несмотря на всю его значимость, согласия с ним не надо требовать от всех, а тех, кто его отвергает, нельзя считать еретиками. Провозгласив это учение, Лютер был совершенно прав, и правы лютеране, настаивающие на его истинности. Но это не означает, что католики - еретики. То же самое можно сказать о разногласиях между лютеранами и кальвинистами в вопросе о присутствии Христа в обряде причащения. Кальвинисты просто заблуждаются, но они не еретики.

С помощью таких аргументов Каликст надеялся добиться лучшего взаимопонимания и согласия между христианами разных конфессий, и именно по этой причине его совершенно справедливо назвали одним из основоположников экуменического движения. Но защитники лютеранской ортодоксии не сдавались. Абрахам Каловий подчеркивал абсолютную необходимость неукоснительного признания всего, что Бог раскрыл в Библии. Всякий, кто отрицает или отвергает хоть какую-то часть библейского учения, пусть даже самую малую или вроде бы совершенно незначительную, тем самым отвергает Самого Бога. Другие богословы не доходили до таких крайностей, но все же указывали, что своей теорией о "согласии первых пяти веков" Каликст, идя вразрез с Лютером, неумеренно вознес предание. Вскоре позиция Каликста получила название "синкретической", что совершенно необоснованно подразумевало смешение взглядов разных конфессий или признание равной значимости всех конфессий. Практическое применение теории Каликста нашли только в Польше, где король Владислав IV пытался с их помощью установить диалог между католиками и протестантами. Но эти усилия ни к чему не привели, и в конце концов о Георге Каликсте просто забыли.

Ортодоксальные богословы всех конфессий все больше замыкались в своих взглядах, подразумевавших, что христианами могут в полной мере считаться только те, кто согласен с ними во всех вероучительных вопросах. Такой догматизм, укреплявший веру многих людей, в то же время порождал все большие сомнения в истинности христианства или, по крайней мере, его богословия и учения.

Реформатская ортодоксия

Избрание - непреложная цель Бога, от начала сотворения мира Он избрал среди всего человечества людей, которые получат искупление во Христе.

ДОРТСКИЙ СИНОД

В XVII веке сторонники реформатского учения определили то, что станет их ортодоксией. Это произошло на двух ассамблеях, решения которых считались наиболее точным выражением кальвинизма: на Дортском синоде и на Вестминстерской ассамблее.

Арминианство и Дортский синод

Якоб Арминий был видным голландским учителем и профессором, получившим богословскую подготовку в сугубо кальвинистском духе, в том числе - в Женеве, под руководством преемника Кальвина Теодора Беза. Вернувшись в Нидерланды, он приобрел широкую известность своими проповедями с одной из самых главных кафедр Амстердама. Учитывая его доброе имя и репутацию добросовестного исследователя Библии и богословия, руководство амстердамской церкви попросило его опровергнуть тезисы Дирка Коорнхерта, богослова, отрицавшего некоторые положения кальвинистского учения, в частности тезис о предопределении. Для опровержения взглядов Коорнхерта Арминий изучил его сочинения, сравнил их с Писанием, с ранним христианским богословием и с учениями наиболее известных реформаторов. В конечном счете после напряженной внутренней борьбы он пришел к выводу, что Коорнхерт прав. В 1603 году Арминий стал профессором Лейденского университета, и его взгляды сделались предметом всеобщего обсуждения. Один из его оппонентов Франциск Гомар твердо верил в предопределение в самом строгом смысле, и вскоре между ними возник конфликт. Именно тогда Якоб Арминий, считавший себя истинным последователем Кальвина, связал свое имя с арминианством - учением, которое многие рассматривали как полную противоположность кальвинизму.

Спор между Гомаром и Арминием не касался вопроса о предопределении как таковом. Оба они полагали, что на этот счет есть достаточные библейские свидетельства, и скрестили шпаги по поводу основания, на котором это предопределение реализуется. По взглядам Арминия, предопределение основывается на Божьем предвидении относительно тех людей, которые впоследствии уверуют в Иисуса Христа. Гомар же утверждал, что сама вера есть результат предопределения, что от начала сотворения мира Бог Своей полновластной волей определил, кто будет верить, а кто - нет. Арминий на это отвечал, что Своим великим законом о предопределении Бог установил, что Иисус Христос будет Заступником и Искупителем человечества. Это действительно никому не подвластный закон, никоим образом не зависящий от воли человека. Но Божий закон, относящийся к конечной судьбе каждого человека, действует на основании не всемогущей воли Бога, а скорее Божьего предвидения, в соответствии с которым Он знает ответ каждого человека на предложение спасения в Иисусе Христе. Почти во всех других вопросах Арминий придерживался строго кальвинистских взглядов. Его учение о церкви и таинствах, например, следовало общему направлению, разработанному Кальвином. Таким образом, хотя в конечном счете "кальвинистами" назовут его противников, на самом деле полемика разгорелась между последователями Кальвина. Арминий умер в 1609 году, но с его смертью споры не закончились, так как его преемник на кафедре в Лейдене разделял его взгляды и продолжил полемику с Гомаром.

К богословским вопросам вскоре примешались политические и экономические соображения. Несмотря на долгую, тяжелую и еще окончательно не завершенную борьбу за независимость от Испании, многие в Нидерландах выступали за улучшение отношений с королевством. Это были главным образом купцы, превратившиеся в некоторых городах в настоящую олигархию и стремившиеся получить выгоды от расширения торговли с Испанией. Им решительно противостояли многие служители, опасавшиеся, что контакты с Испанией разрушат вероучительную чистоту местной церкви. Улучшению взаимоотношений противились и те, кто не пользовался благами торговли, то есть кальвинистски настроенные низшие классы, которых переполняли патриотические чувства и возмущало поведение купцов. Вскоре торговая олигархия встала на сторону Арминия, а ее противники начали поддерживать Гомара.

В 1610 году сторонники Арминия выпустили документ под названием "Ремонстрация", в результате чего ее последователей начали называть "ремонстрантами". Документ состоял из пяти статей, касавшихся спорных вопросов. В первой в довольно расплывчатых выражениях давалась формулировка предопределения - говорилось, что Бог еще до основания мира определил, что спасение получат уверовавшие во Христа. Не ясно, означает ли это, что, как учил Арминий, Бог заранее знал, кто уверует, и предопределил их, или что Бог просто установил, что все, кто впоследствии уверует, получат спасение, - точка зрения, получившая впоследствии название "открытого

предопределения". Во всяком случае такая двусмысленность отразилась и в последнем абзаце Ремонстрации, где сказано, что только это и необходимо для спасения и что "нет никакой необходимости и никакого смысла подниматься выше или искать глубже". Короче говоря, надо отказаться от бессмысленных теоретических изысканий, касающихся основания Божьего закона о предопределении. Во второй статье утверждалось, что Иисус умер за всех людей, но что пользуются этой жертвой только верующие. Третья статья пыталась опровергнуть обвинение в пелагианстве, выдвинутое против Арминия и его последователей Гомаром и его сторонниками. (Читатель помнит, что пелагианство было учением, против которого выступал Августин и которое провозглашало, что человек способен творить добро собственными силами.) Дабы откреститься от этого обвинения, ремонстранты заявили, что сам по себе человек не может делать ничего хорошего и что для совершения добрых дел необходима Божья благодать. Но четвертая статья отвергала точку зрения Августина и Гомара о непреодолимости благодати. "Что касается действия этой благодати, она не непреодолима, так как написано, что многие противятся Духу Святому". Наконец, в пятой статье рассматривался вопрос о том, могут ли уверовавшие во Христа отпасть от благодати. Сторонники Гомара утверждали, что предопределенные уверовать не могут потерять полученную благодать. Ремонстранты просто отвечали, что библейское учение на этот счет несколько туманно и что для принятия той или иной точки зрения необходимы более точные библейские указания.

Через несколько лет политическая обстановка изменилась, и для ремон-страитов настали худшие времена. Принц Мориц Нассауский, сын и наследник Вильгельма Оранского, доселе не участвовавший в споре, принял сторону последователей Гомара и противников связей с Испанией. Ян ван Олден-барнвельт (или просто Барнвельт), игравший ведущую роль в переговорах с Испанией, был заключен в тюрьму. Его друг Гуго Греции, известный как один из основоположников теории международного права, тоже был арестован. В рамках этой кампании против торговой партии и арминиан Генеральные штаты созвали широкую церковную ассамблею, чтобы положить конец полемике между сторонниками Гомара и ремонстрантами.

Эта ассамблея, известная как Дортский синод, работала с ноября 1618 года по май 1619 года. При ее созыве Генеральные штаты стремились заручиться поддержкой со стороны не только кальвинистов Нидерландов, но и других европейских стран. С этой целью были разосланы приглашения другим реформатским церквам, и в работе синода приняли участие двадцать семь делегатов из Британии, Швейцарии и Германии (французским гугенотам участвовать в нем запретил Людовик XIII). Голландцев на нем присутствовало почти семьдесят человек, примерно половина из них были служителями и профессорами богословия, четверть - пресвитерами из мирян и остальные - членами Генеральных штатов. Свои первые сессии синод посвятил рассмотрению административных вопросов, на них же он принял решение сделать новый перевод Библии на голландский язык. Но главное - собрание намеревалось осудить арминианство, чтобы прекратить спор, расколовший Нидерланды, и обеспечить поддержку со стороны других реформатских церквей. В результате синод, хотя он и не одобрил наиболее крайние тезисы Гомара, который был одним из его делегатов, все же признал необходимым осудить арминианство.

Постановления Дортского синода утвердили пять догматов, принять которые ремонстранты не могли и которые с тех пор стали отличительной чертой ортодоксального кальвинизма. Первый из них - учение о безусловном избрании. Это означает, что избрание предопределенного основывается не на Божьем предвидении ответа конкретного человека на предложение о спасении, а только на непостижимой Божьей воле. Второй - ограниченное избрание. Ремонстранты утверждали, что Христос умер за все человечество. В ответ на это Дортский синод провозгласил, что Он умер только за избранных. В-третьих, синод заявил, что хотя в падших человеческих существах сохраняются остатки естественного света, человеческая природа настолько развращена, что этот свет не может правильно использоваться. И это относится не только к познанию Бога и к обращению, но и к "гражданским и естественным делам". Четвертый установленный Дортским синодом догмат - неодолимая благодать. Наконец,

синод провозгласил принцип неотступности святых, согласно которому избранный не отступает от благодати и не может отпасть от нее. Эта неотступность - результат дел не самого верующего, а Бога, поэтому она придает нам уверенность в спасении и стойкость при совершении добрых дел, даже когда мы видим, как в нас работают силы греха. (Для запоминания этих пяти пунктов студенты богословских факультетов обычно используют акроним "tulip", тюльпан: T - total depravity (полная греховность), U - unconditional election (безусловное избрание), L - limited atonement (ограниченное искупление), I - irresistible grace (неодолимая благодать) и P - perseverance of the saints (неотступность святых).

Сразу же после Дортского синода против ремонстрантов были приняты жесткие меры. Ван Ольденбарнвельта приговорили к смертной казни, а Гуго Греция - к пожизненному заключению, хотя вскоре с помощью жены ему удалось бежать, спрятавшись в сундуке, якобы забитом книгами. Около ста арминианских служителей получили приказание покинуть страну, а многие другие просто лишились своих кафедр. Тех, кто продолжал проповедовать арминианское учение, приговаривали к пожизненному заключению. Прихожан, посещавших арминианские службы, заставляли платить крупные штрафы. Учителей принуждали принять решения Дортского синода. В некоторых местах подобного рода заявлений требовали даже от церковных органистов, один из которых в ответ на это сказал, что не умеет играть на органе под постановления Дортского синода.

Мориц Нассауский умер в 1625 году, и после его смерти меры, предпринимавшиеся против ремонстрантов, стали менее суровыми. Наконец, в

1631 году им предоставили свободу вероисповедания. Они создали церкви, многие из которых существуют до наших дней. Но влияние арминианства проявлялось в основном не через эти церкви, а через другие группы и движения, принявшие его учения, в частности через методистов.

Вестминстерское исповедание

В главе 17 мы рассказали о событиях, приведших к созыву Вестминстерской ассамблеи, а рассмотрение богословского содержания Вестминстерского исповедания отложили до этой главы, так как это исповедание - одно из наиболее ясных и значительных проявлений духа кальвинистской ортодоксии. По сравнению с постановлениями Дортского синода Вестминстерское исповедание представляет собой гораздо более детальное и развернутое изложение богословских принципов - в нем затрагиваются самые разные вопросы. Поэтому здесь у нас нет возможности пересказать все его положения, и нам придется остановиться лишь на наиболее важных разделах, показывающих соответствие кальвинистской ортодоксии в Англии решениям Дортского синода.

В первой статье рассматривается вопрос об авторитете Писания, "верховного судьи" во всех религиозных спорах. Поскольку не все места Библии представляются в равной степени ясными, в этой статье заявляется, что "непогрешимым авторитетом в истолковании Писания обладает само Писание" (1.9). Это означает, что все малопонятные места необходимо истолковывать в свете более ясных. После изложения учения о Троице в традиционном варианте Исповедание переходит к вопросу о "Божьем вечном законе", заявляя, что Бог от вечности "по Своей воле и непреложно установил все, что совершается" (3. 1). Среди прочего закон устанавливает, что одни люди предназначены к вечной жизни, а другие - к вечной смерти. И это утверждение ни в коей мере не основывается на Божьем предвидении будущих действий или решений людей.

В полном согласии с постановлениями Дортского синода Вестминстерское исповедание также заявляет, что результатом греха Адама стало "прирожденное разложение, из-за которого мы не расположены ко всякому добру, не способны на него и противимся ему,

проявляя в то же время предрасположенность ко всякому злу" (6. 4). Провозглашается также принцип ограниченного искупления - Христос спасает всех тех, кого Он искупил. После первородного греха люди утеряли свободу стремиться к спасению, которую можно получить только в результате "направленного призыва" благодаря Божьей работе с волей избранных, "направляющей их к тому, что есть добро" (10.1). Эти избранные получают оправдание, когда Святой Дух в надлежащее время производит в них работу Христа. За этим следует освящение, хотя и несовершенное в этой жизни, но все же необходимое. Эти люди "не могут полностью и окончательно отпасть от состояния благодати; они будут стойкими до конца и получат спасение в вечности" (17. 1).

Затем следуют многочисленные статьи, посвященные вопросам, которые обсуждались в Англии во время пуританской революции, таким как соблюдение воскресенья, законность принесения клятв, устройство церкви и так далее. Тем не менее совершенно ясно, что богословие Вестминстерского исповедания весьма близко к богословию Дортского синода как по содержанию, так и по стремлению к строгому соблюдению ортодоксальных принципов. Таким образом, изучение статей и постановлений Дортского синода и Вестминстерского исповедания высвечивает природу кальвинист-I ской ортодоксии в XVII и даже XVIII веках. Провозглашая верность учению Кальвина, она стремилась превратить богословие женевского Реформатора в строгую систему, с признанием которой у самого Кальвина, вероятно, возникли бы трудности. Кальвин открыл в своей жизни несущую освобождение радость оправдания незаслуженной Божьей благодатью. Учение о предопределении было для него средством выражения этой радости и незаслуженной природы спасения. Но в руках его последователей оно стало критерием ортодоксальности и даже Божьего благоволения. Временами сомнения в истинности учения о предопределении они даже как будто бы приравнивали к фактическому осуждению с последующим проклятием. Почти ничего не осталось от гуманистского духа Кальвина - человека, любившего литературу и искусство и писавшего с изяществом и добросовестностью гуманиста.

Рационализм

Простые и понятные объяснения, которыми пользуются геометры при самых трудных доказательствах, привели меня к мысли, что то же самое относится ко всему, что может вместить в себя человеческое знание.

РЕНЕ ДЕКАРТ

Отличительными чертами рационализма, достигшего расцвета в XVIII и XIX веках, были большой интерес к изучению природного мира и вера в силу разума. В Западной Европе интерес к исследованию мира природы пробудился еще в XIII веке. Это было время Альберта Великого и Фомы Аквинского, возродивших аристотелевскую философию как основное орудие богословских исследований. Одно из различий между аристотелизмом и платонизмом, который до того времени занимал господствующее место в богословской мысли, заключалось как раз в том, что новая философия подчеркивала значение чувственного восприятия. Это подразумевало, что наблюдение за окружающим миром может дать подлинные и важные знания, поэтому со времени Альберта Великого, писавшего о жизни животных, интерес к изучению мира природы неуклонно возрастал. В период позднего средневековья с его недоверием к умозрительным построениям продолжалась та же тенденция. В определенном смысле искусство эпохи Возрождения, выражавшее красоту человеческого тела и мира, стало дальнейшим проявлением этого интереса. К XVII веку многие пришли к мысли, что целью разума является познание мира природы.

Одновременно с развитием интереса к изучению мира возрастала вера в силу разума - особенно это относится к эпохе Возрождения. Два эти элемента часто соединялись, дабы показать, до какой степени установленный в природе порядок совпадает с порядком, присущим разуму. Это можно видеть, в частности, в трудах Галилея, который

был убежден, что мир природы как единое целое представляет собой систему математических взаимосвязей и что идеал познания - свести все явления к их количественному выражению. Любой очередной успех в этом направлении, казалось бы, подтверждал самые оптимистические представления о силе разума.

Декарт и картезианский рационализм

Все эти разнообразные тенденции породили философию Рене Декарта, жившего в первой половине XVII века (1596-1650). Его философская система основывалась на твердой вере в силу математических доказательств в сочетании с глубоким сомнением во всем, в чем нет полной уверенности. Поэтому свой философский метод он сравнивал с геометрией, наукой, признающей лишь то, что является неоспоримой аксиомой или может быть доказано рациональным путем.

Декарт полагал, что применение этого метода должно начинаться с сомнения во всем, чтобы, доказав какое-либо положение, сомнений в котором быть не может, получить абсолютную уверенность в его истинности. Затем он пришел к заключению, что первая неоспоримая истина - его собственное существование. Он мог сомневаться во всем, но не в существовании сомневающегося существа. Заявление: "Я мыслю, следовательно, я существую" - "Cogito, ergo sum" на латинском языке - стало исходной точкой его философии. Но это "я", в существовании которого сомнений быть не может, представляет собой лишь философа как "мыслящее существо". Существование же тела пока не доказано и, следовательно, остается под сомнением.

Но прежде чем приступить к доказательству существования своего тела, Декарт решил, что необходимо доказать существование Бога. Он обнаружил, что в его душе присутствует идея о "всесовершенном существе", а поскольку его собственная душа не могла породить такую идею, ее, несомненно, вложил в нее Бог. Таким образом, вторым выводом Декарта стало существование Бога. Только после этого, на основании уверенности в существовании Бога и в божественном совершенстве, Декарт счел возможным заняться доказательством существования мира и своего собственного тела.

Декарт был глубоко религиозным человеком, надеявшимся, что его философские изыскания принесут пользу богословам. Но в этом вопросе с ним соглашались не все. То было время строгих ортодоксальных учений, и многие богословы опасались влияния картезианства, как называли философию Декарта по его латинскому имени Картезий. Сомнение во всем, которое Декарт предлагал в качестве исходной точки рассуждений, выглядело ничем не лучше откровенного скептицизма. Богословские факультеты некоторых университетов заявили, что христианскому богословию лучше всего подходит философская система Аристотеля, и раздавались даже утверждения, что картезианство с неизбежностью ведет к ереси. Обескураженный такой критикой, Декарт решил покинуть родную Францию и принял приглашение королевы Швеции перебраться в эту северную страну, в которой жил до конца своих дней.

Но у картезианства были и сторонники, видевшие в нем надежду на богословское обновление. Во Франции интеллектуалы, среди которых был модным янсенизм, восприняли картезианство как его философское дополнение. В конечном счете философскую систему Декарта признали и в более ортодоксальных кругах, и дискуссии о сущности картезианства долгое время не прекращались.

Прежде всего, картезианство способствовало дальнейшему развитию богословских и философских исследований в вопросе о взаимосвязи между духом и материей. Декарт утверждал, что человек состоит из двух частей: мыслящей субстанции *(res cogitans)* и телесной, или пространственной субстанции *(res extensa)* - или, в более привычных выражениях, души и тела. Такое представление было вполне приемлемым для ортодоксии того времени. Но проблема заключалась в том, что Декарт не мог удовлетворительно объяснить характер их взаимосвязи. Когда душа мыслит, как ее решения передаются телу? Когда что-то происходит с телом, как об этом сообщается

душе? Среди концепций, пытавшихся объяснить этот сложный процесс, выделяются три: окказионализм, монизм и предустановленная гармония. Идеи окказионализма отстаивали фламандский философ Арнольд Гейлинкс и французский священник Никола Мальбранш. Они полагали, что тело и душа взаимодействуют не напрямую, а только через божественное вмешательство. Именно Бог вызывает движения тела "в случае" принятия душой решения и передает информацию душе "в случае", когда у тела возникают какие-то ощущения и потребности. Хотя окказионалисты утверждали, что такое представление еще больше подчеркивает величие Бога, их теория не получила широкого распространения, так как она как будто бы подразумевала возложение на Бога ответственности за все поступки и мысли.

Монизм (от греческого слова *monos* - "один, единственный") пропагандировался голландским евреем Бенедиктом (или Барухом) Спинозой. Он пытался объяснить реальность с помощью методологии, близкой к математическим построениям Декарта. Проблему взаимодействия души и тела, как и любых других субстанций, он решил, отрицая существование более чем одной субстанции. Мышление и физическое тело - не две разные субстанции, а два атрибута одной субстанции, как, например, "красное" и "круглое" - атрибуты одного и того же яблока. То же самое можно сказать о "Боге" и "мире" - двух разных атрибутах одной субстанции, то есть вселенной. Нет нужды говорить, что эти теории не получили поддержки среди ортодоксальных христиан, для которых важнейшее значение имела вера в существование Бога вне мира.

Наконец, немецкий философ и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц предложил теорию "предустановленной гармонии". В отличие от Спинозы Лейбниц исходил из того, что существует бесконечное число совершенно независимых друг от друга субстанций, которые он назвал "монадами". У монад, как он говорил, "нет окон", то есть они не могут общаться друг с другом. Не заставляет их взаимодействовать и Бог. Но Бог с самого начала создал эти монады таким образом, что они могут действовать самостоятельно с кажущейся взаимосвязью. Взаимодействие души и тела подобно "взаимодействию" разных часов в магазине: на самом деле его нет. Все они работают по программе, заложенной в них часовщиком. Если часовщик хороший, все выглядит так, будто часы общаются между собой, чтобы показывать одно и то же время. Это решение тоже встретило сильное сопротивление, ибо тем самым (хотя это и не входило в намерения Лейбница) как будто бы подразумевалось, что Бог предопределил все, как хорошее, так и плохое, и такого понятия, как человеческая свобода, не существует.

Эмпиризм

В то время как на континенте велись эти философские разработки, в Британии философия приняла иное направление: "эмпиризм" - от греческого слова, означающего "опыт". Его ведущим представителем был Джон Локк, профессор Оксфордского университета, опубликовавший в 1690 году "Опыт о человеческом разуме". Он читал сочинения Декарта и тоже полагал, что установленный в мире порядок соответствует порядку, заложенному в человеческом разуме. Но он отрицал существование врожденных идей, которые человек может раскрыть через самонаблюдение. Он утверждал, что всякое знание исходит из опыта - чувственного "внешнего опыта" и "внутреннего опыта", с помощью которого мы познаем самих себя и работу нашего разума. Это означает, что истинное знание основывается на трех уровнях опыта: опыта нашего собственного существования, который мы постоянно переживаем, опыта, полученного из изучения внешних реалий, которые находятся перед нами, и опыта познания Бога, Чье бытие ежесекундно доказывается существованием личности и ее опыта. Вне этих трех уровней надежного знания быть не может.

Но есть еще один уровень знания, уровень оценки вероятности, играющий важную роль в жизни человека. На этом уровне мы используем не четкие доказательства разума, а "рассудительность". Рассудительность позволяет нам, например, предположить, что коль скоро мы неоднократно убеждались в существовании Джона, вполне вероятно, что он продолжает существовать, даже если его нет рядом с нами.

Рассудительность, хотя она и не дает надежных знаний, все же необходима, так как служит основанием для большинства наших дел в жизни.

Вера связана со знанием, идущим от откровения, а не от разума. Следовательно, это знание, хотя оно и вполне вероятно, нельзя считать заведомо достоверным. Для оценки степени вероятности того, что нам предлагают принимать верой, необходимо использовать разум и рассудительность. По этой причине Локк выступал против "фанатизма" тех, кто утверждал, что все их слова основываются на божественном откровении. По той же самой причине он отстаивал веротерпимость. Нетерпимость порождается непоследовательным мышлением, смешивающим вероятностные оценки веры с достоверностью эмпирического знания. Кроме того, терпимость основывается на самой природе общества. Государство не имеет права ограничивать свободу граждан в таких сугубо личных вопросах, как вероисповедание.

В 1695 году Локк опубликовал трактат "Разумность христианства", в котором заявил, что христианство представляет собой самую разумную из всех существующих религий. По его мнению, стержень христианства составляют бытие Бога и вера во Христа как в Мессию. Но Локк не считал, что христианство добавило что-нибудь существенное к тому, что в любом случае можно познать с помощью правильного использования разума и рассудительности. В конечном счете христианство - не более чем ясное выражение истин и законов, которые можно познать благодаря своим природным способностям.

Деизм

Взгляды Локка на религию отражали представления, получившие широкое распространение еще до публикации его работ. Многие устали от бесконечных склок между сторонниками различных групп и движений, существовавших в Англии в XVII веке, и стремились выйти за рамки понимания религии, проповедуемого узкой и закостенелой ортодоксией. Такую альтернативу предлагали деисты, или "свободомыслящие", - деистами их называли, так как они отвергали то, что считали заблуждениями атеистов, а свободомыслящими - чтобы противопоставить тем, кто придерживался узких ортодоксальных взглядов.

Первой крупной фигурой в деизме стал лорд Герберт Чербери, полагавший, что истинная религия должна быть универсальной, то есть религией, не только обращающейся ко всем, но и естественной для всего человечества. Такая религия основывается не на каких-то конкретных откровениях или исторических событиях, а на естественных наклонностях каждого человека. Основных догматов было пять: бытие Бога, обязанность поклоняться Богу, этические требования, связанные с богопочитанием, необходимость покаяния, а также награда и наказание как в этой жизни, так и в последующей. Божественное откровение, возможно, существует, но ни одно учение, заявляющее, что основывается на нем, не должно противоречить этим пяти основополагающим пунктам; кроме того, такое откровение дано лишь части человечества, поэтому нет оснований ожидать, что его примут все.

Вскоре после выхода "Опыта" Локка Джон Толанд опубликовал книгу, ставшую одним из классических произведений деизма, - "Христианство без тайн, или Трактат, показывающий, что в Евангелии нет ничего, что противоречило бы ему или было выше его, и что никакое христианское учение нельзя называть тайной", а Мэтью Тиндаль в 1730 году выпустил книгу "Старое как мир христианство, или Евангелие как новое оглашение религии природы". Сами названия этих работ демонстрируют природу деизма и его стремление показать, что все значимое в христианстве соответствует "естественной религии".

Деизм сражался на два фронта. С одной стороны, он противостоял узкому догматизму, присущему большинству ответвлений христианства. С другой - пытался поколебать скептицизм тех, кто устал от словесных ухищрений богословов и вообще отошел от религии. Но многим христианам, отнюдь не придерживавшимся узкодогматических

взглядов, не внушала доверия та легкость, с которой деизм занижал значение конкретных исторических событий и откровения, умаляя тем самым значение Иисуса Христа. Однако наиболее сокрушительный удар деизму нанесла критика не богословов, а шотландского философа, показавшего, что "разум" не столь уж "разумен", как полагали деисты и другие рационалисты. Его звали Дэвид Юм.

Дэвид Юм и критика эмпиризма

Юм (1711-1776) был человеком безграничного оптимизма, в то же время крайне пессимистично относившимся к силе разума. Оптимизм давал ему возможность со скепсисом воспринимать многие заявления философов - он выстоял бы, даже если бы рухнуло все здание философии. Более того, он предоставлял свободу своей любознательности вести его в любых направлениях. Так, взяв за исходную точку эмпиризм Локка, он пришел к заключению, что сфера охвата истинного знания гораздо уже, чем утверждали рационалисты. По сути значительная часть утверждений, которые, по мнению этих философов, можно сделать на основании наблюдения и разума, такого основания не имеет и строится просто-напросто на иррациональных психологических привычках. К числу представлений, которые разум считает само собой разумеющимися, относятся даже такие основополагающие понятия, как субстанция и причинно-следственная связь.

Эмпирики утверждали, что истинным может быть только знание, основанное на опыте. Но Юм указывал, что никто никогда не видел и не испытывал того, что мы называем причинно-следственной связью. Например, мы видим, как бильярдный шар катится к месту, где лежит другой шар. Затем мы слышим стук и видим, что первый шар остановился, а второй покатился. Если мы проделаем этот опыт несколько раз, результат будет тем же. И мы говорим, что движение первого шара послужило "причиной" движения второго. Но на самом деле мы ничего подобного не видели. Мы видели всего-навсего ряд явлений, которые наш разум воспринял как причинно-следственную связь. Этот вывод человека, наблюдающего за рядом внешне взаимосвязанных явлений, основывается не на эмпирическом наблюдении. Это скорее результат психологической привычки. Таким образом, по определению самих же эмпириков, это - не рациональное знание.

То же самое можно сказать о понятии "субстанция". Мы говорим, например, что видим яблоко. Но на самом деле наши чувства воспринимают некие атрибуты: форму, цвет, вес, вкус, запах и так далее. Мы видим также, что эти атрибуты собраны в одном месте, как будто их что-то соединяет. И наш разум, следуя одной из привычек, в которых, по сути, нет ничего рационального, заявляет, что все эти атрибуты собраны в субстанции, которую мы называем яблоком. Но опять же мы не увидели саму субстанцию. Чистый разум не дает нам оснований утверждать, что существует такое понятие, как субстанция, в которой собраны воспринимаемые нами атрибуты. Критика эмпирического рационализма положила конец деизму. Если в причинно-следственной связи нет по-настоящему рационального начала, теряет смысл деистское доказательство бытия Бога, а именно, что кто-то должен был послужить причиной существования этого мира. Равным образом, если у нас есть рациональные основания говорить только об атрибутах, но не о субстанциях, не имеют особого значения такие понятия, как "душа" и "Бог".

Новые течения во Франции

Тем временем во Франции и в других континентальных странах развивались новые философские направления. Выдающимся представителем новой философии был Франсуа Мари Аруэ, более известный под литературным псевдонимом "Вольтер". Из-за своих политических взглядов он сидел в Бастилии, жил в эмиграции в Лондоне и на несколько лет вынужденно обосновался в Швейцарии. Но чем больше французские власти старались пресечь распространение его воззрений, тем большим восхищением он пользовался у своих сограждан. Он был противником любого фанатизма. Наблюдая

за гонениями на французских протестантов в последние годы правления Людовика XIV, он пришел к убеждению, что такие преследования аморальны и что они навсегда запятнали имя Короля-Солнце. Прочитав сочинения Локка о политической и религиозной терпимости, он принял его взгляды и посвятил их пропаганде свое остроумие и свой литературный талант. Но его не убеждал модный тогда оптимистический рационализм. Он говорил, что картезианство похоже на хороший роман, в котором все правдоподобно, но нет ничего правдивого. Он также высмеивал английских деистов за их утверждения, что они знают о Боге и душе больше, чем дано знать человеческому разуму.

Таким образом, Вольтер и его последователи были рационалистами на свой лад. Объектами его сатиры, которую он обращал и против самого себя, стали все модные тогда философские системы. Но он верил в полезность разума как здравого смысла, которому надо следовать в жизни. Кроме того, он утверждал, что история человечества представляет собой не более чем историю прогресса в понимании самих себя и человеческих институтов, а также усилий по приспособлению к этому все более ясному пониманию. Это, в частности, относится к прогрессу в понимании и защите прав человека. Предназначение монархии как одной из необходимых форм управления - обеспечивать благо не монархов, а подданных, права которых следует уважать и защищать. Высказывание и распространение таких идей сделали Вольтера одним из предтечей Французской революции.

Один из современников Вольтера Шарль Луи де Секонда, барон де Монтескье использовал рациональные принципы при разработке теории государственного управления. В результате он пришел к выводу, что республиканская форма правления гораздо разумнее по сравнению как с деспотизмом, опирающимся на политику террора, так и с монархией, основанием которой служит предрассудок, называемый "честью". Власть развращает, поэтому Монтескье предлагал разделить ее на три уравновешивающие и ограничивающие друг друга ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Таким образом, уже к 1748 году, то есть за несколько десятилетий до Американской и Французской революций, Монтескье выдвигал некоторые из основополагающих теоретических положений, которыми они вдохновлялись.

Примерно в то же время с не менее революционными идеями выступал Жан Жак Руссо. По его мнению, то, что мы называем "прогрессом", на самом деле таковым не является, ибо в действительности человечество все больше отходит от своего естественного состояния и впадает в искусственность. В области политики это означает, что нам надо вернуться к изначальному порядку, целью которого было служение подданным путем поддержания справедливости и свободы. Правители - по сути, служащие народа, и их задача должна заключаться в защите свободы и справедливости. Что касается религиозной сферы, Руссо утверждал, что догматы и установленные институты отражают разложение, характерное для так называемого человеческого прогресса, и что необходимо вернуться к естественной религии, выражающейся в вере в Бога, бессмертие души и нравственный порядок.

Таким образом, разными путями и не во всем соглашаясь друг с другом, эти философы придали французскому рационализму особые черты. Они избегали умозрительных полетов фантазии, свойственных другим рационалистам, и сосредоточивали внимание на социальных и политических проявлениях разума, понимаемого как здравый смысл. Тем самым они готовили путь для Французской революции.

Иммануил Кант

Философские течения XVII и XVIII веков подверглись сокрушительной критике со стороны Иммануила Канта, одного из величайших философов всех времен. Он твердо верил в рационализм, пока, как он сам говорил позднее, не пробудился от "догматического сна" после прочтения работ Юма. Для картезианства камнем

преткновения стала проблема взаимодействия субстанций, которую оно так и не разрешило. В конце концов картезианскую теорию о врожденных идеях развил Лейбниц, для которого врожденными являются все идеи, а между разумом и реальным миром нет никакой взаимосвязи. Эмпиризм же подвергся критике со стороны Юма, заявившего, что если подлинным можно считать только знание, приобретенное через опыт, не существует подлинного знания по таким коренным вопросам, как причинно-следственная связь и представление о субстанции.

В "Критике чистого разума", опубликованной в 1781 году, Кант предложил совершенно иную альтернативу обеим системам. По его представлению, такого понятия, как врожденные идеи, нет, но есть априорные формы разума, в которые мы "закладываем" все сведения, сообщаемые нам чувствами. Этими формами являются прежде всего время и пространство, а затем двенадцать "категорий", таких как каузальность, бытие, субстанция и так далее. Время, пространство и двенадцать категорий не есть нечто, воспринимаемое чувствами, - это скорее формы, которые наш разум использует для приведения в порядок ощущений, получаемых от органов чувств. Чтобы они стали достоянием мысли, нам надо сопоставить их с существующими в нас формами. Чувства сообщают нам хаотическое множество ощущений. Осознанным "опытом" они становятся только после того, как наш разум приведет их в порядок с помощью форм времени, пространства и категорий.

Таким образом, упрощенный рационализм предшествовавших поколений изжил себя. Приобретая знания, мы получаем представление не о вещах самих по себе, а о том, как они воспринимаются нашим разумом. Следовательно, чисто объективного знания быть не может, и рациональность картезианцев, эмпириков и деистов - не более чем иллюзия.

Труды Канта сделали также безосновательными многие аргументы, традиционно выдвигавшиеся в защиту христианского учения. Например, коль скоро бытие - не факт, вытекающий из реальности, а скорее одна из категорий разума, существование Бога или души доказать невозможно. Нельзя также говорить о "вечности" как об отсутствии понятия времени, поскольку наш разум не способен постичь такое понятие. С другой стороны, это не означает абсолютного отрицания Бога, души и вечности. Это означает лишь, что если все эти понятия действительно существуют, разум все равно не может познать их, как глаз не может слышать и как ухо не может видеть.

Что же тогда можно сказать о религии? Этот вопрос Кант рассматривал в нескольких своих работах, в частности в "Критике практического разума", опубликованной в 1788 году, где он утверждал, что чистый разум действительно не может доказать существование Бога и души, но что есть еще "практический разум", относящийся к сфере морали и действующий не так, как чистый разум. Этот практический разум, основывающийся на принципе, согласно которому "поступать надо так, чтобы наши поступки могли стать правилом для всех", знает о существовании Бога как судьи всех наших поступков, души и свободы нравственного выбора, а также жизни после смерти как средства вознаграждения добра и наказания зла. Все это весьма походило на взгляды деистов, так что в этом вопросе Кант ушел от них не слишком далеко.

Однако воздействие философских воззрений Канта в области религии и богословия отнюдь не ограничивалось его достаточно неуклюжими попытками построить религию на морали. Своими философскими трудами он нанес смертельный удар упрощенному рационализму предшественников и представлению о том, что о таких понятиях, как бытие Бога и будущая жизнь, можно говорить в чисто рациональных и объективных категориях. После него (как мы увидим ниже, в частности в главе 28) богословы, рассматривавшие вопрос о взаимосвязи между верой и разумом, вынуждены были принимать во внимание его труды.

Спиритуализм

Я рад, что получил повеление обращать людей к внутреннему свету, духу и благодати, через которые все могут познать спасение и путь к Богу, познать даже Духа Божьего, Который ведет их к Истине и Который, я это твердо знаю, никого никогда не обманет.

ДЖОРДЖ ФОКС

В обстановке казавшихся бесконечными споров о догматах и нетерпимости христиан по отношению друг к другу многие начали искать убежище в чисто духовной религии. Кроме того, чрезмерный упор на необходимости следовать правильному учению был на руку высшим классам, имевшим больше возможностей для получения образования. Поэтому на тех, кто не располагал такими возможностями и кто не мог принимать участия в обсуждении сложных богословских вопросов, смотрели как на детей, нуждающихся в водительстве по запутанному лабиринту вероучения, дабы они не впали в заблуждение. Таким образом, спиритуалистское движение XVII и XVIII веков объединяло как людей высокоученых, отвергавших узколобый догматизм, так и тех, кто получил только начатки образования или вообще оставался необразованным и кто видел в движении возможность для самовыражения. Среди основателей спиритуалистских групп и школ было много относительно малообразованных людей, но вскоре их ряды пополнились представителями более образованных кругов, занимавшими и более высокое общественное положение.

Учитывая природу спиритуалистского движения, проследить его историю достаточно сложно. Движение породило множество течений и лидеров, чьи учения переплетались настолько тесно, что не всегда представляется возможным провести между ними различие или определить, кто из них высказывал ту или иную конкретную идею. Поэтому наиболее простой путь понять природу спиритуализма - обратить внимание на трех его основных представителей, весьма, кстати, отличавшихся друг от друга: Беме, Фокса и Сведенборга.

Якоб Беме

Якоб Беме (1575-1624) родился в германской земле Силезия. Его родителями были убежденные лютеране со скромным достатком. В этой благочестивой семье молодой Якоб приобрел глубокую веру, но проповеди того времени и долгие диспуты по богословским вопросам привели к утере интереса с его стороны. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, отец устроил его подмастерьем сапожника, и это стало его ремеслом на всю жизнь. Но вскоре он начал получать видения, и хозяин прогнал его, заявив, что ему нужен подмастерье, а не пророк.

Беме стал бродячим сапожником, который странствовал и чинил людям обувь. Бродя по свету, он пришел к убеждению, что своими бесконечными хитроумными словопрениями руководство церкви воздвигло настоящую "Вавилонскую башню". Поэтому он решил развивать свой внутренний мир и читать все, что можно найти на эту тему. В результате он сделал ряд выводов, касающихся природы мира и человеческой жизни, и эти выводы подтверждались в его видениях и других духовных переживаниях. Но какое-то время он держал эти убеждения и переживания при себе и довольствовался жизнью сапожника. В возрасте примерно двадцати пяти лет он прекратил странствия и поселился в городе Герлице, где ему удалось зажить безбедно.

Беме не чувствовал призвания к проповеди, но он был убежден, что Бог повелевает ему записывать свои видения. Результатом стала книга "Аврора, или Утренняя заря в восхождении", в которой прозорливец неоднократно утверждал, что он пишет слово в слово под Божью диктовку и что сам он служит просто пером в руках Бога. Свою книгу Беме опубликовывать не стал, но ее рукописный экземпляр попал к местному пастору, выдвинувшему против него обвинение перед городскими властями. Под угрозой высылки Беме дал обещание ничему больше не учить и ничего больше не писать на религиозные темы и пять лет держал это обещание. Но в 1618 году под влиянием новых видений и по совету своих сторонников он вновь взялся за перо. Один из его

последователей без его разрешения опубликовал три написанные им работы, которые тоже попали к пастору, и тот снова обвинил его в ереси. В результате Беме был вынужден покинуть Герлиц.

Затем он появился при дворе курфюрста Саксонии, где несколько богословов после рассмотрения его учения не смогли прийти ни к какому выводу, признавшись, что не понимают его точного смысла. Они порекомендовали дать Беме время для разъяснения своих идей. Но времени он не получил, так как заболел и решил вернуться в Герлиц, чтобы умереть среди своих друзей и последователей. Он умер в возрасте пятидесяти лет.

Заявление богословов, что они не понимают смысла его учения, не было просто уловкой, чтобы не высказывать своего мнения. Суть в том, что сочинения Беме можно истолковывать по-разному. Мы видим в них странную смесь традиционно христианских тем с вопросами, относящимися к магии, алхимии, оккультизму и теософии. Как все это взаимосвязано, неясно. Двусмысленность еще больше усиливают используемые им своеобразные метафоры, смысл которых не объясняется. Что, например, означают "вечное чрево" или "мать всех рождений"? Имеется ли в виду Бог или подразумевается что-то еще?

Как бы там ни было, значение для нас здесь имеет не точное содержание учения Беме, а его общая направленность. А с ней все ясно. В его сочинениях звучит протест против холодного догматизма богословов и против кажущейся пустой литургии церкви. В противовес им Беме превозносил свободу духа, внутренний мир, прямое и личное откровение. Он, например, заявлял, что поскольку "буква убивает", верующие должны следовать не Писанию, а Святому Духу, Который вдохновил библейских авторов и даже сейчас продолжает вдохновлять верующих. Он писал: "Мне достаточно книги, которая есть я сам. Если во мне Дух Христов, во мне вся Библия. Зачем мне другие книги? Зачем рассуждать о внешнем, не познав того, что внутри?"[14]

При жизни у Беме было не много сторонников, но позднее благодаря своим книгам он приобрел множество последователей. В Англии они организовали "движение Беме", многие члены которого были противниками квакеров Джорджа Фокса. Таким образом, спиритуалистское движение, возникшее отчасти в знак протеста против доктринерских споров традиционного богословия, в конечном счете само оказалось втянутым в аналогичные дискуссии.

Джордж Фокс и квакеры

Джордж Фокс (1624-1691) родился в маленькой английской деревушке в том же году, когда умер Беме. Он тоже был человеком скромного происхождения и тоже учился на сапожника. Но в возрасте девятнадцати лет, почувствовав отвращение к безнравственному поведению подмастерьев, с которыми он работал, и призыв Божьего Духа, он отказался от этого ремесла и начал бродячую жизнь, посещая разного рода религиозные собрания в поисках озарения свыше. Он также посвящал время изучению Писания, и рассказывают, что он выучил его наизусть. Фокс пережил множество внутренних конфликтов, временами отчаиваясь найти истину, а временами воодушевляясь полученным религиозным опытом. Постепенно он пришел к убеждению, что различные группы, переполнявшие Англию, заблуждаются и что их служение отвратительно для Бога.

Если Бог не пребывает в домах, созданных человеческими руками, как можно называть церквами здания, в которых собираются люди? На самом деле это не более чем дома с колокольнями. Пасторы, работающие за денежное вознаграждение, - по сути не пастыри, а "жрецы" и "поденщики". Гимны, порядок богослужений, проповеди, таинства, символы веры, священники - все это созданные человеком препятствия для свободы Духа. Всему этому Фокс противопоставлял "внутренний свет". Это источник, существующий в каждом человеке и показывающий путь, по которому мы должны

следовать, чтобы найти Бога. Кальвинистское учение о полной греховности человека есть отрицание Божьей любви и опыта тех, кто любит Бога. Внутренний свет, пусть даже очень тусклый, есть в каждом человеке. Благодаря этому свету спасение могут получать не только христиане, но и язычники. Но этот свет не надо путать с рассудком или с совестью. Это не "природный разум" деистов и не нравственные принципы, указывающие на Бога. Это скорее свойственная всем нам способность признать и принять присутствие Бога. Именно благодаря ему мы имеем возможность понять Писание и уверовать в него. Следовательно, общение с Богом через внутренний свет - необходимое предварительное условие для всякого общения, связанного с внешними обрядами.

Близкие к Фоксу люди догадывались о пылавшем в нем огне, но сам он в течение нескольких лет не решался объявить о том, что, по его убеждению, он раскрыл относительно истинного смысла веры и христианства. В то время в Англии было множество религиозных течений, приверженцы которых устраивали собрания, - Фокс все их посещал, но нигде не находил удовлетворения. Наконец он почувствовал призыв Духа выступить на баптистском собрании и провозгласить внутренние истины, в которые он верил. С этого времени такие побуждения Духа участились. На собраниях различных групп Фокс объявлял, что Дух повелевает ему показать духовное видение христианства. Его слова часто воспринимались с недовольством и даже враждебностью. Его неоднократно изгоняли с собраний, били и закидывали камнями. Но его это не останавливало, и он шел в другой "дом с колокольней", прерывая службу и провозглашая свое послание. Число его последователей быстро росло. Поначалу они называли себя "детьми света", но Фокс предпочитал другое название - "друзья". Те же, кто видел, как они трясутся в религиозном возбуждении, начали называть их "квакерами", и именно под этим наименованием они получили известность.

Фокс и его последователи полагали, что любая упорядоченная структура может стать препятствием для работы Духа, поэтому службы "друзей" проходили в молчании. Когда один из них чувствовал потребность что-нибудь сказать или помолиться вслух, ему разрешалось это сделать. В случае, если женщин побуждал к тому Дух, они имели равное с мужчинами право голоса. Сам Фокс не готовился к выступлениям на этих собраниях, он просто ждал побуждения Духа. Бывали случаи, когда в надежде услышать его собиралось много народа, но он отказывался, так как не чувствовал призыва Духа. Кроме того, квакфы не включали в свои службы традиционные таинства крещения и причащения, поскольку опасались, что материальные вода, хлеб и вино могут отвлечь внимание от духовного. В этом заключалось их главное разногласие с последователями Беме, продолжавшими совершать таинства.

Фокс сознавал опасность, что упор на свободе Духа может привести к чрезмерному индивидуализму. Другие движения с подобным уклоном просуществовали недолго, так как реализация принципа личной свободы вела к распаду группы. Дабы избежать этой опасности, Фокс подчеркивал значение общинной жизни и любви. На собраниях "друзей" решения принимались не большинством голосов. Если согласия достичь не удавалось, принятие решения откладывалось, и собрание продолжалось в молчании, пока Дух не предлагал выход. Если и это решение не находило поддержки, вопрос оставался открытым до следующего раза.

Учение и повседневная и религиозная жизнь Фокса и квакеров многим не нравились. Служителей возмущало, что эти "фанатики", прерывают их службы и начинают проповедовать или читать Писание. Власть предержащие чувствовали необходимость преподать урок этим "друзьям", отказывавшимся платить десятины, давать клятвы, кланяться "высокопоставленным лицам" или снимать шляпу перед кем-либо еще, кроме Бога. Квакеры заявляли, что раз к Богу обращаются на "Ты", ни к кому другому не следует обращаться на более уважительное "вы". Многим, привыкшим к покорности со стороны "подчиненных", все это казалось возмутительным и нетерпимым нарушением субординации.

Вследствие этого Фокса неоднократно били, и в тюрьме он провел в общей сложности шесть лет. Впервые в тюрьму он попал за то, что прервал проповедника, заявившего, что конечная истина принадлежит Писанию, и возразил, что это не так, ибо конечная истина принадлежит Духу, Который вдохновил Писание. В других случаях его обвиняли в богохульстве и в заговоре против правительства. Когда власти предложили ему прощение, он отказался, заявив, что ни в чем не виноват и что принятие прощения за то, чего он не совершал, равнозначно лжи. В еще одном случае, когда он отбывал шестимесячный срок за богохульство, ему предложили свободу в обмен на службу в республиканской армии. Он отказался, заявив, что христиане должны пользоваться только оружием Духа и никаким другим, и срок заключения был продлен еще на полгода. С этого времени "друзья" приобрели известность людей с твердыми пацифистскими убеждениями.

Когда Фокс не сидел в тюрьме, большую часть времени он проводил у себя дома в Свартморе, ставшем руководящим центром "друзей". Остальное время он путешествовал по Англии и за границей, посещая собрания квакеров и донося свое послание до новых земель. Сначала он отправился в Шотландию, где его обвинили в преступном инакомыслии, потом в Ирландию. Позднее он провел два года в Вест-Индии и в Северной Америке, а также дважды посетил Европу. Во всех этих странах он приобретал обращенных, и ко времени его смерти в 1691 году число его последователей составляло десятки тысяч.

Они тоже подвергались преследованиям. Их бросали в тюрьму за бродяжничество, богохульство, призывы к мятежу и отказ платить десятину.

В 1664 году Карл II издал эдикт, запрещавший не имеющим официального разрешения группам проводить религиозные собрания. Многие группы продолжали встречаться тайно. Квакеры же заявили, что такое поведение равнозначно лжи, и просто отказались подчиниться королевскому указу. Тысячи из них были арестованы, и ко времени провозглашения в 1689 году веротерпимости сотни погибли в тюрьмах.

Самым известным из последователей Фокса был Уильям Пени, по имени которого назван штат Пенсильвания. Его отец был британским адмиралом, постаравшимся дать ему наилучшее образование. Будучи студентом, он стал пуританином. Затем, во время учебы во Франции, попал под влияние гугенотов. В 1667 году, вернувшись в Англию, он стал квакером. Отец, не зная, что делать со своим "фанатически настроенным" сыном, выгнал его из дома. Пени продолжал твердо придерживаться своих убеждений и в конце концов был вынужден провести семь месяцев в лондонском Тауэре. Рассказывают, что в это время он отправил королю письмо, в котором писал, что Тауэр - самый неубедительный для него аргумент, ибо, независимо от того, кто прав по существу, тот, кто хочет навязать силой религиозные убеждения, заведомо не прав. Наконец благодаря вмешательству отца и других высокопоставленных друзей его освободили. В течение следующих нескольких лет он обзавелся семьей, путешествовал по Европе и писал сочинения в защиту "друзей".

Но его аргументы в защиту религиозной терпимости воспринимались с опаской. Говорили даже, что он - тайный агент иезуитов и что его истинная цель заключается в восстановлении привилегий, утерянных католиками. Именно в это время у него появилась одна идея - сам он называл это "святым экспериментом". Друзья рассказали ему о Нью-Джерси в Северной Америке. Король должен был ему достаточно большую сумму денег и не хотел расплачиваться наличными, поэтому Пенну удалось добиться от Карла II пожалования ему земли, известной сейчас как Пенсильвания. Его целью было основание новой колонии с полной религиозной свободой. К тому времени в Северной Америке уже были британские колонии. Но за исключением Род-Айленда, там везде проводилась политика религиозной нетерпимости. В Массачусетсе, самой нетерпимой из всех колоний, квакеров преследовали, приговаривали к ссылке и даже калечили и казнили. Пени замыслил создать новую колонию, в которой все будут свободны исповедовать веру по своему выбору. В эпоху нетерпимости это не могло встретить понимания. Еще более недопустимыми казались намерения Пенна выкупить у индейцев

пожалованные ему короной земли. Он был убежден, что законными владельцами земли являются индейцы, а не британская корона. И он надеялся установить с ними такие доверительные отношения, что поселенцам не придется больше защищаться с оружием в руках. Столица этого "святого эксперимента" будет названа Филадельфией - городом "братской любви".

Каким бы нелепым ни казался план Пенна более "основательным" британским гражданам, вскоре готовность принять участие в его реализации изъявило множество людей не только в Англии, но и в других частях Европы. Многие из них были квакерами, поэтому в течение определенного времени ведущее место в политической жизни колонии занимали "друзья". Но были и поселенцы, принадлежавшие к самым разным конфессиям. Под управлением Пенна, ставшего первым губернатором колонии, с индейцами были установлены прекрасные отношения, и долгое время его мечта о мирном поселении, казалось, была реальностью. Гораздо позднее, в 1756 году, другой губернатор объявил индейцам войну, и квакеры отказались от участия в правительстве. Но религиозная терпимость - часть "святого эксперимента" Пенна - в конечном счете нашла отражение в Конституции Соединенных Штатов, а также в конституциях многих других стран.

Эмануэль Сведенборг

Джордж Фокс родился в год смерти Беме, а Эмануэль Сведенборг (1688-1772), к которому мы сейчас обратимся, родился за три года до смерти Фокса. Таким образом, общий жизненный путь трех деятелей, которым посвящена данная глава, почти полностью совпадает с периодом, охватывающим XVII и XVIII века.

Учение Сведенборга весьма схоже со взглядами Беме и Фокса, но в чем-то весьма отличается от них. Беме и Фокс были людьми скромного происхождения, а Сведенборг родился в аристократической семье. От них его отличает и то, что он получил лучшее по тем временам образование - он учился в университете Упсалы, а затем пять лет путешествовал по Англии, Нидерландам, Франции и Германии, пополняя свои знания. Кроме того, в то время как Фокс и Беме с раннего возраста были отмечены религиозной неудовлетворенностью, молодой Сведенборг интересовался научными исследованиями, которые побудили его искать и, позже, принять религиозные убеждения.

Отдав не один год занятиям наукой, Сведенборг получил видение, которое, по его словам, перенесло его в духовный мир, где он смог увидеть вечные истины. После этого видения он начал много писать об истинном смысле реальности и Писания. По его взглядам, все существующее есть отражение атрибутов Бога и, следовательно, видимый мир "соответствует" невидимому. То же самое относится к Писанию, отражающему истины, которые могут познать только те, кто вошел в духовный мир.

Сведенборг был убежден, что его сочинения станут началом новой эры в истории мира и религии. Он даже утверждал, что в момент, когда он получил откровения, произошло то, о чем говорится в Библии как о втором пришествии Христа. Как и следовало ожидать, такие идеи не встретили понимания со стороны большинства его современников, поэтому круг его последователей был очень небольшим. Сам он не чувствовал призвания основать новую церковь, он хотел лишь побудить существующую церковь к новому пониманию ее собственной природы и послания. Однако в 1784 году, через двенадцать лет после смерти Сведенборга, его ученики основали Церковь

Нового Иерусалима, которая всегда была немногочисленной, но которая просуществовала вплоть до XX века. Кроме того, в начале XIX века было создано "Общество Сведенборга", ставившее целью издание и распространение его сочинений.

Из трех религиозных деятелей, речь о которых шла в этой главе, только Фоксу удалось возглавить и организовать массовое движение. Отчасти это объяснялось его убежденностью в том, что для религиозной жизни необходимо сообщество верующих.

Кроме того, Фокс и его "друзья" отличались от большинства других спиритуалистов вниманием к социальным проблемам и активным участием в борьбе с пороками общества. Но если не принимать в расчет квакеров, спиритуалистское движение по своей сути не могло оказать большого влияния на церковь и на общество в целом, так как его занимали прежде всего индивидуалистические и потусторонние интересы. Гораздо большее воздействие оказало другое движение протеста, направленного как против рационализма, так и против холодного догматизма, - движение, к которому мы обратимся в следующей главе.

Пиетизм

Сколько среди методистов богатых людей (заметьте, что таких не было ни одного, когда они впервые объединились), которые действительно каждый день "отвергают себя и берут крест свой"? Кто из вас, сейчас разбогатевших, отвергает себя так, как вы делали, когда были бедными?

ДЖОН ВЕСЛИ

Пиетизм был ответом на догматизм богословов и рационализм философов, которым он противопоставил живую веру, лежащую в основе христианства. Хотя в строгом смысле слова "пиетизм" относится только к немецкому движению во главе со Шпенером и Франке, в этой главе мы рассмотрим также аналогичные движения, возглавлявшиеся Цинцендорфом и Весли.

Немецкий пиетизм: Шпенер и Франке

Хотя многие идеи, составляющие то, что впоследствии получило название "пиетизм", распространялись в Германии задолго до появления этого течения, Филипп Якоб Шпенер (1635-1705) совершенно справедливо считается "отцом пиетизма". Он родился и вырос в Эльзасе в аристократической семье с глубокими лютеранскими убеждениями. Он изучал богословие в лучших протестантских университетах и, получив степень доктора, стал пастором во Франкфурте. Там он создал группы по изучению Библии, которые назвал "школами благочестия". В 1675 году, через пять лет после начала этого эксперимента, он опубликовал "Pia desideria", где наметил программу развития благочестия. Книга стала хартией пиетизма.

В ней Шпенер обратился к лютеранскому учению о священстве всех верующих и высказал мысль о необходимости обращать меньше внимания на

различия между мирянами и духовенством и больше на их общую ответственность как христиан. Это в свою очередь означало, что служение и учеба должны занимать больше места в жизни мирян. Для достижения этой цели Шпенер предлагал создавать малые группы, подобные его "школам благочестия". Что касается пасторов и богословов, он настаивал на необходимости проверять кандидатов, чтобы быть уверенным, что это "истинные христиане" с глубокой личной верой. Он также призывал проповедников отказаться от полемического тона и академизма, ибо цель проповеди заключается не в демонстрации знаний проповедника, а в побуждении верующих следовать Божьему Слову. Все это не содержало никакой критики учений церкви, так как Шпенер был полностью с ними согласен. Но он утверждал, что учение не должно подменять личную веру. Верно, что богословские заблуждения могут иметь губительные последствия для христианской жизни, но верно также, что люди, не выходящие за рамки догматов, вряд ли могут постичь всю глубину христианства. Таким образом, он предлагал начать новую реформацию или, по крайней мере, завершить ту, которая началась в XVI веке и была прервана богословскими диспутами. Вскоре многие уже видели в нем нового Лютера, и из самых разных уголков Германии к нему приходили письма - их авторы благодарил Шпенера за полученное вдохновение и просили его совета.

Однако все это вызывало настороженность приверженцев лютеранской ортодоксии. Шпенер не отходил от лютеранского учения, но он, казалось, не придавал значения тем сложным вероучительным вопросам, в которые ортодоксия внесла ясность. И он, как и Лютер до него, настаивал на необходимости постоянно возвращаться к Писанию и читать его, проникаясь преданностью и благочестием. Более того, в одном вопросе он как будто бы отходил от лютеранской традиции. Лютер, которого занимало и поглощало учение об оправдании верой, уделял мало внимания освящению. В обстановке острой полемики того времени он утверждал, что первостепенное значение имеет не жизнь верующего, а Божья благодать, ибо оправдание дает именно благодать, а неличная святость. Кальвин и реформаты, соглашаясь с Лютером в вопросе об оправдании, в то же время настаивали, что Бог не только оправдывает, но и освящает и что Бог дает верующим силу жить в святости. В этом вопросе Шпенер и его последователи были ближе к Кальвину, чем к Лютеру. Определенное влияние на Шпенера оказывали реформатские учителя, и он был убежден, что лютеранство должно делать больший упор на необходимости освящения. По этой причине многие ортодоксальные лютеранские богословы заявляли, что он, по сути дела, кальвинист. Уязвимым было и отношение Шпенера к апокалиптике. Как это часто происходило в то непростое время, он пришел к убеждению, что пророчества Книги Откровение исполняются и что конец близок. Поскольку его предсказания не сбылись, противники получили основание утверждать, что коль скоро он ошибся в одном вопросе, вполне вероятно, что он ошибается и в других.

Полемика вокруг пиетизма в определенном смысле велась о том, должна ли христианская вера просто утверждать общепринятые нравственные нормы или вести верующих к иному образу жизни. Ортодоксы считали само собой разумеющимся, что Бог требует от верующих исключительно следования правильному учению и благопристойной жизни, и ничего больше. Пиетисты же подчеркивали контраст между тем, чего общество ждет от своих членов, и тем, чего требует от верующих Бог. Этот вызов выбивал церковь из привычной ниши, в которой она так удобно расположилась.

Самым выдающимся последователем Шпенера был Август Герман Франке, тоже выходец из состоятельной лютеранской семьи. Он разделял взгляды Шпенера, хотя и не соглашался с ним в трактовке текущих событий как событий Откровения. Он с еще большей настойчивостью, чем Шпенер, говорил о радости христианской жизни, которая должна быть песней хвалы Богу. Будучи профессором университета в Галле, он также больше внимания уделял взаимосвязи между пиетизмом и традиционным лютеранским богословием. Свой собственный религиозный опыт он описывал так:

Внезапно Бог услышал меня. Мои сомнения исчезли с необычайной легкостью. В сердце моем я получил уверенность в Божьей благодати, ниспосланной через Иисуса Христа. С этого момента я смог называть Бога не только Богом, но и Отцом. Уныние и тревога сразу же покинули меня. Меня внезапно захватила волна радости, такой сильной, что я начал вслух прославлять и возвеличивать Бога, Который наделил меня такой благодатью[15].

Это описание религиозного опыта вкупе с высказываниями Весли и других породили ложное представление о том, что пиетисты настаивали на необходимости именно такого личного переживания. На самом же деле на раннем этапе движение просто проповедовало живую личную веру, причем тому, как и когда человек ее обретает, не придавалось первостепенного значения.

Невзирая на то, что некоторые богословы обвиняли пиетистское движение в излишней эмоциональности, субъективизме и даже ереси, к нему присоединялись тысячи христиан, объединявшиеся в небольшие кружки или "школы благочестия". В конечном счете, несмотря на противодействие ему, пиетизм оставил отпечаток на всей лютеранской традиции. Кроме того, хотя Шпенер и Франке были лютеранами, пиетизм приобрел сторонников среди немецких реформатов. Выдающимся представителем реформатского пиетизма был Ф.А.Лампе (1683-1729), чьи гимны, проповеди и книги во многом способствовали распространению духа пиетизма. Лампе избегал сугубо

специальной терминологии, свойственной сочинениям ортодоксов, и благодаря этому приобрел множество последователей среди мирян, одновременно вызвав крайнюю неприязнь к себе со стороны ортодоксальных богословов. Но реформатская ортодоксия не пользовалась в Германии таким политическим влиянием, как лютеранская, поэтому реформатский пиетизм не испытывал такого политического давления, как лютеранский, во всяком случае - до того времени, когда он получил распространение в Нидерландах, где ведущее положение занимала реформатская ортодоксия. Позднее в Северной Америке "Великое пробуждение" продемонстрировало степень влияния пиетизма на реформатскую традицию.

Однако самым важным вкладом пиетизма в историю христианства стало создание протестантских миссий. Реформаторы XVI века, занятые борьбой за выживание протестантизма, не обращали особого внимания на нехристианский мир. Некоторые из них заявляли даже, что современные христиане не призваны проповедовать другим народам, так как это поручение было дано только апостолам. Поначалу пиетисты тоже не проявляли интереса к миссионерству, хотя и принимали активное участие в удовлетворении нужд братьев-христиан, открывая школы, приюты для сирот, бедных и других нуждающихся. Но в 1707 году король Дании, который был сторонником пиетистов, решил отправить миссионеров в свои колонии в Индии. Поскольку в Дании не нашлось людей, способных справиться с такой задачей, король попросил Франке порекомендовать ему двух наиболее способных выпускников университета Галле. Эти два человека, Бартоломей Цигенбальд и Генрих Плютшау, основали в Индии Транкебарскую миссию. Их письма и отчеты расходились по Германии, вызывая большой интерес среди пиетистов. Вскоре под руководством Франке университет в Галле стал центром подготовки миссионеров. А в Дании при поддержке короля и с активным участием пиетистов открылась школа, готовившая миссионеров для работы в Лапландии и Гренландии.

Цинцендорф и моравские братья

Идеи пиетизма оказали также воздействие на молодого графа Николая Людвига фон Цинцендорфа, чьим крестным отцом был Шпенер. Цинцендорф с самого детства отличался глубокой религиозностью и позднее заявил, что по этой причине он никогда не чувствовал себя отделенным от Бога и, следовательно, не мог говорить о каком-либо опыте обращения. Его родители, преданные пиетисты, отправили его в университет в Галле, где он учился у Франке. Затем он перебрался в Виттенберг, один из основных центров лютеранской ортодоксии, и там неоднократно вступал в конфликты со своими учителями. После поездок по другим странам и изучения права он поступил на службу при дрезденском дворе.

Именно в Дрездене Цинцендорф впервые встретился с группой моравских братьев, изменивших ход его жизни. Это были гуситы, вынужденные покинуть родную Моравию из-за гонений, и Цинцендорф предоставил им убежище в своих поместьях. Там они основали общину Гернгут, так заинтересовавшую Цинцендорфа, что он отказался от своей должности в Дрездене и присоединился к ним. Под его руководством моравские братья вошли в местный лютеранский приход. Но лютеране не доверяли иностранцам, проникнутым идеями пиетизма, и между ними и моравскими братьями возникли трения.

В 1731 году в Дании Цинцендорф встретился с группой эскимосов, обращенных лютеранским миссионером Гансом Эгеде, и эта встреча воспламенила в нем интерес к миссионерской работе, который не оставит его до конца жизни. Вскоре теми же чувствами воспылала вся община Гернгута, и в 1732 году ее первые миссионеры отправились в Вест-Индию. Через несколько лет моравские миссионеры появились также в Африке, Индии, Южной и Северной Америке, где они основали общины Вифлеем и Назарет в Пенсильвании и Сейлем в Северной Каролине. Таким образом, движение, насчитывавшее вначале двести беженцев, имело теперь свыше сотни миссионеров в заморских странах.

Тем временем конфликты с лютеранскими властями в Германии не прекращались. Цинцендорфу пришлось покинуть страну и перебраться в Северную Америку, где в 1741 году он присутствовал при основании Вифлеемской общины. В 1748 году, через год после возвращения Цинцендорфа, между лютеранами и моравскими братьями, которых признали истинными лютеранами, установился мир. Но он был временным. Цинцендорф согласился на избрание его епископом моравскими братьями, претендовавшими на епископскую преемственность гуситов, и это вызвало новые трения с лютеранами. Цинцендорф умер в Гернгуте в 1760 году, и вскоре после этого его последователи порвали с лютеранством. Хотя Моравская церковь никогда не была многочисленной и вскоре оказалась неспособной отправлять и содержать такое большое количество миссионеров, ее пример способствовал великому миссионерскому пробуждению XIX века. Но самое большое значение имело, пожалуй, воздействие движения на Джона Весли и через него - на всю методистскую традицию.

Джон Весли и методизм

В конце 1735 и начале 1736 годов в Новый Свет отправилась вторая партия моравских миссионеров, намеревавшихся проповедовать индейцам в Джорджии. На том же корабле плыл молодой англиканский священник по имени Джон Весли, которого губернатор Джорджии Оглторп пригласил на работу пастором в Саванне. Молодой человек принял приглашение в надежде, что сможет проповедовать индейцам, о достоинствах которых у него были далекие от реальности представления. В первые дни плавания все складывалось хорошо, и молодой Весли немного выучился немецкому, так что вскоре уже общался со своими моравскими попутчиками. Но затем погода обратилась против них, и корабль чуть было не пошел ко дну. Переломилась грот-мачта, и команду охватила бы паника, если бы не необычайное спокойствие моравских братьев, не перестававших петь в течение всего шторма. Весли же, который был также капелланом корабля, с досадой поймал себя на том, что он больше думал о себе самом, а не о попутчиках. Когда море успокоилось, моравские братья сказали ему, что они вели себя так мужественно, поскольку не боятся смерти, и молодой человек усомнился в глубине своей веры.

По прибытии в Саванну Весли попросил у моравского брата Готлиба Шпангенберга совета относительно работы пастором и миссионером среди индейцев. Запись об этом разговоре он оставил в своем дневнике:

Он сказал: "Брат мой, сначала я должен задать тебе один или два вопроса. Есть ли у тебя свидетельство в самом себе? Свидетельствует ли твоему духу Дух Божий, что ты есть чадо Божьей? Я удивился и не знал, что ответить. Он заметил это и спросил: "Знаешь ли ты Иисуса Христа?" Я помедлил и ответил: "Я знаю, что Он - Спаситель мира". "Правильно, - сказал он, - но знаешь ли ты, что Он спас тебя?" Я ответил: "Надеюсь, что Он умер ради моего спасения". Он добавил лишь: "Ты знаешь себя?" "Знаю", - ответил я.

От себя молодой англиканский пастор добавил: "Но боюсь, что это были пустые слова"[16].

Эти переживания вызвали в нем смятение и замешательство. Он всегда считал себя хорошим христианином. Его отец Сэмюель Весли был англиканским священником, а мать Сюзанна - дочерью другого священника. Религиозному и нравственному воспитанию своих девятнадцати детей она уделяла огромное внимание. Когда Джону было пять лет, в доме случился пожар. Мальчик каким-то чудом спасся, и после этого мать называла его "головешкой, вынутой из огня", так как у Бога были в его отношении определенные планы. В Оксфорде он выделялся как знающий и благочестивый юноша. Поработав какое-то время помощником отца в его приходе, он вернулся в Оксфорд, где вступил в религиозное общество, созданное его братом Чарлзом и группой друзей. Его члены заключили договор вести святую и умеренную жизнь, причащаться как минимум раз в неделю, быть верными в личном молитвенном служении, регулярно посещать

тюрьмы и ежедневно собираться на три часа для изучения Библии и христианской литературы. Будучи единственным среди них рукоположенным священником и обладая исключительными дарованиями, Джон Весли вскоре стал лидером этой группы, членов которой другие студенты в насмешку называли "святым клубом" или "методистами".

Таким был жизненный путь молодого священника, который теперь в далекой Джорджии усомнился в глубине своей веры. Как пастор он потерпел плачевную неудачу, поскольку надеялся, что прихожане будут вести себя как члены "святого клуба", а паства, со своей стороны, ожидала, что он будет довольствоваться ее присутствием на службах. Брат Джона Чарлз, который тоже был в Джорджии на службе у Джеймса Оглторпа, разочаровался в своей работе и решил вернуться в Англию. Но Джон остался, причем вовсе не потому, что добился больших успехов - просто он не хотел сдаваться. Затем он попал в сложное положение и был все же вынужден уехать. Молодая женщина, за которой он ухаживал, вышла замуж за другого. Сочтя поведение невесты легкомысленным, он отказал ей в причастии, и против него было возбуждено дело за клевету. Исполненный горечи и обиды, он решил вернуться домой, чего как будто бы и хотели его прихожане.

Вернувшись в Англию и не зная, к чему приложить силы, он связался с моравскими братьями. В особенности он сблизился с Петером Белером, с которым советовался по богословским вопросам. Когда Весли пришел к выводу, что ему недостает спасительной веры и что поэтому ему следует прекратить проповеди, Белер посоветовал ему продолжить проповедь веры, пока он не получит ее, а затем продолжать проповедовать, так как она у него есть. Наконец, 24 мая 1738 года Весли пережил опыт, изменивший его жизнь:

Вечером с большой неохотой я пошел на собрание общества на Олдерсгейт-стрит, где кто-то читал предисловие Лютера к Посланию к римлянам. Примерно без четверти девять, на словах об изменениях, которые Бог производит в сердце через веру в Христа, я почувствовал, как на сердце у меня удивительно потеплело. Я ощутил, что верю во Христа и только во Христа для обретения спасения. И во мне родилась уверенность, что Он снял *мои* грехи и спас *меня* от закона греха и смерти[17].

После этого опыта Весли перестал сомневаться в своем спасении. Более того, собственное спасение теперь не занимало его всецело. Получив уверенность в нем, он смог направить все свое внимание на спасение других людей. В качестве первого шага он посетил общину моравских братьев в Гернгуте. Хотя встреча с ними оказалась для него в высшей степени вдохновляющей, он убедился, что духовность моравских братьев не соответствует его собственным устремлениям и намерению заниматься социальными вопросами. Поэтому, несмотря на благодарность моравским братьям, он решил к ним не присоединяться.

В то время как все это происходило в жизни Весли, известным проповедником стал еще один бывший член "святого клуба" - Джордж Уайтфилд. Несколько лет назад он пережил нечто подобное тому, что испытал Весли на Олдерсгейт-стрит, и теперь разрывался между работой в своем приходе в Джорджии и проповеднической деятельностью в Англии, где имел невероятный успех, особенно в промышленном городе Бристоле. Его проповедь была очень эмоциональной, и когда его упрекнули за то, как он использует кафедру, он стал проповедовать под открытым небом, как часто делал в Джорджии. В Бристоле он нуждался в помощнике, кроме того, вскоре ему предстояло вернуться в Новый Свет, поэтому Уайтфилд попросил Весли помочь ему и заменить его на время отсутствия.

Весли принял приглашение Уайтфилда, но излишняя эмоциональность проповедника была не совсем в его вкусе. Он возражал против проповедей под открытым небом. Гораздо позднее, вспоминая об этих днях, он говорил, что в то время был настолько убежден в желании Бога, чтобы все совершалось в надлежащем порядке, что спасение душ за пределами церковных зданий считал почти что грехом. Постепенно, видя результаты, он смирился с такого рода проповедями, хотя всегда сожалел об их

необходимости. Его беспокоило также, как верующие реагировали на эти проповеди. Одни плакали и вслух каялись в своих грехах, другие от боли падали духом. Затем они выражали великую радость и говорили, что чувствуют себя очищенными от всякого зла. Весли был по душе более торжественный ритуал. В конце концов он стал расценивать такие проявления как результат борьбы между сатаной и Святым Духом и решил, что он не должен препятствовать Божьей работе. Как бы там ни было, впоследствии такие крайности случались все реже.

Какое-то время Весли и Уайтфилд работали вместе, но постепенно лидером движения становился Весли. В конце концов они разошлись из-за богословских разногласий. По большинству вопросов оба они придерживались кальвинистских взглядов, но в вопросе о предопределении и свободной воле Весли отходил от ортодоксального кальвинизма и занимал арминианскую позицию. После нескольких диспутов друзья решили, что каждый из них должен идти своим путем и что они не будут вести полемику (это соглашение не всегда соблюдалось их последователями). С помощью графини Хантингдон Уайтфилд организовал Кальвинистскую методистскую церковь, особое влияние приобретшую в Уэльсе.

Создание новой конфессии не интересовало Весли. Он был и всю жизнь оставался англиканским служителем. Своей целью он видел скорее пробуждение и развитие веры широких масс в церкви Англии по примеру пиетизма в немецком лютеранстве. По этой причине он избегал выступать с проповедями в противовес службам церкви Англии и всегда считал само собой разумеющимся, что методистские собрания должны служить подготовкой для посещения англиканских богослужений и причащения на них. Для него, как и для большинства членов церкви в течение многих веков, центральное место в богослужении занимало причащение. Он принимал его сам и побуждал своих последователей как можно чаще причащаться на официальных службах Церкви Англии.

Движение не стремилось стать самостоятельной церковью, тем не менее оно нуждалось в определенных структурах. В Бристоле, где движение, по существу, зародилось, последователи Весли объединились в "общества", члены которых собирались сначала в частных домах, а затем приобрели собственные помещения. Их в насмешку называли "методистами", и в конце концов они стали гордиться этим названием. Когда методистские общества стали слишком многочисленными, так что полноценно работать с их членами оказалось затруднительно, Весли по совету одного из своих друзей разделил их на "классы" по одиннадцать членов и одному руководителю в каждом. Они собирались раз в неделю для чтения Писания, молитвы, обсуждения религиозных вопросов и сбора средств. От руководителя класса не требовалось быть богатым или образованным человеком, благодаря чему обеспечивалось широкое участие тех, кто выпадал из структуры Церкви Англии. Кроме того, были классы для женщин и под руководством женщин, поэтому женщины тоже играли в методизме видную роль.

Движение быстро росло, и Весли был вынужден ездить по всем Британским островам, выступая с проповедями и занимаясь организационной работой. Когда епископ Бристоля попытался ограничить его деятельность, заявив, что его проповеди нарушают порядок в приходах, Весли ответил: "Мой приход - весь мир". Эти слова, изначально высказанные в знак протеста против жесткой церковной организации, впоследствии стали лозунгом всего методистского миссионерского начинания. Но на том этапе Весли и его молодое движение нуждались в дополнительных силах для проповеднической работы. К движению примкнули несколько англиканских священников, наиболее видным среди которых был брат Джона Весли Чарлз, известный как автор гимнов. Но самую тяжелую ношу нес Джон Весли, выступавший с проповедями по нескольку раз в день и ежегодно вплоть до семидесятилетнего возраста верхом на лошади проезжавший тысячи миль.

В сложившихся обстоятельствах пришлось постепенно привлекать проповедников из числа мирян. Узнав, что мирянин Томас Максфилд проповедует в одном из обществ в Лондоне, Весли намеревался запретить ему это делать. Но его мать Сюзанна упросила

его сперва послушать этого человека уже потом принимать решение, и Максфилд произвел на Весли такое впечатление, что он счел использование проповедников-мирян Божьим ответом на крайнюю нужду движения в проповедниках. Они не подменяли духовенство, так как не могли предлагать причастие, а это - наивысшая форма богослужения. Наряду с обществами они должны были, параллельно и дополнительно, помогать церкви Англии и ее рукоположенным священникам в выполнении евхаристической функции. Вскоре среди методистских проповедников-мирян появились женщины, что было тогда невозможным в рукоположенном духовенстве.

Заложив таким образом основание церковно-организационной структуры, Весли объединил своих последователей в единую "сеть". Были созданы состоящие из нескольких обществ "округа" под руководством "суперинтендентов". Для помощи в управлении "сетью" Весли начал периодически проводить собрания с участием как входящих в нее англиканских священнослужителей, так и проповедников-мирян. Эти собрания в конце концов превратились в ежегодные конференции, на которых назначались служители в каждый округ, обычно на трехлетний срок.

В ходе этого процесса не обходилось без конфликтов. На раннем этапе против методистов часто предпринимались насильственные действия. Кое-кому среди духовенства и знати не нравилось, что новое движение пользуется среди низших классов таким авторитетом. Поэтому собрания часто срывались нанятыми головорезами, а жизнь Весли несколько раз подвергалась опасности. Позднее сопротивление методистам ослабло и в конечном счете сошло на нет. Возникали и богословские конфликты. Весли пришлось порвать с моравскими братьями, так как он опасался их неприемлемой для него склонности к квиетизму.

Но больше всего методисты конфликтовали с англиканской церковью, к которой Весли принадлежал и членом которой хотел оставаться. До последних дней жизни он порицал методистов, желавших порвать с англиканством. Но разрыв так или иначе был неизбежен. Некоторые англиканские лидеры видели в методистском движении отражение собственных недостатков и потому не принимали его. Другие считали проповедь методистов без учета приходских границ непростительным нарушение порядка. Сам Весли тоже в достаточной степени оставался англиканином и сожалел, что приходится действовать именно так, но им двигало стремление дойти до людей, до которых не доходит церковь.

Еще больше дело осложнялось в связи со сложными юридическими моментами. По английским законам неангликанским церквам разрешалось проводить богослужения и владеть недвижимостью, но при условии, что они официально зарегистрированы как таковые. Это ставило методистов в сложное положение, так как церковь Англии не признавала своими их помещения и собрания. Регистрация фактически означала бы заявление о разрыве с англиканством. Отказ от регистрации означал нарушение закона. В 1787 году после долгих колебаний Весли дал своим проповедникам указание зарегистрироваться, сделав тем самым первый юридический шаг на пути создания самостоятельной церкви. Однако за три года до этого Весли совершил поступок, имевший еще более серьезные богословские последствия. Долгое время он был убежден, что в ранней церкви понятие "епископ" было равнозначным "пресвитеру" или "старейшине". Это привело его к мысли, что все рукоположенные пресвитеры, в том числе и он сам, имеют право рукоположения. Но он не пользовался им, дабы не осложнять еще больше отношения с руководством Церкви Англии. Однако завоевание Соединенными Штатами независимости поставило новые проблемы. Во время войны за независимость большинство англиканских священнослужителей были монархистами, и после завоевания независимости они вернулись в Англию. В результате совершение обряда евхаристии стало для жителей вновь созданного государства трудным, а в некоторых случаях и невозможным делом. Епископ Лондона, теоретически сохранявший свои полномочия в бывших колониях, отказывался рукополагать священников для работы в Соединенных Ш татах. Весли, будучи убежденным в том, что совершение таинства евхаристии составляет саму суть христианского богослужения,

сожалел об этом, как, впрочем, и о том, что он считал ничем не оправданным бунтом бывших британских колоний. Наконец, в 1784 году он рукоположил двух проповедников из числа мирян пресвитерами для работы во вновь созданном государстве и назначил англиканского священника Томаса Коука их "суперинтендентом" (это название, как ему было хорошо известно, имеет тот же смысл, что и греческое слово, переводимое как "епископ"). Затем он начал рукополагать служителей для работы в Шотландии и других местах. Но несмотря на все это, Весли продолжал настаивать на сохранении связей с Церковью Англии. Его брат Чарлз сказал ему, что рукоположение священников для работы в Новом Свете само по себе уже означает разрыв. В 1786 году конференция приняла решение, что в тех местах, где англиканские церкви не охватывают все население или где их священники проявляют неспособность выполнять свою миссию, разрешается проводить независимые от англиканских богослужений методистские собрания. Хотя Весли противился этому, тем не менее ко времени его смерти методистская церковь становилась все более самостоятельной.

Популярность методистского движения объяснялась отчасти тем, что оно в определенной степени соответствовало новым требованиям, порожденным промышленной революцией. Во второй половине XVIII века Англия переживала бурный процесс индустриализации. Это в свою очередь влекло за собой массовое перемещение населения в промышленные центры. Люди, вырванные экономическими обстоятельствами из привычной среды, теряли связь и с церковью, приходская структура которой не соответствовала более потребностям городского населения. Именно на их нужды давал ответ методизм, и именно среди них он находил наибольшее число последователей.

В Северной Америке процесс совершенно иного характера - движение переселенцев на Запад - породил лишенное корней и не имевшее традиционных церковных связей население, которое для уже существовавших церквей, как правило, оставалось недоступным. Именно среди этих людей методизм добивался наибольших успехов. Официально североамериканские методисты стали самостоятельной церковью раньше британских. В 1771 году Весли отправил в колонии проповедника-мирянина Фрэнсиса Эсбери. Эсбери стал движущей силой, обеспечивавшей распространение методизма на Запад вслед за перемещением границы. Когда тринадцать колоний объявили о независимости, Весли выступил против их бунта. Но американские методистские проповедники были в основном жителями колоний и поддерживали борьбу за независимость или, по крайней мере, сохраняли нейтралитет. В результате методисты в Соединенных Штатах, хотя они и продолжали восхищаться Весли, не считали себя более связанными его пожеланиями.

Против его желания и учитывая недостаток англиканских служителей американское движение объявило себя Методистской епископальной церковью. Название "епископальная" было прямым результатом конфликта с Весли, который себя и Коука называл "суперинтендентами", но пришел в ярость, узнав, что Коук и Эсбери, к тому времени тоже ставший суперинтендентом, называют себя "епископами". С этого времени у американских методистов были епископы, а у английских - нет.

Весли умер в 1791 году. После его смерти методизм пережил период внутренней борьбы, связанной главным образом с вопросом о взаимоотношениях с англиканством. В конечном счете в Англии и в других странах, где методизм завоевал сильные позиции, были созданы полностью независимые от англиканства методистские церкви.

Тринадцать колоний

Бог не требует установления и поддержания религиозного единообразия в гражданском государстве, в котором именно принудительное единообразие становится рано или поздно основной причиной гражданских войн, насилия над совестью, гонений на Иисуса Христа в лице Его служителей, лицемерия и погибели миллионов душ.

РОДЖЕР УИЛЬЯМС

В XVI веке образовались испанская и португальская империи. В XVII веке свои империи начали создавать и другие державы. Наибольших успехов среди них добилась Великобритания, колониальная экспансия которой началась в XVII веке и достигла пика развития в XIX веке. В числе первых ее заморских завоеваний были тринадцать колоний в Северной Америке, ставшие впоследствии Соединенными Штатами.

Эти колонии обычно противопоставляют испанским, а различия в конечных результатах пытаются объяснять различными условиями, в которых они возникли. Говорят, например, что испанцы приехали за золотом, а британцы - по религиозным мотивам, что испанцы жестоко относились к индейцам, а британцы пытались жить с ними в мире, что испанцы принесли с собой инквизицию, а британцы - религиозную свободу, что испанцы пришли как аристократы и обогатились за счет труда индейцев, а англичане сами работали на земле. В некоторых из этих утверждений есть определенная доля истины, однако историческая правда гораздо сложнее.

Экономические мотивации, толкавшие их на завоевание колоний, были у британцев столь же сильными, как и у испанцев. Но дело в том, что испанцы уже завоевали богатейшие империи, и не было больше таких сокровищ, как те, которыми владели ацтеки и инки. Поэтому британская аристократия и деловые круги не могли надеяться на обогащение в результате завоеваний самих по себе, подобно Кортесу и Писарро, а были вынуждены полагаться на торговлю. Когда стало ясно, что торговля с индейцами не приносит достаточной прибыли, колонии обратились к земледелию, опять же имея в виду экспорт продукции в Европу, доход от которого должны были получать владельцы колоний. В основе всего этого лежал труд британцев. Обычно это были не свободные колонисты, обрабатывавшие собственную землю, а батраки, работавшие на земле, принадлежавшей колониальной компании. Поначалу колонистам не разрешалось даже владеть землей. Что касается религиозной свободы, Род-Айленд и Пенсильвания действительно вели мир в этом направлении, но в то же время пилигримы в Новой Англии отличались такой же нетерпимостью, что и испанские инквизиторы. Наконец, в вопросе об отношении к индейцам не надо забывать, что уничтожение коренного населения на территории, ставшей Соединенными Штатами, было гораздо более масштабным, чем в испанских колониях, за исключением островов Карибского бассейна. Дело здесь не в том, что один народ сострадательнее другого. Просто были разные экономические условия. Испанцам от индейцев был нужен их труд, поэтому они не были заинтересованы в их уничтожении. Британцы же хотели получить землю, поэтому как в колониальный период, так и после завоевания независимости в отношении индейцев чаще всего проводилась политика уничтожения и изоляции. В тех местах, где цель заключалась в получении земли, испанцы и португальцы проводили точно такую же политику.

Новые условия, сложившиеся в Европе, в частности в Великобритании, вынуждали многих эмигрировать в Новый Свет по религиозным мотивам. Рассматривая пуританскую революцию в Англии, мы видели, что там возникло множество новых религиозных конфессий, что шло вразрез с проводившейся правительствами политикой религиозного единообразия как средства достижения политической стабильности. Требовать исполнения законов, касающихся религиозного конформизма, в заморских колониях было труднее, поэтому за счет переезда в уже существующие колонии или создания новых религиозные диссиденты надеялись избавиться от притеснений. Некоторые из этих диссидентов были не более терпимыми, чем правительства, от которых они бежали. Другие же приходили к выводу, что религиозная терпимость предпочтительней, поскольку она не только предоставляет большую свободу, но и соответствует Божьей воле.

Виргиния

Первые британские колониальные начинания в Северной Америке закончились неудачей. В 1584 году королевскую привилегию на колонизацию Северной Америки получил фаворит Елизаветы сэр Уолтер Рэли. Землю, которую ему предстояло колонизировать, он назвал Виргинией в честь королевы Елизаветы[18]. Но две попытки, в 1585 и 1587 годах, не принесли успеха. Первая группа колонистов вернулась в Англию, а вторая бесследно пропала.

Вторая, более успешная колонизация Виргинии началась весной 1607 года. В мае того года 105 поселенцев высадились в устье реки, которую назвали Джеймс по имени нового короля (Елизавета умерла четыре года назад) и основали Джеймстаун. Среди них был священник - Виргинская компания, под эгидой которой проводилось это предприятие, надеялась, что на новых землях обоснуется церковь Англии, которая предложит свое служение и поселенцам, и индейцам. Надеялись также, что новая колония положит конец испанской экспансии на север, которой опасались как по политическим соображениям, так и из страха перед "папизмом". Однако главная цель создания колонии была не религиозной, а экономической. Акционеры Виргинской компании просто-напросто надеялись, что торговля с индейцами и, возможно, занятие земледелием принесут им значительный доход.

Основание Виргинии произошло в то время, когда влияние пуритан в Церкви Англии достигло высшей точки, поэтому многие акционеры и поселенцы полагали, что управление колонией должно основываться на пуританских принципах. Ее первые законы требовали посещения служб дважды в день, строгого соблюдения воскресенья и сурового наказания за богохульство и ношение нескромной одежды. Но мечты о святом содружестве столкнулись с политическими реалиями. Король Яков ненавидел пуританство и не хотел терпеть его в своей колонии. Предлогом послужила война с индейцами 1622 года, и в 1624 году он поставил Виргинию под свое прямое управление. После этого пуританское влияние ослабло. Позднее Карл I, продолживший политику Якова, направленную против виргинских пуритан, отделил значительную часть Виргинии и основал колонию Мэриленд, передав ее во владение католику. Тем временем колония, считавшаяся ранее малоприбыльным предприятием, добилась больших экономических успехов благодаря выращиванию и экспорту табака. Это производство требовало больших трудовых затрат, и в 1619 году колония начала ввозить рабов из Африки. Так получила развитие рабовладельческая экономика, ставшая отличительной чертой Виргинии и других колоний.

Пуританская революция в Англии не имела особого резонанса в Виргинии. К тому времени поселенцев больше интересовали выращивание табака и освоение новых земель, чем религиозные конфликты в Англии. В условиях экономического процветания их прежние пуританские убеждения выхолащивались. В частности, пуританское отношение к труду не имело смысла в рабовладельческом обществе. Поэтому начавшаяся в Англии революция, а затем восстановление власти Стюартов не вызвали в колонии никаких волнений. Большинство поселенцев оставались членами Церкви Англии. Но их вера стала уже не пуританским англиканством прежних времен, а необременительным и аристократическим англиканством, легко воспринимавшимся владельцами плантаций, но оставлявшим равнодушными рабов и представителей низших слоев белого населения.

Обращением рабов церковь Англии занималась очень мало. Одна из причин заключалась в том, что, согласно установленному издревле принципу, христианам запрещалось делать своих братьев-христиан рабами, и многие настаивали на незыблемости этого принципа. Исходя из этого, рабовладельцы, дабы не попасть в затруднительное положение, предпочитали не крестить своих рабов. В 1667 году приняли закон, согласно которому крещение не изменяло статус раба и который в очередной раз продемонстрировал, до какой степени официальная религия выражала тогда интересы власть имущих. Но даже после этого для обращения рабов почти ничего не делалось, так как рабовладельцы полагали, что невежество - наилучшая гарантия обеспечения покорной работы.

То, что церковь выражала интересы правящей верхушки, сказывалось и на белом населении. В то время как зарождавшаяся аристократия оставалась верной англиканству, многие в низших слоях общества начали обращаться к диссидентским движениям. Против них принимались суровые меры, и они сотнями переселялись в соседний католический Мэриленд, где было больше религиозной свободы. В Виргинии появлялись и квакеры, несмотря на принятые против них законы. Джордж Фокс, посетивший колонию в 1762 году, нашел там множество "друзей" и отметил, что хотя наибольшей популярностью движение пользуется среди низших слоев общества, ему симпатизируют и некоторые аристократы. Позднее благодаря усилиям Эс-бери и его проповедников значительных успехов добились методисты, хотя тогда они еще считали себя англиканами.

К югу от Виргинии создавались и другие колонии. Северная Каролина и Южная Каролина, в 1663 году пожалованные от имени монархии группе аристократов и акционеров, развивались медленно. Для ускорения притока иммигрантов владельцы провозгласили религиозную свободу и тем самым привлекли многих диссидентов из Виргинии. По своей структуре общество в Каролине, особенно в Южной, было таким же, как и в Виргинии. Высшие классы принадлежали к Церкви Англии, а многие в низших классах становились либо квакерами, либо баптистами. Но даже среди белого населения большинство имело очень слабые связи с какой бы то ни было церковью.

Образование Джорджии преследовало две цели. Во-первых, остановить испанцев, продвигавшихся на север из своей базы в Сант-Аугустине. Во-вторых, она должна была служить альтернативой долговым тюрьмам. В начале XVIII века в Англии было много религиозно настроенных людей, стремившихся облегчить судьбу неимущих. Среди прочего это движение обращало внимание на тюрьмы, бесчеловечные условия содержания в которых неоднократно вызывали протесты в парламенте. Одним из лидеров этой кампании был известный своими военными подвигами Джеймс Оглторп, решивший основать в Северной Америке колонию, которая служила бы альтернативой тюремному содержанию должников. В 1732 году было получено королевское одобрение, а в следующем году прибыли первые осужденные. К ним вскоре присоединились другие, а также множество беженцев из разных мест, спасавшихся от религиозных преследований. Официальной религией было англиканство, но оно не пользовалось большим влиянием в колонии. Характерным примером стала неудача служителей, отправленных Вес-ли в качестве англиканских пасторов. Некоторого успеха добились моравские братья, хотя их число всегда было небольшим. Наиболее значительным религиозным движением в ранние годы существования колонии был, пожалуй, массовый ответ на проповедь Джорджа Уайтфилда, как это происходило и в Англии. Ко времени своей смерти в 1770 году он оставил значительный отпечаток на религиозной жизни Джорджии. Впоследствии методисты, баптисты и другие пожали то, что посеял он.

Северные пуританские колонии

Наибольшего влияния пуританство добилось гораздо севернее. В районе, получившем название Новой Англии, было создано несколько колоний с чисто религиозной изначальной мотивацией. Первой из них стала Плимутская колония, основанная группой диссидентов, переехавших из Англии в Нидерланды, а затем решивших организовать в Новом Свете общину, основанную на их религиозных принципах. Они договорились с Виргинской компанией, которая остро нуждалась в поселенцах и среди членов которой влияние пуританства было очень сильным. В результате поселенцы числом в 101 человек поднялись на борт корабля "Мэйфлауэр" и отправились в Новый Свет. Они пристали к берегу гораздо севернее, чем намеревались, далеко от границ Виргинии. Поэтому, прежде чем высадиться, они решили объединиться в политическую организацию под властью короля Англии, но с самоуправлением. В Мэйфлауэрском соглашении они обязались исполнять "справедливые и равные для всех законы", принятые их органом управления. Затем после попытки высадиться на мысе Кейп-Код они обосновались в Плимуте. Первые месяцы жизни новой колонии были трагичными. Разразилась эпидемия, и выжило всего пятьдесят человек. Однако весной индейцы

научили поселенцев выращивать кукурузу, и благодаря полученному урожаю, а также охоте и рыбной ловле они собрали достаточно припасов, чтобы перезимовать. Затем они начали обменивать меха на необходимые им продукты из Европы, и колония выжила.

Вскоре после создания этого первого поселения группа английских пуритан, желавших основать в Новом Свете общину, более соответствующую велениям их совести, основала Компанию Массачусетского залива. Дабы избежать чрезмерного вмешательства английских властей, они решили расположить руководящий центр Компании в Новом Свете. Когда все было готово, свыше тысячи поселенцев основали новую колонию. В отличие от плимутских "пилигримов" они были не сепаратистами, а просто пуританами, принадлежавшими к церкви Англии, но желавшими более неукоснительно следовать учениям Нового Завета. В Англии особых надежд на это они не видели, поэтому эмигрировали в Америку, где рассчитывали воплотить свои идеалы в жизнь. Этот проект стал тем более актуальным из-за суровых мер, принимавшихся архиепископом Лодом против пуритан. Во время проводившихся им гонений в Новую Англию бежало около десяти тысяч пуритан, укрепивших колонию Массачусетского залива и создавших новые колонии Коннектикут и Нью-Хейвен.

Карл I готовился принять меры против этих разраставшихся центров пуританства, но оказался втянутым в гражданскую войну, стоившую ему престола и жизни. Однако эта война и победа в ней пуритан приостановили волну эмиграции, так как появилась надежда на создание святого содружества не на далеких берегах неисследованного континента, а в самой Англии. Симпатии колонистов были явно на стороне пуританских повстанцев, но они оставались нейтральными и направляли усилия на расширение своих территорий и развитие общественных учреждений. Поэтому реставрация Стюартов не стала для них таким тяжелым ударом, как для пуритан в Англии. Некоторое время спустя Яков II попытался объединить несколько северных колоний в "Доминион Новая Англия", но его падение положило проекту конец, и колонии вернули многие прежние привилегии, хотя и с новыми структурами управления. Именно в это время была провозглашена веротерпимость, однако произошло это не по просьбе поселенцев, а по решению короля.

В пуританских колониях Новой Англии, к тому времени объединившихся под названиями Массачусетс и Коннектикут, по некоторым вопросам велись богословские споры. Основная трудность заключалась в том, что многие пуритане, сохраняя обычай крещения детей, одновременно настаивали на необходимости опыта обращения, чтобы стать истинным христианином. В чем же тогда смысл крещения? Не лучше ли подождать, когда человек переживет опыт обращения, и уж затем крестить его, как предлагали баптисты? Многие считали это наилучшим решением. Но оно вступало в противоречие с пуританскими целями создания общества, основанного на библейских принципах. Христианское содружество возможно только в том случае, если, как в Древнем Израиле, человек становится его членом от рождения и если рамки гражданских и религиозных общин совпадают. По этой причине "детей Завета" необходимо крестить, как в Древнем Израиле им делали обрезание еще в младенческом возрасте. Но с другой стороны, если членами Завета становятся все крещеные, как же тогда сохранять чистоту жизни и учения? Более того, если младенцев крестить как "детей Завета", что тогда делать с младенцами, родившимися у крещеных родителей, не испытавших опыта обращения? Исходя из этого многие приходили к выводу о существовании "половинчатого Завета", охватывающего крещеных, но необращенных. Их детей надо крестить, так как они остаются детьми Завета. Но полноправными членами церкви, имеющими полномочия участвовать в процессе принятия решений, можно считать только тех, кто пережил опыт обращения. Эта полемика вызвала острые разногласия, и в результате изначальный оптимизм поселенцев померк. Спорили также относительно методов управления церквами и их взаимоотношений. Наконец большинство приняло нечто вроде общинного устава, рамки которого были ограничены необходимостью признания всеми церквами Исповедания веры, представлявшего собой пересмотренный вариант Вестминстерского исповедания, контроль за соблюдением которого возлагался на гражданские власти.

Одним из самых известных эпизодов тех ранних лет был суд над сейлемскими "ведьмами" в Массачусетсе. Ранее в Массачусетсе за колдовство судили и других, в результате чего троих человек повесили. Но в 1692 году на основании малоубедительных свидетельств нескольких девочек поползли слухи, что в Сейлеме пышным цветом расцветает колдовство, и в конечном счете эти слухи вылились в настоящую истерию. Повесили в общей сложности двадцать человек (четырнадцать женщин и шестерых мужчин), и несколько заключенных умерли в тюрьме. Некоторые из них признались, что занимались колдовством, и в надежде сохранить жизнь обвиняли других в подстрекательстве к этому. Обвинения выдвигались в адрес уважаемых священнослужителей, богатых купцов и даже жены губернатора. На этом этапе власти решили, что пора прекратить расследование. Двадцать лет спустя суд Массачусетса постановил, что все эти обвинения были ложными, и распорядился выплатить компенсацию семьям пострадавших.

Среди поселенцев были люди, проявлявшие интерес к евангелизации своих индейских ближних. В этом отношении замечательный пример показывала семья Мейхью, поселившаяся в поселке Виноградник Марфы и занимавшаяся обращением и воспитанием индейцев на протяжении пяти поколений - с 1642 года вплоть до смерти Захарии Мейхью в 1806 году. Но гораздо большие последствия имела работа, начатая в 1646 году Джоном Элиотом среди могикан. Он пришел к убеждению, что индейцы и есть десять потерянных колен Израиля и что их обращение приведет к исполнению древних пророчеств. Для этого он собирал обращенных в деревнях, где они жили по Моисееву закону. Там он учил их европейским методам землепользования и техническим навыкам, благодаря которым они могли бы поддерживать свое существование. Большое внимание уделялось также чтению и изучению Библии, которую Элиот перевел на язык могикан после тщательного изучения их языка и разработки способа его записи. Сам Элиот основал четырнадцать таких деревень, а его последователи создали их еще больше.

В 1675 году индейцы под руководством вождя, которого они назвали королем Филиппом, решили положить конец грубому нарушению своих прав и постепенному захвату своих земель. В ходе этой схватки, получившей название "войны короля Филиппа", многие обращенные индейцы либо встали на сторону поселенцев, либо просто отказались от борьбы. Несмотря на это, сотни из них были изгнаны из своих деревень и выселены на и так уже переполненный остров в Бостонском заливе. Многие другие были убиты белыми, считавшими индейцев врагами. Одержав победу, поселенцы отдали захваченных и сдавшихся в плен индейцев в услужение белым - женщин и детей слугами, а мужчин рабами, которых можно было продавать или перевозить куда угодно. После этих событий от трудов и усилий Элиота не осталось почти никаких следов.

Род-Айленд и баптисты

Из-за царившей в пуританских колониях нетерпимости многие покидали их. Самым известным диссидентом был Роджер Уильяме, приехавший в Массачусетс в 1631 году. Отказавшись служить пастором в Бостоне, он заявил, что пуритане не правы, возлагая на гражданские власти контроль за соблюдением заповедей, относящихся к личному общению человека с Богом. Он был убежден, что власти должны обладать полномочиями только в той сфере, которая имеет отношение к поддержанию порядка в обществе. Он заявил также, что колонии занимают земли, принадлежащие индейцам, и что все колониальное предприятие несправедливо и незаконно. Эти и другие идеи, казавшиеся в то время крайне радикальными, сделали его непопулярным в Бостоне, и он перебрался в Плимут. Затем он стал пастором в Сейлеме. Но когда он попытался отделить свою церковь от остальных, власти Массачусетса изгнали его. Тогда он вместе с группой друзей поселился сначала в Плимуте, а затем в Наррагансете на землях, купленных у индейцев. Там он основал колонию Провиденс, построенную на принципе религиозной свободы.

Уильяме считал, что такая свобода требуется в силу самой необходимости поклонения Богу. Поклонение должно быть искренним, и любые попытки принудить к нему фактически ослабляют его. Поэтому в новой колонии права граждан не должны были ущемляться на основании религиозных воззрений человека. Эти свои взгляды он изложил в опубликованном в 1644 году трактате "Кровавый принцип гонений за дело совести", на который один из пасторов Массачусетса ответил сочинением "Кровавый принцип отмыт и отбелен кровью Агнца".

Тем временем по аналогичным причинам в соседние районы перебирались и другие диссиденты. В конце 1637 года из Массачусетса изгнали пророчицу Анну Хатчинсон среди прочих причин за утверждения, что она получала личные откровения. Вместе с восемнадцатью своими спутниками на острове близ Провиденс она основала колонию Портсмут, в которой тоже исповедовался принцип религиозной свободы. Вскоре после этого группа из Портсмута основала общину Ньюпорт на другом конце того же острова. Все эти общины быстро росли за счет притока баптистов, квакеров и других людей из пуританских колоний. Но единственным правовым основанием этих новых поселений было заявление, что земля куплена у индейцев, и многие в соседних колониях выступали за уничтожение того, что они считали сточной трубой Новой Англии. Поэтому Роджер Уильяме отправился в Англию и в 1644 году добился от Долгого парламента юридического признания колонии Род-Айленд и Провиденс с демократической системой управления. После реставрации Стюартов Карл II подтвердил правовой статус колонии.

Церковь Уильямса в Провиденсе стала баптистской. Один из ее членов крестил Уильямса, который в свою очередь окрестил остальных. Но сам

Уильяме недолго оставался в этой церкви, так как его идеи становились все более радикальными. Общение с индейцами, которых он глубоко уважал, побудило его заявить, что, возможно, их религия настолько же приемлема в глазах Бога, как и христианская, и что в любом случае им не обязательно становиться христианами, чтобы получить спасение. Это вызвало новую волну критики со стороны не только пуритан в Массачусетсе, но и многих баптистов в Провиденсе. Но он продолжал двигаться в направлении все более радикального спиритуализма и в конце концов пришел к заключению, что все церкви ошибаются и что Писание следует понимать в чисто духовных категориях.

Тем временем баптисты в Провиденсе были заняты собственными разногласиями. При рассмотрении пуританской революции в Англии мы отметили, что баптисты стали одной из многих групп, появившихся в то время. Хотя некоторые их теории совпадали с анабаптистскими, большинство баптистов черпали идеи не из анабаптизма, а из собственного изучения Нового Завета. Находясь в изгнании в Нидерландах, некоторые баптисты попали под влияние арминианства, идеи которого они привезли с собой по возвращении в Англию. Другие оставались в Англии и продолжали придерживаться строго кальвинистских взглядов, составлявших основу пуританского движения. Таким образом, среди баптистов возникли две группы: "общие" и "частные" баптисты. "Общие баптисты", как и арминиане, полагали, что Иисус умер за все человечество. "Частные баптисты" следовали ортодоксальному кальвинистскому учению, согласно которому Иисус умер только **за** тех, кто предопределен к спасению. В Провиденсе одни придерживались арминианских взглядов общих баптистов, а другие - кальвинистских взглядов частных баптистов.

Баптистское движение распространялось в колониях, несмотря на преследования некоторых из них его сторонников. Из Массачусетса изгонялись целые церковные общины. Это не останавливало того, что считалось заразой, охватившей даже некоторых наиболее авторитетных членов общества, в числе которых был ректор Гарвардского университета. Постепенно, по мере установления религиозной терпимости, баптистские группы начали появляться во всех колониях. Поначалу большинство из них были общими баптистами. Но ко времени Великого пробуждения (к

которому мы еще вернемся) повысилось влияние кальвинизма, и во многих районах частных баптистов стало гораздо больше, чем других.

Католичество в Мэриленде

Основным центром католичества в североамериканских британских колониях был Мэриленд. В 1632 году Карл I предоставил Сесилу Кэлверту, лорду Балтимору, права собственности и колонизации части территорий, принадлежавших ранее Виргинии. Лорд Балтимор был католиком, и это пожалование Карл сделал в рамках своей политики, побуждавшей его искать поддержку со стороны католиков. Многие католики в Англии хотели иметь колонию, где они могли бы жить без тех ограничений и трудностей, с которыми постоянно сталкивались у себя на родине. Поскольку в то время создание чисто католической колонии было бы неразумным шагом с политической точки зрения, приняли решение о провозглашении в Мэриленде религиозной свободы. Именно эту политику лорд Балтимор проводил в инструкциях своим представителям в Мэриленде, которых наставлял не давать никакого повода протестантам для нападок на католиков.

Первая группа поселенцев прибыла в 1634 году, и ее социальный состав уже указывал на социальную структуру колонии. Примерно десятая часть поселенцев были католическими аристократами, а остальные - главным образом их слугами-протестантами. Основой экономики вскоре стало выращивание табака, благодаря чему появились большие и процветающие плантации. Колонией управляли католические землевладельцы, но большинство населения составляли протестанты. Когда изменение политического климата в Британии предоставляло им такую возможность, протестанты неоднократно пытались забрать власть у католической земельной аристократии. Наконец им это удалось после свержения Якова II. Англиканство стало официальной религией в колонии, а права католиков были ограничены.

В Пенсильвании тоже было много католиков благодаря терпимой политике, проводившейся Уильямом Пенном. Там, как и в других колониях, католичество добилось значительных успехов после реставрации Стюартов. Однако после свержения Якова II в 1688 году рост замедлился, и в течение всего колониального периода католики составляли меньшинство в каждой из тринадцати колоний.

Колонии на среднем атлантическом побережье

Колонии, созданные между Новой Англией и Мэрилендом, - Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания и Делавэр - вначале не были местом прибежища какой-то конкретной религиозной группы. Мы уже рассказы вали об "эксперименте" Пенна в Пенсильвании. Хотя в основе своей идея создания колонии была квакерской, ее население с самого начала было весьма разнородным по вероисповеданию. То же самое можно сказать о Делавэре, который Пени приобрел у герцога Йоркского и который был частью Пенсильвании вплоть до 1701 года.

Политическая и религиозная история Нью-Джерси была сложной. В целом восточный Нью-Джерси следовал схеме строгого пуританства Новой Англии, тогда как на западе тон в зарождавшемся обществе задавали квакеры и там сложилась атмосфера религиозной терпимости. Однако в конце концов многие квакеры превратились в рабовладельческую аристократию, отношения которой с другими квакерами становились все более натянутыми.

Территория, ставшая впоследствии штатом Нью-Йорк, была колонизирована голландцами, вместе с которыми появилась Реформатская церковь и административный центр местного отделения Ост-Индийской компании, разместившийся на Манхэттене. В 1655 году они захватили конкурирующую колонию, основанную шведами в Делавэре, а в 1664 году их самих захватили англичане. Затем поселение, называвшееся Новыми Нидерландами, стало Нью-Йорком, а проживавшие там голландцы, не совсем, впрочем,

довольные прежней властью, стали британскими подданными. Англичане принесли с собой церковь Англии, членами которой были лишь губернатор, его домочадцы и войска. Но с усилением британской иммиграции религиозная структура колонии стала приближаться к той, которая существовала в Великобритании.

Короче говоря, в XVII и XVIII веках Великобритания создавала и расширяла сеть колоний в Северной Америке. (В 1759 году англичане захватили также французские территории, расположенные к северу от реки Св. Лаврентия, но история этой колонии была совершенно иной.) Поначалу в некоторых из них проявлялась нетерпимость к религиозному инакомыслию, но с течением времени все они начинали следовать примеру Род-Айленда и Пенсильвании, где религиозная свобода существовала с самого начала и доказала свою жизнеспособность в сравнении с религиозными конфликтами, периодически обескровливавшими Европу. В то же время рабовладение, социальная несправедливость, источником которой было существование огромных плантаций, эксплуатация индейцев, экспроприация их земли и многие другие подобного рода факторы ослабляли религиозный пыл и надежды на создание святого содружества, воодушевлявшие многих первых поселенцев.

Великое пробуждение

XVIII век принес в Северную Америку те же самые пиетистские течения, которые существовали тогда в Германии и Англии. Пресвитериане, например, разделились на традиционалистов, настаивавших на неукоснительном следовании Вестминстерскому исповеданию, и на сторонников нового подхода, делавших упор на необходимости переживания искупительной благодати. В конечном счете обе стороны примирились, но на какое-то время эта полемика привела к расколу, ставшему еще более явным под влиянием пиетистской волны, получившей название Великого пробуждения.

Многие североамериканские колонисты и раньше придавали большое значение необходимости личного религиозного опыта для христианской жизни. Но эти чувства получили большее распространение после ряда событий, начавшихся в 1734 году, когда в Нортгемптоне, штат Массачусетс, появились первые признаки Великого пробуждения. Пастором там был Джонатан Эдварде, кальвинист твердых убеждений, учившийся в Йельском университете и убежденный в необходимости личного опыта обращения. Он несколько лет проповедовал в Нортгемптоне без особого успеха, когда вдруг его проповедь начала вызывать отклик, удививший его. Его проповеди были не слишком эмоциональными, хотя он и подчеркивал необходимость осознания греха и Божьего прощения. В 1734 году люди начали отвечать на его проповеди, одни - эмоциональным всплеском, а многие другие - заметным изменением образа жизни и большим вниманием к молитвенной жизни. За несколько месяцев движение охватило весь край и достигло Коннектикута. Вскоре оно пошло на убыль, и через три года его необычайные проявления почти полностью исчезли. Но память осталась вместе с надеждой на его возрождение.

Вскоре после этого Новую Англию посетил Джордж Уайтфилд, и под влиянием его проповедей многие переживали опыт обращения, внешне выражавшийся в покаянии и радости. Эдварде, хотя он и был конгрегационалистом, тем не менее пригласил англиканина Уайтфилда выступить с проповедью в его церкви, и рассказывают, что во время его проповеди пастор плакал. Это придало движению пробуждения новый импульс. К нему присоединились пресвитерианские священники новой волны и другие, придерживавшиеся аналогичных взглядов. Одни проповедники следовали примеру Уайтфилда и переезжали с места на место, а многие местные пасторы различных вероисповеданий - англикане, пресвитериане и конгрегационалисты - принялись с новым рвением проповедовать со своих кафедр и добивались в своих церквах необычайного отклика. Люди плакали, каясь в грехах, кричали от радости, получив прощение, а некоторые от избытка чувств падали в обморок.

Такая реакция на проповедь побудила противников Великого пробуждения выдвинуть против его ведущих деятелей обвинение, что они подрывают торжественность богослужения, а благочестие и учебу подменяют эмоциями. Следует, однако, отметить, что многие лидеры движения не отличались особой эмоциональностью, что многие из них были учеными и что во всяком случае целью движения было не проведение служб с постоянным проявлением эмоций, а обретение раз и навсегда полученного опыта, побуждающего каждого верующего к большей преданности и к более углубленному изучению Писания. В этом можно убедиться на примере проповедей Джонатана Эдвардса. Они представляли собой не эмоциональные призывы, а доскональное и глубокое изложение богословских вопросов. Эдварде считал, что чувства играют определенную роль. Но чувства, в том числе связанные с опытом обращения, не должны мешать осознавать необходимость правильного учения и рационального богослужения. Лидеры движения Пробуждения были ортодоксальными кальвинистами. Именно приверженность к кальвинизму привела Уайтфилда к разрыву с Весли. Эдварде тоже написал весомые, обстоятельные сочинения в поддержку учения о предопределении. Но хотя на ранних этапах своего развития движение возглавлялось конгрегационалистами и пресвитерианами, в конечном счете наибольшую пользу из него извлекли баптисты и методисты.

Поначалу баптисты относились к движению неодобрительно, называя его легкомысленным и поверхностным. Но движение Пробуждения привело многих к выводам, разделявшимся баптистами. Действительно, если опыт обращения имеет в христианской жизни такое большое значение, необходимость крещения младенцев вызывает сомнения. Поэтому под влиянием движения Пробуждения с его акцентом на необходимости получить личный опыт многие конгрегационалисты и пресвитериане в конце концов отвергли практику крещения младенцев и стали баптистами. Так поступали целые церковные общины.

Великое пробуждение подтолкнуло также баптистов и методистов продвигаться к западным границам. В то время белые постоянно захватывали земли индейцев, и именно методисты и баптисты, проникнутые духом Великого пробуждения, взяли на себя задачу проповеди западным поселенцам и организации их религиозной жизни. Именно по этой причине они приобрели наибольшее влияние во вновь заселявшихся районах. Кроме того, Великое пробуждение и другие возникавшие впоследствии подобного рода движения вызывали надежды на очередное "пробуждение", ставшие характерными для значительной части североамериканского христианства.

Наконец, Великое пробуждение имело и политические последствия. Оно было первым движением, охватившим все тринадцать колоний, которые впоследствии станут Соединенными Штатами. Благодаря ему в разнородных до того времени колониях начало развиваться осознание их органичной общности. В то же время получили распространение новые идеи в отношении прав человека и природы государственного управления. Эти идеи в сочетании с осознанием общности всех колоний в конечном счете выльются в чрезвычайно важные события.

Часть третья. XIX ВЕК

ХРОНОЛОГИЯ

Папы	*События*
Климент XIV (1769-1774)	Экспедиции капитана Кука (1775-1779)
Пий VI (1775-1799)	Война за независимость, США (1775-1783)
	Изобретение паровой машины (1776)
	Восстание Тупак-Амару (1780-1 782)
	«Критика чистого разума» Канта (1781)
	Методистская рождественская конференция (1784)
	Национальное собрание, Франция (1789)
	Взятие Бастилии (1789)
	«Гражданское устройство духовенства» (1790)
	Законодательное собрание, Франция (1791)
	Национальный Конвент, Франция (1792)
	Общество частных баптистов (1792)
	Казнь Людовика XVI (1793)
	Кэри в Индии (1793)
	Террор во Франции (1793-1795)
	Лондонское миссионерское общество (1795)
	Захват Цейлона англичанами (1796)
	Начало Второго великого пробуждения (1797)
	Пий VI в плену во Франции (1798)
	Римская республика (1798)
	Консульство во Франции (1799)
	Основание Сьерра-Леоне (1799)
	Церковное миссионерское общество (1799)
	«Речи» Шлейермахера (1799)
	Пий VII (1800-1 823) Духовное пробуждение в Кейн-Ридже (1801)
	Покупка Луизианы (1803)
	Наполеон — император (1804)
	Британское и зарубежное библейское общество (1804)
	Независимость Гаити (1804)
	Англичане на мысе Доброй Надежды (1806)
	«Феноменология духа» Гегеля (1807)
	Оккупация Рима французами (1808)
	Жозеф Бонапарт — король Испании (1808)
	Независимость Мексики (1810)
	Американский совет представителей зарубежных миссий (1810)
	Независимость Парагвая и Венесуэлы (1811)
	Англо-американская война (1812-1814)
	Наполеон в России (1812)

	Реорганизация Ордена иезуитов (1814)
	Битва при Ватерлоо (1815)
	Независимость провинции Ла-Плата (1816)
	Американское библейское общество (1816)
	«Etsi longissimo» (1816)
	Перевод Евангелия от Матфея на бирманский язык (1817)
	Независимость Чили (1818)
	Джеймс Лонг в Техасе (1 819)
	Независимость Перу и Центральной Америки (1821)
	«Христианская вера» Шлейермахера (1821-1822)
Лев XII (1823-1829)	Доктрина Монро (1823)
	«Etsi iam diu» (1824)
	Независимость Боливии (1825)
	Американское общество трезвости (1826)
	Панамский конгресс (1826)
Пий VIII (1829-1830)	Отмена рабства в Мексике (1829)
	«Книга Мормона» (1830)
	«Дух позитивной философии» Конта (1830-1842)
	Григорий XVI (1831-1846) Первые поселения буров (1835)
	Техасская республика (1836)
	Отмена рабства в британских колониях в Вест-Индии (183 8)
	Опиумная война (1839-1842)
	Саравак под управлением Брука (1841-1846)
	Ливингстон в Африке(1841)
	Появление на сцене Кьеркегора (1843)
	«Очевидное предназначение» (1845)
	Раскол методистов и баптистов в вопросе о рабстве (1845)
Пий IX (1846-1878)	Американо-мексиканская война (1846-1848)
	Независимость Либерии (1847)
	Голод в Ирландии, эмиграция в США (1847)
	Вторая республика во Франции (1848)
	«Манифест коммунистической партии» (1848)
	Римская республика (1849)
	Тайпинское восстание (1850-1 864)
	Правление Кавура в Италии (1852-1861)
	Наполеон III(1852-1870)
	Догмат о непорочном зачатии Марии (1854)
	Коммодор Перри в Японии (1854)
	Холли на Гаити (1855)
	«Происхождение видов» Дарвина (1859)
	Итальянское королевство (1861)
	Гражданская война в США (1861-1865)
	Раскол пресвитериан в вопросе о рабстве(1861)

	Конгрегация восточных обрядов (1862)
	Бисмарк — канцлер (1862)
	Создание Армии спасения (1864)
	«Перечень заблуждений» (1864)
	Преследование католиков в Корее (1865)
	Китайская миссия (1865)
	1 Ватиканский собор (1869-1870)
	Догмат о непогрешимости папы (1870)
	Франко-прусская война (1870- 1871)
	Третья республика во Франции (1870-1914)
	Начало проповеднической работы Моуди (1872)
	«Наука и здоровье» Мэри Бейкер Эдди (1875)
Лев ХШ (1878-1903)	Протестантские миссионеры в Корее (1884)
	«Rerum novarum» (1891)
	Одобрение Верховным судом США политики сегрегации (1892)
	Пять фундаментальных догматов (1895)
	Испано-американская война (1898)
	Боксерское восстание в Китае (1899-1901)
	Теория психоанализа Фрейда (1900)
Пий X (1903-1914)	Духовное пробуждение на Азуза-стрит (1906)
	«Pascendi domini regis» (1907)
	Бельгийское Конго (1908)
	Библия с примечаниями Скоуфильда (1909)
	Аннексия Кореи Японией (1910)
	Методистская пятидесятническая церковь, Чили (1910)
	Всемирная миссионерская конференция в Эдинбурге (1910)
	Падение Китайской империи (1912)
	Ассамблеи Божьи (1914)
Бенедикт XV(1914-1922)	Первая мировая война (1914-1918)

Политические перспективы: Соединенные Штаты

Заканчивается XVIII век. XIX век начинается свежим утренним ветерком на юго-западе; и политический горизонт сулит нам радужные перспективы... со все громче заявляющими о себе правами человека, искоренением иерархии, предрассудков и тирании во всем мире.

ДНЕВНИК НАТАНИЭЛЯ ЭЙМСА, 31 декабря 1800 года

Последние годы XVIII века и первые годы XIX века были отмечены рядом политических изменений, потрясших Европу и западное полушарие. Главной причиной этих изменений явилось совпадение новых политических идей, о которых мы уже упоминали (глава 21), с экономическими интересами растущего класса буржуазии. Во второй половине XVIII века как в Европе, так и в западном полушарии усилились экономические позиции нового класса. Во Франции этим новым классом была буржуазия, приобретавшая все большее влияние с ростом городов, торговли и промышленности. В западном полушарии основным источником богатства были сельскохозяйственное производство и связанная с ним торговля, поэтому колонисты, имевшие землю, становились новой ростовщической аристократией. Интересы этой аристократии и европейской буржуазии сталкивались с интересами старой родовой

аристократии. Во Франции низшие классы были едины с буржуазией в своей ненависти к аристократам, в которых они видели паразитов, живущих за счет их труда. В Новом Свете низшие классы тоже поддерживали новую аристократию против старой родовой, в которой они видели иностранцев, пользующихся богатствами колоний, не понимая их чаяний и проблем. Все это привело к провозглашению независимости Соединенных Штатов, Французской революции и обретению независимости странами Латинской Америки. Каждому из этих событий и их религиозным последствиям мы посвятим по отдельной главе.

Независимость тринадцати колоний

Британские колонии в Северной Америке с самого начала пользовались определенной автономией. В Англии в XVII веке этому способствовали политические и религиозные потрясения, затруднявшие управление британским правительством своих заморских территорий. В таких условиях многие колонии создавали собственные органы управления и налаживали производство в соответствии со своими собственными потребностями, а не с интересами Англии. Однако во второй половине XVIII века британское правительство предприняло попытки более прямого управления колониями, и те резко воспротивились такому вмешательству королевских властей. Началу открытого конфликта способствовали три основных фактора. Во-первых, англичане разместили в колониях семнадцать полков. Поскольку для их защиты такой военной силы не требовалось, колонисты вполне обоснованно отнеслись к армии как к репрессивному аппарату. Во-вторых, постоянным источником трений были налоги. Королевская власть решила, что колонии должны оплачивать расходы правительства, в том числе по содержанию ненавистных полков, и с этой целью ввела серию новых налогов. Даже в Англии давно действовал принцип, согласно которому введение налогов должно утверждаться представительным органом, поэтому колонисты сочли, что они обладают такими же правами и что эти права нарушаются. В-третьих, возникли конфликты, касавшиеся индейских земель. По политическим причинам и соображениям нравственности британские власти постановили, что белые не должны более захватывать земли по ту сторону Аппалачских гор. В колониях этот закон не встретил одобрения, так как бедные белые поселенцы надеялись получить участки на ставших отныне запретными землях, а спекулянты из числа земельной аристократии уже создали компании для колонизации индейских земель.

По этим причинам отношения между колониями и метрополией становились все более напряженными. В ответ на ужесточение законов ширилось неповиновение. В 1770 году британские войска открыли огонь по толпе в Бостоне, и пять человек были убиты. Перед лицом опасности со стороны этих войск, считавшихся теперь иностранными, активизировала свою деятельность колониальная милиция, создававшая теперь собственные арсеналы. В 1775 году, когда британские войска попытались разрушить один из этих арсеналов, местная милиция оказала сопротивление - так началась Война за независимость. 4 июля 1776 года, через год с небольшим после начала военных действий, делегаты тринадцати колоний собрались на Континентальный конгресс в Филадельфии и провозгласили независимость от Британии. Франция и Испания стали союзниками нового государства, а Англия рассчитывала на поддержку многих индейских племен, опасавшихся, что независимость колоний приведет к их уничтожению, как это и произошло на самом деле. Наконец, в 1782 году было достигнуто временное соглашение, подтвержденное год спустя Парижским договором.

Эти события оказали глубокое влияние на религиозную жизнь Северной Америки. Многие связывали борьбу за независимость с рационалистической идеологией, рассматривавшей Провидение прежде всего как принцип прогресса. Сама новая нация была живым свидетельством человеческого прогресса. Этот прогресс отчасти выражался в отказе от догматической позиции традиционного христианства и принятии "естественной религии" или в лучшем случае "субстанциального христианства". Традиционные учения и обычаи христианских церквей, за исключением тех, которые могли пониматься в категориях природного разума или общепринятой морали, считались пережитками прошлого, ненужным балластом на корабле прогресса.

Такого рода идеология породила два изначально независимых, но затем тесно сблизившихся движения: унитарианство и универсализм. Первое возникло практически одновременно с провозглашением независимости и наибольшее распространение

получило в кругах англикан и конгрегационалистов, не желавших больше следовать традиционной ортодоксии. Церкви, вышедшие из этого движения, назвали "унитарианскими", так как они отвергали учение о Троице, но на самом деле с ортодоксией они расходились и по многим другим вопросам. Они были рационалистическими и особое значение придавали свободе и интеллектуальным возможностям человека в противоположность упору ортодоксии на божественную тайну и человеческую греховность. Наибольшим влиянием это движение пользовалось в среде торговых слоев Новой Англии. Универсализм, то есть учение, согласно которому в конце все получат спасение, незадолго до провозглашения независимости принесли в колонии британские методисты, утверждавшие, что учение о вечном осуждении представляет собой отрицание Божьей любви. После завоевания независимости в Новой Англии появилось несколько универсалистских церквей. Вскоре это движение слилось с унитарианским. В тех же кругах наибольшее число приверженцев получил "трансцендентализм". В этом движении, самым известным представителем которого был Ралф Уолдо Эмерсон, рационализм сочетался с романтизмом. Оно особо указывало на роль самопознания для понимания мироздания и его целей. Как и в случае с унитарианством, наибольшее число последователей трансцендентализм находил среди представителей высших классов, хотя в конечном счете многие его идеи проникли и в другие слои общества.

Как бы там ни было, ближайшей задачей церквей во вновь образованном государстве было решение вопроса о взаимоотношениях с Великобританией. Как и следовало ожидать, этот вопрос стал самым важным для англиканства. К англиканским епископам многие относились как к агентам королевской власти задолго до провозглашения независимости и исходя из этого противились назначению епископов в колонии. Во время борьбы за независимость среди членов церкви Англии было много роялистов, многие из которых в конце концов эмигрировали в Англию или Канаду. Наконец, в 1783 году оставшиеся в Соединенных Штатах англикане объединились в Протестантскую епископальную церковь, основной опорой которой была аристократия.

Методисты поначалу испытывали те же трудности и по тем же причинам. Весли был твердым сторонником королевской власти и призывал методистов в колониях повиноваться королевским эдиктам. После провозглашения Декларации независимости все английские методистские проповедники в колониях, за исключением Эсбери, вернулись в Великобританию. Это никоим образом не способствовало росту популярности методистов среди патриотов. Но благодаря неустанным усилиям Эсбери американский методизм начал принимать совершенно иные очертания, и появились другие проповедники. Наконец в 1784 году на "Рождественской конференции" американский методизм оформился в церковь, независимую от англиканства и от британского методизма. Было также решено, что американские методистские церкви будут возглавляться епископами.

Другие церкви следовали разными путями. Баптистское движение развивалось быстро, особенно в Виргинии и в других южных колониях, и оттуда распространилось на Теннесси и Кентукки. Конгрегационалисты, несмотря на их роль в борьбе за независимость, значительных успехов добились только на территориях, колонизованных из Новой Англии. В целом все деноминации основное внимание уделяли реорганизации применительно к изменившимся условиям и восстановлению ущерба, понесенного в результате войны.

Только что упомянутое нами слово "деноминация" выражает одну из главных отличительных особенностей христианства, выросшего из североамериканского опыта. Это слово показывает, что разные "церкви" рассматривались как "деноминации", то есть как объединения по-разному называвшихся христиан. Находясь в плюралистическом религиозном обществе, где терпимость была необходима для политического выживания, и будучи свидетелями кровопролитий, происходивших по вине догматизма в других местах, североамериканские протестанты представляли себе церковь невидимой реальностью, состоящей из всех подлинных верующих и из видимых церквей или "деноминаций" как добровольных организаций, создававшихся верующими в соответствии с их убеждениями и предпочтениями.

Практическим последствием такого представления о "церкви" и "деноминации" стало то, что крупные спорные вопросы, по которым мнения внутри североамериканского протестантизма расходились, не ограничивались разногласиями между "церквами", а

выходили за "деноминационные" границы. Такие вопросы, как рабство, теория эволюции, фундаментализм, либерализм и расовая политика, становились предметом разногласий не только внутри деноминаций, но и за рамками деноминационных разграничений.
Движение "Учеников Христа" возникло как ответ на деноминационное разделение американского христианства. Основатели движения Томас Кэмпбелл (1763-1854) и его сын Александр (1788-1866) не имели намерения основывать новую церковь или деноминацию. Они ставили целью призвать всех протестантских христиан к единству через провозглашение Евангелия в его изначальной чистоте. В Александре Кэмпбелле, ставшем лидером движения, определенный рационализм, свойственный его возрасту, сочетался с глубоким уважением к авторитету Нового Завета. Тем самым рационалистские взгляды накладывали отпечаток на его истолкование Нового Завета, но в то же время такого ревностного стремления следовать тому, что он считал Божьими заповедями, не было больше ни у кого среди рационалистов. С твердой убежденностью, что христианского единства можно добиться благодаря возврату к раннему христианству в его понимании, Кэмпбелл начал осуществление программы реформ, которая в конечном счете и в значительной степени вопреки его первоначальным намерениям привела к созданию новой деноминации, - названной "Христианская церковь (Ученики Христа)". Учитывая противоречивость взглядов самого Кэмпбелла и разного рода более поздние наслоения, в церкви "Учеников" на протяжении всей ее истории существовали рационалистское и консервативное ответвления. Но всех их отличало стремление к установлению христианского единства.

Иммиграция

Население тринадцати колоний, ставших Соединенными Штатами, состояло из иммигрантов, приехавших главным образом из Великобритании, а также из Германии и других стран Европы. Но с конца XVIII века и в течение всего XIX века в Соединенные Штаты продолжался невиданный ранее поток иммиграции из Европы. Это объяснялось отчасти положением дел в Европе - наполеоновскими войнами, социальными потрясениями в результате промышленной революции, политическими притеснениями, голодом и так далее - и отчасти наличием обширных и, как казалось, доступных земель к западу от нового государства. Одновременно работорговля наполнила Соединенные Штаты многочисленными "насильственными" иммигрантами.
Эта массовая иммиграция имела далеко идущие последствия для формирования христианства в Соединенных Штатах. Католическая церковь (составлявшая во время провозглашения независимости незначительное меньшинство) к середине XIX века стала самой крупной религиозной организацией в стране. Сначала большинство католиков по происхождению были англичанами. Позднее появились французы и немцы. Но примерно в 1846 году в Ирландии разразился голод, продолжавшийся несколько десятилетий, в результате которого ирландцы и их потомки составили большинство среди американских католиков. Это в свою очередь осложнило отношения внутри католической церкви как на национальном, так и на местном уровне. На приходском уровне каждая группа рассматривала церковь как средство сохранения своей культуры и своих традиций. На национальном уровне различные группы вели борьбу за то, чтобы церковью управляла иерархическая структура, которая понимала бы и представляла бы их. Эти трения продолжились и в XX веке и даже приобрели еще большую остроту с появлением в североамериканском католичестве новых групп - итальянцы, поляки и некоторые другие попали туда в ходе иммиграции, французы из Луизианы - после ее покупки, латиноамериканцы из Мексики и Пуэрто-Рико - в результате завоеваний. Таким образом, отличительной чертой католичества в Соединенных Штатах стало его культурное многообразие и ограничение власти традиционной иерархии как следствие этого многообразия и влияния культурных традиций окружения.
Усиление католичества вызывало сильное противодействие со стороны некоторых протестантов. Уже при зарождении нового государства многие выступали против неограниченного притока католической иммиграции на том основании, что демократия несовместима с представлением католиков об иерархии власти и что поэтому увеличение их численности представляет угрозу для государства. Позднее ку-клукс-клан развязал кампанию ксенофобского фанатизма, направленную не только против

чернокожих, но также против католиков и евреев под тем предлогом, что Соединенные Штаты должны быть белой, протестантской и демократической страной и что эти три понятия неразделимы. Когда папа Пий IX в 1864 году осудил список из восьмидесяти "заблуждений" (см. главу 29), в который входили некоторые фундаментальные положения американской демократии, многие в Соединенных Штатах, и среди консерваторов, и среди либералов, сочли это подтверждением своих худших опасений относительно политических целей католической церкви. Пройдет еще почти целое столетие, прежде чем страна будет готова доверять католикам высшие государственные должности.

Лютеранство тоже быстро росло за счет иммиграции. Поначалу большинство лютеранских иммигрантов были немцами, но затем появилось много скандинавов. Каждая из этих групп принесла свои традиции, и в течение долгого времени основным пунктом программы американского лютеранства было объединение различных лютеранских организаций. Благодаря иммиграции росли и другие религиозные группы - меннониты, моравские братья, греческие и русские православные, иудеи. Такое разнообразие делало еще более необходимым сохранение традиции веротерпимости, заложенной несколько веков назад в Род-Айленде и Пенсильвании.

Многие иммигранты несли с собой идеал религиозного братства, и в американской глубинке проводилось множество экспериментов общинной жизни. С самого начала одной из целей, влекущих европейцев в колонии Северной Америки, было создание нового общества на новой земле. Пилигримы "Мэйфлауэра" были лишь первыми из тысяч других с подобными мечтами. Европейские иммигранты и уроженцы Соединенных Штатов шли на запад в поиске территорий для создания идеальных общин. Моравские братья основали в Пенсильвании поселения, существующие до сих пор. Подобные эксперименты проводились также меннонитами и другими анабаптистами, искавшими место, где они могли бы свободно исповедовать свои пацифистские убеждения. Немецкие пиетисты основали общину Евфрата, тоже в Пенсильвании. Были и другие общины поблизости и в Огайо. Характерной чертой многих поселений была общность имущества. В 1846 году в общине Онейда дошли даже до того, что установили принцип "комплексного брака", то есть каждый взрослый вступил в брак со всеми лицами противоположного пола.

Одним из самых удивительных среди этих движений было движение шейкеров, возглавлявшееся Анной Ли Стэнли - матерью Анной Ли. Какое-то время они рассчитывали исповедовать свою веру в родной Англии, но неприятие их обществом вынудило их эмигрировать в Америку. На новой родине, возможно по примеру окружавших их групп, они избрали общинную жизнь. Мать Анна Ли провозгласила себя Христом во втором пришествии, явившемся теперь в женском обличье, как раньше Он явился в мужском. В конце спасены будут все, и нынешнее сообщество верующих лишь играет роль провозвестника этого конечного спасения. Тем временем верующие должны воздерживаться от половой жизни - корня всякого зла. Одной из отличительных особенностей шейкерских богослужений была важная роль, отводившаяся танцам. Движение преуспевало в течение нескольких десятилетий, и было создано несколько общин шейкеров. Их опыт общинной жизни развивался вполне успешно, так как условия в общинах шейкеров были обычно более благоприятными, чем в других. Но в конечном счете движение ослабло из-за недостатка обращенных в последующих поколениях.

Второе великое пробуждение

В конце XVIII века в Новой Англии началось Второе великое пробуждение. Оно не отличалось большими эмоциональными всплесками и характеризовалось скорее внезапным осознанием необходимости благочестия в христианской жизни. Значительно повысилась посещаемость богослужений, и многие говорили о том, что пережили опыт обращения. Вначале это пробуждение не имело также "антиинтеллектуального" подтекста, характерного для прежних аналогичных движений. Напротив, оно получило поддержку некоторых выдающихся богословов Новой Англии, и одним из его наиболее видных сторонников был ректор Йельского университета и внук Джонатана Эдвардса Тимоти Дуайт.

На этой первой фазе пробуждения были созданы несколько обществ, ставивших целью распространение евангельских знаний. Самыми значительными среди них стали

Американское библейское общество, основанное в 1816 году, и Американский совет представителей зарубежных миссий, основанный шестью годами ранее. Последний появился на свет в результате договоренности между студентами, собравшимися в поле на стоге сена и поклявшимися посвятить себя работе с зарубежными миссиями. Когда Адонирам Джадсон, один из первых миссионеров, отправленных на работу Американским советом, стал баптистом, многие баптисты в Соединенных Штатах отказались от своих крайних конгрегационалистских взглядов и заключили соглашение о поддержке работы баптистских миссионеров во всем мире. В местных церквах появились женские миссионерские общества, некоторые из которых впоследствии превратились в различные женские организации. Другие общества, созданные во время Второго пробуждения, занимались разного рода социальными вопросами, такими как отмена рабства (Американское колонизационное общество, к которому мы вернемся ниже) или антиалкогольная кампания (Американское общество трезвости, основанное в 1826 году). В последнем случае активными участниками движения были женщины - во второй половине века под руководством Франсис Уиллард Женский христианский союз трезвости стал основным защитником прав женщин. Таким образом, корни американского феминистского движения можно найти во Втором великом пробуждении.

Тем временем движение пробуждения вышло за пределы Новой Англии и за рамки образованной элиты и широко распространилось среди менее образованных и менее зажиточных людей. Многие из них двигались на запад, так как одним из результатов Войны за независимость стало согласие европейских держав на расширение Соединенных Штатов до реки Миссисипи. Многие из тех, кто шли на запад, несли с собой пламенную веру, вспыхнувшую под влиянием Второго пробуждения. Но условия в приграничных районах были иными, поэтому движение пробуждения отмечалось там большей эмоциональностью и меньшей интеллектуальностью, а в конце концов стало даже антиинтеллектуальным.

Важным этапом в этом процессе была кампания духовного пробуждения в Кейн-Ридже, штат Кентукки, в 1801 году. Организовал ее местный пресвитерианский пастор, пригласивший всех собраться под открытым небом для обретения более глубокой веры. В назначенный день пришли тысячи людей. В этих местах, где возможностей для организации собраний и празднований было мало, призыв пастора имел огромный успех. Многие пришли в Кейн-Ридж по религиозным соображениям. Другие воспользовались случаем, чтобы развлечься и выпить. Кроме пастора, от которого исходило приглашение, присутствовало несколько баптистских и методистских проповедников. В то время как одни играли, а другие пили, пасторы проповедовали. Один из критиков пробуждения впоследствии заявил, что в Кейн-Ридже столько же душ было зачато, сколько спасено. Как бы там ни было, ответ на призыв покаяться был поразительным и ошеломляющим. Одни плакали, другие безудержно смеялись, третьи тряслись или бегали взад-вперед, а некоторые даже лаяли. Собрание продолжалось неделю, и с этого времени многие пришли к убеждению, что такие встречи - наилучший способ евангельской проповеди. С тех пор слова "евангелизация" и "духовное пробуждение" стали вызывать в памяти события в Кейн-Ридже.

Инициатором собрания в Кейн-Ридже выступил пресвитерианин, но эта конфессия неодобрительно относилась к необузданному выражению чувств, становившемуся частью движения. Вскоре пресвитериане начали принимать меры против служителей, участвующих в собраниях, подобных тому, которое прошло в Кейн-Ридже. Методисты же и баптисты подхватили идею проведения собраний под открытым небом и превратили их в периодические "евангелизационные кампании". Такие собрания стали важной частью общественной жизни на границе, поэтому ряды методистов и баптистов быстро пополнялись. Еще одной причиной роста их численности было то, что они доносили послание в самой простой форме и использовали проповедников, почти или совсем не имеющих образования. Тогда как у других конфессий не хватало служителей для работы на границе, поскольку от них требовался определенный образовательный уровень, методисты и баптисты были готовы использовать любого, кто чувствовал призвание от Господа. Передовым отрядом методистов были проповедники из числа мирян, многие из которых обслуживали целый "округ" под наблюдением общей "сети" и ее епископов. Баптисты использовали фермеров и других людей, зарабатывавших на жизнь своим трудом и одновременно служивших пасторами в местных церквах. При заселении новых земель среди поселенцев обычно находился преданный баптист,

готовый проводить проповедническое служение. Вследствие этого методисты и баптисты завоевали твердые позиции на новых территориях и к середине века стали самыми крупными протестантскими конфессиями в стране.
Другим важным последствием Второго великого пробуждения стало то, что оно развеяло представления о неразрывной связи между этническим происхождением и принадлежностью к определенной религиозной конфессии. Ряды баптистов и методистов пополнялись бывшими немецкими лютеранами, бывшими шотландскими пресвитерианами и бывшими ирландскими католиками. Хотя в целом конфессиональная принадлежность продолжала совпадать с этнической, после Второго великого пробуждения уже нельзя было считать это само собой разумеющимся, особенно на западной границе.

Очевидное предназначение и война с Мексикой

Со времени приплытия первых пилигримов на "Мэйфлауэре" повсеместно распространилось представление о том, что британские колонии в Новом Свете создаются с Божьей помощью для исполнения провиденциальной миссии. Лидеры борьбы за независимость говорили о новом эксперименте, ведущем человечество по пути прогресса и свободы. Иммигранты последующих волн считали Соединенные Штаты обетованной землей свободы и изобилия. Такие представления часто сочетались с убежденностью в превосходстве протестантизма над католичеством, к которому относились как к препятствию на пути свободы и прогресса. Англия с самого начала чувствовала угрозу для своих колоний со стороны испанских католиков с юга и французских католиков с севера и рассматривала эти колонии как цитадель протестантизма в Новом Свете. Все это дополнялось расистскими представлениями о превосходстве белых, дававшем право отбирать земли у индейцев и свободу у чернокожих.
Эти идеи недвусмысленно отражены в словах "очевидное предназначение", запущенных в оборот в 1845 году. В 1823 году президент Джеймс Монро провозгласил свою знаменитую доктрину, гласившую, что Соединенные Штаты не будут поддерживать новые европейские предприятия в западном полушарии, с которым со всей очевидностью связана судьба нового государства. Примерно в то же время посол Мексики в Соединенных Штатах отметил, что многие в разговорах с ним утверждают, что в результате войн за независимость в американских колониях Испании большая часть континента будет принадлежать Соединенным Штатам. Выражение "очевидное предназначение", вошедшее в обиход в 1845 году, сперва имело вполне конкретный смысл и подразумевало экспансию на запад по направлению к Тихому океану путем захвата Орегона, права на который предъявляла Великобритания, и всех мексиканских земель, расположенных к западу от Соединенных Штатов. Вопрос об Орегоне удалось решить путем переговоров, после чего от Тихого океана Соединенные Штаты отделяли только мексиканские территории.
Американский экспансионизм сыграл значительную роль еще раньше в Техасе. В эту заброшенную часть мексиканского штата Коахила в 1819 году вторгся авантюрист Джеймс Лонг, разбитый мексиканской армией. Дабы удержать от повторения подобных попыток других, Мексика разрешила жителям Соединенных Штатов селиться в Техасе при условии, что ими будут католики, присягнувшие на верность Мексике. В результате хлынула волна иммигрантов, готовых отказаться от своей веры, лишь бы стать землевладельцами, которые, будучи номинально мексиканцами, считали себя в расовом отношении, безусловно, выше метисов - людей со смешанной индейской и европейской кровью, - управлявших провинцией от имени мексиканского правительства. Один из этих иммигрантов, Стивен Остин, впоследствии заявил: "Я пятнадцать лет работал как раб ради американизации Техаса". И добавил, что его врагами были "индейцы, мексиканцы и ренегаты - смесь из естественных врагов белого человека и цивилизации"[19].
Еще больше осложнил дело вопрос о рабстве. Мексика отменила рабство в 1829 году, и в ответ на это иммигранты в Техасе, чье благосостояние основывалось в основном на рабском труде, начали плести интриги с целью отделить эту территорию от Мексики и присоединить ее к Соединенным Штатам. Эти сепаратистские происки получали поддержку в Соединенных Штатах со стороны тех, кто начал опасаться аболиционистского движения и видел в Техасе возможного союзника. Другие же,

будучи сторонниками этого движения, надеялись обогатиться за счет спекуляции землями, которые мексиканцы будут вынуждены отдать. Дело дошло до того, что американский посол в Мексике попытался дать взятку в размере двухсот тысяч долларов влиятельному мексиканскому чиновнику за поддержку идеи продать Техас.
В конце концов началась война. Мексиканская армия была более многочисленной, но техасские повстанцы - иммигранты из Соединенных Штатов и недовольные мексиканцы - были лучше вооружены артиллерией и винтовками с дальностью стрельбы, втрое превышавшей радиус действия мексиканских мушкетов. В миссии Эль-Аламо, около города Сан-Антонио, около двухсот повстанцев оказывали сопротивление целой мексиканской армии. После ожесточенного сражения оставшиеся в живых сдались и были расстреляны мексиканцами. Слова "помни об Аламо" стали боевым кличем повстанцев и использовались в Соединенных Штатах при сборе средств и вербовке добровольцев. Более многочисленная мексиканская армия нанесла несколько поражений повстанцам, но в 1836 году Сэм Хьюстон захватил врасплох мексиканский штаб и взял в плен президента Сайта Анну, купившего свободу ценой согласия на предоставление независимости Техасской республике. Мексиканское правительство тоже согласилось при условии, что Техас останется независимым и не будет аннексирован Соединенными Штатами, которые приняли это условие.
Но экспансию Соединенных Штатов нельзя было остановить клочком бумаги. В 1844 году президентом избрали Джеймса Полка, то есть представителя сил, которые считали, что страна должна продолжить экспансию на запад. Еще до приведения нового президента к присяге Техас был включен в состав Соединенных Штатов совместной резолюцией Конгресса. В следующем году появилось выражение "очевидное предназначение". Это предназначение (и стоявшие за ним мощные экономические интересы) требовало завоевания северных мексиканских территорий. Однако в Соединенных Штатах было еще много противников такой экспансии, согласных со словами Джона Куинси Адамса, сказавшего перед палатой представителей, что в войне с Мексикой "знаменами свободы будут знамена Мексики, а вашими знаменами, мне стыдно за это слово, будут знамена рабства"[20]. Поэтому было необходимо, чтобы первый выстрел сделали мексиканцы, и Полк отправил генерала Захарию Тейлора на спорную с Мексикой территорию. Много лет спустя Улисс Грант, принявший участие в этой экспедиции молодым лейтенантом, писал: "Нас отправили спровоцировать бой, и надо было, чтобы его начала Мексика"[21]. Когда мексиканская армия отказалась начать военные действия, Тейлор получил приказ продолжить движение вперед, пока он не вызовет на себя огонь. Наконец мексиканцы начали сопротивление, и Полк добился от Конгресса объявления войны. Грант был убежден, что за всеми этими событиями стояли интриги с целью увеличить число рабовладельческих штатов.
Кратковременная война закончилась подписанием в 1848 году мирного договора в Гвадалупе-Идальго, по которому в обмен на пятнадцать миллионов долларов Мексика уступила Соединенным Штатам свыше трех миллионов квадратных километров - современные штаты Нью-Мексико, Аризона, Калифорния, Юта, Невада и частично Колорадо - и признала аннексию Соединенными Штатами Техаса с границей между двумя странами по Рио-Гранде. Договор гарантировал также права мексиканцев, решивших остаться на завоеванной территории. Но эти права вскоре начали нарушаться новыми поселенцами, распоряжавшимися землей так, будто у нее не было владельцев, и дискриминация мексиканцев как низшей расы стала обычным явлением на американском юго-западе.
До 1848 года в церквах Соединенных Штатов не было единого мнения о войне и понятии "очевидного предназначения". Раздавались смелые голоса протеста против того, что считалось открытой агрессией и попыткой восстановить рабство на землях, где оно было отменено. Но после войны, когда поселенцы бросились утолять жажду по земле, церкви присоединились к движению на запад, и вскоре некоторые конфессии заговорили о "двери", открытой Богом для евангелизации мексиканцев.
Для католиков освоение этих земель имело иные последствия. Наиболее значительным стало внезапное пополнение их рядов большим числом людей, по своей культуре совершенно отличавшихся от остальных североамериканских католиков. В течение нескольких десятилетий американское католичество отказывалось признать это различие и пыталось "американизировать" своих новых членов. В 1850 году

католические церкви на юго-западе были поставлены под управление иерархов с восточного побережья, и число мексиканских священников быстро сократилось. Мексиканские историки приводят документальные свидетельства резкого контраста между прежними мексиканскими священниками, жившими среди народа и служившими бедным, и новыми, приехавшими с востока, общавшимися главным образом с англоязычными поселенцами и довольствовавшимися просто совершением мессы для обездоленных мексиканцев. Примером тому был конфликт между отцом Антонио Хосе Мартинесом, известным коренному населению под именем "священник из Таоса", и генеральным викарием Нью-Мексико Жаном Лами. Хотя Лами был французом по происхождению, он служил при диоцезе Балтиморы и был близким другом многих новых граждан этого района, в том числе Кита Карсона. Мартинес с 1824 года возглавлял семинарию в Таосе, и большинство священнослужителей в этой местности прошло подготовку у него. Он открыто отрицал принцип безбрачия, тем не менее многие называли его святым, так как всю свою жизнь он посвящал заботе о бедных. Когда Лами предписал Мартинесу и другим мексиканским служителям уделять больше внимания взиманию десятин со своей паствы и передаче их в его канцелярию, они ответили, что считают аморальным и нехристианским делом собирать деньги у бедных и отдавать их богатым. Непокорного священника и его последователей Лами отлучил от церкви, но они продолжали служить мексиканцам в качестве священников и совершать таинства, пойдя на открытый разрыв с церковной иерархией. Так продолжалось и в течение нескольких лет после смерти Мартинеса в 1867 году. Когда это движение пошло на убыль, уменьшилось и число мексиканцев, желавших посвятить себя священническому служению. Лишь в XX веке на юго-западе появился католический епископ латиноамериканского происхождения.

Рабство и Гражданская война

Вопрос о рабстве еще в колониальные времена многим не давал жить со спокойной совестью. По мере приближения независимости все чаще раздавались голоса, утверждавшие, что в рождающемся новом государстве не должно быть этого недостойного института. Однако в связи с необходимостью выступить единым фронтом против Великобритании эти голоса были заглушены, и Соединенные Штаты, называя себя землей свободы, продолжали проводить рабовладельческую политику. Некоторые конфессии открыто осудили рабство. В 1776 году квакеры изгнали из своих рядов всех, кто не хотел отказаться от рабовладения. Американские методисты, организовавшие в 1784 году рождественскую конференцию, выступив самостоятельной церковью, тоже запретили рабовладение среди своих единоверцев. Против рабства выступали и многие баптисты, хотя у них не было общенациональной организации, которая могла бы принять аналогичные меры.

Но с течением времени позиции начали меняться. Твердыми оставались только "друзья", число которых, впрочем, было на Юге весьма небольшим. Методисты и баптисты, пытаясь привлечь на свою сторону белых рабовладельцев на Юге, умерили свое неприятие рабства. К 1843 году свыше тысячи методистских служителей и проповедников имели рабов. Позиции других конфессий тоже были противоречивыми. Например, в 1818 году Генеральная ассамблея пресвитерианской церкви, заявив, что рабовладение противоречит Божьему закону, в то же время выступила против его отмены и лишила сана служителя, ратовавшего за отмену.

Поначалу антирабовладельческие настроения на Севере и на Юге были одинаково сильными. В 1817 году было основано Американское колонизационное общество, ставившее целью выкуп рабов, их освобождение и возвращение в Африку. Создание республики Либерия стало в значительной степени результатом работы Общества. Но подобные усилия не оказывали особого влияния на положение рабов в целом. Тем временем на Севере, где экономические преимущества рабовладения были менее заметными, аболиционистское движение усиливалось, тогда как на Юге, где экономическая и социальная система основывалась на рабском труде, события развивались в противоположном направлении. Вскоре многие на Юге начали проповедовать теорию, что рабство - институт, установленный Богом, и что оно приносит пользу даже чернокожим, так как благодаря ему они вырываются из языческой и нецивилизованной Африки и получают возможность услышать евангельскую весть. На Севере аболиционисты столь же страстно доказывали, что Бог

не желает рабства. Многие члены Методистской церкви начали требовать возврата к прежней позиции - осуждению рабовладения. В 1844 году, когда Генеральная методистская конференция осудила епископа Джорджии за то, что он использовал труд рабов, церковь раскололась, и в следующем году образовалась Методистская епископальная церковь Юга. Нечто подобное произошло и у баптистов - когда их миссионерское агентство отказалось признать полномочия кандидата, представленного Баптистской конвенцией Джорджии, на том основании, что у него были рабы, образовалась Южная баптистская конвенция. В 1861 году южные пресвитерии в унисон с общим расколом в стране отделились от пресвитерианской церкви и создали собственные деноминации. Эти разногласия сохранялись вплоть до XX века, когда одним из них удалось их преодолеть, а другим - нет. Единственными крупными конфессиями, пережившими бурю без внутреннего раскола, были католики и епископальные церкви.

В 1861 году страна раскололась - южные штаты отделились и создали Конфедерацию, а затем началась Гражданская война. Во время вооруженного конфликта проповедники каждой из сторон отстаивали справедливость своего дела. По окончании войны ненависть и предубежденность сохранялись, так как после периода "реконструкции", означавшего практически военную оккупацию Юга северянами, Юг превратился в экономическую колонию Севера. Белым южанам позволялось заниматься политическими и общественными делами, если это не наносило вреда экономическим интересам Севера и его капиталовложениям в регионе. Не имея возможности излить свой гнев на северян, белые южане обратили его против негритянского населения. Страх перед чернокожими раздувался и со многих южных кафедр, и когда этот страх привел к созданию ку-клукс-клана, некоторые проповедники открыто поддержали его деятельность. Такая же ненависть по отношению к Северу и страх перед ним способствовали также росту антиинтеллектуальных и консервативных тенденций в южных церквах, так как большинство крупных учебных заведений находились на Севере, и приходившие оттуда идеи воспринимались с недоверием.

Гнев и недовольство белые южане могли изливать только на чернокожих, что они и делали. Во время реконструкции северяне поставили чернокожих на ответственные должности. Это еще больше усилило враждебное отношение к ним белых южан, и как только период реконструкции закончился, они начали ограничивать права и власть чернокожих. В 1892 году Верховный суд одобрил политику сегрегации при условии, что к чернокожим будут относиться как к "отделенным", но равным. Затем последовало принятие серии "законов Джима Кроу", лишавших чернокожих права посещать общественные места, права голоса, возможности получать хорошее образование и так далее. Одновременно южные церкви для белых продолжали проповедовать расизм и следовать ему на практике. Чернокожих, которые раньше посещали эти церкви в качестве рабов, теперь заставляли выйти из них, что в свою очередь способствовало возникновению различных негритянских деноминаций. Чернокожие баптисты организовали собственные церкви, объединившиеся впоследствии в Национальной баптистской конвенции. Чернокожие методисты основали Методистскую епископальную церковь цветных, ставшую затем Христианской методистской епископальной церковью. В то же время с чернокожими на Юге начали работать северные церкви, в частности пресвитериане и методисты.

Но предубежденность и сегрегация проявлялись и на Севере. И это еще до гражданской войны привело к образованию двух негритянских церквей, сыгравших затем важную роль среди освобожденных чернокожих на Юге: Африканской методистской епископальной церкви и Африканской методистской епископальной церкви Сиона. Первая была основана Ричардом Алленом, вольноотпущенником, ставшим первым чернокожим, рукоположенным в диаконы североамериканскими методистами. Аллен организовал в Филадельфии местную церковь для чернокожих, но неоднократные конфликты с белым руководством его конфессии в конечном счете привели к отделению от белой церкви и созданию новой деноминации. Пять лет спустя, в 1821 году, аналогичные события в Нью-Йорке привели к созданию Африканской методистской епископальной церкви Сиона. Обе эти церкви сыграли важную роль среди северных чернокожих, а после Гражданской войны - и на Юге. Они проделали также значительную миссионерскую работу в Африке.

Вскоре черные церкви стали одним из главных институтов негритянского общества. Поскольку единственный относительно свободный путь к руководящим должностям открывался для чернокожих только в служении, в течение столетия большинство негритянских лидеров были пасторами. Некоторые черные церкви проповедовали смирение перед лицом существующей несправедливости в ожидании небесной награды. В других раздавались более радикальные голоса о справедливости и человеческом достоинстве чернокожих. Но все это способствовало развитию чувства самосознания и сплоченности чернокожих, которые сто лет спустя станут движущей силой борьбы за гражданские права.

От Гражданской войны до Первой мировой войны

После Гражданской войны социальные и экономические противоречия предшествовавших десятилетий еще усугубились. Юг стал еще более расистским и антиинтеллектуальным. На Севере иммиграция вызвала быстрый рост городов, и церковные структуры больше не соответствовали решению задач, связанных с этим ростом, а также притоком чернокожих, перебиравшихся на Север в поисках лучшей жизни. На Западе не ослабевало давление на индейские территории, а латиноамериканцы подвергались дискриминации.

При таком пестром разнообразии одним из факторов, способствовавших единству нации, было убеждение в том, что ей суждено сыграть провиденциальную роль в прогрессе всего человечества. Обычно эта роль понималась как расовое, религиозное и социальное превосходство, то есть превосходство белой расы, протестантской веры и демократического управления, основанное на свободном предпринимательстве. Так, в конце века генеральный секретарь Евангельского союза Джошуа Стронг заявил, что Бог готовит англосаксонскую расу к великому моменту "решающего столкновения рас". Затем эта раса, олицетворяющая "самую полную свободу, самое чистое христианство, самую высокую цивилизацию"[22], исполнит предназначенную ей Богом судьбу, лишив права на существование более слабые расы, ассимилировав другие и придав определенную форму остальным, то есть "англосаксонизирует" человечество. Примерно таких же взглядов, выраженных одним из ведущих представителей консервативного крыла американского протестантизма, придерживались в целом и лидеры либерального крыла, считавшие, что предоставление свободы выбора - величайший вклад северных народов в борьбе против тирании и католичества народов Южной Европы и что, следовательно, северные народы несут ответственность за цивилизацию "отсталых" рас во всем мире.

Однако такие представления вступали в противоречие с урбанистической реальностью в самих Соединенных Штатах, где новые иммигранты подвергались эксплуатации и жили в перенаселенных трущобах, лишенные контактов с организованным христианством, в частности с протестантизмом. Протестанты по-разному пытались решить этот вопрос. В частности, они создавали организации для служения жителям городов. Наибольших успехов в этом деле добились Ассоциация молодых христиан и Ассоциация молодых христианок, привнесенные из Англии в середине XIX века. Другим ответом протестантов на запросы нового населения стало открытие воскресных школ. В условиях, когда дома Библию уже не изучали, а библейские знания становились все более скудными, воскресные школы приобрели очень важную роль. В конце концов появились церкви, в которых занятия в воскресной школе по своему значению превосходили совершение воскресных служб. В 1872 году несколько крупных конфессий пришли к согласию относительно использования по воскресеньям определенных библейских текстов, и это стало важным шагом на пути к межконфессиональному взаимопониманию и сотрудничеству.

Другим ответом протестантизма на задачи, связанные с городским служением, стало приспособление собраний, проводившихся ранее под открытым небом, к новым условиям, и кампании "духовного пробуждения" превратились в важный элемент городской религиозной жизни. На раннем этапе этого движения главной фигурой был Дуайт Моуди, чикагский торговец обувью, которого беспокоило недостаточное участие в религиозной жизни широких масс этого большого города. Сначала он приводил людей в конгрегационалистскую церковь, членом которой состоял, но затем создал свою самостоятельную церковь. Он также участвовал в работе Ассоциации молодых христиан, где был известен своим рвением в донесении евангельской вести. В 1872

году его впервые пригласили выступить с проповедью в Лондоне, куда он приехал по делам Ассоциации молодых христиан. Результат был таким вдохновляющим, что Моуди почувствовал призвание проповедовать широким массам городского населения, что он и начал делать сначала в Англии, а затем в Соединенных Штатах. Его метод заключался в простой и эмоциональной проповеди с призывом покаяться и принять спасение, предложенное в Иисусе Христе. Он был убежден, что обращение широких масс приведет к улучшению условий жизни в городах, поэтому не особенно много говорил о предпосылках и структурах, породивших так много страданий. Но нет сомнений, что его послание и манера, в которой он его доносил, удивительным образом перекликались с нуждами городского населения. Вскоре у него появилось множество подражателей, у одних из которых это получалось лучше, а у других - хуже. Благовестив стало частью жизни американских городов.

Еще одним следствием роста городов стало появление новых деноминаций. Среди методистов как в Англии, так и в Соединенных Штатах многие полагали, что Методистская церковь отошла от некоторых основополагающих элементов учения Весли. Было ясно, что методисты постепенно переходят к работе среди среднего класса, уделяя меньше внимания бедным, особенно в городах. Поскольку на раннем этапе наибольших успехов движение добивалось именно среди таких людей, многие призывали вернуться к прежней позиции. В Англии это привело к созданию Армии спасения, организованной методистским проповедником Уильямом Бутсом и его женой Екатериной Мэнфорд, тоже ставшей проповедником, поскольку одной из отличительных черт Армии спасения было равенство полов. Предметом заботы Армии спасения было духовное и физическое благополучие городского на-
селения, и вскоре она получила известность своей работой по оказанию помощи бедным путем предоставления им питания, приюта, работы и так далее. Учитывая условия жизни в городах Соединенных Штатов, когда Армия спасения пришла туда из Англии, она нашла для себя широкое поле деятельности.

Несколько новых церковных организаций, недовольных направлением, по которому пошла Методистская церковь, родились и в самих Соединенных Штатах. Эти группы стремились вернуться к работе среди широких масс населения и к учению Весли об освящении. Благодаря вниманию к этому последнему пункту они получили коллективное название "церквей святости". Сначала существовало множество таких групп без какой-либо связи между собой. Но постепенно они объединились в несколько новых деноминаций, самой многочисленной из которых стала Церковь Назарянина, созданная в 1908 году путем слияния нескольких церквей святости. И все же основная сила движения святости заключалась в сотнях самостоятельных церквей и в церквах, объединенных в очень небольшие деноминации и разбросанных по всей стране.

Поначалу служения во многих церквах святости характеризовались излиянием "даров Духа", в частности говорением на языках, чудесами исцеления и изречением пророчеств. Затем многие церкви от этого отказались, но все эти проявления разгорелись с новой силой в 1906 году в миссии на Азуза-стрит в Лос-Анджелесе. "Пятидесятнический огонь", начавшийся с "духовного пробуждения на Азуза-стрит", охватил всю страну. На Азуза-стрит собирались как белые, так и чернокожие, поэтому движение распространилось на церкви обеих рас. Затем оно вышло за рамки учений Весли, и к нему присоединились многие баптисты и члены других конфессий. В 1914 году главный редактор одного из пятидесятнических изданий призвал провести общее собрание "верующих в крещение Духом Святым", и из этого собрания выросли Ассамблеи Божьи, основная пятидесятническая церковь Соединенных Штатов. Как Ассамблеи, так и другие пятидесятнические организации добились больших успехов среди городского населения и вскоре распространили работу на сельские районы и зарубежные страны, куда посылали многочисленных миссионеров.

Еще одной церковью, окончательно оформившейся после гражданской войны, были адвентисты седьмого дня, хотя для этого им понадобился длительный организационный процесс. В начале XIX века баптист из Вермонта Уильям Миллер, сопоставив содержание Книги Даниила с некоторыми местами Бытия и других книг Писания, пришел к заключению, что Господь вернется в 1843 году. Когда этот срок прошел, большинство последователей Миллера отошли от него. Но горстка оставшихся продолжала терпеливо ждать возвращения Господа. Движение уже почти угасло, когда появилась пророчица Эллен Хармон Уайт. К тому времени благодаря связям с

баптистами седьмого дня они начали соблюдать седьмой день недели (субботу), а не воскресенье. Миссис Уайт была прекрасным организатором. Опубликовав книгу с рассказом о своих видениях, она собрала вокруг себя остатки последователей Миллера и многих других, в конечном счете в 1868 году объединившихся. Под руководством миссис Уайт адвентисты проявляли большой интерес к медицине, диететике и миссионерской работе. Ко времени смерти миссис Уайт в 1915 году движение насчитывало тысячи приверженцев в Соединенных Штатах и в некоторых других странах.

Помимо роста городов, перед протестантизмом в Соединенных Штатах вставали и другие проблемы, наиболее сложная из которых была по своему характеру интеллектуальной. Из Европы через Атлантику прибывали не только иммигранты, но и новые идеи, ставившие под сомнение многое из того, что считалось само собой разумеющимся. Теория эволюции Дарвина противоречила рассказу о творении в Книге Бытие и вызывала большое волнение в народе. Но для богословов более серьезную проблему ставили проводившиеся в Европе критические исторические исследования. Эти исследования порождали сомнения относительно исторической достоверности некоторых - если не всех - книг Библии. В соответствии с принятой методологической предпосылкой, следовало отвергать все, что казалось необычным или сверхъестественным. В тех же академических кругах господствовал оптимизм относительно способностей человека. Благодаря эволюции и прогрессу близится день, когда люди смогут решать доселе неразрешимые проблемы и наступит эпоха радости, свободы, справедливости, мира и изобилия.

Протестантский либерализм, представлявший собой попытку подогнать христианство под эти идеи, завоевал широкую популярность среди интеллектуальной элиты Соединенных Штатов. Он не был единообразным движением, ибо само представление о "либерализме" подразумевает возможность мыслить свободно, не поддаваясь тому, что либералы называют "предрассудками". Но он был популярным направлением мысли, в котором многие видели отречение от христианской веры. В глазах сравнительно небольшого числа либеральных радикалов (называемых иногда "модернистами") христианство и Библия ненамного отличаются от прочих религий и многих других книг. Большинство либералов были преданными христианами, которых именно эта преданность побуждала дать ответ на интеллектуальный вызов, брошенный временем, в надежде сделать веру понятной для современников. Как бы там ни было, либерализм в Соединенных Штатах ограничивался в основном северо-востоком страны и ориентировался на средние и высшие классы, для которых умозрительные вопросы казались более злободневными, чем социальные условия жизни городских работников. На Юге и на Западе либерализм не пользовался особым влиянием.

Реакция не заставила себя ждать, так как многие видели в либерализме угрозу самой сути христианской веры. На уровне простого народа наибольшую полемику вызывала, по-видимому, теория эволюции, и были даже попытки решать этот вопрос в судебном порядке. Споры о том, следует ли преподавать теорию эволюции в государственных школах и как это делать, не вступая в противоречие с Писанием, продолжались до последних десятилетий XX века. Но консервативные богословы прекрасно понимали, что вопрос об эволюции - всего лишь один из примеров угрозы, которую новые идеи представляют для самого "фундамента" христианства. Вскоре слово "фундамент" стали связывать с антилиберальным течением, получившим название "фундаментализма". В 1846 году, когда это движение начало принимать конкретную форму, был создан Евангельский союз, ставивший задачей объединить всех, кто видел в либерализме отказ от веры. Но лишь в 1895 году на встрече в Ниагара-Фоле, штат Нью-Йорк, движение определило пять "фундаментальных принципов", от которых нельзя отказаться, не впадая в грех либерализма: непогрешимость Писания, божественность Иисуса, непорочное зачатие, заместительная жертва Иисуса на кресте за наши грехи, а также Его физическое воскресение и грядущее возвращение. Вскоре после этого аналогичные принципы приняла Генеральная ассамблея Пресвитерианской церкви. С этого времени в течение нескольких десятилетий большинство протестантов, особенно на Юге, были фундаменталистами.

Вместе с тем любопытно отметить, что фундаментализм, заявлявший о себе как о защитнике традиционной ортодоксии, в то же время способствовал новому истолкованию Библии. Упор на непогрешимости Библии и отвержение многих выводов

библеистов дали возможность сопоставлять тексты разных книг Писания и на этом основании разрабатывать различные схемы, показывающие и объясняющие Божьи деяния в прошлом, настоящем и будущем. Наибольшего успеха в этом добились "диспенсационалисты", предложившие несколько таких схем. Самую популярную среди них разработал Сайрус Скоуфильд, разделивший человеческую историю на семь "диспенсаций", в которых нынешняя занимает шестое место. В 1909 году вышла Библия с примечаниями Скоуфильда, выражавшая такое истолкование истории и получившая широкое распространение в фундаменталистских кругах. Таким образом, фундаментализм тесно связал себя с диспенсационализмом, хотя в деталях многие фундаменталисты расходились со Скоуфильдом.

Тем временем либерализм разрабатывал свою самую значительную теорию, получившую название "социального Евангелия". Она не выражала убеждений большинства либералов, принадлежавших к городскому среднему классу и не очень интересовавшихся положением бедняков. Но была небольшая группа либералов, посвятивших силы изучению и наглядному показу противоречия между евангельскими требованиями и нищетой, в которой жили массы городского населения. Их лидером был Вальтер Раушенбуш, преподававший историю церкви в баптистской семинарии с 1897 года вплоть до своей смерти в 1918 году. Он заявлял, что общественная и экономическая жизнь страны должна соответствовать требованиям Евангелия, и доказывал, что экономический либерализм (теория, согласно которой закона о спросе и предложении вполне достаточно для регулирования рынка) выливается в несправедливость и социальное неравенство. В таких условиях христиане должны стараться сдерживать необузданную власть нежелающего знать границ капитала и добиваться принятия законов, направленных на оказание помощи бедным и установление более справедливых отношений.

Сторонников социального Евангелия и остальных либералов объединял оптимистический взгляд на человеческие способности и возможности прогресса общества. Но тогда как другие либералы верили просто в естественный прогресс человечества и капиталистического общества, последователи социального Евангелия опасались, что так называемый прогресс будет происходить за счет бедных.

Вершины развития фундаментализм и либерализм достигли в период, когда политическое и экономическое будущее Соединенных Штатов казалось обеспеченным. Результаты войны с Мексикой, отмена рабства и итоги войны с Испанией 1898 года вселяли надежду, что Соединенные Штаты - и белая раса, руководившая страной, - поведут мир к эпохе прогресса и процветания. Затем разразилась Первая мировая война, за которой последовал период экономического кризиса. К вопросу о том, как это отразилось на христианстве в Соединенных Штатах, мы вернемся ниже.

Новые религии

Одним из самых поразительных явлений в религиозной жизни Соединенных Штатов XIX века было зарождение нескольких движений, настолько отличавшихся от традиционного христианства, что их вполне можно назвать новыми религиями. Самыми крупными среди них были мормоны, свидетели Иеговы и "христианская наука".

Основатель мормонизма Иосиф Смит в молодости выглядел неудачником. Его родители были бедными сельскими жителями, приехавшими из Вермонта в штат Нью-Йорк в надежде улучшить свое материальное положение, но так и не добившимися этого. Молодой Иосиф не был расположен к работе в поле и предпочитал искать спрятанные сокровища, утверждая при этом, что получает видения, говорящие ему, где эти сокровища можно найти. Однажды он рассказал, что явившийся ему ангел по имени Мороний передал ему золотые пластины с древними египетскими иероглифами, а также два "камня провидца", с помощью которых можно прочитать текст на пластинах. Отгородившись ширмой, Смит продиктовал перевод священных пластин людям, сидевшим по другую сторону ширмы. Результатом стала "Книга Мормона", изданная в 1830 году. Книга содержала также свидетельства нескольких человек, утверждавших, что они видели пластины, прежде чем Мороний забрал их назад.

Вскоре после выхода книги в свет у Смита появилось множество последователей. Затем к ним присоединилась целая группа людей, которые вели общинный образ жизни, и мормоны последовали их примеру. Они утверждали, что новая религия соотносится с христианством так же, как христианство соотносится с иудаизмом, то есть является его

наивысшим выражением. Тем временем Смит получал новые видения, уводившие его все дальше от ортодоксального христианства. Пробыв какое-то время в Огайо, он со своими последователями перебрался в Иллинойс, где они создали независимую общину с собственной милицией и где Смита провозгласили "Царем
Божьего царства". Но в обществе отношение к мормонам становилось все более настороженным, а когда Смит заявил о выдвижении своей кандидатуры на выборах президента Соединенных Штатов, обстановка накалилась. В конце концов разбушевавшаяся, толпа подвергла пророка и одного из его последователей суду Линча.
Руководство движением перешло к Бригему Янгу, который повел мормонов, точнее членов Церкви Иисуса Христа святых последних дней, в Юту. Там они основали независимое государство, остававшееся таковым, пока Соединенные Штаты, расширявшие свои владения на Западе, не завладели в 1850 году этой территорией. Это вызвало новые конфликты, в том числе потому, что Янг объявил о доселе державшемся в тайне видении Смита, в котором разрешалась полигамия. В 1857 году между мормонами и Соединенными Штатами началась война. Постепенно мормоны приспособились к окружающему их обществу, перестали уделять чрезмерное внимание видениям, отказались от необходимости общинной жизни, а в 1890 году официально отреклись от полигамии, хотя фактически она продолжала тайно существовать. В Юте они пользовались большим политическим влиянием, а их миссионеры распространяли идеи мормонов в других странах.
Свидетели Иеговы появились в результате прочтения Писания как книги, содержащей скрытые указания о событиях будущего и конце света. На ранних этапах движение отчасти выражало также недовольство низших классов религиозным, политическим и общественным истеблишментом. Основатель учения Чарлз Рассел заявлял, например, что тремя главными инструментами сатаны являются правительство, бизнес и церковь. Он также отрицал учения о Троице и о божественности Иисуса и утверждал, что второе пришествие произошло в 1872 году и что конец света наступит в 1914 году.
1914 год принес начало Первой мировой войны, но не Армагеддон, предсказанный Расселом, который умер два года спустя. Его сменил Джозеф Рутерфорд, более известный как "судья Рутерфорд". Именно он в 1931 году дал движению название "свидетели Иеговы", а также превратил его в крупную миссионерскую организацию и внес коррективы в учение Рассела после фиаско 1914 года.
"Христианская наука" стала в Соединенных Штатах основным выразителем давней религиозной тенденции, с которой мы неоднократно встречались в ходе нашего рассказа, когда говорили о гностицизме, манихействе, спиритуализме и так далее. В целом представители этого направления придерживаются мнения, что материальный мир либо иллюзорен, либо имеет второстепенное значение, что цель человека - жить в гармонии со всемирным Духом и что Писание надо истолковывать с помощью духовного ключа, неизвестного большинству христиан. Основательница "Христианской науки" Мэри Бейкер Эдди в молодости много болела. Она дважды выходила замуж и дважды становилась вдовой, была бедной и больной женщиной, страдала от острых болей, которые не могли облегчить даже большие дозы морфия. Наконец она обратилась к Куимби, который утверждал, что болезнь вызывается заблуждением и что для ее излечения достаточно познать истину. Исцелившись у Куимби, она стала его ученицей и апостолом. В 1875 году, через несколько лет после смерти Куимби, она опубликовала "Науку и здоровье. Ключ к Священному Писанию". В течение ее жизни книга переиздавалась 382 раза. Традиционные понятия христианской ортодоксии, такие как "Бог", "Христос", "спасение", "Троица" и так далее, миссис Эдди использовала в ней в "духовном" смысле, весьма отличающемся от общепринятого. Это напоминает нам истолкозание Писания древними гностиками, в котором такие слова, как "истина" и "жизнь", приобретали особый смысл. Она утверждала, что болезнь есть иллюзия разума, результат ошибочного восприятия и что лечить ее надо не с помощью врачей или лекарств, а посредством духовной "науки", которой пользовался Иисус и которую она теперь заново открыла. Кроме того, познание этой науки принесет счастье и процветание - в том смысле, как их понимал средний класс Соединенных Штатов.
"Церковь Христа, Ученого" (Сайентистская церковь Христа) была официально основана в 1879 году и быстро приобрела последователей по всей стране. Два года спустя Мэри Бейкер Эдди открыла в Бостоне "Метафизический колледж" для подготовки "врачей"

(не пасторов) "христианской науки". Затем она создала крайне централизованную организацию, находившуюся под ее полным контролем. Церковь в Бостоне была объявлена "материнской церковью", к которой должны принадлежать все, кто хотят быть членами "Церкви Христа, Ученого". Она также всячески ограждала движение от вероучительных отклонений. Она заявила, что второе пришествие Христа осуществилось в божественном вдохновении, с которым была написана ее книга. Дабы предотвратить появление иного варианта учения, она запретила проповеди в церквах, заменив их чтением предписанных отрывков из Библии и из своей книги. Эти тексты, отобранные и предписанные Мэри Бейкер Эдди, до сих пор читаются на службах ее последователями, поочередно мужчиной и женщиной, так как женщины всегда занимали в этом движении важное место.

Учение Мэри Бейкер Эдди сулило счастье и здоровье, тем не менее сама она последние годы жизни провела в болях и страданиях. Физическую боль удавалось облегчить все возраставшими дозами морфия, а духовно она так страдала, что постоянно нуждалась в присутствии возле себя последователей для защиты от волн "животного магнетизма" ее противников.

На этом мы заканчиваем краткий обзор развития христианства в Соединенных Штатах в первом столетии после завоевания независимости. Характерная особенность этого исторического периода - кажущаяся нескончаемой череда все новых "деноминаций" и движений, разделявших христиан, и воздействие социального и экономического порядка в Соединенных Штатах на религиозную жизнь страны. Эти и последовавшие за ними десятилетия были эпохой американской экспансии, политической и экономической, культурной и религиозной, поэтому рассмотренные нами события и тенденции оставили отпечаток и на развитии христианства во многих других частях света. К этой теме мы вернемся в главе 30.

Политические перспективы: Европа

Национальное учредительное собрание, считавшее себя гарантом суверенитета страны, решило, что оно вправе контролировать деятельность и структуры католической церкви во Франции. К тому же определенная реорганизация действительно была необходима, учитывая многочисленные злоупотребления. Высокое положение в церковной иерархии занимали почти исключительно представители аристократии, интересовавшиеся в первую очередь не работой с паствой, а извлечением личной выгоды из занимаемых должностей. Многие монастыри и аббатства превратились в центры беззаботной и роскошной жизни, а некоторые аббаты приобрели известность благодаря политическим интригам при дворе. Все это требовало реформирования. Но многие в Собрании были также убеждены, что церковь и ее вера представляют собой отголоски предрассудков прошлого и что с ними надо покончить. В момент принятия "Гражданского устройства" сторонников ликвидации церкви было еще мало, и они играли незначительную роль. Но по мере того как революция развивалась и принимала все более радикальные формы, они постепенно выходили на первый план.

"Гражданское устройство" преследовало главным образом цель реформировать церковь. Однако суть вопроса, как об этом заявляли некоторые его противники, заключалась в том, имеет ли Собрание право издавать такие законы "без переговоров с церковью". Однако оставалось неясным, с какой, в сущности, "церковью" надо вести переговоры. Кое-кто предлагал созвать собор с участием всех французских епископов. Но делегаты Собрания хорошо понимали, что такой собор подчинится любому решению церковной аристократии. Предлагалась также возможность переговоров с папой - именно такой вариант имел в виду король до утверждения принятого Собранием закона. Но это уже само по себе стало бы нарушением национального суверенитета и означало бы отказ от "галликанских свобод". Папа Пий VI написал Людовику XVI, что "Гражданское устройство" представляет собой раскольнический документ и что он никогда его не признает. Однако король, опасаясь реакции Собрания, держал это решение в тайне и пытался убедить папу изменить свою позицию. Под давлением Собрания король согласился с "Гражданским устройством", заявив при этом, что его одобрение носит условный характер и зависит от согласия папы. В конце концов Собрание просто-напросто постановило, что все лица, занимающие церковные должности, должны принести клятву верности Гражданскому уложению и что отказавшиеся от этого будут лишены сана.

В результате церковь разделилась. Теоретически отказывавшиеся принять присягу не должны были нести никакого другого наказания, кроме потери должности. На основании собственной декларации Собрания о правах человека они не могли быть лишены свободы совести, а все прихожане, которые хотели сохранить их своими священниками, были вольны это делать, с той лишь существенной разницей, что священники, давшие клятву, будут пользоваться поддержкой государства, а отказавшиеся дать клятву - поддержкой только своих последователей. На практике же отказавшихся принести присягу вскоре стали преследовать - не за их религиозные убеждения, а по подозрению в контрреволюционной деятельности.
Тем временем революционные движения набирали силу и в других частях Европы. Прежние попытки революционных выступлений в Нидерландах и Швейцарии потерпели неудачу, но монархи и знать боялись, что французская революция распространится и на другие страны. Это в свою очередь подтолкнуло французских революционеров к более крайним мерам. В 1791 году Национальное учредительное собрание сменилось Законодательным собранием, в котором умеренных голосов было гораздо меньше. Полгода спустя Франция вступила в войну с Австрией и Пруссией, и с этого времени началась долгая серия вооруженных конфликтов, не прекращавшихся вплоть до конца наполеоновских войн в 1815 году. Когда военная удача от Франции отвернулась, Собрание обратило свой гнев на короля, который явно симпатизировал иностранным монархам и аристократам. Наконец в битве при Вальми французам удалось остановить противника. На следующий день Законодательное собрание сменилось Национальным Конвентом, который на своем первом заседании отменил монархию и провозгласил республику. Четыре месяца спустя короля обвинили в государственной измене, судили, признали виновным и казнили. Но это не решило стоявшие перед страной проблемы. Французская промышленность, которой заправляла буржуазия, испытывала дополнительную нагрузку из-за войны и внутренних беспорядков, вследствие чего городская беднота влачила жалкое существование. Не лучше было положение и в деревне. Крестьяне в Вандее подняли восстание. Нарастала опасность иностранного вторжения. Все это привело к волне террора, когда в контрреволюционных чувствах подозревали каждого, и большинство ведущих деятелей революции один за другим сложили голову на гильотине.
Это сопровождалось сильным противодействием христианству, как католическому, так и протестантскому. Лидеры революции считали себя провозвестниками новой эры - эры науки и разума, которые преодолеют предрассудки и религиозную веру, представляющие собой не что иное, как результат человеческого невежества. Зарождалась новая эпоха, поэтому следовало отказаться от ни на чем не основанных верований и предрассудков прошлого. Им Французская революция противопоставила свою собственную религию, названную сначала "Культом разума", а затем "Культом высшего существа". К тому времени "Гражданское устройство духовенства" было предано забвению, ибо революция не желала иметь ничего общего с церковью. Даже календарь заменили более "разумным", в котором недели состояли из десяти дней, а месяцы получили названия, отражающие природные особенности времен года, - "термидор", "жерминаль", "фрюктидор" и так далее. Вместо религиозных праздников вводились особые церемонии, первой из которых стал торжественный перенос останков Вольтера в Пантеон Республики. Затем начали строить храмы разума, и был составлен официальный список святых, в который вошли Иисус, Сократ, Марк Аврелий и Руссо. Предписывались обряды для бракосочетания, для посвящения детей Свободе и для похорон.
Все это могло бы показаться просто смешным, если бы за этим не стояли потоки крови и страдания. Создатели новой религии были невероятно щедры в своей жестокости - гильотина не простаивала. Формально христианские службы были разрешены, но любого священника, отказывающегося присягнуть перед алтарем Свободы, могли обвинить в контрреволюционной деятельности и отправить на гильотину. Казнено было от двух до пяти тысяч священников, а также несколько десятков монахинь и бесчисленное множество мирян. Многие другие умерли в тюрьмах. В конце уже не проводилось различия между присягнувшими на верность "Гражданскому устройству", теми, кто отказался сделать это, и протестантами. Здесь следует отметить, что французский протестантизм - в прошлом "церковь пустыни" - оказался неготовым к испытанию и не смог противостоять ему с таким же мужеством, как католики. В 1795

году волна террора спала, однако официальная политика правительства продолжала оставаться антихристианской. Военные победы французов в Швейцарии, Италии и Нидерландах способствовали распространению той же политики и на эти территории. В 1798 году французы вторглись в папские земли и арестовали Пия VI, которого отправили во Францию.
В ноябре 1799 года хозяином Франции стал Наполеон Бонапарт, завоевавший с некоторых пор сильные позиции в армии. За несколько месяцев до этого во французском плену умер Пий VI. Но Наполеон был убежден, что разумному политику следует достичь примирения с католической церковью на определенных условиях, и поэтому начал переговоры с новым папой. Существует предание (не имеющее под собой, по-видимому, достаточных оснований), что Наполеон направил папе письмо, в котором выражал желание "принести ему в дар сорок миллионов французов". В 1801 году папский престол и французское правительство заключили конкордат, предусматривавший такой порядок назначения епископов и других прелатов, при котором соблюдались бы интересы как церкви, так и государства. Три года спустя Наполеон решил, что титул "первого консула" для него недостаточен, и стал "императором", коронованным на церемонии Пием VII. К тому времени он установил религиозную свободу и для протестантов. Удивительно, но все эти перипетии привели лишь к усилению власти папы над французской церковью. Раньше французские короли и епископы настаивали на своих "галликанских свободах", не допуская прямого вмешательства папы в дела французской церкви. Теперь же император предоставил папе более широкие полномочия во внутренних делах французской церкви при условии, что папские решения не будут вступать в противоречие с политикой императора.
Но это соглашение действовало недолго, так как исполнению амбициозных планов императора мешала твердая позиция папы. В результате на земли Пия VII вновь вторглись французы, взявшие его в плен. Но даже в плену папа сохранял твердость и отказывался санкционировать действия Наполеона, в частности осуждал его развод с Жозефиной. Пий оставался пленником вплоть до падения Наполеона, после чего вернулся в Рим. Там он объявил о всеобщей амнистии всех своих противников и ходатайствовал за Наполеона перед победителями-англичанами.

Новая Европа

В Европе после наполеоновских войн воцарился хаос. Войны привели к падению королевских династий в Испании, Португалии, Италии, Нидерландах и Скандинавских странах. После разгрома Наполеона составлением будущей политической карты Европы занялись противостоявшие ему державы - Великобритания, Австрия, Пруссия и Россия. Францию вернули к границам 1789 года, а власть в ней передали Бурбонам, посадив на престол Людовика XVIII, брата Людовика XVI. На тронах Европы восстановили большинство монархов, свергнутых Наполеоном. Король Португалии Жуан VI, бежавший в Бразилию, не сразу возвратился в Лиссабон, а сделав это, оставил управление Бразилией в руках своего сына Педру. Нидерланды и Бельгию поставили под власть одного монарха. В Швеции корону оставили Бернадоту, одному из бывших маршалов Наполеона, проявившему себя мудрым и пользовавшимся всеобщим доверием правителем. Надеялись, что эти меры принесут мир уставшему от войн континенту. И надежды эти оказались небезосновательными - за исключением Крымской войны 1854 - 1856 годов и франко-прусской войны 1870-1871 годов, все последующие годы этого столетия были относительно мирным периодом.
Но эта стабильность была иллюзорной - в Европе все время происходили заговоры, бунты и перевороты. Одним из основных источников волнений было стремление к национальному единству итальянцев и немцев. Италия и Германия еще не добились политического единства, и в обеих этих странах росло убеждение, что настало время для объединения. Эти цели противоречили интересам Австрийской империи, в состав которой входили разнородные в культурном отношении территории, включавшие в себя обширные земли в Германии и Италии. Австрийский канцлер Меттерних создал широкую международную агентурную сеть с целью не допустить объединения Германии и Италии и подрывать в Европе разного рода либеральные и социалистические движения.

Идеи экономического либерализма (не путать с богословским либерализмом) были с восторгом подхвачены набиравшей силу торговой и капиталистической буржуазией. В основе экономического либерализма лежала теория *laissez faire,* то есть свободы действий, согласно которой для регулирования рынка и всей экономической системы вполне достаточно закона спроса и предложения. По этой теории (принятой в XX веке многими, кого можно назвать "консерваторами"), правительство не должно вмешиваться в регулирование производства или использование капитала. В то время промышленная революция затрагивала прежде всего континентальную Европу, поэтому капитал неизмеримо возрос, чему теория *laissez faire* ни в коей мере не противоречила. Что касается бедных слоев населения, считалось, что по мере роста капитала и развития промышленности их положение будет улучшаться - параллельно с укреплением экономики в целом. Такой экономический либерализм, который сегодня назвали бы консерватизмом, часто сочетался с политическим либерализмом, позицией, получившей широкое распространение благодаря введению всеобщего избирательного права (хотя обычно только для мужчин) и установлению конституционной монархии по образцу Соединенного Королевства.

Борьба между этими идеями и абсолютистскими концепциями прошлого в разных странах приводила к разным результатам. В Испании Фердинанд VII восстановил дореволюционный абсолютизм. Во Франции Людовик XVIII действовал осторожнее и правил в рамках конституционной монархии. В Германии Пруссия стала лидером движения за национальное единство, а Австрия поддерживала прежний порядок. В Италии одни выступали за объединение страны под властью Пьемонтско-Сардинского королевства, другие надеялись на провозглашение республики, а третьи полагали, что центром, вокруг которого должно строиться национальное единство, станет папство. В 1830 году Бельгия отделилась от Нидерландов, причем важную роль в этом решении сыграли религиозные чувства, так как Бельгия была католической страной, а Нидерланды - протестантской. В том же году сторонники республиканского строя попытались свергнуть французскую монархию. Своей цели они не добились, тем не менее их выступление привело к низложению Карла X - консервативного монарха, сменившего своего брата Людовика XVIII, - и возведению на престол Луи Филиппа Орлеанского, монарха вполне либеральных взглядов.

1848 год принес новые революции. Мятежи и восстания охватили Италию, Бельгию, Великобританию, Швейцарию и Францию. Швейцария получила новую конституцию. Во Франции низложили Луи Филиппа и провозгласили Вторую республику. Она существовала до 1851 года, когда Луи Наполеон, племянник к тому времени покойного императора, захватил власть и провозгласил себя императором под именем Наполеона III. Тот же год ознаменовался падением Меттерниха в Австрии. И тогда же произошло событие, которого современники практически не заметили, - Маркс и Энгельс опубликовали "Манифест коммунистический партии".

Политическая карта Италии начала меняться вскоре после того, как в 1852 году главой правительства Пьемонтского королевства стал Камилло ди Кавур. С помощью Наполеона III Кавур предпринял широкомасштабную работу по объединению Италии. Ко времени его смерти в 1861 году новое Итальянское королевство включало в себя весь полуостров, за исключением Венеции и Рима. Венеция была присоединена в 1866 году, когда Пруссия выступила против непрекращавшихся попыток Австрии помешать объединению Италии. История Рима и папских государств была более сложной. В 1849 году охватившая Европу революционная волна привела к созданию Римской республики, и папа Пий IX был вынужден обратиться к Наполеону III с просьбой восстановить его на папском престоле. При покровительстве Франции папскому государству удавалось сохранять находившую-
ся под постоянной угрозой независимость. Наконец, во время войны между Францией и Германией в 1870 году король Италии Виктор-Эммануил захватил Рим и тем самым завершил объединение полуострова. Затем король предложил папе, помимо гарантированного годового дохода, три резиденции со статусом независимой территории - Ватикан, Латеранский и Кастель-Гандольфо. Но Пий IX отказался, и последующие годы отличались неизменно напряженными отношениями между Ватиканом и итальянским правительством. Лишь в 1929 году папство смирилось с потерей своих обширных владений и заключило соглашение, подобное тому, которое предлагал Виктор-Эммануил.

В то время, когда все эти события происходили в Италии, наиболее яркой фигурой в Германии был Отто фон Бисмарк, ставший в 1862 году канцлером Пруссии. Его величайшее достижение заключалось в исключении Австрии из Германского союза и объединении затем этого союза в единое государство. После десяти лет умелых дипломатических маневров и успешных военных кампаний, кульминацией которых стала франко-прусская война 1870-1871 годов, Германия объединилась под властью короля Пруссии Вильгельма I. В религиозной сфере Бисмарк проводил политику, направленную против католичества. Это была религия большинства в Австрии, поэтому прусский канцлер опасался, что католики на его собственных территориях будут симпатизировать австрийцам. Кроме того, проводившаяся им внешняя политика требовала поддержки объединения Италии, которому противилась Австрия, поэтому ему очень мешали находившиеся под его властью католики, требовавшие вмешательства Пруссии для возвращения папе папских земель. Но самое главное, он считал католичество обскурантистской религией и полагал, что либеральный протестантизм лучше подходит для выполнения великой исторической миссии, которая вскоре будет возложена на Германию. По этим и другим причинам Бисмарк принял в отношении католичества ряд мер. Германия разорвала дипломатические отношения с папством, из страны были изгнаны несколько монашеских орденов, традиционные субсидии церкви были сокращены. В 1880 году по соображениям политической целесообразности Бисмарк внес в эту политику некоторые коррективы и восстановил отношения с папским престолом. Тем не менее такие конфликты стали одним из факторов, приведших Пия IX (который был папой с 1846 по 1878) к убеждению о неизбежном противоречии между целями католической церкви и современными представлениями о государстве. К этому вопросу мы вернемся в главе 29.

Помимо развития богословской мысли и миссионерской деятельности, о которых мы поговорим в главах 28 и 30, основные события в европейском протестантизме XIX века были связаны со все усугублявшимся разделением между церковью и государством. После Реформации XVI века в странах, где победу одержал протестантизм, новая церковь поддерживала с государством такие же отношения, как и католическая. Но Французская революция привела к изменению положения дел. В Нидерландах, например, союз между государством и реформатской церковью нарушился, когда французы вторглись в страну и создали "Батавскую республику", а после реставрации связь между церковью и государством уже не была такой прочной, как раньше. В Германии стремление к национальному единству привело к отмене многих законов, направленных на поддержание религиозного единообразия. Аналогичные последствия политический и экономический либерализм имел во всей Европе. Это в свою очередь способствовало росту "свободных церквей", то есть тех, к которым человек принадлежит по собственному выбору и которые поддерживает пожертвованиями, в отличие от государственных церквей, получающих субсидии от государства. В Германии и в Северной Европе широкое распространение получили методистское и баптистское движения. Даже в связанных с правительством лютеранских и реформатских церквах большим весом пользовался пиетизм. Пиетистское движение способствовало образованию нескольких миссионерских обществ, а также организаций, ставивших целью борьбу с общественными пороками в самой Европе. В Германии и в других северных странах большую заботу о больных, престарелых и нищих проявляли "диаконисы" и их общества. В Дании лютеранский деятель Николай Фредерик Северин Грундтвиг пытался облегчить положение сельской бедноты созданием кооперативной собственности. В целом отсутствие государственной поддержки придавало новый импульс ревностному служению многих протестантов в Европе, побуждая их принимать участие в самых разных направлениях церковной работы.

Развитие событий в Великобритании

В XIX веке Великобритания следовала параллельным с континентальной Европой курсом. На ней тоже отразилась промышленная революция, но произошла она гораздо раньше и ее последствия были даже более ощутимыми. Пользу эта революция принесла среднему классу, тогда как бедные слои населения и старая аристократия от нее пострадали. Быстрый рост городов вследствие развития производства и увеличения товарооборота приводил к появлению перенаселенных трущоб, и бедняки жили и работали в условиях нищеты и эксплуатации. В то же время большое влияние

приобрела теория экономического и политического либерализма, что привело к повышению роли палаты общин в ущерб палате лордов. Одним из результатов такого положения дел стала массовая волна эмиграции в Соединенные Штаты, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку. Другим было возникновение рабочего движения, добившегося в течение столетия огромных успехов, - в начале века профсоюзы были запрещены законом, а в конце лейбористская партия стала политической силой. Именно в Англии Карл Маркс, размышляя о положении лондонского пролетариата, разработал многие свои экономические теории.

Все это оказало влияние и на церковь. В начале Французской революции церкви Англии были присущи многие пороки, характерные для худших времен средневековой церкви: абсентеизм, плюрализм и использование церковных должностей для достижения личных и семейных целей. Но в течение XIX века Церковь Англии пережила процесс существенного обновления. При поддержке реформаторских законов, принимавшихся правительством, на первый план вышли люди, стремившиеся сделать церковь более последовательной в выполнении своего предназначения. Одни из этих реформаторов принадлежали к "евангельскому" крылу англиканства, группе, глубокое влияние на которую оказывал пиетизм континентальной Европы и которая хотела приблизить Церковь Англии к основному потоку протестантизма. Другие, особенно члены Оксфордского движения, занимали противоположную позицию и получили название "англокатоликов". Оксфордское движение упор делало на авторитете предания, апостольской преемственности и центральном положении евхаристии в христианском служении. Один из его лидеров, Джон Генри Ньюмен, обратился в католичество и в конце концов стал кардиналом, хотя консервативные католики никогда ему особенно не доверяли. Но большинство членов движения оставались в Церкви Англии и способствовали обновлению ее служения. Еще одним результатом деятельности движения стало возрождение в церкви Англии монашества, и вскоре англиканские монахи и монахини занялись работой по оказанию помощи бедным и больным.

Однако наибольшую жизненную силу в Англии XIX века демонстрировали диссидентские церкви. Развитие среднего класса привело к росту числа их членов. Повышение влияния методистов, баптистов и конгрегационалистов выражалось не только в их численном росте, но и в созданных ими многочисленных обществах для помощи нуждающимся, для борьбы с наиболее вопиющими социальными пороками и для донесения Евангелия до мира. Чтобы дойти до бедных и невежественных масс народа, диссидентские церкви открывали воскресные школы, получившие впоследствии у протестантов всеобщее распространение. Были созданы Ассоциация молодых христиан и Ассоциация молодых христианок. Появились и совершенно самостоятельные организации, в частности Армия спасения, основанная в 1864 году для работы с бедным и не посещающим церковь городским населением.

Все эти группы, как и евангельское крыло англиканства, демонстрировали глубокую озабоченность социальными болезнями того времени. Поддержка и моральное стимулирование со стороны методистов, квакеров и других движений стали важными факторами, способствовавшими созданию профсоюзов, проведению тюремной реформы и принятию законов об использовании детского труда. Но самым значительным достижением британских христиан в XIX веке стала отмена рабства в большей части западного мира. Квакеры и методисты осуждали рабство еще много лет назад. Но только в XIX веке благодаря усилиям Уильяма Уилберфорса и других преданных христиан британское правительство приняло меры по искоренению рабства. В 1806 и 1811 годах парламент принял законы, запрещавшие работорговлю. В 1833 году получили свободу все рабы в британских колониях Карибского бассейна, а затем аналогичные законы были приняты и в отношении других колоний. Одновременно велись переговоры с другими странами о подписании договоров, запрещающих работорговлю. Когда такие договоры были подписаны, британский флот получил приказ следить за их исполнением. Вскоре после этого рабство отменили большинство западных стран.

Подводя итоги, можно сказать, что в XIX веке в Европе произошли большие политические и экономические изменения. В целом эти изменения ощутимее сказались на католичестве, чем на протестантизме. Поэтому XIX век стал для католичества периодом противоборства с современными идеями, в которых оно видело угрозу.

Протестантам же XIX век принес новые возможности. Положение в мире протестантских держав, таких как Великобритания и Германия, упрочилось. Политический и экономический либерализм был тесно связан с протестантизмом и рассматривался его приверженцами как вызов будущего изжившему себя и авторитарному католичеству. Протестанты взяли на себя ведущую роль в борьбе с пороками общества, прежде всего в движении за отмену рабства. Вследствие этого католичество начало относиться к будущему с крайней настороженностью (см. главу 29), а многие протестанты с неоправданным оптимизмом (как мы увидим в главе 28).

Политические перспективы: Латинская Америка

Преемники св. Павла всегда были нашими отцами, однако война сделала нас сиротами, подобными потерявшемуся агнцу, тщетно взывающему к своей матери. Сейчас нежная мать нашла его и вернула в стадо, а мы получили пастырей, достойных церкви и республики.
СИМОН БОЛИВАР

Рождение новых народов и государств

Политические потрясения в Европе и в британских колониях Северной Америки отражались и на Латинской Америке. В испанских и португальских колониях давно сложились напряженные отношения между недавними переселенцами из Европы, которых называли *пиренейцами,* и потомками первых иммигрантов - *креолами.* Эксплуатация труда индейцев и рабов сделала *креолов* относительно зажиточным социальным слоем, лучше *пиренейцев* понимавшим положение дел в колониях и посему претендовавшим на участие в управлении ими. Однако на все важные должности - как гражданские, так и церковные - назначали в Европе, поэтому такие посты, как правило, занимали обычно приезжие островитяне, многие из которых до получения назначения на руководящие должности в Новом Свете никогда раньше не видели этих земель. *Креолы,* забывая с пользой для себя о тяжком труде индейцев и чернокожих рабов, считали, что благосостояние колоний создано их усилиями, и были недовольны полученной *пиренейцами* властью. Оставаясь пока верными подданными короны, они тем не менее порицали многие законы, дававшие преимущества метрополии в ущерб колониям. Поскольку многие из них располагали достаточными средствами, они часто посещали Европу и возвращались оттуда с распространившимися на этом континенте республиканскими идеями. Таким образом, в Латинской Америке *креолы* играли роль, аналогичную роли буржуазии во Франции.
В 1808 году Наполеон сверг с престола короля Испании Фердинанда VII и на его место короновал своего брата Жозефа Бонапарта. Центр испанского сопротивления узурпатору находился в Кадисе, откуда "хунта", или совет, правила от имени свергнутого короля. Наполеон заявил, что все испанские колонии должны отныне подчиняться королю Жозефу, но у него не было возможности провести свое решение в жизнь, и в Новом Свете были созданы местные хунты. *Пиренейцы* в колониях настаивали, чтобы все эти хунты подчинились власти правительства в Кадисе, а *креолы* предпочитали независимые хунты, и их точка зрения возобладала. Таким образом, в колониях возникло самоуправление, хотя пока что от имени короля. В 1814 году после разгрома Наполеона на престол вернулся Фердинанд VII. Но вместо того чтобы выказать благодарность тем, кто сохранил ему его колонии, он принялся разрушать все, что сделали эти относительно умеренные хунты. В самой Испании он отменил принятую хунтой в Кадисе конституцию, но реакция была столь враждебной, что в 1820 году он был вынужден восстановить ее. Такие же меры, предпринимавшиеся в колониях, еще больше усилили недовольство *креолов* испанской политикой, и вскоре против короля восстали даже те, кто до того были надежными и верными защитниками королевского наследия. В провинции Ла-Плата (теперешних Аргентине, Парагвае и Уругвае) хунта просто-напросто продолжила управлять страной, пока в 1816 году не была провозглашена независимость. Три года спустя Парагвай объявил о своей независимости как от Испании, так и от Ла-Платы. В 1828 году отделился Уругвай, тоже ставший независимым государством. Тем временем Хосе де Сан-Мартин перешел Анды и захватил Чили. В 1818 году была провозглашена независимость и этой страны. Пока эти события разворачивались на юге, севернее Симон Боливар создал армию, которая разгромила испанцев и провозгласила независимость Большой Колумбии (ныне

Колумбия, Венесуэла и Панама). Затем к Большой Колумбии присоединился Эквадор, и Боливар пошел на юг, где независимость получило также Перу (ныне Перу и Боливия).
Боливар мечтал создать республику, в состав которой вошла бы большая часть континента. Но эти мечты быстро развеялись. Большая Колумбия раскололась на Венесуэлу, Колумбию и Эквадор. В Перу район "высокого Перу" настаивал на независимости и в конечном счете стал Боливарской республикой - ныне Боливией. Последние надежды Боливара на создание континентальной конфедерации рухнули после Панамского конгресса в 1826 году, когда стало ясно, что сепаратистские настроения, а также интересы Соединенных Штатов препятствуют тесному сотрудничеству между новыми странами. Пять лет спустя, за несколько дней до смерти. Боливар высказал свое мнение по этому вопросу: "Америка неуправляема. Революционеры пахали море"[23].
В Мексике события развивались иначе. *Креолы* составили заговор с целью захвата власти у испанцев, и когда он был раскрыт, один из его организаторов, отец Мигель Идалъго-и-Костилья, решил начать действовать, пока его не арестуют 16 сентября 1810 года он провозгласил независимость Мексики и вскоре встал во главе неорганизованной армии из шестидесяти тысяч индейцев и *метисов* - людей смешанной индейской и испанской крови. Когда Идальго схватили и казнили, его сменил священник-*метис* Хосе Мария Морелос. Таким образом, новое государство с самого начала пользовалось поддержкой индейцев и *метисов с* их активным участием в его делах. На какое-то время *креолы* вернули власть, сосредоточив ее исключительно в своих руках, но затем под руководством Бенито Хуареса положение выправилось. Итак, индейцы и *метисы* играли важную роль в политической истории Мексики. Центральная Америка, изначально входившая в состав Мексики, провозгласила независимость в 1821 году, а затем разделилась на Гватемалу, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рику. (Панама сначала не входила в состав Центральной Америки. Она принадлежала Колумбии до 1903 года, когда Соединенные Штаты добились ее независимости, дабы избежать выполнения условий, которые Колумбия ставила для строительства канала.)
Бразилия тоже добилась независимости в результате наполеоновских войн. В 1807 году португальский двор, бежавший от наполеоновских армий, нашел прибежище в Бразилии. В 1816 году короля Жуана VI восстановили на престоле в Лиссабоне, но он не выказывал особого желания вернуться в Португалию, пока в 1821 году его не принудили к тому политические обстоятельства. Регентом в Бразилии он оставил своего сына Педру, который затем отказался вернуться в Португалию, провозгласил независимость Бразилии и был коронован императором Педру I Бразильским. В 1825 году Португалия признала независимость своей бывшей колонии. Однако Педру I не дали возможности править по своему усмотрению и принудили его согласиться с парламентской формой управления. В 1889 году, после отречения его сына Педру II, была провозглашена республика.
Независимость Гаити стала прямым результатом Французской революции. Как только Французская революция лишила белых военной поддержки, чернокожие, составлявшие подавляющее большинство населения, взбунтовались. Независимость была провозглашена в 1804 году и признана Францией в 1825 году. Соединенные Штаты не признавали ее до 1862 года, так как рабовладельческие государства боялись примера стран, образовавшихся в результате восстания рабов.
При рассмотрении всех этих событий в целом можно выделить несколько общих черт. Исходившие из Франции и Соединенных Штатов революционные идеи создавали идеологические предпосылки для развития революционных движений и борьбы за независимость в Латинской Америке. Однако эти революции обычно заканчивались сосредоточением власти в руках *креолов* - или, как в Гаити, в руках военной верхушки, - которых очень мало беспокоили чаяния широких масс населения. Обширные земельные пространства продолжали принадлежать немногим крупным землевладельцам, в то время как большинство населения оставалось безземельным. К середине XIX века широкое развитие в экономике получили использование зарубежного капитала и экспорт сельскохозяйственной продукции. Это в свою очередь обернулось образованием еще более крупных земельных владений и слиянием интересов землевладельцев-креолов с интересами зарубежного капитала. Кроме того, в городах появился средний класс, состоявший из купцов и государственных служащих, который не обладал большой властью, но интересы которого были тесно связаны с

происходившим экокомическим процессом. Многие надеялись и неоднократно заявляли, что развитие торговли, промышленного производства и образования в конечном счете принесет пользу всем классам общества, ибо даже самые бедные получат доступ к накапливавшемуся богатству. Но поскольку экономический прогресс требовал дисциплины и порядка, поэтому существование диктаторских режимов казалось оправданным.
В XIX веке основные идеологические споры в Латинской Америке велись между "либералами" и "консерваторами". В целом лидеры обеих групп принадлежали к высшему классу. Но в то время как консерваторы опирались на землевладельческую аристократию, либералы пользовались поддержкой торговцев и интеллигенции в городах. Консерваторы боялись таких понятий, как свободомыслие и свободное предпринимательство. Либералы же защищали их, поскольку они были более современными и лучше соответствовали интересам купеческого сословия. Большинство консерваторов ориентировались на Испанию, а либералы - на Великобританию, Францию и Соединенные Штаты. Но ни те, ни другие не намеревались менять общественный порядок, чтобы низшие слои населения могли пользоваться плодами богатства страны. Это приводило к установлению диктаторских режимов, дворцовым переворотам и насилию. К концу века многие начали приходить к тому же выводу, что и Боливар: континент неуправляем.

Церковь в новых государствах

В колониальный период церковь в Латинской Америке находилась под королевским патронатом - "Patronato Real". Это означало в том числе фактическое назначение епископов правительствами Испании и Португалии. Таким образом, противостояние между *островитянами* и *креолами* давало о себе знать и в церкви, где высшие должности занимали *пиренейцы,* а *креолы* и *метисы* составляли основную массу низшего духовенства. Некоторые епископы выступали за независимость, однако большинство поддерживали королевскую власть, а многие осуждали восстание в пастырских посланиях. После провозглашения независимости большинству из них пришлось вернуться в Испанию, оставив кафедры многих епархий вакантными. Заменить их было невозможно, поскольку Испания настаивала на сохранении права королевского патроната, а вновь образованные республики не могли принять епископов, назначенных королевской властью. Папы проявляли нерешительность, так как Испания оставалась одним из их главных союзников в Европе, но в то же время новые страны составляли значительную часть католической паствы. В своей энциклике "Etsi longissimo" (1816) Пий VII говорил о "тяжком грехе бунта" и о "нашем возлюбленном сыне в Иисусе Христе Фердинанде, вашем католическом короле", но в конце концов был вынужден занять более нейтральную позицию. В 1824 году Лев XI в энциклике "Etsi iam diu" назвал борьбу за независимость "плевелами", а Фердинанда - "нашим возлюбленным сыном Фердинандом, католическим королем испанских владений". В Европе Франция, Австрия и Россия поддержали позицию Испанию, выступив против признания новых государств, подразумевающего право назначать в них епископов, не считаясь с мнением Испании. Наконец, в 1827 году Лев XII решил назначить первых епископов в Большую Колумбию, и именно это событие послужило поводом для слов Боливара, приведенных в начале главы. Но этим дело не кончилось, так как Фердинанд порвал отношения с Римом, и папе пришлось отказаться от многих своих дел. Лишь в следующем десятилетии Григорий VII официально признал новые республики и назначил в них епископов. Учитывая сакраментальный характер католичества, отсутствие епископов означало гораздо больше, чем просто отсутствие руководителей. Без епископов не могли производиться рукоположения, а без достаточного числа рукоположенных священников обрядовая жизнь в церкви в значительной степени замирала.
Позиция низшего духовенства, состоявшего главным образом из *креолов* и *метисов,* резко отличалась от позиции епископов. В Мексике восстание поддержали трое из четырех священников. В Аргентине из двадцати девяти человек, подписавших Декларацию независимости, шестнадцать были священниками. Кроме того, в начале восстания борьба за независимость не пользовалась особой поддержкой среди населения, и приходские священники приложили много сил, чтобы добиться этой поддержки.

По этим причинам отношение нового политического руководства к католичеству было сложным. Все называли себя католиками, и во многих первых конституциях католичество провозглашалось государственной религией. Но противоречия с Римом достигли такой степени, что многие - в частности, в Мексике - предлагали порвать с Римом и создать национальные церкви. Такие проекты не раз появлялись и впоследствии, когда папы проводили политику, противоречащую интересам той или иной страны.

После завоевания независимости конфликт между либералами и консерваторами выражался и в их разных взглядах на религиозную политику. Консерваторы хотели сохранить старые привилегии духовенства и церкви, а либералы противились этому. По этой причине многие священнослужители из числа коренного населения, ранее поддерживавшие борьбу за независимость, теперь переходили в ряды консерваторов. Поначалу либералы выступали не против католичества как такового, а против того, что им казалось примитивными представлениями священников, которые, будучи местными уроженцами, тем не менее продолжали смотреть на Испанию как на центр мироздания. Но постоянные конфликты между либералами и руководством церкви приводили к росту антикатолических настроений в рядах либералов.

Во второй половине века либерализм воспринял позитивистскую философию Конта и вследствие этого стал еще более антикатолическим. Огюст Конт был французским философом, одним из основоположников современной социологии, убежденным, что общество можно и нужно реорганизовать в соответствии с требованиями разума. По его теории, человечество в своем развитии проходит три стадии: богословскую, метафизическую и научную, или "позитивную". Хотя еще и сохраняются остатки двух первых стадий, утверждал Конт, сейчас мы живем в научную эпоху, поэтому общество нуждается в радикальной перестройке на основе научных, или "позитивных" принципов. Новое общество, возникшее в результате такой реорганизации, будет проводить четкое различие между духовным авторитетом и мирской властью. Последняя должна принадлежать капиталистам и коммерсантам, лучше других понимающим потребности общества. Что касается духовного авторитета, им вполне может обладать обновленная "католическая церковь" без "сверхъестественного Бога", преданная идеалам "общечеловеческой религии". Эти идеи получили большую популярность среди латиноамериканской буржуазии, прежде всего в Бразилии, но также в таких странах, как Аргентина и Чили, где рожденные во Франции теории всегда находили отклик. В результате возник новый конфликт между либералами и церковью, а государственная власть приобретала все более светский характер.

Помимо этого вторая половина XIX века принесла новую волну иммиграции на Тихоокеанское побережье - в основном из Европы, но также из Китая. Для того типа развития, которое правящая буржуазия считала оптимальным в Латинской Америке, эта иммиграция была необходима. Иммигранты становились рабочей силой в промышленном производстве и в торговле, а также служили противовесом индейцам и чернокожим. Во всяком случае, эта волна иммиграции сыграла большую роль в религиозной жизни континента. Многие иммигранты были протестантами, поэтому некоторым странам пришлось предоставить религиозную свободу сначала только этим иммигрантам, а затем и всем остальным. Но самым значительным последствием иммиграции стал огромный рост числа крещеных католиков, которым церковь не могла предоставить практически никакого служения или религиозного образования. Вследствие этого латиноамериканское католичество отличалось большей поверхностностью. В крупных городах, таких как Буэнос-Айрес или Сан-Паулу, большинство населения продолжало называть себя католиками, но участие в церковной жизни принимали очень немногие.

Католическая церковная элита долгое время предпринимала тщетные попытки решить все эти проблемы, цепляясь за прошлое. Чем большее распространение получали новые идеи, тем яростнее иерархия осуждала их. В конце концов многие латиноамериканские католики начали относиться к вере как к чему-то сугубо личному и даже противоречащему взглядам церковных властей. Таким образом, когда там появился протестантизм, он нашел поле готовым к жатве.

Протестантское богословие

Исторического основания христианства, построенного на рационалистическом, либеральном и современном богословии, более не существует; но это не означает, что христианство лишилось своего исторического основания... Мы, современные богословы, слишком гордимся своим историческим методом, слишком гордимся образом исторического Иисуса, слишком полагаемся на свою веру в духовную пользу, которую наше историческое богословие может принести миру.

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР

Девятнадцатый век поставил перед христианством большие вопросы. Ответ на них католических властей и богословов заключался обычно в осуждении и отвержении современных идей, тогда как многие протестанты искали возможности для истолкования своей веры в свете новых умонастроений. Исходя из этого, хотя поставленные вопросы были общими для обеих ветвей западного христианства, в этой главе мы рассмотрим ответ на них протестантов, а в следующей обратимся к реакции католиков.

Новые направления мысли

К началу XIX века промышленная революция охватила большую часть Европы и некоторые районы Нового Света. Ее влияние выходило далеко за рамки экономических вопросов и сказывалось на всей жизни в целом. Происходило массовое переселение людей, искавших работу в индустриальных центрах или просто покидавших земли, предназначавшиеся отныне для возделывания технических культур, используемых в промышленности. Эти переселения ослабляли традиционные большие семьи, в которые входили родители, дяди, тети, двоюродные братья и сестры, и повышали груз ответственности семьи в передаче ценностей и традиций. Многие начинали относиться к своей жизни как к сугубо личному делу, поэтому индивидуализм и интерес к собственному "я" стали распространенной темой в философии и литературе.

Промышленная революция способствовала также развитию идеи прогресса. В ходе большей части истории люди полагали, что старые и проверенные идеи и методы лучше всяких новаций. Даже в эпоху Возрождения и Реформации, когда появлялось множество новых воззрений, люди стремились вернуться к прежним источникам веры, искусства и знания. Теперь же налицо было стремление смотреть не в прошлое, а в будущее. Оказалось, что и прикладные науки способны обеспечить благосостояние и материальные удобства, ранее никогда не существовавшие. Казалось, будущее открывает безграничные возможности. Проблемы, создававшиеся промышленной революцией, выглядели в глазах ведущих классов общества преходящими. Прикладная технология скоро решит их, и тогда плодами нового порядка будут пользоваться все слои общества. Большинство мыслителей и ученых принадлежало именно к этим ведущим классам, поэтому все эти идеи находили отражение в их учениях и сочинениях. В определенном смысле даже теория эволюции Дарвина была отражением веры в прогресс, в данном случае - применительно к сфере естественных наук. Прогрессирует не только человечество, но и все в природе. Прогресс - часть структуры мироздания. Как и в случае с общественным прогрессом, это не легкое движение вперед, а тяжелая борьба, в которой выживают наиболее приспособленные, самим фактом своего выживания способствующие прогрессу всего вида. Все это отражено в названии книги Дарвина, опубликованной в 1859 году: "Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь".

Коль скоро прогресс играет такую важную роль в жизни человека и даже всего мироздания, то же самое можно сказать об истории, ибо что такое история, как не прогресс, совершавшийся в прошлом? XIX век все отчетливее осознавал, что в течение веков в обществе происходили радикальные изменения, и эта четко осознанная мысль подтверждалась развитием связей с другими культурами, прежде всего - в Африке и в бассейне Тихого океана. Ученые приходили к выводу, что люди не всегда были такими, как сейчас, ибо их умственные способности и религиозные взгляды тоже эволюционировали. Мы уже упоминали об Огюсте Конте и о его теории прогрессивного перехода от "богословия" к "метафизике" и, наконец, к "науке". Такие идеи были типичными для XIX века. В результате появились исторические исследования, бросавшие тень сомнения на многие традиционные представления о прошлом.

Применительно к Писанию и периоду раннего христианства эти исследования подводили к выводам, которые многие считали несовместимыми с верой.
Были и те, кто видел, какой высокой цены требует промышленная революция. Многие христиане стремились помогать определенным группам населения. Воскресные школы были попыткой дойти до тех, кто потерял связь с традиционными методами религиозного образования. Армия спасения, Ассоциация молодых христиан и многие другие подобные движения стремились охватить городскую бедноту и облегчить ее страдания. Но проблемы и их решения выходили далеко за рамки возможностей любой благотворительной организации, работавшей с обездоленными, и все больше людей говорили о необходимости радикально изменить общественный порядок. Если верно, что совершается прогресс и что в ходе исторического развития структура общества менялась, почему бы не попытаться произвести дальнейшие изменения в этой структуре? Конт, которого многие считают одним из основоположников современной социологии, предлагал именно такое изменение - передать дела общества в руки капиталистов и коммерсантов. В XIX веке подобного рода проекты выдвигались неоднократно. Общим знаменателем многих, кого волновали сложившиеся социальные условия, в том числе большого числа христиан, был социализм разной окраски. Неудавшиеся революции 1848 года отчасти были следствием подобных идей и планов.
Теоретиком социализма, завоевавшим в конечном счете наибольшее влияние, был Карл Маркс, опубликовавший в 1848 году "Манифест коммунистической партии". Разработанная им система выходила за рамки утопических социалистических идей того времени, так как включала в себя анализ истории и общества на основе того, что он называл "диалектическим материализмом". Основополагающим элементом этого анализа была мысль о том, что идеи, какими бы чисто умозрительными они ни казались, имеют социальную и политическую функцию. Правящий класс разрабатывает идеологию, которая выглядит исключительно умозрительным построением, однако ее истинная цель заключается в сохранении существующего порядка. Религия тоже является частью этой структуры поддержки власть имущих - на этой мысли основывается часто цитируемое определение религии как "опиума для народа". Но, продолжал Маркс, история движется вперед, и следующим этапом будет широкомасштабная революция, которая приведет сначала к "диктатуре пролетариата", а затем к установлению бесклассового общества, в котором ненужным будет даже государство, то есть истинного коммунистического общества. Серьезные проблемы марксистская теория поставит перед христианами в XX веке, в XIX же веке она оказывала относительно небольшое влияние.
В конце XIX века новые проблемы поставили работы Зигмунда Фрейда. После долгих лет исследований в различных областях науки Фрейд заинтересовался работой человеческого мозга, особенно на подсознательном уровне. Основываясь на своих многолетних наблюдениях, он пришел к заключению, что человеческой психикой движут не только осознанные мотивы, но и другие факторы, остающиеся на подсознательном уровне. Особенно это относится к переживаниям и инстинктам, которые разум подавляет, приспосабливаясь к общественным нормам поведения или по каким-то другим причинам, но никогда полностью не уничтожает. Сексуальные и агрессивные инстинкты, например, продолжают действовать, как бы глубоко мы их ни загоняли. Это открывало новые горизонты не только для психологии, но и для богословия, которое не всегда знало, как относиться к открытиям Фрейда.
Маркс и Фрейд жили в XIX веке, однако наибольшую силу своего воздействия их теории приобрели в XX веке. Тем не менее оба они могут служить примером того, какие процессы происходили в их время, когда научная мысль, преодолевая рамки естественных наук, пыталась объяснить происходящие в обществе процессы и деятельность человеческого мозга. По этой причине в XIX веке родились такие дисциплины, как социология, политэкономия, антропология и психология. Работать богословам приходилось в условиях развития именно этих наук.

Богословие Шлейермахера

Мы уже видели, что труды Канта положили конец примитивному рационализму XVIII века. Если верно, что "чистый разум" заходит в тупик в таких вопросах, как бытие Бога или жизнь после смерти, какой же путь должно избрать богословие при рассмотрении этих и других столь же важных для христианства вопросов? Если верно, что

мыслительные категории заложены в разуме и необязательно соответствуют объективной реальности, как мы можем говорить о конечных реалиях? Возможных ответов на эти вопросы было три, и, как мы увидим в двух последующих разделах этой главы, богословы исследовали все три.

В первом варианте религия рассматривалась не как выражение чистого или умозрительного разума. Как мы видели, к такому выводу пришел сам Кант в "Критике практического разума". Он считал неправильным относиться к религии как к по сути своей интеллектуальному вопросу, поскольку на самом деле религия основывается не на разуме, а на этическом чувстве. Люди по своей природе нравственны, и на основании этого врожденного нравственного чувства можно доказать бытие Бога, души, человеческой свободы и жизни после смерти. В определенном смысле Кант пытался спасти хоть что-то из христианского рационализма, доверие которому он сам подорвал в "Критике чистого разума", и делал он это, помещая религию в сферу, независимую от чистого разума.

Аналогичное решение в начале XIX века предложил Фридрих Шлейермахер, хотя он отказался от попыток связывать религию с разумом, будь то "чистым" или "практическим". Он родился и воспитывался в семье реформатского пастора, испытывавшего сильное влияние взглядов моравских братьев и отдавшего сына им на обучение. Шлейермахер был реформатом, но на его богословии глубокий отпечаток оставил моравский пиетизм. Вместе с тем молодой Шлейермахер пережил период, когда из-за широко распространившихся в то время рационалистических идей ему было затруднительно придерживаться многих традиционных учений христианства. Ему тогда помог романтизм. Романтики, проповедовавшие, что в человеке заключено нечто большее, чем просто холодный разум, приобрели множество последователей среди молодого поколения, считавшего рационализм антигуманным. Используя доводы романтиков, Шлейермахер начал искать выход из тупика сомнений, в который его завел рационализм. Его первая значительная работа "Речи о религии к образованным людям, ее презирающим" как раз и была попыткой показать аудитории, проникнутой духом романтизма, что религия должна занимать важное место в жизни человека. Основной его аргумент сводился к тому, что религия - не какое-то особое знание, как полагали рационалисты и ортодоксы. И не какая-то определенная система нравственных норм, как подразумевал Кант. Религия основывается не на чистом и не на практическом или нравственном разуме, а на *Gefuhl* - это немецкое слово можно перевести, хотя и не очень точно, как "чувство".

В "Речах" не разъяснялся смысл "чувства", и эту задачу Шлейермахер попытался решить в своей более зрелой работе "Христианская вера". В ней он ясно показал, что это чувство не связано с каким-то определенным умонастроением, преходящими эмоциями или внезапным переживанием; это - глубокое осознание бытия Того, от Кого зависит существование всего остального, как нас самих, так и всего окружающего нас мира. Таким образом, это не какое-то неопределенное или неясное чувство, ибо оно со всей очевидностью побуждает нас полностью полагаться на Бога и осознавать свою зависимость от Него. Это "чувство" основывается не на рациональном опыте и не на нравственных категориях, но в то же время оно оказывает огромное влияние на мышление человека и на его этическое поведение.

В каждой религиозной общине это чувство зависимости принимает определенную форму. Цель религиозных организаций заключается в передаче современникам и будущим поколениям своего собственного конструктивного опыта, чтобы они могли проникнуться теми же самыми чувствами. Самого Шлейермахера интересовали прежде всего протестантские религиозные общины, во главу угла ставящие два основополагающих исторических факта: Иисуса и Его воздействие на первых учеников, а также Реформацию XVI века.

Функция богословия состоит в изучении и объяснении воздействия, которое это чувство зависимости оказывает на трех уровнях: уровне личности, уровне ее взаимоотношений с миром и уровне ее взаимоотношений с Богом. В богословии нет места ни для чего, что не может быть выявлено в связи с чувством зависимости. Возьмем, к примеру, учение о творении. Для чувства абсолютной зависимости это учение имеет первостепенное значение, ибо оно утверждает, что все бытие зависит от Бога. Отрицание этого равносильно отрицанию представления о зависимости, занимающего центральное место в христианских религиозных чувствах. Но это не означает, что мы должны

провозглашать какой-то конкретный способ творения. В Бытии рассказ о творении может быть, а может и не быть исторически точным (сам Шлейермахер не считал его таковым), но в любом случае он не должен быть предметом богословских исследований, так как не имеет никакого отношения к чувству зависимости. Даже если рассказы Моисея верны и были раскрыты ему каким-то сверхъестественным образом, "конкретная информация не может становиться догматом веры в нашем понимании этого слова, так как наше чувство абсолютной зависимости не получает из нее нового содержания, новой формы или более ясного определения"[24]. То же самое можно сказать о других вопросах, таких как существование ангелов, сатаны и так далее. По той же причине надо отказаться от традиционного деления на естественное и сверхъестественное, но не потому, что это деление противоречит современной науке, а потому, что оно ограничивает чувство зависимости только теми событиями или местами, в которых проявляется сверхъестественное. Противопоставляя религию знанию, Шлейермахер имел возможность истолковывать основные учения христианства таким образом, что они не противоречили научным открытиям.

Идеи Шлейермахера пользовались большим успехом. В период, когда многие считали религию делом прошлого, на его проповеди в церковь стекались толпы народа. Но еще большее влияние он оказал на последующие поколения, которые вполне справедливо назвали его "отцом либерализма".

Система Гегеля

После критики Канта оставался открытым еще один путь - согласиться с ним, что разум ставит свою печать на всем полученном знании, но не считать это доказательством ограниченности разума, а рассматривать его как самостоятельную реальность. Разум не есть нечто, существующее в нашем мозгу и используемое нами для понимания реальности. Разум - сам по себе реальность, единственная реальность.

Именно такой путь избрал Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831). Сперва Гегель занимался исследованиями в области богословия, но затем решил, что богословие - слишком ограниченное поле деятельности и что необходимо попытаться понять не только религию, но и реальность в целом. Реальность надо рассматривать не как бессвязный ряд событий и фактов, а как единое целое. В качестве основания для такого умозаключения он предложил теорию о тождественности разума и реальности. Дело не в том, что разум способен понять реальность или что реальность ставит какие-то ограничения для разума. Дело в том, что разум и *есть* реальность и что единственная реальность *есть* разум. По утверждению Гегеля, "то, что разумно, существует, и то, что существует, разумно".

Но, говоря о "разуме", Гегель имел в виду не просто способность рассуждать или делать определенные выводы, а сам процесс мышления. Процесс мышления заключается не в изучении какой-то представшей перед нами идеи. Наоборот, мы сами выдвигаем идею, изучаем ее, пытаясь усовершенствовать или отвергнуть ее в пользу какой-то другой, и, наконец, находим третью идею, содержащую в себе все преимущества двух первых. "Разумом" Гегель называл именно этот процесс выдвижения "тезиса", противопоставления ему "антитезиса" и, наконец, достижения "синтеза". Таким образом, разум динамичен, он постоянно движется вперед. Кроме того, разум существует не только в мозгу человека. Всемирный разум (Дух, как иногда называл его Гегель) присутствует во всей реальности. Все сущее есть выражение этого диалектического и динамического самопознания Духа.

На этом основании Гегель разработал впечатляющее учение, в котором все историческое развитие выглядит как результат самопознания Духа. Различные религиозные, философские, социальные и политические системы - не что иное, как очередные проявления самопознания Духа. Прошлое в нем никогда не теряется, но всегда совершенствуется и становится частью синтеза. Таким образом, в настоящем заложено прошлое, поскольку оно его выражает, и будущее, поскольку оно представляет собой разумное продолжение настоящего.

Гегель был убежден, что христианство - "абсолютная религия". Но это не означает, что христианство есть отвержение других религий; оно просто их высшее достижение, завершившее процесс религиозного развития человечества. Основная тема любой религии - взаимосвязь между Богом и человеком. Кульминации пункта эта взаимосвязь достигла в христианском учении о воплощении, когда божественное и человеческое

начала полностью соединились. Соединение божественного и человеческого, не выражавшееся достаточно ясно в более ранних религиях, со всей очевидностью проявилось в воплощении. Равным образом, учение о Троице - наивысшее выражение представления о Боге, так как оно показывает динамичную природу конечной реальности. Диалектический смысл учения о Троице проявляется трояко. Во-первых, Бог есть вечность Сам по Себе, даже без учета развития той разумной реальности, которую мы называем творением. Это - "Царство Отца", то есть Сам Бог, отделенный от всех других существ. "Царством Сына" мы обычно называем "творение", то есть мир, существующий во времени и в пространстве, кульминационным событием в котором стало воплощение Бога, показавшее конечную взаимосвязь между божественным и человеческим. "Царство Духа" закрепляет эту связь божественного и человеческого и проявляется в присутствии Бога в обряде евхаристии. Все это вместе есть "Божье Царство", находящее историческое выражение в нравственной жизни людей и в государственном управлении, - у Гегеля были достаточно возвышенные представления о роли государства. Результат такой постановки вопроса Гегель видел в появлении философии, полностью лишенной ограниченности, свойственной всем догматическим и однобоким системам.

Эта широкомасштабная схема реальности приобрела множество сторонников. Говорили, что люди наконец-то смогут увидеть реальность в целом. Для придания системе еще большего веса последователи Гегеля старались показать, как в нее вписываются различные составные элементы реальности. В знак протеста против той популярности, которой пользовалась система Гегеля, датский философ и богослов Серен Кьеркегор в шутку говорил, что все проблемы будут решены "прямо сейчас, если Система уже приняла завершенный вид, а если нет, то к следующему воскресенью, когда она будет окончательно готова". Но даже многих из тех философов и богословов, кто с ней не согласился, система Гегеля побуждала серьезно относиться к истории. После Гегеля история перестала быть второстепенным делом для исследователей вечных реалий и стала рассматриваться ими как сфера познания этих самых вечных реалий. Такой подход, с помощью которого богословы следующих поколений вернулись к библейским позициям, - одно из наследий Гегеля и XIX века.

Работа Кьеркегора

Серен Кьеркегор (1813-1855) - одна из интереснейших фигур XIX века. Он родился в датской лютеранской семье строгих правил, оставившей глубокий отпечаток на всей его последующей жизни, и в молодости был очень несчастным человеком. Хилое телосложение и небольшая кривобокость сделали его объектом насмешек, которые преследовали его всю жизнь. Но очень скоро он пришел к убеждению, что обладает несомненными интеллектуальными дарованиями, предназначающими его к исполнению особой миссии, и что перед лицом этого призвания все остальное должно отступить. Исходя из этого он разорвал помолвку с женщиной, которую глубоко любил. Он полагал, что счастливый брак мог помешать ему оставаться одиноким рыцарем веры, которым он призван быть. Много лет спустя это свое тягостное решение он сравнил с готовностью Авраама принести в жертву Исаака, а также заявил, что некоторые свои книги написал "из-за нее".

Кантовская критика рационализма давала возможность пойти еще по одному пути, отличному от путей Шлейермахера и Гегеля: да, разум не способен постичь конечную истину, но это может сделать вера. Кантовский "чистый разум" не способен ни доказать, ни опровергнуть бытие Бога; вера же знает Бога напрямую. При таком подходе христианство строится не на разумном основании, не на почетном месте в системе, разработанной Гегелем, и даже не на чувстве абсолютной зависимости. Христианство - это просто вера, вера в Бога, раскрывшего Себя в Писании и в Иисусе Христе.

Но это еще не все - до сих пор Кьеркегор не говорил ничего больше того, что всегда принималось теми, кто видел в вере прибежище, защищающее от превратностей времени. Но "вера", о которой говорил Кьеркегор, по сути своей не такова, ибо истинная вера - нелегкое дело и отнюдь не путь к спокойной жизни. Напротив, вера - это всегда риск, приключение, требующее самоотвержения и отказа от всех радостей неверных. На этом основании Кьеркегор подверг уничижительной критике одного из самых известных проповедников того времени, заявив, что смешно называть

"свидетелем истины" человека, который добился мирских благ, проповедуя христианство.
Самым большим врагом христианства Кьеркегор считал христианский мир, который всеми силами старается сделать процесс становления человека христианином как можно более простым. В результате, чтобы считаться христианином, достаточно не быть иудеем или мусульманином. Но по сути люди, воспринимающие христианство таким образом, - обыкновенные язычники. Такое "дешевое" христианство, принимаемое без внесения определенной платы и без достаточных страданий, подобно военным играм, в которых армии как будто бы двигаются и производят большой шум, но без всякого риска понести потери и тем самым добиться реальной победы. То, что называется "христианством", - просто "игра в христианство". И многие проповедники, пытающиеся упростить христианство, делают эту игру еще более издевательской. Именно в этом заключается "преступление христианского мира", играющего в христианство и "принимающего Бога за глупца". Трагедия в том, что лишь очень немногие понимают, насколько смешно говорить о Боге в таких категориях.
Учитывая трагическое положение христианского мира, Кьеркегор выступил с призывом "затруднить принятие христианства". Это не означало, что он хотел убедить людей в ошибочности христианской веры. Он просто хотел сказать им, что проповеди и учения, которые они слышат, не соответствуют истинной христианской вере. Иными словами, чтобы стать истинным христианином, надо осознать цену веры и заплатить за нее. Без этого человек может быть членом христианского мира, но не христианином.
Истинное христианство связано с самим существованием человека, а не только с его разумом. Поэтому Кьеркегор отвергал иллюзии "Системы", как он саркастически называл философию Гегеля. Гегель и его последователи построили внушительное здание, в котором нет места для подлинной человеческой жизни, проходящей в страданиях, сомнениях и отчаянии. Они построили роскошный дворец и решили жить в сарае, так как этот дворец слишком хорош для них. Бытие - фактическое мучительное существование человека - первично по сравнению с сущностью и важнее ее. Этот упор на бытии сделал Кьеркегора основоположником экзистенциализма, хотя впоследствии экзистенциалисты преследовали совершенно иные цели, нежели он. Бытие - это постоянная борьба, борьба, чтобы стать кем-то, чтобы родиться. Если человек ставит бытие во главу угла, он должен отвергнуть не только гегельянство, но и любую другую систему и даже надежду на создание какой-либо стройной системы. Реальность, вероятно, выглядит системой в глазах Бога, однако она не может считаться таковой с точки зрения человека в окружающем его бытии.
Но Кьеркегора интересовала конкретная форма бытия: христианская жизнь. Она тоже не может быть сведена в какую-то систему. Трагедия христианского мира, легкого христианства, заключается в том, что жизнь в нем перестала быть приключением, постоянным риском в присутствии Бога и приняла форму нравственных принципов и вероучительной системы. Таким образом, основная проблема, которую ставил Кьеркегор, сводилась к следующему: как стать истинным христианином, находясь в таких невыгодных условиях, как жизнь в христианском мире.

Христианство и история

Характерный для XIX века интерес к истории отразился и на библейских и богословских исследованиях. В Тюбингене Фердинанд Кристиан Баур (1792-1860) стремился объяснить развитие новозаветного богословия по гегелевской схеме. Баур и его последователи полагали, что в самой основе Нового Завета заложен конфликт между иудействующим христианством Петра и более универсалистскими взглядами Павла. Противоречие между тезисом и антитезисом было преодолено в синтезе, который одни считали четвертым Евангелием, а другие христианством II века. Основная концепция Баура и ее разные варианты в сочетании с общим интересом к истории в то время вызвали длительные ученые споры относительно даты написания и авторства каждой книги Библии. К таким дебатам и к неожиданным выводам, которые они влекли за собой, многие относились как к угрозе для веры. Но во всяком случае эти дискуссии способствовали совершенствованию методов исторических исследований и лучшему пониманию Библии и библейских времен.
Изучение истории церкви следовало параллельным курсом. Камнем преткновения для многих была мысль о том, что в течение столетий христианские учения

видоизменялись. Одни утверждали, что эти изменения были всего-навсего развитием идей, заложенных уже в раннем христианстве. Другие же - среди них ведущий историк Адольф фон Гарнак (1851-1930) - в развитии догматики видели постепенный отход от веры ранней церкви, переход от учения Иисуса к учению об Иисусе. По Гарнаку, Иисус учил об отцовстве Бога, о всеобщем братстве, о бесконечной ценности человеческой души и о заповеди любви. Лишь позднее, в ходе процесса, продолжавшегося много лет, центральное место в христианском послании заняли Иисус и вера в Него.
Многие идеи в этом направлении исходили от одного из наиболее влиятельных богословов XIX века Альбрехта Ритчля (1822-1889), которого Гарнак назвал "последним отцом церкви". Подобно Шлейермахеру, в ответ на вызов Канта Ритчль помещал религию за пределами чистого, или когнитивного разума. Но теорию Шлейермахера о "чувстве абсолютной зависимости" он считал слишком субъективной. По его мнению, главное в религии, в частности в христианской, не рациональное знание и не субъективное чувство, а практическая жизнь. Умозрительный рационализм он считал слишком холодным, не требующим преданности вере. С другой стороны, он отвергал и мистицизм, так как в нем слишком много субъективизма и индивидуализма. Христианство конкретно, поскольку оно выражается в практической нравственной жизни.
Но конкретность христианства должна основываться и на фактическом знании событий, в частности событий, связанных с Иисусом. Первостепенное значение для практической жизни имеет Божье откровение, данное в Иисусе. Забывая об этом, богословие впадает либо в рационализм, либо в мистицизм. Отвергая оба эти заблуждения, исторические исследования показывают, что в центре учения Иисуса стояло Божье Царство и его этические нормы, "построение человеческих отношений на принципах любви". Именно эта сторона богословия Ритчля послужила основанием для "социального Евангелия" Раушенбуша, о котором мы говорили в главе 25.
Интерес к историческим исследованиям привел в XIX веке к "поиску исторического Иисуса". Считалось, что для понимания самой сути христианства необходимо определить, каким в действительности был Иисус, образ Которого теряется в вере церкви и даже в евангельских рассказах. Трудность, однако, заключалась в том, что историки в своих оценках и представлениях о реальности исходили из любых раздобытых сведений. Поэтому в начале XX века известный богослов, музыкант и миссионер Альберт Швейцер пришел к выводу, что, по сути, ведется поиск не образа Иисуса, а человека XIX века.
Упомянутые в этой главе богословы - лишь немногие из достойных внимания, ибо мало какие другие периоды истории были отмечены такой богословской активностью, как XIX век. Но даже упомянутых имен достаточно, чтобы получить представление о большом разнообразии точек зрения и позиций, появившихся в протестантизме, и о духовном подъеме, следствием которого и стало это разнообразие. Разумеется, при такой лихорадочной духовной деятельности многие делали заявления и занимали позиции, которые впоследствии требовали пересмотра. Неоспоримо одно: XIX век показал, что среди протестантов немало тех, кто не побоялся ответить на интеллектуальный вызов своего времени.

Католическое богословие

Мы приходим в ужас, досточтимые братья, когда видим все эти чудовищные учения, - вернее, колоссальные заблуждения, удручающие нас. Они все шире распространяются, изложенные во множестве книг, книжечек и брошюр, небольших по объему, но огромных по тому злу, которое в них заключено.
ГРИГОРИЙ XVI
В то время как многие протестантские богословы шли по пути либерализма, иерархи католической церкви старались не допустить, чтобы ее богословы последовали этому примеру. Главной причиной тому была форма, в которую облекались новые идеи, - в таком виде они угрожали авторитету церкви и подрывали его.

Папство и Французская революция

В начале Французской революции папой был Пий VI. В 1775 году он начал свой понтификат с буллы, в которой подверг резкой критике философов, выступавших за установление нового общественного и политического порядка. Поэтому с самых первых

дней революции папа всячески старался воспрепятствовать ее развитию. Ко времени принятия французским правительством "Гражданского устройства духовенства" его отношения с Римом обострились до такой степени, что переговоры вряд ли были возможными. В отместку за поддержку папой консерваторов французское республиканское правительство стремилось ослабить позиции папского престола, и это стало одной из причин появления "культа Разума". В самом Риме французские агенты подрывали авторитет папы, распространяя республиканские идеи. В 1798 году французская армия захватила Рим, провозгласила республику и объявила, что папа лишается светской власти в городе. Пий VI умер год спустя, находясь фактически в плену у французов.

Затем кардиналы собрались в Венеции под покровительством противника Французской республики австрийского императора Франца II и избрали Пия VII. Приход к власти Наполеона смягчил напряженность в отношениях между новым папой и Францией, и в 1801 году между ними было достигнуто соглашение. Хотя Наполеон не отличался особой религиозностью, он не видел необходимости тратить силы на борьбу с папством, и восстановленный на престоле Пий VII получил несколько лет относительно спокойной жизни. В 1804 году он отправился в Париж на коронацию Наполеона императором, во время которой Наполеон выхватил корону из рук папы и возложил ее себе на голову, продемонстрировав тем самым свое нежелание принимать властные полномочия от церкви. В следующем году императорские войска вторглись в Италию и в 1808 году захватили Рим. Папа отказался бежать и отлучил от церкви всех, кто проявил насилие в отношении его самого или церкви. Французы взяли его в плен, и свободу он получил только после падения Наполеона. Он вернулся в Рим, где первым его официальным решением стало прощение противников.

Пий VII умер в 1823 году, через два года после смерти Наполеона, и его сменил Лев XII. Время правления Льва и его преемников Пия VIII и Григория XVI было мирным периодом. Но память о Французской революции постоянно побуждала их к политическому и богословскому консерватизму, и они неоднократно пресекали попытки католиков оказать поддержку республиканским и демократическим идеям. Наиболее известной фигурой, подвергшейся осуждению, был французский богослов Фелисите Робер де Ламенне, упорно сопротивлявшийся попыткам Наполеона использовать церковь в собственных целях. После долгих духовных поисков Ламенне пришел к выводу, что абсолютные монархии всегда подвергаются искушению использовать церковь в своих целях и что поэтому христианам надо поощрять движения за ограничение власти абсолютных монархий. Происходить это должно при поддержке папства и под его руководством. В рамках этого широкого политического проекта папы должны отстаивать свободу слова, ибо она сыграет роль провозвестника нового порядка. Ламенне был убежден, что, если папы возглавят это движение, церковь сможет затем претендовать на подобающее ей место в новой социальной иерархии. До этого момента Ламенне выступал как защитник церкви против абсолютистских правительств, не уважающих ее прерогативы, и Лев XII хотел даже сделать его кардиналом. Но когда Ламенне начал ратовать за союз папства с политическим либерализмом, он потерял всякую поддержку в Риме, где еще не изгладилась память о Французской революции. Он отправился в Рим в надежде убедить папу в разумности своего плана. Но Григорий XVI, который в то время был папой, осудил его идеи в двух энцикликах. Тогда Ламенне покинул церковь, унеся с собой много других идей в том же роде.

Тем временем в Италии крепло национальное движение. Значительная часть итальянских патриотов надеялась, что папство станет центром, вокруг которого будет складываться новое объединенное государство. Но страх пап перед всем, что имело хотя бы малейший намек на подрывную деятельность, и желание нравиться тем самым монархам, которые стремились не допустить объединения Италии, вскоре лишили папство всякой поддержки со стороны итальянских патриотов.

Пий IX

Понтификат Пия IX (1846-1878), самый продолжительный в истории, был для папства парадоксальным временем. Самый большой парадокс заключался в том, что одновременно с принятием догмата об их непогрешимости папы потеряли светскую власть. Революция 1848 года дала о себе знать и в Риме, где в следующем году была

провозглашена Римская республика. Изгнанный из города папа смог вернуться туда лишь после вмешательства французов. Вместо того чтобы продолжить начатые республиканцами реформирование и либерализацию, Пий IX по возвращении на престол попытался править как абсолютный монарх. Кроме того, он вступил в конфликт с Кавуром, крупным государственным деятелем Пьемонтского королевства, поставившим цель объединить Италию. В конце концов 20 сентября 1870 года войска вновь созданного Итальянского королевства захватили папские государства. Хотя папы в течение долгого времени отказывались признать новую реальность, эти события ознаменовали конец их светской власти, так как она распространялась теперь всего на несколько дворцов, которые им предоставила Италия, в частности на Ватикан. Примерно в то же самое время Бисмарк в Германии принимал меры по ограничению власти церкви, и его примеру следовали другие европейские державы. Таким образом, при понтификате Пия IX папы лишились политической власти, достигшей высшей точки развития в XIII веке при Иннокентии III.

Теряя власть, Пий IX в то же время пытался укрепить ее - пусть даже хотя бы только в религиозных вопросах. Так, в 1854 году он провозгласил догмат о непорочном зачатии Девы Марии. Согласно этому догмату, сама Мария, будучи избранной стать матерью Спасителя, была ограждена даже от тени греха, в том числе первородного. Этот вопрос католические богословы обсуждали в течение многих веков, так и не сумев прийти к согласию. Но самый знаменательный факт с исторической точки зрения состоит в том, что, провозгласив этот догмат официальным учением церкви, Пий IX стал первым папой, который самостоятельно, без участия собора, сформулировал догмат. В определенном смысле булла "Ineffabilis", провозгласившая догмат о непорочном зачатии Девы Марии, была попыткой прощупать, как на это отреагирует мир. Булла не встретила больших возражений, и тем самым была подготовлена почва для провозглашения непогрешимости папы.

Тем временем папа не прекращал борьбы с новыми политическими идеями, распространявшимися в Европе и в Америке. В 1 864 году он выпустил энциклику "Quanta cura" с приложением - "Силлабус" или, "Перечень заблуждений нашего времени", содержавшим восемьдесят утверждений, которые католики должны отвергать. Содержание некоторых из этих пунктов показывает, каких принципов придерживалось папство в XIX веке. Неверно:

13) что методы и принципы, на основании которых схоласты прошлого строили свое богословие, несовместимы с современными потребностями или с научным прогрессом;

15) что каждый человек волен принимать и исповедовать ту религию, которая ему кажется наиболее соответствующей его разумным представлениям;

18) что протестантизм - просто иная форма той же самой христианской религии и что в нем можно быть столь же угодным Богу, как и в истинной католической церкви;

21) что у церкви нет права провозглашать в качестве неоспоримого догмата, что ее вероучение - единственно правильное;

24) что церковь не имеет права использовать силу или что она не обладает светской властью...

30) что неприкосновенность церкви и ее служителей основывается на гражданском законе;

37) что законно учреждать национальные церкви, отделенные и независимые от римского понтифика;

38) что произвольные действия пап способствовали разрыву между восточной и западной церквами;

45) что руководство школ, в которых молодежь учится в христианском государстве, за единственным и частичным исключением семинарий, может и должно находиться в руках гражданских властей, чтобы к управлению этими школами, разработке программ обучения в них и присвоению степеней, а также подбору и подготовке учителей не допускались никакие другие организации;

47) что установление надлежащего порядка в обществе требует, чтобы государственные школы, доступные для детей всех слоев общества, а также все общественные институты занимались преподаванием литературы и науки и образованием молодежи без участия церкви и без ее сдерживающего влияния, чтобы молодежь подчинялась только гражданским и политическим властям и вела себя в

соответствии с воззрениями гражданских должностных лиц и общепринятыми в данное время нормами;
55) что церковь должна быть отделена от государства, а государство от церкви;
77) что в наше время нельзя более считать правильным, что католическая религия должна быть единственной государственной религией, и что всякая другая религия должна быть исключена;
78) что следует считать достойным похвалы, что в некоторых католических странах иммигрантам разрешается открыто проводить богослужения по их собственным обрядам;
79) что ошибочно мнение, согласно которому, если всем религиям предоставить гражданскую свободу и разрешить открыто выражать свои взгляды и идеи, какими бы они ни были, это будет способствовать нравственному и интеллектуальному разложению и распространению такого бедствия, как индифферентизм;
80) что римский понтифик может и должен примириться и согласиться с идеями прогресса, либерализма и современной цивилизации.
Итак, в последние десятилетия XIX века папство открыто противостояло таким новым идеям, как отделение церкви от государства, свобода слова и государственный контроль за работой школ. В то же время папа настаивал на незыблемости своего авторитета и подчеркивал, что неповиновение ему приведет к печальным последствиям. Кульминации все это достигло на I Ватиканском соборе, прошедшем под руководством Пия IX. В "Pastor aeternus" собор провозгласил догмат о непогрешимости папы:
С верностью сохраняя полученное от начала христианской веры предание, во славу Бога, нашего Спасителя, для возвеличивания христианской религии и спасения христианского народа, с одобрения святого собора, мы учим и провозглашаем раскрытое свыше откровение: когда римский понтифик говорит *ex cathedra,* то есть когда он проводит служение пастыря и учителя всех христиан в силу своей высшей апостольской власти, он дает определение учению о вере или морали, которому должна следовать вселенская Церковь, и с Божьей помощью, обещанной ему святым Петром, обладает непогрешимостью, которой божественный Искупитель пожелал наделить Свою Церковь при определении учения о вере или морали; таким образом, эти определения не подлежат изменению и обсуждению в Церкви[25].
Это - официальное заявление о непогрешимости папы, как ее понимает католическая церковь. Важно отметить, что в тексте говорится о непогрешимости папы не во всех случаях, а только в тех, когда он выступает "ex cathedra" ("с амвона"). Эти слова были включены в официальный текст, дабы отвести возражение тех, кто заявил бы, что папа Гонорий, например, был еретиком. В ответ можно было бы сказать, что Гонорий действительно придерживался ложного учения, но что он не выступал с ним "ex cathedra". Как бы там ни было, из более чем шестисот присутствовавших епископов 522 проголосовали за, двое - против и более ста воздержались. (После принятия этого решения папа воспользовался предоставленной ему властью только один раз. Это произошло в 1950 году, когда Пий XII провозгласил догмат о телесном вознесении Девы Марии, согласно которому в конце земной жизни Мария была телесно взята на небо.)
Провозглашение непогрешимости папы вопреки ожиданиям не произвело особого волнения. В Нидерландах, Австрии и Германии некоторые представители католицизма порвали с Римом и основали старокатолические церкви. Но в целом протесты и критические выступления были сдержанными - потерявшее политическую силу папство уже не казалось таким несокрушимым, как прежде. В давней борьбе между галликанами и ультрамонтанами (см. главу 18) конечную победу одержали последние. Но эта победа стала возможной благодаря тому, что папство в значительной степени утратило ту силу, которой раньше опасались галликане. Догмат о непогрешимости папы был принят 18 июля 1870 года, а 20 сентября Рим сдался армии Итальянского королевства. Пий IX объявил себя пленником короля Виктора-Эммануила и отказался признать новый порядок. Ведь папы теряли Рим много раз до этого, и всегда кто-нибудь вмешивался, дабы возвратить его папскому престолу. Но на этот раз никто не вмешался, и в 1929 году Пий XI наконец признал то, что было фактом в течение уже более полувека.

Лев XIII

Пия IX сменил Лев XIII, который тоже занимал папский престол очень долго (с 1878 по 1903 год). Учитывая политическую ситуацию в Италии, Лев XIII, продолжавший отстаивать право на светскую власть в Риме и близлежащих районах, объявил, что католики не должны принимать участия в избирательной кампании. Этот запрет, остававшийся в силе вплоть до начала XX века, по сути лишал католиков возможности участвовать в процессе формирования итальянского государства. В то же время, проводя такую консервативную политику в Италии, Лев не видел необходимости проявлять особое упорство в других странах. Так, ему удалось достичь молчаливого соглашения с Германией, в результате которого были отменены некоторые из враждебных католикам постановлений, принятых Бисмарком. Во Франции Третья республика тоже приняла ряд антиклерикальных законов, но папа решил, что разумнее всего проводить примиренческую политику. В 1892 году он даже посоветовал французскому духовенству прекратить сопротивление республиканскому строю, хотя всего несколько лет назад в булле "Immortale Dei" он объявил, что демократия несовместима с церковной властью. Таким образом, Лев XIII хотя и признавал необходимость принимать во внимание новые реалии и современные понятия, тем не менее понимал роль папы в том же ключе, что и Пий IX, и не отказывался от мечты о католическом обществе, основанном на принципах, сформулированных папством.

Это явствует из наиболее значительного документа времен понтификата Льва - "Rerum novarum", буллы, которую он обнародовал 15 мая 1891 года. В ней он затронул тему, которую до него поднимали очень немногие папы: отношения между трудящимися и их работодателями. Булла показывает, что Лев прекрасно сознавал несправедливость, порожденную пропастью между "огромными богатствами немногих и крайней нищетой народных масс". Поэтому пришло время "определить взаимные права и обязанности богатых и бедных, капитала и рабочей силы". Их взаимоотношения стали тем более нетерпимыми после исчезновения в последнее время рабочих организаций, в результате чего "небольшие группы очень богатых людей получили возможность надеть на массы бедных трудящихся ярмо, мало чем отличающееся от рабского". Ошибочно думать, что отношения между богатыми и бедными могут выливаться только в классовую борьбу, но тем не менее защита интересов бедных заслуживает особого внимания, поскольку у богатых есть множество способов защитить себя своими силами, тогда как бедные могут рассчитывать только на защиту государства. Поэтому необходимы такие законы, которые гарантировали бы права бедных. В частности, это относится к праву каждого трудящегося на заработок, позволяющий содержать себя самого и свою семью, не будучи вынужденным работать сверх разумной меры. Все это необходимо, поскольку "Бог на стороне обездоленных".

С другой стороны, это не означает, что взгляды социалистов правильны, ибо частная собственность и возможность ее наследования - право, установленное Богом. Более того, существующие в общественном устройстве различия объясняются, по крайней мере частично, естественными различиями между людьми. Таким образом, призыв папы сводился прежде всего к тому, чтобы богатые проявляли милосердие. Это означает, что никто не обязан урезать средства, необходимые ему для жизни или даже для сохранения определенного жизненного статуса. Вместе с тем, обеспечив эти свои потребности, "человек обязан отдавать нуждающимся остаток". Бедным же не следует ненавидеть богатых, они должны помнить, что бедность - вполне почетное положение и что добродетельная жизнь ведет к материальному благополучию.

Лев хорошо понимал, что благотворительности и любви недостаточно для установления справедливых отношений в обществе, поэтому он призвал всех христиан защищать бедных, а также выступил за создание профсоюзов для защиты прав трудящихся. Учитывая, что эти права подразумевают справедливую оплату труда, разумную продолжительность рабочего дня и право беспрепятственно исповедовать католическую религию, Лев призвал создать католические профсоюзы, заявив, что в таких союзах не будет ненависти и расколов, которые возникают, когда бедность отделена от религии. Резюмируя свою позицию, он заявил в булле: "Злободневны и вопрос современности - положение рабочего класса... Но христианские работники легко решат его, создавая ассоциации, подбирая разумных лидеров и продвигаясь по пути, проложенному их предками с большой пользой для себя и для общества".

Эта энциклика дала новый импульс многим католикам, уже искавшим решение проблем, поставленных промышленной революцией и ростом капитализма. Некоторые из тех, кого булла побудила к действиям, впоследствии пришли к выводу, что предложенные в ней решения были слишком упрощенными. Другие выступали против профсоюзного движения на том основании, что Лев имел в виду католические союзы, а не какие-то другие. Таким образом, булла "Rerum novarum" хотя и ознаменовала начало современного католического профсоюзного движения, вместе с тем продемонстрировала противоречивое отношение Льва к проблемам и требованиям современного мира.
Такая же противоречивость проявилась и в его отношении к современным научным исследованиям. Лев открыл архивы Ватикана историкам, так как был убежден, что результаты исторических исследований укрепят авторитет церкви. Но в булле "Providentissimus Deus", признав большое значение исторического исследования Библии, он в то же время предостерег против использования его результатов для ослабления авторитета Библии или церкви. В результате на разные разделы энциклики могли ссылаться как сторонники большей свободы критического анализа Писания, так и их противники.

Пий X

Льва сменил Пий X (1903-1914), возглавлявший католическую церковь вплоть до начала Первой мировой войны. Он проводил гораздо более консервативную политику, чем Лев, и черпал вдохновение у Пия IX. Результатом стал еще больший разрыв между основными течениями современной мысли и обществом, с одной стороны, и католичеством - с другой. Следуя указаниям папы, Конгрегация священной канцелярии (бывшая инквизиция) издала декрет, осуждавший тех, кто осмеливался применять новые методы исследования к изучению Писания или богословских вопросов. Это были так называемые модернисты, наибольшей известностью среди которых пользовались француз А. Луасси, англичанин Джордж Тирелл и немец Герман Шелл. Вскоре после этого в энциклике "Pascendi Domini gregis" Пий X утвердил действия Священной канцелярии. В результате многие модернисты покинули церковь, а среди остававшихся в церкви католиков росло число тех, кто перестал обращать особое внимание на указания понтифика.
В заключение можно сказать, что в период между Французской революцией и Первой мировой войной христианство, как протестантское, так и католическое, столкнулось с новыми политическими, экономическими, социальными условиями, новой духовной атмосферой. В целом протестантизм искал возможности, позволившие бы учесть новые реалии, тогда как католичество следовало противоположным путем. Разумеется, в этом общем правиле было много исключений. Тем не менее одним из последствий такого положения дел стало то, что к началу Первой мировой войны протестанты и католики отдалились друг от друга, как никогда раньше. Протестанты относились к католической церкви как к пережитку прошлого, а католики были убеждены, что протестантизм подтвердил свой еретический характер, капитулировав перед вызовом, брошенным современным миром. И пока такая картина сохранялась, надежд на сближение двух ветвей западного христианства было очень мало.

Географическая экспансия

Развитие более совершенных средств связи значительно облегчило работу по донесению Благой Вести и распространение благотворного и многообещающего влияния западной цивилизации, но в то же время сближение разных народов и рас - следствие этого прогресса - сделало возможным более стремительное распространение тенденций, враждебных Царству Христа.
ВСЕМИРНАЯ МИССИОНЕРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, Эдинбург, 1910 год
По размаху географической экспансии XIX век сравним только с XVI веком. Но если XVI век был великой эпохой католической экспансии, то в XIX веке аналогичную роль сыграл протестантизм. Хотя общие последствия этого широкомасштабного предприятия до сих пор не совсем ясны, бесспорно, что с точки зрения истории христианства самым важным событием XIX века стало образование подлинно вселенской церкви, в которую влились народы, представляющие все человеческие расы. Вместе с тем необходимо

оговориться, что все это происходило в условиях развития колониализма и экономического империализма, оставивших свой отпечаток и на жизни церкви.

Колониальная экспансия

В начале XIX века вполне можно было считать, что эпоха европейского колониализма уже прошла пик своего развития. Такое представление было тем более оправданным в отношении западного полушария, где в предшествующие столетия европейская экспансия добилась особенно впечатляющих успехов. Но после завоевания независимости Соединенными Штатами у
Британии в Америке не осталось других колоний, кроме Канады, нескольких островов в Карибском море и сравнительно небольших владений в Центральной и Южной Америке. Французы потеряли Гаити - до того времени свою самую плодоносную колонию. А Испании пришлось отказаться от всех своих американских земель, за исключением Кубы и Пуэрто-Рико, которые она тоже потеряет на стыке веков. Кровавые события, связанные с наполеоновскими войнами, казалось, положили конец европейской гегемонии в мире.
Но произошло как раз противоположное. Наполеоновские войны побудили Британию обратить внимание на колонии, принадлежавшие ее противникам. Когда Наполеон стал хозяином европейского континента, Британия выжила благодаря превосходству своего флота. Самые мощные ее эскадры защищали страну от вторжения, а другие занимались перехватом судов, обеспечивавших торговые связи наполеоновской Европы - Франции, Испании, Португалии и Нидерландов - с заморскими колониями. Англичане привыкли получать плохие новости о сражениях с Наполеоном на суше и хорошие с моря, где их корабли причиняли ему большие неприятности. Когда война закончилась, в руках Британии оказались несколько бывших французских и голландских колоний.
Эти события вписывались в общий контекст колониальной экспансии XIX века, основной движущей силой которой была промышленная революция. Для технологического развития промышленного производства требовалось все больше капиталовложений и рынков сбыта. Какое-то время в качестве рынков сбыта вполне хватало неразвитых в промышленном отношении регионов Европы. Но затем индустриальным державам пришлось искать иные возможности, и они нашли их в Латинской Америке и в Азии.
В Латинской Америке это вылилось в "неоколониализм". Как только бывшие испанские колонии добились независимости, Великобритания, Франция и Соединенные Штаты повели борьбу за новые рынки сбыта. Поначалу иностранные компании интересовали главным образом города. Но к 1870 году они уже сражались за контроль над сельскохозяйственной продукцией, производимой во внутренних отдаленных районах. В новых условиях требовались уже не столько рынки сбыта, сколько сырье для промышленного производства. Алчный взгляд обратился на то, чего раньше почти не замечали, и значительная часть иностранного капитала теперь вкладывалась в строительство и эксплуатацию железных дорог, портов и перерабатывающих предприятий. Эти капиталовложения делались с согласия и при поддержке стоявших у власти *крестов,* размеры и ценность земельных владений которых значительно возросли. Иностранный и национальный капиталы заключили союз, интересы которого отстаивали олигархические правительства, в свою очередь получавшие от них поддержку. Ввиду крепости этого союза радикальные изменения в социальных и политических структурах происходили редко.
В Азии европейская промышленная революция приводила к аналогичным последствиям, хотя там колониализм принимал обычно более традиционную форму военных завоеваний и открытого политического господства. Поначалу западные развитые державы довольствовались открытием новых рынков. Однако осуществлению экономических интересов каждой из них мешали политическая нестабильность в регионе, слабость местных правительств и конкуренция других таких же держав, что раз за разом побуждало эти страны к военному вмешательству и к прямому захвату власти.
Колонизация черной Африки, до тех пор проходившая относительно медленно, ускорилась в последние десятилетия столетия, когда Европу охватила империалистическая лихорадка. Многим тогда казалось, что великая держава обязательно должна иметь заморскую империю. К тому времени Великобритания,

Франция и Нидерланды уже обладали такими империями, и теперь в яростную борьбу за захват любого клочка земли включились Бельгия, Италия и Германия.
Это стало возможным благодаря еще одному следствию промышленного развития: росту военной мощи. Западные державы располагали оружием, с помощью которого они могли разгромить гораздо более сильные в численном отношении армии. Даже такие гордые и многочисленные народы, как китайцы и японцы, были вынуждены склониться перед странами, которые в ином случае можно было бы считать второразрядными. В Африке и Азии политическую независимость удалось сохранить лишь очень немногим народам, но даже им пришлось отказаться от экономической независимости. Китай и Японию, например, которые никогда не были полностью завоеваны западными странами, буквально принудили открыть торговлю с Западом. Впервые в истории мир стал большим экономическим рынком.
В западном мире многие понимали смысл происходящего. Одни выступали против конкретных колониальных предприятий на том основании, что они противоречат национальным интересам. Другие - главным образом христиане глубоких убеждений - протестовали против жестокого обращения с коренными жителями некоторых колонизированных районов. Но в целом колонизаторы были убеждены, что их дела оправдываются полезностью их цивилизаторской миссии для местного населения. По их представлениям, Бог вложил блага западной цивилизации и христианской веры в руки белых - европейцев и североамериканцев, - дабы они поделились ими с остальным миром. Выполнение этой задачи было "бременем белого человека": донести до всего мира блага индустриализации, капитализма, демократии и христианства.
Для таких представлений были определенные основания. Медицинское обслуживание, например, дошло до многих отдаленных районов и спасло огромное число жизней. Торговля и промышленное развитие повысили благосостояние во многих частях света и по этой причине получили поддержку со стороны некоторых слоев местного населения. Но в то же время все это вызывало недовольство широких народных масс, лишавшихся земли, приводило к разрушению многих культурных традиций, веками скреплявших общество, и к увеличению разрыва между уровнем жизни богатых и бедных во всем мире. Во всяком случае, расовое и культурное высокомерие, лежавшее в основе всего этого предприятия, не могло не вызвать антиколонизаторской реакции, проявившейся в середине XX века.

Миссионерская деятельность

Все эти события и идеи оказали глубокое влияние на церковь. Однако взаимоотношения между колониальными властями и миссионерами были очень сложными. Часто выдвигается обвинение, что миссионеры были агентами колониализма, но это не совсем так, поскольку некоторые из них выступали против колониальной политики в целом, а многие критиковали различные ее аспекты. Не совсем соответствует действительности и утверждение, что миссионеры вошли в дверь, открытую колониализмом, - многие из них действительно работали в колонизированных странах, но во многих других случаях миссионеры добирались до районов, в которых до них не появлялись ни торговцы, ни колонизаторы. Кроме того, миссионерская работа часто вступала в противоречие с политикой колониальных властей и с коммерческими интересами, так как возникало опасение, что религиозные конфликты могут повредить торговле. Суть в том, что колониальная экспансия Запада - в частности, протестантского Запада - совпала по времени с миссионерской экспансией и что эти два движения в одних случаях помогали, а в других мешали друг другу.
Одной из самых существенных характеристик миссионерского предприятия XIX века было образование миссионерских обществ. Одни из них набирали членов из какой-то определенной конфессии, другие ломали конфессиональные границы. Все общества были добровольными, поскольку церкви, как правило, не оказывали миссиям материальной поддержки. Предтечами движения были Общество распространения христианского знания, основанное в 1698 году, и Общество распространения Евангелия в зарубежных странах, основанное в 1701 году. Оба они были англиканскими и какое-то время проводили работу в основном среди британских эмигрантов. В XVIII веке под влиянием пиетистов, моравских братьев и методистов были созданы несколько других подобных организаций. Но расцвет миссионерских обществ наступил в конце XVIII века и продолжался в течение всего XIX века. В 1792 году благодаря усилиям Уильяма Кэри,

которого часто называют "отцом современного миссионерства", было основано Общество частных баптистов по распространению Евангелия среди язычников (позднее название сократили, и оно стало называться Баптистским миссионерским обществом). Три года спустя, отчасти по примеру баптистов, методисты, пресвитериане и конгрегационалисты создали Лондонское миссионерское общество. Церковное миссионерское общество, основанное в 1799 году, набирало членов среди евангельского крыла англиканской церкви. Создавались также другие общества с более конкретными целями, такие как Британское и зарубежное библейское общество, основанное в 1804 году. Затем движение распространилось на другие страны, и вскоре протестантские миссионерские общества появились в Нидерландах, Швейцарии, Дании, Германии и в некоторых других странах. Во Франции существовали как протестантские, так и католические общества. В Соединенных Штатах конгрегационалисты основали Американский совет представителей зарубежных миссий. Когда один из этих миссионеров, Адонирам Джадсон, стал баптистом, для помощи ему и другим миссионерам было организовано Баптистское миссионерское общество, послужившее в конечном счете основанием для создания Американской баптистской конвенции.

Появление этих обществ указывает на еще одну характерную черту миссионерского движения XIX века: широкую его поддержку. Раньше в течение столетий миссионерская работа проводилась при официальной поддержке государства. Но в XIX веке большинство западных правительств почти или совсем не имели официальных связей с миссионерским движением. Британская Ост-Индская компания в течение многих лет пыталась удалить миссионеров с находившихся под ее властью территорий. Большинство европейских правительств и Соединенные Штаты занимали нейтральную, а в некоторых случаях - отчасти враждебную позицию по отношению к работе миссионеров и ее целям. По крайней мере теоретически миссионеры могли рассчитывать только на ту защиту, которая предоставлялась их согражданам, занятым другими делами. Но самое разительное отличие от современного миссионерского движения касалось финансовой поддержки. Средства для работы выделяли лишь немногие правительства и немногие церкви. Не имея поддержки со стороны гражданских властей и церкви, миссионеры были вынуждены обращаться к общественности, благодаря помощи которой миссионерские общества начали расти и распространяться.

Таким образом, впервые за много столетий миссионерская работа привлекла широкий интерес членов церквей. Разумеется, и тогда многие не обращали на этот вопрос никакого внимания. Но все, у кого было такое желание, и стар и млад, могли вносить свой вклад в проповедь Евангелия в дальних странах. Со своей стороны, миссионерские общества доносили сведения о том, что происходило в самых отдаленных районах Азии и Африки, и это становилось одним из основных источников информации и учебных материалов о других странах и культурах.

Важную роль во всем этом играли женщины. Во многих конфессиях, как в Соединенных Штатах, так и в Европе, женщины организовывали собственные миссионерские общества и собирали средства и продовольствие для работы за рубежом. Поначалу все миссионеры были мужчинами, хотя многие из них были женаты и брали жен с собой. Но вскоре стало ясно, что женщины могут играть большую роль в зарубежных миссиях. Некоторые женские миссионерские общества начали посылать собственных миссионеров. У католиков такими миссионерами были обычно монахини, и на миссионерском поле они занимались примерно той же работой, что и на родине, - обучением, уходом за детьми и престарелыми и так далее. У протестантов же женщины начали заниматься делами, которые дома им были запрещены, такими как проповедование и организация церквей. (В условиях подспудного расизма того времени казалось вполне приемлемым, что женщины имеют над "аборигенами" власть, которой сексизм лишал их у себя дома.) В конечном счете пример этих женщин и известия о достигнутых ими успехах побудили других женщин в Европе и в Соединенных Штатах требовать возможности делать то же самое. Таким образом, миссионерское движение стало одним из источников феминистского движения среди западных протестантов.

Наконец, еще одним важным последствием миссионерского движения был дух сотрудничества между разными конфессиями. Соперничество, казавшееся вполне естественным в Европе и в Соединенных Штатах, стало камнем преткновения для

миссионерской работы в Индии или в Китае. Поэтому многие миссионеры, а вслед за ними и их обращенные, предпринимали меры для устранения преград, отделявших конфессии одну от другой. Некоторые миссионерские общества начали приглашать работников из разных конфессий. Трудившиеся на миссионерском поле постоянно направляли усилия на то, чтобы доносить общее свидетельство и избегать конкуренции. Таким образом, экуменическое движение, во всяком случае - среди протестантов, одним из своих корней уходит в миссионерский опыт XIX и XX веков.

Азия и Океания

В течение многих веков воображение Европы завораживали древние цивилизации Дальнего Востока. В средние века из книги в книгу кочевали неясные слухи о странных обычаях и необычайных чудовищах. Затем Марко Поло и другие путешественники рассказали о сказочных богатствах дворов Китая и Индии. В XVI веке португальцы открыли в этом регионе постоянные торговые базы, и вскоре подобными опорными пунктами стали пытаться обзавестись и другие европейские страны. Торговые интересы и необходимость их защищать часто приводили к военным и политическим завоеваниям, и к началу Первой мировой войны в Азии и в Тихом океане осталось очень немного стран, не подпавших под колониальное управление. Хотя это не всегда происходило в согласии с колониальной политикой, тем не менее миссионеры и основывавшиеся ими церкви становились частью процесса европейской экспансии.

В Азии новую волну колониальной экспансии первым испытала на себе Индия как историческая цельность - сейчас это Индия, Пакистан, Бангладеш и Шри-Ланка. Христианство существовало там с древних времен, а католичество появилось в XVI веке. В начале XVIII века туда прибыли первые протестантские миссионеры под покровительством датского короля, на которого большое влияние оказывал пиетизм. Но самое большое протестантское миссионерское наступление произошло в XIX веке, когда резко возросло британское влияние.

Британская Ост-Индская компания проводила операции в Индии с начала XVIII века. Примерно сто лет спустя она овладела практически всем ее восточным побережьем. Чуть раньше англичане захватили Цейлон. К середине XIX века практически весь регион оказался в руках Великобритании. В 1858 году по постановлению парламента управление Индией было отобрано у компании и передано напрямую британской короне.

В первое столетие своей деятельности Британская Ост-Индская компания противилась миссионерской работе, так как опасалась, что христианская проповедь вызовет трения и беспорядки, нанеся тем самым ущерб торговле. Такая политика не встречала особого сопротивления в Англии, где тогда мало кто интересовался миссионерской работой. Ситуация изменилась отчасти в результате усилий Уильяма Кэри, так что его совершенно справедливо называют "отцом современного миссионерства".

Уильям Кэри воспитывался в англиканской семье, но затем стал баптистом. По профессии он был учителем и сапожником, и его завораживали известия об открытых капитаном Куком новых землях в акватории Тихого океана. Под влиянием веры и того, что ему было известно о существовании далеких земель, он пришел к необычному в то время выводу, рассудив, что христиане обязаны проповедовать Евангелие жителям дальних стран, которые не слышали его. Встретившись с большим сопротивлением, он все же сумел объединить людей, придерживавшихся тех же взглядов, и создать Общество частных баптистов по распространению Евангелия среди язычников. Когда Общество не смогло найти миссионера, Кэри решил взяться за дело сам и в 1793 году прибыл в Калькутту вместе с семьей и врачом, который должен был помогать ему в работе. Трудности встретились немалые. Характерно, что однажды он написал своим сторонникам в Англии, что он на каждом шагу натыкается на препятствия и поэтому не видит другой альтернативы, кроме как продолжить свою работу! Его решимость и, в частности, его письма в Англию пробудили новый интерес к миссионерской деятельности, и вслед за ним отправилась группа миссионеров. Поскольку Ост-Индская компания не разрешила вновь прибывшим поселиться в Калькутте, Кэри перенес свою резиденцию в Серампур, превратившийся в организационный центр всей проводившейся работы. Вместе со своими помощниками, среди которых был печатник, он решил, что одна из первоочередных задач заключалась в том, чтобы сделать Библию доступной индийскому населению. Кэри обладал необычайными способностями

к языкам и ко времени своей смерти перевел Библию, полностью или частично, на тридцать пять языков. Он также всеми силами искоренял обычай сжигать вдов на костре вместе с их умершими мужьями. Во всех этих делах он добился замечательных успехов. Работа Кэри и сообщения о ней, поступавшие в Англию и в Соединенные Штаты, побуждали многих следовать его примеру. Многие миссионерские общества, возникшие в начале ХГХ века, своим существованием обязаны именно его влиянию. Все больше было христиан, которые, узнавая о достижениях Кэри, чувствовали призвание, как и он, стать миссионерами. В 1813 году, при пересмотре устава Ост-Индской компании, парламент внес в него положение о свободном доступе миссионеров на территории, находящиеся под ее контролем.

В самой Индии усилия Кэри на первых порах не приводили к большому числу обращений. Но к концу его жизни стало ясно, что там создана церковь и что его работу надо продолжить. В следующем поколении известность своей деятельностью в сфере просвещения приобрел шотландец Александр Дафф, убежденный, что именно распространение образования - наилучший путь для проникновения в Индию. В результате работы его самого и его последователей ко времени, когда век спустя Индия завоевала независимость, многие лидеры нового государства были либо христианами, либо людьми, на которых христианская вера оказала глубокое воздействие.

Между тем среди низших слоев населения обращения были массовыми. Протестантские миссионеры настаивали на несправедливости кастовой системы в Индии. В соответствии с индийской традицией, сам факт преломления хлеба во время евхаристии истолковывался как разрушение кастовых границ. Поэтому многие "неприкасаемые" и некоторые племена, традиционно исключавшиеся из общественной жизни, относились к протестантизму как к освободительной силе и присоединялись к нему. Равным образом, многие женщины видели в христианстве луч свободы и под его влиянием начинали заниматься общественными делами. Самой известной среди них была Рамабаи, совершившая поездку в Англию и в Соединенные Штаты и по возвращении в Индию посвятившая остаток жизни женскому образованию. В результате ее работы многие женщины смогли внести значительный вклад в жизнь церкви и индийского общества.

В Юго-Восточной Азии во владения колониальных держав вклинилось когда-то могущественное королевство Сиам (ныне Таиланд). К востоку от него возникли французские колонии, названные впоследствии Французским Индокитаем, а англичане, западнее Сиама, захватили Бирму. Во французской зоне католические миссионеры селили своих обращенных в отдельных деревнях, где они могли жить в соответствии с католическими учениями. В результате регион разделился на католические и буддистские населенные пункты, и такое положение дел сохранялось и в ХХ веке. В Бирме самым известным миссионером был Адонирам Джадсон, американский кон-грегационалист, отправленный Американским советом представителей зарубежных миссий и по пути на миссионерское поле ставший баптистом. По примеру Кэри он вместе с женой перевел Писание на бирманский, тайский и другие языки. Они обратили немногих, но один из обращенных, Ко Тха Биу, впоследствии организовал движение массового обращения в своем племени каренов. В Сиаме, единственной стране Юго-Восточной Азии, которой удалось сохранить независимость, работали как католические, так и протестантские миссионеры. Их работа затруднялась кратковременными периодами преследований, но к концу века они сумели создать достаточно сильные церкви.

Китай был великой империей Дальнего Востока. Христианство неоднократно пыталось пустить там корни, но каждый раз отступало из-за суровых гонений и изоляции. Наконец Риччи и сопровождавшим его иезуитам удалось создать небольшую церковь (см. том 1, с. 381-382). Но затем наступил очередной период изоляционизма, и в начале XIX века положение немногочисленной католической общины в Китае было очень шатким. Протестантские миссионеры давно мечтали проникнуть в Китай. К тому времени один из соратников Кэри уже начал монументальный труд по переводу Библии на китайский язык. Затем в Кантоне обосновался шотландец Роберт Моррисон, посвятивший жизнь переводу Библии и других книг на китайский язык. Прошло семь лет, прежде чем у него появился первый обращенный, которых у Моррисона никогда не было много. Но его пример и то, что уже существовал китайский перевод Писания,

поддерживали мечту принести в эту обширную страну послание христианства. Трудность, однако, заключалась в том, что китайское правительство нетерпимо относилось к присутствию иностранцев на территории империи. Лишь немногих из тех, кого китайцы считали западными варварами, допускали на строго определенные четко означенные территории, и именно через эти порты осуществлялись торговые связи.
Затем началась Опиумная война (1839-1842). Она стала одной из самых позорных страниц в истории западного колониализма - англичане развязали войну с Китаем для защиты якобы имевшегося у британских купцов права ввозить опиум в Китай, что было явным нарушением китайских законов. По условиям Нанкинского договора, положившего конец военным действиям, англичане получили остров Гонконг и открыли пять крупных торговых портов. После этих событий примеру англичан последовали другие страны, чтобы с помощью военной силы добиться от китайцев еще больших уступок. Многие договоры о таких уступках включали положения о допуске миссионеров на китайскую территорию. Некоторые из них предусматривали также их защиту. В конечном счете особые меры были приняты даже в отношении китайских христиан. Вскоре в Китай прибыли миссионеры из разных стран и конфессий, и их начальный успех вселял большие надежды.
Неожиданным косвенным последствием христианской проповеди стало Тайпинское восстание с созданием "Небесного царства". Основателем движения был школьный учитель, прочитавший несколько христианских трактатов и решивший, что пришло время для установления "Небесного царства великого благоденствия", царем которого станет он. В этом царстве все будет общим, не будет дискриминации по половому признаку и будут приняты законы, направленные на искоренение проституции, прелюбодеяния, рабства, ношения девушками колодок, употребления опиума, табака и алкоголя. В 1850 году движение вылилось в открытое восстание, и войска "Небесного царства" одержали ряд впечатляющих побед. В 1853 году повстанцы сделали Нанкин "Небесной столицей" и угрожали даже императорскому Пекину. В конце концов императорская армия с помощью западных держав подавила восстание. Оно продолжалось пятнадцать лет и унесло двадцать миллионов жизней.
Именно во время Тайпинского восстания в Китае впервые появился Хадсон Тейлор. Вскоре из-за слабого здоровья он был вынужден вернуться в Англию и там сосредоточить свои усилия на создании Китайской внутренней миссии и ее руководстве. Затем в качестве ее представителя он вернулся в Китай. Целью этой организации была евангелизация Китая, не предполагавшая, однако, привнесения различных течений европейского и американского протестантизма. Китайская внутренняя миссия принимала миссионеров из всех конфессий, и благодаря ей возникли сотни церквей в разных частях страны. Она не пожелала обзавестись мнимыми преимуществами, которые якобы сообщало покровительство иностранных государств, поскольку Тейлор сознавал, что такого рода привилегии вызовут недовольство китайцев и в конечном счете обойдутся очень дорого.
Предсказания Тейлора сбылись. Боксерское восстание в 1899-1901 годах стало мощным проявлением недовольства китайцев иностранным вмешательством. Были убиты тысячи миссионеров и их обращенных. Иностранные дипломаты, спорившие о разделе добычи в Китае, оставались в осажденном Пекине, пока им на выручку не пришла объединенная армия западных держав. В конце концов западные страны подавили восстание, и китайское правительство было вынуждено пойти на еще большие уступки, в том числе - уплатить огромные расходы по возмещению понесенных убытков. Некоторые миссионерские агентства, извлекшие урок из восстания, отказались принять платежи. Все эти беспорядки в конечном счете привели к падению империи. В 1911 году, когда вспыхнуло новое восстание, император был вынужден отречься от престола, и открылся путь для создания Республики объединенных китайских провинций. К тому времени число протестантских миссионеров составляло десятки тысяч, в каждой провинции были процветающие церкви, и руководящие позиции в церкви все чаще занимали китайцы. Будущее казалось таким светлым, что некоторые западные наблюдатели заговорили об обращении всей страны - подобно тому, как это произошло в Римской империи при Константине.
В первой половине XIX века Япония оставалась абсолютно закрытой для контактов с Западом. В 1854 году коммодор американских ВМС Мэттью Перри вынудил японцев

подписать первый торговый договор с западной державой. Затем его примеру последовали Великобритания, Франция, Нидерланды и Россия. В 1864 году объединенные силы стран Запада положили конец всякому сопротивлению иностранному влиянию. Результатом стало признание японцами технологического превосходства Запада и их стремление как можно большему научиться у него. К концу века Япония превратилась в индустриально развитую и сильную военную державу, нанесшую поражение китайцам и русским, а в 1910 году она аннексировала Корею. Этот процесс быстрого развития по западным образцам облегчал работу миссионеров, устремившихся туда вскоре после достигнутого коммодором Перри прорыва. Во всех главных городах страны появлялись церкви, для руководства которыми готовились кадры из числа местного населения. Любопытно отметить, что в районе Нагасаки протестантские миссионеры обнаружили около ста тысяч человек, сохранявших остатки веры своих предков, переданной несколько веков назад Франсуа Ксавье и другими иезуитскими миссионерами.

Японцы усвоили урок коммодора Перри и в 1876 году принудили Корею подписать свой первый торговый договор. Вскоре аналогичные договоры Корея подписала с Соединенными Штатами (1882), Великобританией (1883) и Россией (1884). Это открыло путь в Корею для первых протестантских миссионеров, методистов и пресвитериан из Соединенных Штатов, прибывших туда в 1884 году. Их цель заключалась в создании церквей, которые с самого начала были бы самостоятельными, и в подготовке руководителей для этих церквей из числа местного населения. Результаты были поразительными. Несмотря на трудности, вызванные японской оккупацией в 1910 году, эти церкви продолжали процветать, и вскоре Корея стала страной с самым большим в процентном отношении христианским населением на Дальнем Востоке, за исключением Филиппин.

Филиппины были завоеваны и колонизированы испанцами гораздо раньше, и к началу XIX века население там стало в основном католическим. Но пример испанских колоний в Америке пробудил надежды на независимость, которая была провозглашена в 1896 году. Два года спустя в результате испано-американской войны Испания уступила Филиппины Соединенным Штатам. Это не остановило борьбу за независимость, продолжавшуюся до 1946 года, когда острова стали наконец независимыми. Во время борьбы против испанского владычества католическая церковь была инструментом в руках колониального правительства, и это привело к созданию Филиппинской независимой церкви, на которую впоследствии оказал влияние протестантизм, в результате чего она еще больше отошла от католичества. Протестанты пришли на острова в период американской оккупации, но к 1914 году созданных ими там церквей было еще мало.

Индонезия, первоначально колонизированная португальцами, к началу XIX века находилась в основном в руках голландцев. Голландская Ост-Индская компания, которая до 1798 года отвечала за проведение колониальной политики, к миссиям относилась враждебно. Поэтому энергичные усилия по работе с коренным индонезийским населением предпринимались главным образом в XIX веке. Христиане в Нидерландах подвергали резкой критике коррупцию колониальных властей и откровенную эксплуатацию местных жителей, и в 1870 году были приняты определенные меры по исправлению положения. Тем временем английский авантюрист Джеймс Брук провозгласил себя раджой в Сараваке. Он сам и его преемники Чарлз и Винер Бруки приглашали на свои территории миссионеров в надежде, что они улучшат положение дел в сфере образования и медицинского обслуживания. Они также поощряли иммиграцию китайских христиан. Таким образом, к концу XIX века число христиан в Индонезии значительно возросло.

К востоку и югу от этих стран располагались земли, смутное представление о которых европейцы имели еще с XVI века и которые привлекли внимание англичан благодаря экспедициям капитана Джеймса Кука, совершенным с 1768 по 1779 год. Самые крупные из них, Австралия и Новая Зеландия, были вскоре колонизированы англичанами, создавшими там церкви, подобные тем, которые существовали у них на родине. Коренные жители Австралии и маори в Новой Зеландии уничтожались европейскими иммигрантами и гибли от принесенных ими болезней, поэтому церкви протестовали против жестокого отношения к ним и их эксплуатации. В Новой Зеландии в таких движениях, как *Хау-Хау* и *Рингату,* древние традиции маори сочетались с

христианскими учениями и стремлением к справедливости и защите своих прав. Широкой поддержкой среди маори эти движения продолжали пользоваться и в XX веке. Более мелкие острова Тихого океана поначалу привлекали внимание авантюристов и мечтателей. Затем там появились миссионеры. Наконец, когда после 1870 года началась безумная колониальная лихорадка, на сцену вышли великие державы. К концу века на каждый из этих островов претендовало то или иное иностранное государство. К тому времени большинство населения Полинезии стало христианским, и церкви уже были почти на всех островах Меланезии и Микронезии. Имя Христа еще не было донесено лишь до самых отдаленных мест - таких как внутренние районы Новой Гвинеи.

Африка и мусульманский мир

Мусульмане веками препятствовали европейской экспансии на юг и на юго-восток. За мусульманскими владениями на северном побережье Африки располагались бесплодные засушливые земли, а за ними - тропические районы, климат которых казался европейцам нездоровым. Поэтому Европа привыкла относиться к Африке и к мусульманскому миру просто как к препятствиям на пути к богатствам Востока. Но в ходе XIX века такой взгляд на вещи претерпел радикальные изменения. В начале столетия большая часть Ближнего Востока и северное побережье Африки принадлежали Османской империи со столицей в Стамбуле (бывший Константинополь). Но к началу Первой мировой войны Великобритания, Франция и Италия завладели северным побережьем Африки, а Османская империя стояла на грани исчезновения. В связи с этим открылись возможности для начала миссионерской работы в этих и других традиционно мусульманских землях.

Но в этих районах уже были другие христиане - ведь зародилось христианство именно там. Поэтому прежде всего западным миссионерам надо было установить контакт с этими старыми церквами. Католики обычно стремились приобщать целые церкви восточных христиан к католичеству и повиновению папе. Члены таких групп, хотя они и сохраняли свои обряды и предания, фактически становились католиками и получили название "униатов". Для рассмотрения относящихся к ним конкретных вопросов в 1862 году в Риме была образована "Конгрегация восточных обрядов". Католики пытались обращать и мусульман, но добились сравнительно небольших успехов. Протестанты, со своей стороны, нередко стремились сотрудничать со старыми восточными церквами в надежде, что такое сотрудничество приведет к обновлению в жизни этих церквей. Эта программа принесла определенные результаты, но в конечном счете вызвала трения между старыми церквами, которые затем раскололись. Консервативное крыло вернулось к старым обычаям, а более прогрессивное просто стало протестантским. Именно вследствие этого раскола протестантизм получил наибольшее число первых приверженцев, хотя затем он начал приобретать обращенных и из числа мусульманского населения. Наибольших успехов эта работа принесла в Египте, Сирии и Ливане.

В начале XIX века европейских анклавов в черной Африке было немного. Власть португальцев, владевших Анголой и Мозамбиком, распространялась не очень далеко в глубь материка. В 1652 году голландцы основали колонию на мысе Доброй Надежды. Вслед за этим французы открыли торговую базу в Сенегале. В 1799 году англичане основали колонию Сьерра-Леоне для приема освобожденных рабов, возвращавшихся в Африку. К этому сводились все европейские колониальные владения в Африке в начале века. К 1914 году положение резко изменилось - на всем континенте независимость сохранили только Эфиопия и Либерия, причем последняя возникла благодаря усилиям раннего аболиционистского движения в Соединенных Штатах.

В первые годы XIX века процесс колонизации шел довольно медленно. Англичане отобрали у голландцев мыс Доброй Надежды, и те двинулись на север, создавая новые колонии. В 1820 году первые американские чернокожие прибыли в Либерию, ставшую независимым государством в 1847 году. Тем временем миссионеры проникали на территории, на которые раньше не ступала нога европейца, и рассказывали о процветавшей там работорговле и об экономических ресурсах внутренней Африки. В 1867 году в Южной Африке были открыты залежи алмазов. Франция стремилась соединить свои владения в Алжире с Сенегалом. Германия включилась в гонку в 1884 году, завладев Намибией. Бельгийский король Леопольд II, чья власть в собственной

стране была ограниченной, отнесся к колонизации Конго как к личному делу, и в 1908 году страна получила официальное название Бельгийского Конго. В 1885 году Испания захватила Рио-де-Оро и Испанскую Гвинею. Затем Италия завладела Эритреей. К тому времени остаток континента был поделен между Великобританией, Францией и Германией.

Все эти события возбуждали миссионерский интерес в Европе и в Соединенных Штатах. В целом католические миссии добивались больших успехов в колониях католических стран, а протестанты приобретали больше приверженцев в колониях Великобритании и Германии. Кроме того, работе католиков препятствовали споры по вопросу о юрисдикции - Португалия продолжала настаивать на своих древних правах патроната над всей африканской церковью, а Франция и Бельгия не могли поделить долину реки Конго. Самым известным протестантским миссионером в Африке был Дэвид Ливингстон, чьи путешествия в качестве миссионера и представителя британского правительства привлекли большой интерес к черной Африке и чьи отчеты о бедственных последствиях работорговли в значительной степени способствовали ее отмене.

К 1914 году почти вся Африка стала колониальной, но вместе с тем на всех этих территориях появились христианские церкви. Они были как в крупных городах, так и внутри континента, где церкви создавались во многих захолустных деревушках. К тому времени многие из этих церквей начали готовить собственное руководство и распространять работу на другие районы.

Латинская Америка

Последствия завоевания независимости странами Латинской Америки для католической церкви были рассмотрены в главе 27. В то же время обретение независимости привело к созданию протестантских церквей на всей территории Латинской Америки. Сначала этому способствовала иммиграция. В необходимости поощрять иммиграцию новые правительства были убеждены по ряду причин. Прежде всего, поставив перед собой цель развивать промышленность, ориентируясь на такие страны, как Великобритания, они надеялись, что иммиграция привлечет необходимые для этого опытные кадры. Во-вторых, еще оставалось очень много невозделанных пахотных земель. Иммигранты могли селиться на этих землях и обрабатывать их, повышая тем самым благосостояние страны. В-третьих, необходимо было внедрять и распространять новые идеи в противовес тем, которые исходили из Испании и которых продолжали придерживаться многие члены католической церкви. Поэтому на протяжении всего XIX века многие латиноамериканские правительства поощряли иммиграцию из Европы и из Соединенных Штатов.

При проведении этой политики следовало иметь в виду, что многие потенциальные иммигранты были протестантами, не желавшими отказываться от своей веры. Попытки принудить их к отречению способствовали бы притоку беспринципных лицемеров, а такой горький урок Мексика уже усвоила в Техасе. С учетом этого многие правительства, даже в странах, не предоставлявших такой свободы собственным гражданам, приняли законы, гарантирующие иммигрантам свободу вероисповедания. Вскоре, однако, они осознали нелепость такого положения и были вынуждены предоставить равные права собственным гражданам. Тем самым политика поощрения иностранной иммиграции в конечном счете способствовала распространению протестантизма среди коренного населения.

Большинство иммигрантов первой волны прибывали из Европы. Из Соединенных Штатов приезжали очень немногие (если не считать тех, кто перебирался на территории, захваченные у Мексики), так как это было временем североамериканской экспансии на запад, где имелось вполне достаточно земель, которые можно было получить, не эмигрируя в Латинскую Америку. Большое число шотландцев поселились в Аргентине, Уругвае и Чили, где климатические условия приближались к тем, к которым они привыкли на родине, а экономические во многих случаях были более благоприятными. Таким образом, протестантские службы на английском языке совершались в крупных городах юга Латинской Америки задолго до обращения в протестантизм первых латиноамериканцев.

Особенно интересным случаем миссионерской деятельности иммигрантов была работа Джеймса Теодора Холли и его товарищей, 110 чернокожих членов Епископальной церкви, эмигрировавших из Соединенных Штатов на Гаити в надежде найти там больше

свободы и проповедовать Евангелие гаитянам. В течение полутора лет сорок три человека из этой группы умерли от разных болезней. Большинство оставшихся в живых решили вернуться в Соединенные Штаты или перебраться на Ямайку. Но Холли остался вместе с горсткой людей и основал церковь. В 1876 году он был посвящен Епископальной церковью в сан первого епископа Апостольской ортодоксальной церкви Гаити, впоследствии ставшей Епископальной церковью Гаити.
В конечном счете волна иммиграции привела к началу миссионерской работы среди коренных латиноамериканцев. Первым прибывшим туда миссионером был, вероятно, шотландец Джеймс Томсон, баптистский представитель Британского и зарубежного библейского общества, приехавший в Буэнос-Айрес в 1818 году. В течение нескольких следующих лет он посетил разные страны - от Аргентины и Чили до Кубы и Мексики, - а затем отправился в другие края. Его работа заключалась главным образом в распространении Библии на испанском языке и в личных беседах со священниками и другими людьми. Целенаправленная миссионерская работа протестантов началась в большинстве стран лишь во второй половине столетия. Первая протестантская проповедь на испанском языке, о которой нам известно, была прочитана в Буэнос-Айресе в 1867 году. Примерно в то же время пресвитерианская церковь начала работу в Чили. В общем и целом миссионерские агентства Соединенных Штатов начали проявлять активный интерес к Латинской Америке после 1870 года.
Одним из факторов, препятствовавших практическим делам, было присутствие в регионе католической церкви. Организация миссий в Латинской Америке подразумевала бы, что католики - не христиане, а на это многие протестантские агентства и церкви идти не хотели. Особенно сильное сопротивление создание миссий в католической среде встречало со стороны англикан и епископалов, поэтому первые англиканские миссии в Латинской Америке работали среди индейцев на Огненной Земле.
Тем не менее к началу XX века протестантские миссии добились в Латинской Америке больших успехов. Большинство первых миссионеров проявляли заботу не только о спасении душ, но и о материальном благосостоянии и интеллектуальном развитии человека. Благодаря этому протестанты приобрели известность своей работой в области образования и медицинского обслуживания. Кроме того, по мере роста престижа Соединенных Штатов рос и авторитет связанных с ними церквей. И если большинство первых миссионеров были представителями крупных конфессий, к началу XX века появлялось все больше миссионеров, представлявших небольшие консервативные церкви.
Религиозные разногласия в Латинской Америке привели к образованию новых церквей. В Мексике и Пуэрто-Рико группы, порвавшие с католической церковью, стали епископалами. В Чили небольшая харизматическая группа, изгнанная в 1910 году из методистской церкви, образовала Методистскую пятидесятническую церковь, превзошедшую вскоре по численному составу материнскую церковь. Таким образом, к началу Первой мировой войны в 1914 году во всех странах Латинской Америки насчитывалось значительное число протестантов, принадлежавших либо к церквам, появившимся там вместе с ними, либо к тем, которые родились в самой Латинской Америке.

Экуменическое движение

При рассмотрении истории христианства в XIX веке можно сделать вывод, что самым значительным явлением этого периода стало зарождение подлинно вселенской церкви. До тех пор христианство было почти исключительно западной религией. Но к 1914 году церкви появились почти во всех странах света, и эти церкви начали развивать самостоятельную деятельность, понимая христианство применительно к своим конкретным условиям. В результате зародилось экуменическое движение в двояком смысле. Во-первых, само слово "экуменический" означает "распространяющийся на всю обитаемую землю". То есть христианство никогда раньше не было таким "экуменическим", каким оно стало в XIX веке. Во-вторых, если под "экуменизмом" понимать единство христиан, становится ясно, что одной из движущих сил, ведущих к объединению христиан, является миссионерское движение.
В Соединенных Штатах, где члены разных христианских конфессий жили бок о бок, экуменические настроения развивались в результате постановки вопросов,

выходивших за рамки отдельных конфессий, - таких как аболиционизм, трезвость, фундаментализм, либерализм и так далее. Но, учитывая, что конфессиональная принадлежность обычно не препятствовала решению конкретных задач, даже там обоснованность разделения церквей редко ставилась под сомнение. Наиболее серьезной такой попыткой было, пожалуй, основание церкви "Учеников Христа" (см. главу 25).

В зарубежных же миссиях сотрудничество было неизбежным. Переводы Библии, сделанные миссионерами одной конфессии, использовались и другими, и скоро стало ясно, что координация усилий - хороший способ, чтобы распоряжаться ограниченными ресурсами. Кроме того, на обширных землях, еще не услышавших евангельского слова, имело смысл договориться, какая церковь или миссионерская организация возьмет на себя ответственность за тот или иной район. Но что самое главное - трудно было доносить Благую Весть до людей, раньше ее не слышавших, если им предлагались разные ее истолкования, каждое из которых претендовало на истинность. Различия, казавшиеся вполне естественными в Европе или в Соединенных Штатах, теряли смысл в Южной Индии или в Японии. Поэтому люди, снедаемые пламенной страстью обращения мира, быстро приходили к убеждению, что христиане разных конфессий должны работать сообща.

Великим предтечей экуменического движения был не кто иной, как Уильям Кэри, предложивший созвать в 1810 году в Кейптауне международную миссионерскую конференцию. Он надеялся, что на этой конференции соберутся миссионеры и миссионерские организации со всего мира для обмена информацией и координации планов. Но в то время многие придавали слишком большое значение собственным заботам, поэтому предложение Кэри не встретило понимания. К его призыву прислушались ровно сто лет спустя, на протяжении которых проводились менее масштабные конференции, как в странах, посылавших миссионеров, так и на миссионерском поле.

Наконец, в 1910 году, в Шотландии, в Эдинбурге, собралась Всемирная миссионерская конференция. В отличие от предшествовавших конференций на ней присутствовали официальные делегаты миссионерских обществ, причем их число определялось пропорциональным (в финансовом отношении) вкладом каждой организации в общую миссионерскую работу. Было также определено, что конференция должна заниматься рассмотрением вопросов, касающихся исключительно работы с нехристианами, и что поэтому миссионерская деятельность протестантов среди католиков в Латинской Америке или среди православных на Ближнем Востоке обсуждаться не будет. Кроме того, организаторы конференции приняли решение не обсуждать вопросы "веры и порядка", понимая, что это может привести лишь к еще большему отчуждению. В подготовке к конференции участвовали сотни людей во всем мире, проводивших сбор данных и анализировавших общую картину путем переписки и участия в региональных или местных конференциях. Большинство делегатов конференции представляли Великобританию и Северную Америку. Присутствовало также значительное число делегатов из других европейских стран. От молодых церквей было всего семнадцать представителей, трое из которых прибыли по специальному приглашению Исполнительного комитета.

Конференция полностью достигла основной поставленной цели - обмена информацией и ознакомления с планами, но ее значение выходит далеко за эти рамки. Впервые была проведена конференция такого размаха, в работе которой участвовали официальные представители миссионерских обществ разных конфессий. Это само по себе подготовило почву для организации новых подобных встреч с целью обсудить другие вопросы. Во-вторых, конференция назначила Постоянный комитет, показав тем самым, что начавшееся движение имеет все предпосылки для дальнейшего развития. Работа этого комитета вылилась в проведение исследований, конференций и в конечном счете - в образование Международного совета миссионеров. В-третьих, благодаря этой конференции международную известность приобрели многие из тех, кто в первых десятилетиях XX века станут лидерами экуменического движения, самым видным среди которых был методистский мирянин Джон Мотт. Наконец, Эдинбургская конференция имела важное значение даже в тех вопросах, которые она исключила из повестки дня, - благодаря этим исключенным пунктам получило развитие движение "Вера и порядок" и был создан Комитет по сотрудничеству в Латинской Америке. Движение "Вера и

порядок", наряду с прочими, привело к созданию в 1948 году Всемирного совета церквей. Короче говоря, Эдинбургская конференция 1910 года была самым значительным предвестником современного экуменического движения.

Между тем международная напряженность возрастала, и христиане чувствовали необходимость собираться не только для обсуждения церковных вопросов, но и для поиска путей сохранения мира. 2 августа 1914 года в городе Констанце была создана всемирная церковная организация защиты мира. В тот самый день началась Первая мировая война.

Часть четвертая. XX ВЕК

ХРОНОЛОГИЯ

Папы	*События*
Бенедикт XV (1914-1922)	Первая мировая война (1914-1918)
	Русская революция (1917)
	«Послание к римлянам» Барта (1919)
	Сухой закон в США (1919-1933)
	Предоставление избирательного права женщинам в США (1920)
Пий XI (1922-1939)	Приход к власти Муссолини (1922)
	Основание «Zwischen den Zeiten» (1922)
	Стокгольмская конференция (Жизнь и деятель-
	ность) (1925)
	Объединенная церковь Канады (1925)
	Первые шесть китайских католических епископов (1926)
	Лозаннская конференция (Вера и порядок)
	(1927)
	Церковь Христа в Китае (1927)
	Конфискация церковной собственности в Мексике (1927)
	Иерусалимская ассамблея, создание Международного совета миссионеров (1928)
	Крах фондовой биржи (1929)
	Начало Великой депрессии (1929)
	Нибур, «Социальные истоки деноминационализма»(1929)
	Аулен, «Christus Victor» (1930)
	Нигрен, «Агапе и Эрос» (1930-1936)
	Провозглашение Испанской республики (1931)
	Энциклика «Quadragesimo anno», посвященная
	социальным вопросам (1931)
	Энциклика «Non abbiamo bisogno», направленная против фашизма (1931)
	«Церковная догматика» Барта (1932-1967)
	Приход к власти Гитлера (1933)
	Конкордат Ватикана с Германией (1933)
	Начало президентства Рузвельта в США (1933)
	Барменская декларация (1934)
	Начало гражданской войны в Испании (1936)
	Энциклики против нацизма и коммунизма (1937)

	Оксфордская конференция (Жизнь и деятельность) (1937)
	Эдинбургская конференция (Вера и порядок) (1937)
	Китайско-японская война (1937)
	Бонхеффер, «Цена ученичества» (1937)
	Нибур, «Божье царство в Америке» (1937)
	Мадрасская ассамблея Международного совета миссионеров (1938)
Пий XII (1939-1958)	Победа Франко в Испании (1939)
	Бонхеффер, «Общая жизнь» (1939)
	Вторая мировая война (1939-1945)
	«Новый Завет и мифология» Бультмана (1940)
	Нападение Германии на Россию (1941)
	Нападение Японии на Перл-Харбор (1941)
	Рейнхольд Нибур, «Природа и судьба челове-
	ка» (1941-1943)
	Падение Муссолини (1943)
	Энциклика «Divino afflante Spiritu» (1943)
	Бонхеффер (+1945)
	Капитуляция Германии (1945)
	Ядерная бомбардировка Хиросимы (1945)
	Независимость Филиппин и Индонезии (1945)
	Образование Церкви Южной Индии (1947)
	Ассамблея в Уитби Международного совета миссионеров (1947)
	Создание Всемирного совета церквей (1948)
	Провозглашение Китайской Народной Республики (1949)
	Догмат о телесном вознесении Девы Марии на небо (1950)
	Начало войны в Корее (1950)
	Энциклика «Human! generis» (1950)
	Решение Верховного суда США против сегрегации в государственных школах (1952)
	Виллингенская ассамблея Международного совета миссионеров (1952)
	Приостановка деятельности движения священ-
	ников-рабочих (1954)
	Эванстонская ассамблея Международного совета миссионеров (1954)
	Тейярде Шарлей (+1955)
	Образование Конференции латиноамериканских епископов (1955)
	Независимость Ганы (1957)
	Ассамблея в Гане Международного совета миссионеров (1957-1958)
Иоанн XXIII	Заявление папы о намерении созвать собор (1959)

(1958-1963)	
	Создание папой Секретариата христианского единства (1960)
	Независимость 17 африканских стран (1960)
	Энциклика «Mater et Magistra» (1961)
	Первый полет человека в космос (1961)
	Ассамблея в Нью-Дели Всемирного совета церквей. Присоединение к Всемирному совету Международного совета миссионеров (1961)
	Независимость Алжира (1962)
	«Честность перед Богом» Робинсона (1963)
	II Ватиканский собор (1962-1965)
	«Богословие надежды» Мольтмана (1965)
Павел VI (1963-1 978)	Эскалация войны в Юго-Восточной Азии (1965)
	Энциклика «Humanae vitae» (1968)
	Мартин Лютер Кинг-мл. (Ф1968)
	Медельинская ассамблея Конференции латиноамериканских епископов (1 968)
	Ассамблея в Упсале Всемирного совета церквей (1968)
	Высадка на Луну (1969)
	Чикагская декларация (1973)
	Падение Хайле Селассие (1 974)
	Ассамблея в Найроби Всемирного совета церквей (1975)
Иоанн Павел 1(1978)	
И оанн Павел 11(1978 —)	Ассамблея в Пуэбло Конференции латиноамериканских епископов (1978)
	Ванкуверская ассамблея Всемирного совета церквей (1983)

Эпоха коренных перемен

Мы начинаем сознавать, что в ходе примерно пятнадцати столетий было создано некое подобие христианской цивилизации и что в наши дни эта христианская цивилизация находится под угрозой и шансы на ее выживание призрачны... Наступает новая эпоха, в которой ученые, художники, провидцы и святые уступают место солдатам, инженерам и политикам, эпоха, которая уже не способна создать подлинную культуру, а может произвести лишь поверхностную техническую цивилизацию.

ЭМИЛЬ БРУННЕР

В XIX веке свое предназначение западная цивилизация видела в том, чтобы привести мир к счастью и изобилию. Промышленная революция создала богатство и благополучие, которые два века назад казались немыслимыми. В Африке и в Латинской Америке местное население, казалось, готово было пойти по разумному пути промышленно развитых стран Европы и Соединенных Штатов. Миссии процветали, несмотря на такие события, как Боксерское восстание в Китае, и крепла надежда, что в самом ближайшем будущем большинство населения мира станет христианским. В течение почти целого столетия между европейскими державами сохранялись, за небольшими исключениями, мирные отношения.

Однако подспудно существовали разрушительные течения, в конечном счете ввергшие мир в самую опустошительную войну, которую он когда-либо знал, и последовавшие за ней революцию, экономические потрясения и еще более ужасающий мировой пожар. В

XIX веке относительный мир в Европе был возможен отчасти потому, что конкуренция между европейскими державами приняла форму колониальной экспансии. Когда Европа жила в мире, обычным явлением международной политики стали локальные войны на заморских территориях. Но к 1914 году большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки были колонизированы, если не политически, то во всяком случае экономически. Тогда Европа обратила взгляд на собственный юго-восточный регион, Балканы, где в результате постепенного развала Турецкой империи образовалось несколько государств с нестабильными границами и слабыми правительствами. Эти земли стали яблоком раздора между европейскими державами, и именно из-за этого раздора началась Первая мировая война. Технологический и промышленный прогресс, которым так гордился Запад, проявился теперь во всей своей разрушительной силе, так как война предоставила возможность военного использования технических достижений путем создания подводного, воздушного и химического оружия. Сам факт того, что промышленно развитые державы держали под контролем далекие страны, с неизбежностью обусловил участие в конфликте большей части земного шара. В войне, продолжавшейся четыре года, участвовали тридцать стран и вооруженные силы общей численностью в 65 миллионов человек, из которых почти одна седьмая часть погибла, а ранения в боях получили более одной трети. Потери среди гражданского населения установить труднее, но они были по крайней мере такими же, как и среди военных.

Тем временем хаос в России вылился в революцию. Россия была одной из великих европейских держав, где либеральные идеи XIX века практически не получили распространения. Царское самодержавие и помещичья аристократия продолжали управлять страной так же, как они это делали в течение столетий. Карл Маркс никак не мог ожидать, что Россия, где темпы индустриализации были медленными, станет первой страной, в которой успешно совершится предсказанная им революция. Он рассчитывал, что к революции, которую совершат промышленные рабочие, приведет развитие промышленности и капитала и что крестьяне отнесутся к этой революции настороженно. Но война опровергла его предсказания. Национальные чувства были оскорблены неспособностью правительства выиграть хотя бы одну битву, и вскоре это недовольство соединилось с широким социальным протестом в городах, где не хватало хлеба, и в деревнях, где не хватало земли. В марте 1917 года император Николай II был вынужден отречься от престола в пользу своего брата, который тоже отрекся несколько дней спустя. Некоторое время власть находилась в руках умеренных, надеявшихся на установление либеральной республики. Но неудачи этого правительства на фронте и в области экономической политики в сочетании с агитацией В.И.Ленина и большевиков привели к Октябрьской революции 1917 года. Ленин сразу же начал приводить в исполнение свою широкую программу социальной реорганизации, национализировав землю и банки и передав промышленные предприятия в руки находившихся под правительственным контролем профсоюзов. В рамках этой программы была также конфискована вся церковная собственность. Таким образом, Русская православная церковь, после падения Византии считавшая себя "третьим Римом", попала в положение, аналогичное тому, в котором находилась Византийская церковь после турецкого вторжения. Кроме того, новое правительство вышло из войны, но вскоре оказалось втянутым в гражданскую войну против контрреволюционеров, пользовавшихся поддержкой иностранных государств и церкви. Ко времени, когда Красная армия одержала победу в этой войне, советское правительство еще увереннее считало, что церковь - его смертельный враг.

В западном полушарии последствия войны проявлялись не столь остро. Соединенные Штаты вступили в войну лишь в апреле 1917 года, и хотя их вооруженные силы понесли большие потери, внимание страны вскоре привлекли другие вопросы. Страна сосредоточилась на самой себе, пытаясь решить свои проблемы в изоляции от остального мира, и отказалась вступить в Лигу Наций. На первый план выступили два вопроса, уходившие корнями в XIX век: запрещение продажи спиртных напитков и избирательные права женщин. Продажа спиртных напитков была запрещена законом в 1919 году, менее чем через год после окончания войны. Женщинам избирательные права были предоставлены девятнадцатой поправкой к Конституции в 1920 году. Двадцатые годы были десятилетием экономического процветания, особенно для богатых (5 процентов населения получали треть общего дохода). Затем наступила Великая депрессия, последствием которой стало избрание Франклина Рузвельта и

провозглашение "Нового курса". Оздоровление экономики во время президентства Рузвельта рассматривалось как очередное доказательство того, что страна идет по правильному пути и что Депрессия была всего-навсего преходящим явлением, преодоленным благодаря упорному труду и правильной организации. Вследствие этого в первой половине XX века в Соединенных Штатах не было настроений, проникнутых сомнениями и пессимизмом, которые начали распространяться в Европе. Еще одним значительным событием в западном полушарии была начавшаяся в 1910 году Мексиканская революция, которой поочередно руководили то радикалы, то достаточно умеренные силы и которая продолжалась несколько десятилетий. Здесь тоже постоянно возникали конфликты между католической церковью и повстанцами. В 1927 году стой же легкостью, как и в России, вся церковная собственность была конфискована. В конце концов государственная власть отошла от своей непримиримой позиции в отношении церкви, но так и не вернула конфискованную собственность.

В Европе надеялись, что Лига Наций сможет предотвратить повторение трагических событий Первой мировой войны, однако рост фашистского движения делал эти надежды весьма призрачными. Фашизм, пришедший к власти в Италии под руководством Бенито Муссолини, эксплуатировал ущемленные национальные чувства для прославления войны и превращения всей нации в тоталитарную военную машину. Социальная доктрина фашизма была неопределенной, на первых порах он смыкался с позицией радикальных революционеров, но затем начал эксплуатировать страх перед коммунизмом и объединился с промышленниками для создания новой властной финансово-индустриальной элиты. Во всяком случае на всех этапах развития характерными чертами фашизма были мечты о национальном величии, а также ненависть к демократии и политическому либерализму как к порождениям изнеженной буржуазии. Как заявил Муссолини: "Война для мужчины - то же самое, что материнство для женщины". Вскоре движение распространилось на другие страны. Нацистская партия, его немецкий аналог, пришла к власти в Германии в 1933 году и в конечном счете затмила итальянский фашизм. Под влиянием нацизма антисемитизм стал официальным догматом международного фашизма, что привело к гибели миллионов евреев в Германии и в других странах. К 1936 году, помимо Италии и Германии, фашистская идеология пользовалась определенным влиянием в Японии, Польше, Австрии, Венгрии, Греции, Румынии и Болгарии. В 1939 году после победы Франко в Гражданской войне в Испании фашизм утвердился и в этой стране. Отношение фашистских правительств к христианству было разным. В Испании Франко считал католическую церковь одним из своих самых близких союзников и называл себя ее верным сыном. Отношение Муссолини менялось в зависимости от обстоятельств. Гитлер же видел в христианстве с его заповедью всеобщей любви и необходимостью "подставлять другую щеку" антагонистическую силу, препятствующую достижению его конечной цели - мирового господства, но в то же время стремился использовать церковь в своих интересах.

Характерными для фашизма были также мечты о возрождении былой славы. Муссолини обещал восстановить Римскую империю. Греческие фашисты говорили о возрождении спартанского воинственного духа и Византийского государства. Испанские "фалангисты" мечтали вернуть "золотой век" Испанской империи. Эти мечты вступали, разумеется, во взаимное противоречие. Но их общая движущая сила - прославление войны и противодействие любым формам эгалитаризма - объединяла различные фашистские движения, направленные против всего, что выглядело как демократия, либерализм или пацифизм. Италия и Германия заключили союз, названный "Осью", к которому позднее присоединилась Япония. Подписание германо-советского пакта обеспечило нейтралитет Советской России. Месяц спустя, в сентябре 1939 года, в Европе началась война.

Во второй раз на протяжении трех десятилетий конфликт охватил весь мир. На первом этапе фашистские державы - страны "Оси" - заручились неучастием в конфликте России. Более того, Россия воспользовалась дружескими отношениями со странами "Оси" для раздела Польши с Германией и расширения своих владений на Балтийском побережье. Вскоре большая часть Западной Европы оказалась в руках фашистов, а их японские союзники расширяли свои владения на Востоке. Когда в 1941 году немцы вторглись в Россию, а японцы напали на Перл-Харбор, нейтральной не могла уже оставаться ни одна крупная держава. Поскольку страны "Оси" завоевали большую

часть Европы, основными театрами военных действий стали Тихий океан, Северная Африка, советско-германский фронт и Ла-Манш. Но бои происходили также в африканских колониях, на Ближнем Востоке и даже в таких отдаленных местах, как Ла-Плата. Названия тихоокеанских островов, о которых на Западе раньше даже не слышали, стали повседневными словами. Племена, до того времени жившие в относительной изоляции от остального мира, увидели в своем небе схватки боевых самолетов, а на своей земле бои между войсками народов, о существовании которых они раньше не знали. Всего в войне приняли участие пятьдесят семь стран.

Когда пороховой дым рассеялся и были подсчитаны потери, оказалось, что цена заплачена огромная. В армиях основных воевавших сторон число убитых и пропавших без вести было ошеломляющим: один из 450 военнослужащих в армии Соединенных Штатов, один из 150 в армии Соединенного Королевства, один из 200 в армии Франции, один из 150 в армии Италии, один из 22 в армии Советского Союза, один из 25 в армии Германии, один из 46 в армии Японии и один из 200 в армии Китая. Общее число погибших и пропавших без вести составило 15 000 000 человек[26]. К этому надо добавить не менее серьезные потери среди гражданского населения - умерших от голода или болезней в результате войны.

Еще одной неучтенной военной потерей стало господствовавшее в XIX веке оптимистическое представление о будущем западной цивилизации. Считалось, что благодаря соединению христианских ценностей с техническими знаниями, озаренному светом просвещения, эта цивилизация откроет перед человечеством путь в новую эпоху. Именно в том, чтобы поделиться плодами цивилизации с менее удачливыми народами, заключалось "бремя белого человека". Теперь же в ходе двух самых опустошительных за всю историю войн эта цивилизация принесла смерть и разрушения всему миру. Ее технические достижения использовались для создания самого смертоносного оружия, которое когда-либо знал мир, и кульминацией этого стал взрыв первой атомной бомбы над Хиросимой 6 августа 1945 года. Германия, выражавшая суть европейской цивилизации и гордившаяся своим духовным лидерством в западном мире, пала жертвой демонического фанатизма, доселе невиданного даже среди самых примитивных племен на земле.

Прямым следствием всего этого стало распространение по всему миру движения, направленного против колониального господства. Сначала рухнули колониальные империи побежденных стран. Но вскоре стало ясно, что в результате войны победители тоже в значительной степени утратили свой престиж. Национально-освободительные движения, возникшие несколько десятилетий назад, приобрели новое дыхание, и за два десятилетия развалились все колониальные империи. Политическая независимость не всегда влекла за собой независимость экономическую - во многих случаях на смену прежнему порядку приходила неоколониальная экономическая система. Тем не менее через двадцать лет после окончания войны стало ясно, что во вновь созданных молодых государствах возникли мощные движения, направленные против экономического империализма. Национальные чувства порой выражались в форме возрождения старых нехристианских религий.

Некоторые движения ставили целью изменение не только международного экономического порядка, но и общественного устройства в собственной стране, часто принимая за основу социалистическую модель. Первым и наиболее значительным примером этой тенденции стал Китай, в котором отчасти в результате войны националистическое правительство было свергнуто коммунистами. Китай какое-то время сохранял верность советскому коммунизму, но в конечном счете порвал всякие связи с тем, что походило на опекунство европейских стран над всем остальным миром. Япония выбрала противоположный путь - развитие капитализма и индустриализации, - надеясь составить конкуренцию промышленно развитым странам Европы и Соединенным Штатам. Политической независимости от западных держав добились почти все страны Африки и мусульманского мира. Израиль и Южная Африка, два западных анклава вне западного мира, находились под жестким давлением со стороны своих соседей. Многие вновь образовавшиеся в мире государства при поддержке уже давно существовавших государств Латинской Америки считали основной целью создание в последних десятилетиях XX века такого экономического порядка, который был бы благоприятнее для бедных стран, и реструктуризацию на этой основе

международных отношений, а также перераспределение богатства в пределах собственных границ.
В ходе всех этих перемен европейские страны и Соединенные Штаты часто чувствовали себя ущемленными. Многие в этих странах привыкли к мысли, что всеми колониальными и неоколониальными устремлениями двигали альтруистические мотивации и высокие идеалы. С этой точки зрения антиколониальная реакция просто-напросто ставила в тупик. Ее можно было объяснить только дьявольским заговором с целью сбить "аборигенов" с пути истинного и заставить их отказаться от собственной выгоды. Такому пониманию антиколониального движения способствовала ментальность "холодной войны". Это название получило противостояние капиталистических и коммунистических стран, возникшее сразу же после Второй мировой войны и продолжавшееся с разной степенью интенсивности в течение нескольких десятилетий. В результате войны Советский Союз установил контроль над большинством стран Восточной Европы, а Германия разделилась на Федеративную Республику (Западная Германия) и Демократическую Республику (Восточная Германия). Во время холодной войны этот регион был ареной активных действий, в том числе блокады Берлина коммунистами и возведения стены, чтобы воспрепятствовать переходу жителей Восточного Берлина на Запад. В отдельных случаях, например в Корее и Вьетнаме, холодная война выливалась в открытые военные действия, хотя великие державы, сознавая ядерную мощь друг друга, избегали прямых военных столкновений. На Западе все антиколониальное движение многими истолковывалось в свете холодной войны. Коль скоро коммунисты действительно приложили руку ко многим революционным движениям, хотя они и не всегда их возглавляли, были основания рассматривать антиколониальное движение как широкий коммунистический заговор. Такое понимание, получившее большее распространение в Соединенных Штатах, чем в Европе, позволяло объяснить, почему альтруизм "бремени белого человека" привел в конце XX века к крайним формам антиколониализма. Но это простое объяснение достигалось ценой грубого и опасного упрощения, грозившего отдалить Запад от подавляющего большинства человечества.
Тем временем аналогичные изменения происходили и на самом Западе. Люди, до недавнего времени довольствовавшиеся второстепенными ролями - в частности, чернокожие и женщины, - хотели быть допущенными к принятию решений и добивались этого. Нельзя сказать, что это никак не было связано с трагедией двух мировых войн и с явной угрозой третьей. В самом деле, если власть имущие довели мир до таких катастроф, казалось вполне логичным, что настало время сменить их у руля управления. Во время Второй мировой войны чернокожих и женщин в Соединенных Штатах призывали прилагать все силы для помощи стране. После войны они не хотели больше возвращаться к своему прежнему уделу. Движение за гражданские права и феминистское движение были одновременно попыткой добиться более широких возможностей для чернокожих и женщин и критикой методов, с помощью которых белые мужчины управляли миром.
Во всем этом принимала участие церковь. Границы, разделяющие государства, общественные классы и политические партии, церковь нарушала смелее любой другой международной организации, корпорации или какого-либо политического движения. Действительно, великим наследием XIX века стало рождение, впервые в истории, подлинно вселенской церкви. Хотя в XX веке к миссионерам предшествовавших поколений многие стали относиться как к наивным мечтателям, не вызывает сомнений, что они добились успеха, оставив после себя широкую сеть христиан всех цветов кожи и национальностей. Но проблемы, поставленные XX веком, не были для этой международной церкви легкими. Война вкупе с расовой и классовой борьбой разделили церковь, причем часто в вопросах, имеющих мало общего с богословскими различиями. В одних случаях она подвергалась гонениям, а в других использовалась для достижения скрытых для нее целей. В условиях нестабильности XX века члены церкви часто разъединялись, приходили в замешательство и даже испытывали страх. Тем не менее во время войны, гонений и гражданских потрясений они стремились свидетельствовать о Том, Чье царство мира и справедливости будет нескончаемым. Такова история христианства в XX веке, к которой мы сейчас обратимся.

Восточное христианство

Настало время, когда христиане во всем мире должны считать своим долгом объединение усилий для исполнения пророчества Исайи, что "перекуют мечи свои на орала, и копья свои - на серпы", в очередной раз доказав тем самым жизнеспособность и непреходящую реальность христианства в мире.

РУМЫНСКИЙ ПАТРИАРХ ЮСТИНИАН, 1960 ГОД

Одна из главных проблем, с которой все христиане столкнулись в XX веке, заключалась в решении вопроса о том, как им следует жить в условиях "постконстантиновой эпохи". Имеется в виду, что церковь не могла более рассчитывать на политическую поддержку, которой она пользовалась со времен Константина. С начала Французской революции западное христианство подвергалось давлению со стороны светских правительств, которые хотя и не всегда были враждебно к нему настроенными, тем не менее стремились в общем и целом игнорировать его. Что же касается восточного христианства, для него этот процесс начался со времени захвата Константинополя турками в 1453 году. Именно на этом событии мы прервали рассказ о развитии восточного христианства, и к нему нам следует сейчас вернуться.

Византийское христианство

Поддержка, которой христианство традиционно пользовалось в Византийской империи, не была чистым благословением без всяких примесей. Верно, что связь с империей придавала греческой церкви большой авторитет, но верно также, что ее возможности были весьма ограниченными. Тогда как на Западе папы часто обладали большей властью, чем короли, на Востоке церковью управляли императоры, а непокорных патриархов смещали и заменяли другими. Когда император решил, что для спасения империи необходим союз с Римом, этот союз заключили вопреки ясно выраженному мнению подавляющего большинства членов Византийской церкви. Год спустя, в 1453 году, Константинополь пал под ударами турок, и многие византийские христиане расценили это событие как освобождение от тиранической власти императора, вынудившего их заключить соглашение с еретическим Римом.

На первых порах церковь пользовалась в Османской империи определенной мерой свободы. Мехмед II, завоевавший Константинополь, предложил епископам избрать нового патриарха (прежний бежал в Рим), которому он предоставил гражданскую и церковную власть над христианами на своих территориях. В самом Константинополе половину церквей превратили в мечети, но в другой половине христианские богослужения продолжались при полной терпимости со стороны властей. В 1516 году турки захватили Сирию и Палестину и жившие там христиане были поставлены под юрисдикцию константинопольского патриарха. Год спустя, когда под ударами турок пал Египет, патриарху Александрии предоставили особые полномочия в отношении египетских христиан. Такая политика делала патриархов фактическими правителями христианского государства в рамках турецкого государства, но вместе с тем патриархов, не проводивших в жизнь политическую линию султана, быстро смещали.

В течение нескольких столетий богословие грекоязычной церкви находилось под сильным воздействием западных веяний и пыталось противостоять им. Вопросы, обсуждавшиеся на Западе во время протестантской Реформации, рассматривались и в грекоязычной церкви, и в 1629 году патриарх Константинополя Кирилл Лукарис опубликовал "Исповедание веры" с очевидной протестантской направленностью. Лукарис был смещен и убит, но память о нем почиталась многими, причем некоторые утверждали, что "Исповедание веры" было фальшивкой. Наконец в 1672 году синод осудил его, "если он действительно был кальвинистским еретиком". В следующем столетии основной вопрос касался уже не протестантизма, а западной философии и науки и влияния, которое они должны оказывать на православное богословие. В XIX веке, когда Греция стала независимой от Турции, этот вопрос приобрел политический подтекст. В целом греческие националисты поддерживали тех, кто выступал за использование западных научных и богословских методов, а также утверждали, что Греческая церковь, существовавшая теперь в независимом государстве, должна стать независимой от патриарха Константинополя. Консерваторы, со своей стороны, полагали, что богословие должно основываться на общепринятом предании и что это предание подразумевает подчинение патриарху Константинополя, даже если он - подданный турецкого султана.

В XIX и начале XX века Османская империя развалилась, и православные церкви образовались не только в Греции, но также в Сербии, Болгарии и Румынии. Во всех этих странах основной проблемой было противоречие между национальными чувствами и транснациональной природой православия. В период между двумя мировыми войнами патриархат Константинополя признал автономию различных православных церквей, причем не только на бывших турецких территориях на Балканах, но и в других странах Европы, таких как Эстония, Латвия и Чехословакия. После Второй мировой войны большинство этих территорий попали в сферу советской гегемонии, и на них обычно распространялась религиозная политика, проводившаяся в Советском Союзе. В начале века патриархаты Иерусалима, Александрии и Антиохии оказались в руках арабов. Сначала вновь созданные арабские государства существовали под сенью западных держав. В это время значительное число христиан в этих патриархатах стали либо католиками, либо протестантами. Затем с ростом арабского национализма, направленного против господства и влияния Запада, распространение протестантизма и католичества пошло на убыль. Ко второй половине XX века единственной страной, где православное христианство еще могло рассчитывать на некое подобие традиционного союза церкви и государства, осталась Греция.
Тем не менее все эти церкви демонстрируют свою жизнеспособность. Какое-то время опасались, что закрытие церковных школ и воздействие правительственной пропаганды отвратит новые поколения от церкви. Но опыт нескольких десятилетий показал, что литургия, традиционный источник духовной силы православных верующих, справляется с задачей передачи христианского предания в условиях враждебного окружения. Хотя ограничения гражданских прав, которому подвергаются христиане в некоторых из этих стран, действительно привели к ослаблению активного участия работающего населения в жизни церкви, показательно, что после ухода на пенсию очень многие возвращаются в церковь. Совершенно ясно, что наступление постконстантинова периода не повлекло за собой исчезновения церквей, унаследовавших византийскую традицию.

Русская церковь

Падение Константинополя в 1453 году многие в России истолковали как Божье наказание за союз, заключенный с еретическим Римом. В конце концов появилась теория, что подобно Константинополю, пришедшему на смену Риму в качестве "второго Рима", теперь М осква становится "третьим Римом", имперским городом, провиденциальная задача которого заключается в защите православия. В 1547 году Иван IV принял титул "царя", или императора, показав тем самым, что считает себя преемником кесарей Рима и Константинополя. Вслед за этим в 1598 году митрополит Московский принял титул патриарха. Для утверждения такого самосознания Русская церковь выпустила целую серию полемических сочинений, направленных против греков, католиков и протестантов. К XVII веку эти представления укоренились настолько, что попытка сближения с греками привела к расколу в России.
Сближение с греческими христианами царь Алексей Михайлович (1645-1676) рассматривал как предварительный шаг для завоевания Константинополя и с этой целью побудил патриарха Никона изменить канон литургии, чтобы привести его в соответствие с греческими обрядами. Но многие в России, особенно среди низших слоев населения, отреагировали на это весьма бурно. Ко всему иностранному они относились с подозрением, тем более что в распространении новых идей была заинтересована прежде всего аристократия. Результатом стал раскол старообрядцев, многие из которых затем присоединились к крестьянскому восстанию. Оно было жестоко подавлено, и положение крепостных крестьян стало еще более тяжелым. Старообрядцы не исчезли, но разошлись по ряду вопросов, в частности, следует ли принимать священников православной церкви или же надо вообще отказаться от священников. Некоторые из них впадали в апокалиптические крайности - тысячи старообрядцев для демонстрации своей веры совершали самоубийства. Но в конце концов наиболее крайние группировки прекратили существование, и старообрядцы оставались в России незначительным меньшинством, по крайней мере - вплоть до начала XX века.
Царь Петр I Великий (1689-1725) проводил иную политику. Его целью было не сближение с греческими христианами, а открытие страны западному влиянию. Что

касается церкви, это выражалось в повышении интереса к католическому и протестантскому богословию. Исследователи этих противоборствующих направлений мысли обычно не отказывались от своей православной веры. Они просто пытались использовать католическую или протестантскую методологию для развития православного богословия. В спорных вопросах одни принимали католическую точку зрения, а другие черпали вдохновение в протестантизме. Киевская школа, видную роль в которой играл Петр Могила, придерживалась католических тенденций, а Феофан Прокопович и его последователи полагали, что русскому православию надо учитывать протестантскую критику предания. В начале XIX века под влиянием эпохи Просвещения и романтизма наибольшей популярностью пользовались идеи Прокоповича. Но затем последовала националистическая реакция с упором на традиционно русские ценности, нашедшая выражение в славянофильском движении. Наиболее видной фигурой в нем был нерукоположенный богослов Алексей Хомяков (1804-1860), использовавший гегельянские категории для доказательства, что православное понимание кафоличности, то есть *соборности,* представляет собой совершенный синтез католического тезиса о единстве церкви и протестантского антитезиса о свободе понимания Благой Вести.

Русская революция положила конец таким дискуссиям. На первый план выступила другая западная философия - марксизм. В 1918 году церковь была официально отделена от государства, а конституция 1936 года гарантировала "свободу вероисповедания" и "свободу антирелигиозной пропаганды". В 1920 году религиозное обучение в школах было запрещено законом. За два года до этого были закрыты все семинарии. После смерти патриарха Тихона в 1925 году Русской православной церкви не разрешалось избирать его преемника вплоть до 1943 года. В то время, отчасти под влиянием войны с Германией, правительство решило признать роль церкви в жизни страны. В том же году открылись семинарии. Кроме того, было дано разрешение на печатание книг и периодических изданий, а также на изготовление предметов, необходимых для проведения богослужений.

Как и в других странах, находившихся под властью коммунистов, Русская церковь сумела использовать литургические службы для ободрения верующих и передачи предания новым поколениям. В конце XX века, после почти семидесяти лет коммунистического правления, в Советском Союзе оставалось около 60 миллионов верующих.

Другие восточные церкви

Помимо церквей, о которых шла речь выше, группы православных верующих существуют и в других частях света. Одни из них, такие как Православная церковь Японии, а также православные церкви в Китае и Корее, возникли в результате миссионерской работы Русской церкви. Они полностью самостоятельны, состоят в основном из местных жителей, управляются местным руководством и служат литургию на родных языках. Другие получили название "православной диаспоры". По разным причинам - политические потрясения, гонения, поиск лучших условий жизни - православные христиане перебирались в далекие от родины страны, в частности в Западную Европу и в Новый Свет, где обосновалось значительное число русских, греков и представителей других национальностей, для которых вера и связанная с ней литургия стали способом сохранения традиций и ценностей, которые иначе были бы утеряны. Взаимоотношения между этими различными группами ставят перед православием серьезные проблемы, поскольку оно всегда заявляло, что в каждой конкретной местности может быть только одна православная церковь. В связи с этим особое значение придается поддержанию единства между православными церквами.

Но в православное сообщество входят не все восточные церкви. Со времени христологической полемики V века некоторые восточные церкви, не согласившиеся с решениями соборов, существуют самостоятельно. На бывших территориях Персидской империи большинство христиан, получивших название "несториан", отказались называть Марию "Богоматерью". У этих христиан, известных также как "ассирийцы", долгая и сложная история. Во времена средневековья эта церковь была весьма многочисленной, а ее миссионеры доходили до Китая, однако позднее она подвергалась суровым гонениям, особенно со стороны мусульманских соседей. В начале XX века эти гонения опустошили ряды ее членов. Многие из оставшихся в

живых бежали в западное полушарие, в том числе глава церкви "католикос", нашедший убежище сначала на Кипре, а затем в Чикаго. В настоящее время их общее число составляет примерно 100 000 человек, проживающих в Ираке, Иране, Сирии и в Соединенных Штатах.

Церкви, отказавшиеся принять "Определение веры" Халкидонского собора на том основании, что, с их точки зрения, оно отделяет человечность Иисуса от Его божественности, обычно называют "монофизитскими", хотя это наименование не совсем точно выражает их христологические позиции.

Самые крупные из них - Коптская церковь Египта и ее дочерняя церковь, Церковь Эфиопии. Последняя является одной из восточных церквей, дольше других пользовавшихся активной поддержкой со стороны государства, но помощь прекратилась с падением императора Хайле Селассие в 1974 году. Древняя Сиро-монофизитская церковь, известная также как "якобитская", занимает сильные позиции в Сирии и Ираке. Резиденция ее главы, якобитского патриарха Антиохии, расположена в столице Сирии Дамаске. Церковь Индии сиро-восточного обряда, заявляющая, что ее основал св. Фома, теоретически подчиняется этому патриарху, но на практике совершенно самостоятельна, состоит полностью из местных жителей и насчитывает около полумиллиона членов.

Как уже отмечалось выше, Армянская церковь отказалась признать халкидонское "Определение веры" главным образом потому, что Римская империя не пришла на помощь, когда в Армению вторглись персы. Затем эта территория была завоевана турками, и упорное нежелание армян отказаться от веры предков стало одной из причин вражды между ними и турецкими захватчиками. Когда сила Османской империи ослабла, эта вражда вылилась в открытые насильственные действия. В 1895, а затем в 1896 и 1914 годах были вырезаны тысячи армян, живших под властью турков. Примерно миллиону удалось бежать, и в результате значительное число армянских христиан проживает сейчас в Сирии, Ливане, Египте, Иране, Ираке, Греции, Франции и в западном полушарии. В той части Армении, которая находилась под советским контролем, церковь существовала в таких же условиях, как и остальные церкви в Советском Союзе.

В первых десятилетиях XX века отношение восточных церквей к экуменическому движению было достаточно сдержанным. Они опасались, что готовность обсуждать вопросы "веры и порядка" может быть расценена как нетвердость в убеждениях или как готовность пойти на компромисс в своих верованиях. Поэтому, хотя некоторые из них сотрудничали с другими христианами в практических делах, они вместе с тем отказывались принимать официальное участие в дискуссиях, которые могли бы быть истолкованы как попытка решить вероучительные вопросы путем переговоров. Когда церквам разослали приглашение принять участие в работе первой ассамблеи Всемирного совета церквей, которая состоялась в Амстердаме в 1948 году, большинство православных церквей после взаимных консультаций решили воздержаться. В 1950 году Центральный Комитет Всемирного совета церквей выступил с заявлением, в котором развеял их опасения. После этого большинство православных церквей стали полноправными членами Всемирного совета церквей. Возросло участие и других восточных церквей. В такой обстановке, в значительной степени при посредничестве Всемирного совета церквей, проводились переговоры между церквами, признающими халкидонское определение и отвергающими его, - несторианскими и монофизитскими. В ходе переговоров выяснилось, что между этими церквами существует глубокое единодушие и что многие разногласия возникли в результате взаимного непонимания. Таким образом, открыв диалог между западным и восточным христианством, экуменическое движение в то же время способствовало началу полезных переговоров между восточными христианами.

Рассматривая положение дел в этих церквах в целом, можно сделать два вывода. Во-первых, история этих церквей, с необычайной быстротой перешедших в постконстантинову эпоху, может служить показательным уроком для других христиан, переживающих сейчас аналогичные преобразования. Во-вторых, западные христиане, возможно, недооценивают силу литургии и предания, позволившую этим церквам продолжать существование и даже процветать в самых неблагоприятных условиях.

Римско - католическое христианство

Давайте покончим с возмутительным положением, когда одни страны, большинство граждан которых называют себя христианами, обладают большими богатствами, тогда как другие не располагают необходимыми средствами, страдают от голода, болезней и всякого рода иных бедствий.

ВТОРОЙ ВАТИКАНСКИЙ СОБОР

В главе 29, в которой наше внимание было в последний раз направлено на рассмотрение истории католической церкви, мы отметили, что ее отношение к современному миру выражалось в основном в страхе и осуждении. Среди причин такого отношения можно отметить потерю папских владений, отошедших к Италии, страх, что новые мирские государства будут затруднять работу католической церкви, и опасение, что современные идеи будут сбивать души с пути истинного. В целом история католической церкви до понтификата Иоанна XXIII во второй половине XX века была продолжением политики и линии Тридентского собора, направленных в основном против протестантизма. Вместе с тем в католической церкви были люди, полагавшие, что позиция тех, кто осуждает и полностью отвергает современные тенденции, ошибочна как с богословской, так и с пастырской точки зрения. В начале XX века эти лояльные критики неоднократно выражали свои взгляды и предлагали альтернативы, но их голоса подавлялись или игнорировались. Таким образом, история римского католичества XX века в значительной степени представляет собой историю противоборства между теми, кто стремился продолжить линию Тридентского и I Ватиканского соборов, и теми, кто хотел видеть церковь более открытой и предлагал дать более творческий ответ на вызов современного мира.

От Бенедикта XV до Пия XII

Пий X умер в самом начале Первой мировой войны, и его сменил Бенедикт XV (1914-1922). Он получил сан архиепископа от Пия X и был полон решимости продолжать его политику. Как и другие папы до него, он отстаивал право на владения, которые, по его утверждению, Италия незаконно захватила у папского престола. В начале основные свои усилия он направлял на достижение мира, но постоянно встречал резкий отпор со стороны воюющих держав. Когда наконец наступил мир и образовалась Лига Наций, он был не в состоянии оказывать на ход событий какое-либо существенное влияние. После войны ему удалось заключить конкордаты с несколькими новыми государствами, возникшими в результате мирных переговоров. В целом его считали более открытым по сравнению с предшественником, но его деятельность была не очень эффективной.

Его преемник Пий XI (1922-1939) был ученым богословом и способным администратором. Он также остро чувствовал повышение значения неевропейского мира и делал все возможное для развития миссионерской работы и для помощи уже существовавшим церквам в достижении зрелости. За время его понтификата число католических миссионеров удвоилось, и именно он рукоположил пять первых китайских епископов. Как мы увидим ниже, усилия по распространению католичества в других землях позднее принесут значительные и неожиданные плоды. Он придавал также значение повышению активности мирян, но под контролем церковных иерархов. Это нашло отражение в первой из его энциклик, в которой были изложены цели и принципы "Католического действия", наиболее крупной католической организации мирян в первой половине столетия.

Пия XI тревожила опасность коммунизма с его откровенно атеистической направленностью, однако в отношении фашизма он такой тревоги не проявлял, особенно с тех пор, как фашизм стал главным противником коммунизма. Более того, фашизм апеллировал к тем же принципам, которые Пий IX с такой решимостью отстаивал в "Перечне заблуждений": иерархическое построение общества, непререкаемость авторитета и прерогативы государства по установлению и поддержанию нравственных норм. На первых этапах итальянский фашизм благосклонно относился к католичеству, и папа был вполне удовлетворен сотрудничеством с ним. В 1929 году его представитель подписал с Муссолини соглашение, решившее наконец вопрос о праве Италии на Рим. Италия признала существование суверенного государства "Ватикан" под властью папы и предоставила финансовую компенсацию за потерю других территорий. Пий, со своей стороны, признал Итальянское королевство законным государством со столицей в Риме. В конце

концов Пий разошелся с итальянским фашизмом и на первых этапах борьбы за власть осуждал Гитлера и нацизм. Затем, однако, он смягчил свою позицию в отношении нацистского режима и поддержал фашистский вариант Франко в Испании. В Германии страх перед либерализмом и коммунизмом склонял многих католиков на сторону нацизма. В 1933 году католическая оппозиция Гитлеру рухнула, и политическая партия, возглавлявшаяся монсеньером Каасом, обеспечила Гитлеру необходимое большинство голосов для прихода к власти. Примерно в то же время собравшиеся в Фульде епископы взяли назад резкие слова, которые они ранее высказывали об угрозе нацизма. В Риме Пий XI и его государственный секретарь кардинал Пачелли (ставший впоследствии Пием XII) пришли к выводу, что настало время достичь с Гитлером соглашения, и несколько месяцев спустя был подписан конкордат, расцененный в международных кругах как ограниченная поддержка Ватиканом нацистского режима. Прошло несколько лет, прежде чем папа осознал угрозу, исходившую от нацизма, в котором он долгое время видел приемлемую альтернативу коммунизму. Наконец в 1937 году он выпустил две энциклики, одна из которых была направлена против нацизма, а другая против коммунизма. В первой из этих энциклик "Mit brennender Sorge" заявлялось, что нацизм есть новая форма варварства, а Гитлер обвинялся в нарушении конкордата 1933 года. В выпущенной пять дней спустя параллельной энциклике "Divini Redemptoris" осуждался коммунизм, вызывавший у папы большое беспокойство из-за усиления в России антирелигиозной пропаганды. Кроме того, коммунизм делал быстрые успехи в Азии. Папа также опасался, что Мексиканская революция приведет к образованию еще одного коммунистического государства. В этой энциклике он осудил марксистскую точку зрения на религию как на одно из орудий угнетения низших классов, и заявил, что у христиан не может быть никаких оснований для сотрудничества с коммунистами. Тем временем укрепление связей между Гитлером и Муссолини, а также многочисленные конфликты с итальянским фашизмом побудили папу подготовить резкое выступление с осуждением некоторых действий фашистского режима в Италии, пока еще не порывая отношений с ним. Но он умер, не успев подготовить это выступление.

Конклав продолжался всего один день и после трех голосований избрал его преемника. Им стал кардинал Пачелли, принявший имя Пия XII (1939-1958), показав тем самым, что он намерен продолжать политику Пия XI. Пий XII был опытным в дипломатических делах человеком с небольшой склонностью к непотизму и с крайне авторитарным и клерикальным взглядом на церковь, но в то же время мистиком, проводившим многие часы в молитве, неутомимым тружеником, помощники которого часто жаловались, что он слишком перегружает их работой, и человеком большого личного обаяния, которого уважали как друзья, так и противники. Начальные годы его понтификата проходили в условиях Второй мировой войны, которую он безуспешно пытался предотвратить. Когда война стала неизбежной, он направил усилия - опять же безрезультатно - на то, чтобы удержать Италию от участия в конфликте. Он также поддержал заговор с целью свержения Гитлера. С начала войны Пий XII проводил политику нейтралитета в надежде, что, оставаясь над схваткой, он в нужное время сможет стать посредником. Но этот нейтралитет был достигнут ценой молчания перед лицом нацистских зверств по отношению к евреям, и в этом плане его политика часто подвергалась суровой критике: даже его апологеты признают, что он знал о происходившем в Германии и в оправдание своей политики говорил, что протесты мало что дадут. Но такая позиция не мешала папе осуждать жестокое обращение нацистов с католиками в Польше, хотя польские епископы сообщали, что после каждого протеста, переданного по Ватиканскому радио, против их паствы принимались еще более суровые меры. В этих вопросах Пий XII был, по всей видимости, просто-напросто очередным выразителем настроений, господствовавших в Римской курии со времен Тридентского собора: защищать церковь любой ценой, стремясь обеспечить ей как можно большую свободу действий и власть, а все остальное подчинять этой первоочередной задаче. Возможно также, что хотя он и опасался победы нацистов, его тем не менее больше беспокоил рост влияния коммунизма и что в войне между странами "Оси" и СССР его симпатии были на стороне первых. Как бы там ни было, он постоянно делал упор на общих принципах, на основании которых следует судить о действиях государств и правительств, хотя сам воздерживался от высказывания таких суждений.

Отношение папы к преследованиям евреев в Германии и в оккупированных странах Европы оставляло желать много лучшего, но были другие католики, рисковавшие жизнью и свободой ради спасения своих еврейских братьев и сестер. Пию было известно о существовании подпольных сетей, с помощью которых евреи переправлялись из Германии, Франции и из разных стран Восточной Европы. И среди "праведных язычников", которые, по признанию международного еврейского сообщества, дали достойный ответ на брошенный тогда вызов, нередко совершая героические поступки, было немало католиков.
После войны усилия папы в международном плане были в основном направлены на борьбу с коммунистической угрозой. В 1949 году он объявил об автоматическом отлучении от церкви всех, кто оказывает поддержку коммунистам в какой бы то ни было стране. То было время экспансии Советского Союза, в орбиту влияния которого вскоре попало большинство стран Восточной Европы. В Азии, где закончился период японского владычества, Китай тоже стал коммунистическим, и тогда казалось, что в этой обширной стране католическая церковь наряду со всеми другими церквами полностью уничтожена. В ответ на эту угрозу и в надежде предотвратить войны в будущем Пий поддержал голоса, призывавшие к объединению Европы. В 1953 году он заключил конкордат с режимом Франко в Испании - единственным сохранившимся после войны бастионом фашизма. При этом он руководствовался несколькими соображениями. Влияние коммунистов в правительстве Испании перед началом гражданской войны усиливалось по мере роста напряженности. Католики, боявшиеся коммунизма, видели во Франко и в его движении единственную альтернативу, которая в свою очередь привела к росту антиклерикальных настроений. Затем гражданская война дала выход неистовым страстям, в результате чего погибли тысячи священников, монахов и монахинь. Когда дым рассеялся, Франко крепко держал страну в руках, и его самыми верными союзниками были консерваторы в католическом духовенстве. Поэтому в условиях, когда все больше и больше правительств в мире как будто бы отворачивались от церкви, Ватикан благосклонно относился к Франко и к его режиму.
Политическая ориентация папы проявлялась также в понимании им роли папства и его административной власти. Он стремился централизовать управление церковью, лишив национальные епископаты многих их полномочий. Более благожелательно по сравнению со своими предшественниками относясь к экуменическому движению, он тем не менее воздвиг в 1950 году еще одно препятствие для его развития, провозгласив догмат о телесном вознесении Девы Марии на небо. Но самое главное, он с крайней подозрительностью относился к любым новшествам в области богословия. В 1950 году в булле "Humani generis" были повторены прежние предостережения против богословских новаций. Наиболее творчески мыслящих католических богословов того времени принудили к молчанию, в том числе некоторых из тех, чьи сочинения легли в основу решений II Ватиканского собора. Тейяру де Шардену, одному из наиболее творческих католических мыслителей XX века, Священная канцелярия запретила публиковать его богословские произведения, которые вышли в свет лишь после его смерти в 1955 году. Во Франции некоторые видные католические деятели предприняли попытку проникнуть в рабочее движение при посредничестве "священников-рабочих", которые устраивались простыми рабочими, иногда даже не раскрывая сначала, что они - священники. Это движение на первых порах получило поддержку Ватикана, несмотря на его критику со стороны наиболее консервативных элементов во французском католичестве. Однако когда несколько священников стали лидерами рабочего движения и заняли антикапиталистическую позицию, папа перестал их поддерживать. Он приказал всем священникам выйти из рабочего движения и закрыл семинарию, в которой большинство из них училось. Это происходило в эпоху холодной войны, и папа, во время Второй мировой войны надеявшийся стать посредником, теперь оказался втянутым в конфликт, в котором, казалось, не было другой альтернативы, кроме коммунизма и реакционного консерватизма.
С другой стороны, некоторые меры Пия XII подготовили почву для больших изменений, произошедших при следующем понтификате. Энциклика 1943 года "Divino afflante Spiritu" побуждала использовать современные методы библейских исследований. Хотя позднее он подчеркивал необходимость проявлять осторожность в этом вопросе, уже начавшиеся библейские исследования впоследствии способствовали обновлению церкви. Реформа литургии, ставшая одним из первых решений II Ватиканского собора,

готовилась папой Пием XII, хотя и с большой осторожностью. Но самое главное, он способствовал интернационализации церкви, сделавшей возможными решения II Ватиканского собора. Он понимал, что эпоха колониализма закончилась, и потому продолжал политику своих предшественников по укреплению церквей за пределами Европы. Он также призывал к признанию прав колоний, за что его даже критиковали как врага Европы, особенно во Франции, которая одно время упорно сопротивлялась предоставлению независимости своим колониям. Настаивая на своем праве всемирной юрисдикции и прямого управления всеми церквами, он в то же время поощрял создание местных церквей под руководством епископов из числа коренного населения. Очень важную роль для дальнейшего развития событий сыграло образование под эгидой Ватикана Конференции латиноамериканских епископов, первой официальной организации подобного рода на международном и региональном уровне. Он также ввел в курию неитальянцев и придал международный характер коллегии кардиналов, в которой ко времени его смерти число итальянцев составляло всего одну треть. Таким образом, будучи консервативным папой в духе Тридентского и I Ватиканского соборов, он в то же время положил начало процессу, приведшему в конечном счете ко II Ватиканскому собору и принятым на нем реформаторским решениям.

Иоанн XXIII и Второй Ватиканский собор

Избрать нового папу оказалось труднее, чем предыдущего. Когда после одиннадцатого голосования объявили об избрании кардинала Ронкалли, многие сочли, что этот семидесятисемилетний кардинал избран как переходная фигура, чтобы дать кардиналам время для определения будущей политики. Но краткий понтификат (1958-1963) престарелого папы, принявшего имя Иоанна XXIII, был отмечен важными изменениями. Само его решение принять имя Иоанн, вызывавшее горькие воспоминания о периоде авиньонского папства и о пизанском антипапе Иоанне XXIII, служило указанием, что новый папа намерен идти по новому пути. Вскоре он привел в сильное беспокойство многих в курии и свою охрану беспрецедентными посещениями беднейших кварталов Рима. Высказывались даже опасения, что он, возможно, слишком простодушный человек, чтобы нести возложенную на его плечи тяжелую ответственность. Но он был человеком с богатым опытом и глубоким умом, продемонстрировавшим на требующих большой осмотрительности должностях в Болгарии, Стамбуле и Франции понимание всех тонкостей ведения переговоров и дипломатии. Кроме того, жизнь в турецком Стамбуле и в светском Париже показала ему, до какой степени церковь порвала связи с миром в целом. Свою основную миссию он видел в восстановлении этих связей, и выполнение этой задачи требовало дипломатического искусства, ибо многие в курии и на других высоких должностях в церкви не разделяли его понимания ситуации.

Он был старым человеком, а цели перед ним стояли большие, поэтому Иоанн XXIII чувствовал необходимость действовать быстро. Через три месяца после избрания он объявил о своем плане созвать экуменический собор. Многие в курии эту идею не одобрили. В прошлом большинство соборов созывались для рассмотрения какого-либо неотложного вопроса, чаще всего ереси, считавшейся особенно опасной. Более того, высказывалось мнение, что после провозглашения на I Ватиканском соборе догмата о непогрешимости папы эпоха соборов закончилась и что папа должен управлять церковью как абсолютный монарх. Действительно, со времени Пия IX тенденция к централизации проявлялась все ощутимее. Но папа Иоанн смотрел на вещи иначе. Он упорно называл других епископов "моими братьями епископами" и настаивал на необходимости советоваться с ними, а не управлять ими. Он был также убежден, что настало время для полного *аджорнаменто* (итальянское слово, буквально означающее "осовременивание") церкви и что этого можно добиться только благодаря соединению мудрости и усилий епископов всей церкви.

Подготовительная работа для проведения собора заняла более двух лет. Тем временем папа выпустил энциклику "Mater et Magistra", которую многие католические активисты в борьбе за установление справедливых общественных отношений сочли одобрением папой их деятельности. Наконец, 11 октября 1962 года папа Иоанн официально открыл заседания II Ватиканского собора. Лишь немногие ожидали, что эта ассамблея ознаменует радикальное изменение курса, которому церковь следовала в течение последних четырехсот лет. Документы для обсуждения и принятия на соборе были

подготовлены курией и в целом не содержали почти ничего больше, кроме подтверждения традиционного католического учения и предупреждения об опасностях, исходящих от современного мира. Но папа принял меры, чтобы направить работу собора и по другим направлениям. Год назад он создал Секретариат развития христианского единства, указав тем самым на значение, которое он придавал поиску сближения с другими христианами, и на свое желание рассмотреть этот вопрос на заседаниях собора. Его вступительная речь тоже задала иной тон по сравнению с большинством предварительно подготовленных документов - он сказал, что настало время, когда церковь должна отреагировать на проблемы современного мира словами понимания и ободрения, а не резкого осуждения. Достижению этих целей способствовали присутствие некатолических наблюдателей (тридцать один человек в начале работы и девяносто три - ко времени закрытия последней сессии собора) и особенно состав самого собора. Западную Европу, Канаду и Соединенные Штаты представляли всего 46 процентов прелатов. В общей сложности 42 процента прибыли из Латинской Америки, Азии и черной Африки. Свыше половины присутствовавших епископов представляли церкви со столь ограниченными ресурсами, что расходы, связанные с их пребыванием на соборе, пришлось оплачивать из средств более богатых церквей. Этих епископов глубоко волновал вопрос о необходимости облегчать тяжелое положение бедных, обращаться к нехристианскому миру и в целом выступать со словом сострадания и понимания, а не самодовольного осуждения. Таким образом, призыв папы во вступительной речи к "исцелению милосердием" был встречен с пониманием.

Очень быстро стало ясно, что большинство участников собора желает широких перемен в жизни церкви и прежде всего в сфере ее отношения к современному миру. Первым обсуждался документ, касавшийся литургии.

Из всех подготовленных заранее документов он предлагал наиболее существенные изменения, так как обновление литургии было одной из забот предыдущего папы. Консервативное меньшинство попыталось заблокировать даже эти изменения, но сторонники модернизации литургии одержали победу. Когда текст вернули в подготовившую его комиссию, инструкции по доработке были ясным свидетельством поражения консерваторов. С этого времени документы, составленные подготовительными комиссиями, чаще всего возвращались на переработку с инструкциями о внесении коренных изменений.

Папа Иоанн не увидел первого документа, принятого созванным им собором, - он умер в июне 1963 года. Следующий папа избрал имя Павел, обычно ассоциировавшееся с Тридентским собором, и консерваторы надеялись, что он распустит собор или по крайней мере примет энергичные меры, чтобы воспрепятствовать дальнейшим прениям. Но Павел VI (1963-1978) почти сразу же заявил о своем желании продолжить работу собора. Он, несомненно, занимал более консервативную позицию, нежели Иоанн XXIII, но за время первой сессии собора убедился, до какой степени христианские лидеры со всего мира чувствуют необходимость существенных изменений. При открытии второй сессии 29 сентября 1963 года он призвал присутствовавших "построить мост между церковью и современным миром".

Не нуждаясь в дополнительных стимулах, собор последовал призыву папы, хотя, возможно, в некоторых вопросах с большим рвением, чем того желал Павел VI. Ассамблея приняла документ о литургии, который с самого начала был наиболее прогрессивным, а остальные вернула на переработку, чтобы сделать их более созвучными новому курсу открытости современному миру. Значение "Конституции о святой литургии", наиболее важного результата работы второй сессии, вскоре дало о себе знать среди верующих во всем мире, ибо она разрешала использование родного языка в гораздо большей степени, чем раньше. Кроме того, в ней заявлялось (п. 38):

Сохраняя необходимое единство латинского обряда, при пересмотре литургических книг следует принимать меры для внесения надлежащих изменений и их адаптации в соответствии с потребностями различных групп, регионов и народов, в особенности на миссионерских территориях.

Затем был пересмотрен состав комиссий, занимавшихся переработкой документов, с включением в них большего числа членов, избранных собором. По некоторым признакам папа был недоволен развитием событий, и высказывались даже опасения, что он может объявить о закрытии собора. Но Павел VI не стал прибегать к таким

крайним мерам, и третья сессия собора, продолжавшаяся с 14 сентября по 21 ноября 1964 года, подтвердила, что любой документ, не соответствующий реформаторскому духу собора, будет отвергнут и возвращен в комиссию. Собор принял документы о церкви, о восточных церквах и об экуменизме. Многих его участников привело в уныние, что в документ о церкви папа добавил "примечание", поясняющее, что епископскую коллегиальность следует понимать в смысле верховенства папы, а в декрет об экуменизме (уже принятый ассамблеей) сделал вставки, с которыми документ выглядел менее приемлемым для некатоликов по сравнению с оригиналом. Кроме того, многие участники собора стремились подчеркнуть центральное положение Христа и предотвратить крайности, к которым могло бы привести поклонение Марии, однако папа по собственной инициативе провозгласил Деву Марию "Матерью Церкви".

Несмотря на такие действия папы, участники собора, собравшиеся на четвертую и последнюю сессию (с 14 сентября по 8 декабря 1965 года), были полны решимости довести работу до конца. Острые дискуссии развернулись по документу о религиозной свободе, принятию которого отчаянно сопротивлялись консерваторы из стран, где католики составляли большинство. Но когда последняя попытка провалилась, оппозиция смирилась с поражением, и до конца сессии ситуация находилась под полным контролем прогрессивных сил. Благодаря этому собор относительно легко принял вполне прогрессивные документы о епископах, о священниках и их подготовке, о мирянах, о церкви и нехристианах, о миссионерской деятельности и так далее. Особенно показательными в смысле демонстрации изменения духа, господствовавшего в католичестве в течение столетий, были документы о религиозной свободе и о церкви в современном мире. В первом заявлялось, что необходимо уважать религиозную свободу как отдельных людей, так и объединений и что любые религиозные группы имеют право организовываться согласно собственным принципам, "если не нарушаются справедливые требования общественного порядка". "Пастырская конституция о церкви в современном мире" - самый пространный документ из когда-либо принятых на соборе - общим звучанием резко отличалась от тональности, принятой в XIX веке. Подтвердив католические принципы веры и морали, она в то же время продемонстрировала подлинную открытость позитивным аспектам современности и творческий подход к таким вопросам, как семейная жизнь, экономические и социальные проблемы, политика, технология и наука, значение и разнообразие человеческих культур и так далее. Тон задавался с самого начала (п. 1):

Радости и надежды, горести и печали людей нашего времени, особенно бедных или по разным причинам страдающих, - это радости и надежды, горести и печали последователей Христа. Они являют собой сообщество людей, которые в союзе с Христом и под водительством Святого Духа двигаются к Царству Отца и несут послание о спасении, обращенное ко всем. По этой причине это сообщество знает, что оно тесно связано с человечеством и его историей.

Ко времени завершения работы собора стало ясно, что католическая церковь вступила в новую эпоху. Но предстояло сделать еще многое для проведения решений собора в жизнь. Часто они встречали сопротивление; в других случаях изменения происходили быстро, и Ватикан сдерживал их. В 1968 году консервативные наклонности папы проявились в энциклике "Humanae vitae", в которой он запретил использование любых методов контроля за рождаемостью, аннулировав постановление папской комиссии, рекомендовавшей признать допустимыми некоторые методы контроля за рождаемостью. После закрытия собора Павел VI действовал осторожно, опасаясь, по-видимому, что быстрые изменения приведут к расколу или к выходу из католической церкви наиболее консервативных ее членов. Такой раскол действительно произошел, инициированный одним из консервативных епископов. Но с ним ушли немногие члены церкви, и через двадцать лет после начала II Ватиканского собора стало ясно, что его решения привели в действие процессы, остановить которые невозможно. В качестве примера его продолжающегося влияния можно привести декларацию американских епископов о ядерной войне и гонке вооружений, к которой некоторые отнеслись как к неуместному вмешательству церкви в политические и военные вопросы. Но в этой декларации епископы просто-напросто повторили заявление II Ватиканского собора, что гонка вооружений и стремление достичь паритета в области смертоносного оружия не могут обеспечить прочного или подлинного мира.

Павел VI умер в 1978 году, и после краткого понтификата Иоанна Павла I его сменил Иоанн Павел II, первый неитальянский папа с XVI века. Будучи поляком, новый папа получил представление о борьбе церкви при нацистском и советском господстве и не питал иллюзий в отношении фашизма и коммунизма. Во время его понтификата в Польше усиливался конфликт между коммунистическим правительством и католической церковью, получившей дополнительный стимул благодаря избранию одного из своих соотечественников на престол св. Петра. Занимая консервативные позиции в вопросах, касающихся жизни духовенства, монашеских обетов и личной нравственности, Иоанн Павел II в то же время делал достаточно энергичные заявления о тяжелом положении бедных и о несправедливости их угнетения. Он принял ряд постановлений, не разрешавших священникам занимать политические должности, но утверждал, что церковь должна принимать участие в решении социальных вопросов. Следовательно, его можно считать либо консерватором, либо прогрессистом в зависимости от точки зрения того или иного наблюдателя.

Развитие богословской мысли

Открытость II Ватиканского собора удивила мир, не знавший о подводных течениях в католической церкви. Но чтобы он состоялся, богословы трудились в течение полувека. Такие эксперименты, как, например, использование священников-рабочих, стали результатом богословских поисков, к которым Рим относился без энтузиазма. Но самое главное, были богословы, чья католическая вера никогда не подвергалась сомнению, но труды которых либо отвергались, либо игнорировались Ватиканом.

Самым творчески мыслящим среди этих богословов был, пожалуй, Пьер Тейяр де Шарден. Он родился во французской аристократической семье и уже в раннем возрасте решил стать иезуитом. Он был рукоположен в священники в 1911 году. Когда началась Первая мировая война, он отказался от звания капитана, положенного военным священникам, и служил капралом в качестве санитара, выносившего раненых на носилках. По окончании войны он стал полноправным членом Общества Иисуса и в 1922 году получил степень доктора палеонтологии. Его всегда интересовала теория эволюции, но не как отрицание творения, а как научный путь постижения действия Божьей творческой силы. Однако его первые сочинения о взаимосвязи между верой и теорией эволюции очень быстро подверглись осуждению со стороны Рима. Ему запретили в дальнейшем публиковать работы на богословские темы, а самого отправили служить в Китай, где, как полагали, он не сможет принести большого вреда. Будучи послушным священником, он подчинился. Но запрет не мешал ему продолжать писать, хотя он и не публиковал свои рукописи. Таким образом, занимаясь палеонтологическими изысканиями в Китае, он одновременно продолжал богословскую работу, показывая написанное лишь нескольким близким друзьям. В 1929 году он участвовал в идентификации черепа синантропа, ставшей еще одним подтверждением принципа эволюции и принесшей ему известность в научных кругах всего мира. Но Рим по-прежнему не давал ему разрешения на публикацию его философских и богословских работ, распространявшихся теперь среди друзей во Франции. Лишь после его смерти в 1955 году друзья опубликовали его сочинения, сразу же привлекшие широкое внимание.

Признавая общие принципы теории эволюции, Тейяр де Шарден отвергал тезис Дарвина, согласно которому движущей силой эволюции является "выживание наиболее приспособленных". Вместо этого он выдвинул концепцию о "космическом законе усложнения и осознания", означающем, что эволюция представляет собой движение к более сложному и более осознанному. На каждом этапе эволюции мы видим определенное количество организмов, относящихся к разным стадиям или сферам эволюционного процесса. Эволюция начинается с "ткани универсума", которая затем превращается в "литосферу" - материю, образующую молекулы, которые в свою очередь соединяются в тела. Следующая стадия - "биосфера", в которой появляется жизнь. Из нее развивается "ноосфера", в которой жизнь начинает осознавать себя. На этом этапе эволюция не прекращается, но принимает осознанный характер. Люди в том виде, в каком мы их сейчас знаем, - это еще не конец эволюционного процесса. Мы находимся на определенном этапе продолжающейся эволюции, ведущей к "гоминизации" человека. Эта новая стадия характеризуется тем, что, будучи разумными существами, мы принимаем участие в собственной эволюции.

Но что касается пути, по которому должна идти эволюция, то здесь мы не предоставлены самим себе. В этом процессе есть "пункт Омега" - конечный пункт всего космического процесса. Чтобы понять эволюцию, на нее надо смотреть не от начала до конца, а с конца до начала. Смысл всему процессу придает его завершение. А завершением этим, "пунктом Омега", является Иисус Христос. С Ним началась новая и заключительная стадия эволюции - "христосфера". Подобно тому как человечность и божественность неразделимо и неслитно соединились в Христе, каждый из нас в конце соединится с Богом, оставаясь при этом самим собой. Церковь, Тело Христово, есть новая историческая реальность, связанная с "пунктом Омега". Таким образом, Тейяр де Шарден соединил науку с богословием и даже со значительной примесью мистических идей. Но, в отличие от большинства представителей мистических направлений, он был мистиком, обращенным к миру.

Влияние Тейяра де Шардена заметно даже среди многих из тех, кто не принял его широкомасштабной космической схемы. Его попытка смотреть на эволюционный процесс "с конца до начала" побудила современных богословов, как католических, так и протестантских, вновь обратиться к эсхатологии - учению о "последних днях". Во многих важных разделах современного богословия эсхатология стала полезным исходным пунктом, а не просто дополнением ко всей остальной богословской системе. Во-вторых, мысль Тейяра де Шардена о продолжающемся эволюционном процессе и о нашем сознательном участии в нем побудила других богословов заняться исследованием вопроса об участии человека в осуществлении Божьих целей и относиться к человечеству как к активной действующей силе в формировании исторического процесса. Наконец, его земной мистицизм побудил многих связать свою духовную жизнь с политической деятельностью.

Еще одним представителем богословской мысли, развивавшейся в католической церкви в первой половине XX века вопреки желаниям Ватикана, был Анри де Любак, тоже французский иезуит и друг Тейяра де Шардена. Вместе с Жаном Даниелу де Любак издал объемное собрание ранних христианских произведений. Это солидное академическое издание было обращено к современной аудитории и отражало стремление де Любака связать в творческой и динамичной манере современный мир и христианское предание. По его мнению, за последние годы представление церкви о предании стало более узким, вследствие чего все христианское предание в значительной степени утратило динамизм. В сравнении с широтой и универсальностью раннего предания современное католическое богословие казалось узким и избитым. Но такие взгляды встретили неодобрение Рима, и к середине столетия его тоже заставили замолчать. Когда запрет был снят, иезуиты попросили его написать критическое исследование трудов и мыслей Тейяра де Шардена, дав им оценку в свете католического предания. Первый том был опубликован на французском языке в 1962 году, и Рим отреагировал немедленно, остановив проект и запретив повторную публикацию и перевод уже изданного тома. Де Любак не вполне разделял космическую масштабность взглядов Тейяра де Шардена, и это в сочетании с его глубоким знанием раннего христианского предания способствовало тому, что он оказал более сильное влияние на католическое богословие. Но он тоже считал, что перед всем человечеством стоит общая цель и что ход исторического развития легче всего понять при осознании, что этой целью является не кто иной, как Иисус Христос. Церковь - не как общественная организация, а как мистическое Тело Христово - являет собой священный символ в окружающем ее мире. Хотя Рим принуждал его к молчанию, де Любак пользовался уважением со стороны многих богословов и прогрессивно настроенных епископов и стал одним из "перито", то есть экспертов, участие которых во II Ватиканском соборе в значительной степени предопределило результаты ра-
боты этой ассамблеи. Сама его идея, что церковь представляет собой священный символ для мира, послужила основанием для принятия собором документов, отражавших открытость церкви миру.

Ив Конгар, еще один "перито" на П Ватиканском соборе, придерживался примерно той же ориентации. Он на собственном опыте пережил тяготы современной жизни - в 1939 году его призвали во французскую армию, и с 1940 по 1945 годы он находился в немецком плену. Будучи доминиканцем, он позднее возглавил доминиканский монастырь в Страсбурге. Как и де Любак, он пришел к убеждению, что в результате богословских споров церковь сузила свое понимание предания и тем самым отказалась

от многих богатых по содержанию составляющих этого предания. Особенно его волновал вопрос о самосознании церкви, поэтому он считал необходимым выйти за рамки превалировавшего в то время чисто юридического и иерархического представления о церкви. Вдохновение он черпал в ранних учениях о церкви, в которых на первом плане находился образ "Божьего народа" и основное внимание уделялось мирянам. Такая точка зрения, подразумевавшая открытость другим христианам, в первой половине века казалась католикам необычной. Так же как Тейяра де Шардена и де Любака, Рим на какое-то время принудил Конгара к молчанию. Но он пользовался большим авторитетом и стал одной из ведущих богословских фигур на II Ватиканском соборе. Его влияние на этой ассамблее выразилось прежде всего в принятии постановлений о природе церкви, экуменизме и церкви в современном мире.

Самым влиятельным католическим богословом XX века можно, по-видимому, считать иезуита Карла Ранера, который тоже исполнял обязанности "перито" на II Ватиканском соборе. Ранер был одним из семи детей немецкого школьного учителя - его брат Гуго тоже стал известным иезуитским богословом - и написал свыше трех тысяч книг и статей. Они касались как сугубо теоретических богословских тем, так и вопросов повседневной жизни, таких, например, как "почему мы молимся по вечерам". Но во всех случаях Ранер пользовался примерно одинаковым методом: он обращался к преданию и к современному миру и ставил перед преданием совершенно иные вопросы, нежели было принято. Цель его заключалась не в постижении тайны мироздания, а в прояснении таинственной природы бытия, в возвращении тайны в центр повседневной жизни. В философском плане он черпал вдохновение как у Фомы Аквинского, так и у Мартина Хайдеггера, одного из крупнейших экзистенциалистов. Но философия его интересовала только в той мере, в какой она помогает прояснению христианского учения. Он очень мало занимался популяризаторской работой, предпочитая писать в основном для богословов, которых он призывал к открытости и новому пониманию предания. По этим причинам, хотя он неоднократно предлагал истолкования предания, отличавшиеся от общепринятых взглядов, Рим никогда не принуждал его к молчанию, как это было в случае с его французскими коллегами. Его влияние прямо или косвенно просматривается практически во всех документах II Ватиканского собора, однако в наибольшей степени оно проявилось, пожалуй, в понимании им роли епископства. При жизни многих поколений в католичестве развивалась тенденция к большей централизации власти в Риме по модели монархического управления. Ранер исследовал вопрос о епископате и, не отвергая приоритета Рима, сделал упор на коллегиальном характере епископства. Это в свою очередь подразумевало, что церковь может быть действительно вселенской, приспосабливаясь к любой культурной среде и не обязательно принимая за эталон истины римские или западноевропейские точки зрения. Такое представление о всеобщности и коллегиальности выразилось в решениях собора, касающихся не только самого епископства, но и использования родного языка и приспособления литургии к разным культурным условиям.

Предложенное Ранером здравое сочетание солидного богословского основания, пересмотра и переистолкования предания и открытости для постановки перед этим преданием новых вопросов послужило моделью для более радикальных богословских систем, в частности латиноамериканского богословия освобождения, к которому мы обратимся в последней главе.

В общем и целом смысл происходивших в католичестве XX века процессов сводится к тому, что после нескольких столетий отказа отвечать на вызов современного мира иными средствами кроме конфронтации и осуждения оно открылось для диалога с этим миром. В результате этого диалога католики, как и протестанты и даже нехристиане, с удивлением увидели в католической церкви энергию, о которой мало кто подозревал. Почву для такого неожиданного развития задолго до II Ватиканского собора готовили богословы, к которым Рим относился с подозрением.

Протестантизм в Европе

Став взрослыми, мы должны осознать свое положение пред Богом. Бог учит нас жить так, чтобы мы могли справляться со своими проблемами без Него.

ДИТРИХ БОНХЕФФЕР

Потрясения первой половины XX века в наибольшей степени затронули Европу. Этот континент был колыбелью большинства оптимистических философских и богословских теорий XIX века. Здесь вынашивались мечты, что под духовным водительством Европы все человечество увидит зарю нового дня. Европа убедила себя, что колониальные завоевания представляют собой широкомасштабное альтруистическое предприятие, совершаемое для блага всего мира. Эту иллюзию европейские протестанты разделяли в гораздо большей степени, чем католики, поскольку католичество в течение всего XIX века относилось к современному миру с позиции полного осуждения, а протестантский либерализм практически капитулировал перед идеями новой эпохи. Поэтому, когда две мировые войны и связанные с ними события положили конец мечтам XIX века, протестантский либерализм был потрясен до самых оснований. В XIX веке, отчасти в результате неспособности католичества дать адекватный ответ на вызов современного мира, во Франции распространились скептические и секуляр-ные настроения. В XX же веке, отчасти в результате краха либерализма и его оптимистических надежд, в регионах с традиционным преобладанием протестантизма - в Германии, Скандинавии и Великобритании - явно возросли такие же скептические и секулярные настроения. К середине столетия стало ясно, что Северная Европа перестала быть оплотом протестантизма и что ее положение лидера протестантизма перешло к другим странам света.

Первая мировая война и ее последствия

Еще до войны, начавшейся в 1914 году, христианские лидеры сознавали рост напряженности в Европе и принимали меры по использованию международных связей церквей для предотвращения конфликта. Когда эти усилия закончились неудачей, некоторые христиане отказались поддаться националистическим настроениям и попытались сделать церковь инструментом примирения. Одним из лидеров этого движения был Джонатан Седерблум (1866-1931), с 1914 года лютеранский архиепископ Упсалы, использовавший связи в обеих противоборствовавших лагерях и призывавший продемонстрировать универсальный и наднациональный характер христианского сообщества. После войны прилагавшиеся им усилия и установленные контакты в сочетании с незапятнанной репутацией миротворца сделали его одной из ведущих фигур начального этапа экуменического движения, к которому мы еще вернемся.

Но протестантизм крайне нуждался в богословской теории, которая могла бы помочь понять события современности и дать на них ответ. Либерализму с его оптимистическим представлением о человеческой природе и ее возможностях в такой ситуации сказать было нечего. Эту потребность Седерблум и другие скандинавы начали восполнять, возобновив изучение богословских взглядов Лютера. В предыдущем столетии немецкая либеральная школа представляла Лютера предтечей либерализма и воплощением германского духа. Теперь же ученые сначала в Скандинавии, а затем и в Германии обратились к богословию Лютера с иной точки зрения и убедились, что многое в его взглядах не соответствует представлениям прошлого века. Значительными вехами на этом пути стали книги Густава Аулена "Christus Victor" и Андерса Нигрена "Агапе и Эрос". Обе они характеризовались осознанием силы зла и незаслуженной Божьей благодати и выражали несогласие со многими идеями, высказывавшимися представителями предшествующего поколения.

Однако самым значительным богословским ответом на вызов современности стала деятельность Карла Барта (1886-1968). Барт был сыном швейцарского реформатского пастора, и его настолько заинтересовали занятия в кружках подготовки к конфирмации, которые он посещал в 1901 и 1902 годах, что он решил изучать богословие. В то время, когда он принял решение посвятить себя богословию, его отец был преподавателем истории церкви и Нового Завета в Берне, и молодой Барт намеревался заниматься под его началом. Проучившись какое-то время в Берне и проведя ничем не примечательный семестр в Тюбингене, он отправился в Берлин, где на него большое впечатление произвел Гарнак и его трактовка истории учений. Позднее, во время учебы в Марбурге, он увлекся сочинениями Канта и Шлейермахера. Там же он повстречался с Эдвардом Турнейсеном, тоже студентом, ставшим его ближайшим другом на всю жизнь. Наконец, получив подготовку в духе лучших традиций либерального богословия своего времени, Барт стал пастором сначала в

Женеве, где воспользовался возможностью для тщательного изучения "Наставлений" Кальвина, а затем в швейцарском городке Сафенвил.
В 1911 году Сафенвил был приходом крестьян и чернорабочих, и Барт заинтересовался их борьбой за улучшение условий жизни. Вскоре его настолько поглотили социальные проблемы прихода, что богословские сочинения он начал читать только при подготовке к проповедям и лекциям. Он стал социал-демократом - в партию он вступил в 1915 году - и пришел к выводу, что это движение, пусть даже неосознанно, является Божьим инструментом для установления Его Царства. Он полагал, что Иисус пришел в конечном счете не для создания новой религии, а для основания нового мира и что социал-демократы ближе к воплощению этой цели, чем бездеятельная церковь, довольствующаяся проповедями и богослужениями. Война поколебала его политические надежды и богословские взгляды. Наступления обещанного социал-демократами нового мира не предвиделось, во всяком случае - в ближайшем будущем, а оптимизм его либеральных наставников казался просто неуместным в разрушенной войной Европе. В 1916 году состоялась обстоятельная беседа Барта с Турнейсеном, и оба друга пришли к выводу, что настало время для создания богословской системы на ином основании и что наилучший путь для этого - возврат к тексту Писания. На следующее утро Барт начал исследование Послания к римлянам, результаты которого потрясли богословский мир.
"Послание к римлянам" Барта, изначально написанное для собственного пользования и для узкого круга друзей, было опубликовано в 1919 году. В нем он подчеркивал необходимость возврата к верному истолкованию в противовес построению систематических конструкций. Бог Писания, заявил он, трансцендентен и не может быть объектом манипуляций со стороны человека, а работа в нас Духа - не наше собственное приобретение, а всегда дар Божий. Барт выступил также против религиозного субъективизма, который он видел во многих своих учителях. В этом отношении он заявил, что для получения спасения человек должен освободиться от таких личных пристрастий и стать членом Тела Христова - нового человечества.
Пока читатели в Германии и Швейцарии осыпали его "Послание к римлянам" похвалами, которые ему не всегда нравились, Барт продолжал дальнейшие исследования, убедившие его, что в этой книге он углубился недостаточно далеко. В частности, он полагал, что не в полной мере подчеркнул инакость Бога. Он говорил о трансцендентности, но теперь опасался, что не до конца избавился от либеральной и романтической тенденции видеть Бога в лучших проявлениях человеческой природы. Кроме того, он недостаточно подчеркнул несоизмеримость Божьего Царства и всех человеческих замыслов. Он пришел к убеждению, что Царство есть эсхатологическая реальность, исходящая от Совершенно Иного, а не от человеческих умозрительных построений. Это побудило его отказаться от богословских взглядов, приведших его в ряды социал-демократов. Оставаясь социалистом и не теряя убеждения, что христиане должны бороться за установление справедливых и равноправных отношений, он теперь подчеркивал, что все это не следует путать с эсхатологическим Царством Божьим.
Подготовив второе и радикально переработанное издание "Послания к римлянам", Барт покинул Сафенвил и начал преподавательскую деятельность, которой занимался сначала в Геттингене, затем в Мюнстере, Бонне и, наконец, в Базеле. Во втором издании "Послания к римлянам" ясно просматривается влияние Кьеркегора, особенно в том, что касается упора на непреодолимой пропасти между временем и вечностью, между человеческими достижениями и Божьими делами. Говорили также, что это второе издание было бартовским вариантом "критики христианского мира" Кьеркегора. Ко времени начала его преподавательской карьеры Барта уже считали основоположником новой богословской школы, которую одни назовут "диалектическим богословием", другие "богословием кризиса", а третьи "неоортодоксией". Согласно этой богословской системе, Бог никогда не с нами, Он всегда отчужден от нас, Его слово означает одновременно "да" и "нет", Его присутствие приносит не облегчение или вдохновение, а кризис. С ним солидаризировались некоторые крупные богословы: реформат Эмиль Брукнер, лютеранский пастор Фридрих Гогартен и исследователь Нового Завета Рудольф Бультман. В 1922 году Барт, Гогартен, Турнейсен и их сторонники начали выпускать богословский журнал "Zwischen den Zeiten" ("Между временами"), в котором сотрудничали также Брукнер и Бультман. Вскоре, однако, Бультман и Гогартен отделились от этой группы, которую они считали слишком

традиционалистской в подходе к богословским проблемам и не уделяющей достаточного внимания сомнениям, возникающим в современном мире. Затем Бруннер и Барт тоже разошлись в вопросе о взаимосвязи между природой и благодатью - Бруннер полагал, что в людях есть присущая им "точка восприятия" действия благодати, а Барт утверждал, что такое представление ведет к возрождению "естественного богословия" и что в любом случае "точку восприятия" может создавать только благодать.
Время шло, и Барт продолжал идти по своему собственному богословскому пути. В 1927 году он опубликовал первый том задуманной им "Христианской догматики", в котором заявил, что предметом богословских исследований является не христианская вера, как утверждали Шлейермахер и иже с ним, а Слово Божье. Изменился и общий тон его высказываний - в "Послании к римлянам" он выступал как пророк, показывавший ошибочность следования прежними путями, а теперь он предстал ученым, предлагавшим альтернативное систематическое богословие. Богословие кризиса тем самым стало богословием Слова Божьего. Но продолжения этот проект не получил. Изучая труды Ансельма и протестантских богословов XIX века, Барт пришел к убеждению, что в "Христианской догматике" слишком большая роль отводится философии. В ней он исходил из тезиса, что богословие может дать ответ на наши глубочайшие вопросы, связанные с бытием, и потому использовал экзистенциалистскую философию как основание, на которой строится богословие. Теперь же он пришел к выводу, что Слово Божье не только дает ответы, но и ставит вопросы. Грех, например, не есть некая проблема, которая нам известна по самой природе и решение которой мы находим в Евангелии. Осознание греховности дает слово благодати. Не зная этого слова, мы не знаем ни о благодати, ни о грехе. Такая новая точка зрения побудила Барта начать заново всю свою работу по систематизации, на этот раз сделав упор на церковном основании богословия и дав ей название "Церковная догматика". Тринадцать томов этой так и не завершенной работы были опубликованы между 1932 и 1967 годами.
"Церковная догматика", несомненно, представляет собой величайший богословский памятник XX века. В то время когда многие полагали, что разработка богословских систем - дело прошлого и что богословские труды могут в крайнем случае принимать форму монографий, Барт написал сочинение, достойное лучших времен богословской мысли. Читая его, немедленно отмечаешь глубокое знание прежних богословских систем, на которые он постоянно ссылается. Видишь также внутреннее единство всего произведения, работа над которым продолжалась в течение почти четырех десятилетий и которое от начала до самого конца остается верным себе. В нем есть смещение акцентов, но нет никакого разрыва в общем ходе повествования. Но самое большое впечатление производит свободное и критическое отношение Барта к богословию в целом, которое он никогда не смешивает со Словом Божьим. Он подчеркивает, что богословие, будь оно правильным или нет, в любом случае остается человеческим творчеством, и поэтому к нему всегда надо относиться с чувством сознания собственной свободы, радости и даже юмора.

Новые конфликты

В то время как Барт готовил первый том "Церковной догматики", в Германии происходили зловещие события: к власти рвались Гитлер и нацистская партия. В 1933 году Ватикан и Третий рейх подписали конкордат. У протестантских либералов не было никаких богословских инструментов для критического ответа на этот вызов. Более того, многие из них заявляли, что верят в способность человеческой расы совершенствоваться, а именно это и провозглашал Гитлер. Они также проявляли склонность вписывать Евангелие в контекст немецкой культуры, а заявления нацистов, что Германия призвана цивилизовать весь мир, находили отклик на многих протестантских кафедрах и в академических кругах. Программа Гитлера предусматривала объединение всех протестантских церквей в Германии и их использование для проповеди расового превосходства германской нации и полученной ею от Бога миссии. Так возникла партия "немецких христиан", соединявшая традиционные христианские верования в понимании либералов с пропагандой расового превосходства и германским национализмом. Их программа включала в себя также переосмысление христианства в категориях противоборства иудаизму, приводя его тем самым в соответствие с антисемитской политикой рейха. В 1933 году по указанию

правительства была создана объединенная Германская евангельская церковь. Когда возглавлявший ее епископ выразил нежелание повиноваться рейху во всех делах, его сместили и вместо него поставили другого. В 1934 году несколько преподавателей богословия, в том числе Барт и Бультман, подписали декларацию протеста против политики, проводившейся объединенной церковью. Несколько дней спустя христианские лидеры со всей Германии, лютеране и реформаты, собрались в Бармене на совещание, которое они назвали "синодом свидетельства" и на котором приняли "Барменскую декларацию", ставшую уставным документом "Исповедальной церкви", организации, противостоявшей политике Гитлера во имя Евангелия. Барменская декларация отвергла "лжеучение, согласно которому церковь не только должна основывать свое послание на Слове Божьем, но и принимать во внимание другие события и силы, новых людей и новые обстоятельства, как будто бы имеющие отношение к Божьему откровению". Она призвала всех христиан в Германии сравнивать слова послания со Словом Божьим и принимать его только в том случае, если оно соответствует Слову.

Реакция рейха не заставила себя ждать. Д-ра Мартина Нимеллера, берлинского пастора, в открытую критиковавшего власть, арестовали (он проведет в тюрьме восемь лет). Почти всех пасторов, критиковавших правительство, призвали в армию и отправили на фронт. Всех профессоров немецких университетов заставили подписать заявление о безоговорочной поддержке политики рейха (Барт отказался дать такую подписку и вернулся в Швейцарию, где преподавал в Базеле вплоть до отставки).

Самой известной фигурой среди пострадавших при гитлеровском режиме был молодой богослов Дитрих Бонхеффер (1906-1945), работавший пастором в Лондоне, когда Исповедальная церковь пригласила его вернуться в Германию и возглавить неофициальную семинарию. Друзья в Англии пытались отговорить его. Но он счел это призывом, на который должен откликнуться, и вернулся в Германию, зная, что подвергает свою жизнь опасности. В 1937 году он опубликовал работу "Цена ученичества", в которой попытался показать значение Нагорной проповеди в современных условиях. В том же году его семинарию разогнали по прямому указанию руководства рейха. Несмотря на это, Бонхеффер вновь набрал две группы студентов и продолжил преподавать богословие. Опыт этой совместной жизни в смирении и опасности нашел отражение в книге "Общая жизнь", опубликованной в 1938 году. В то время мир стоял на пороге войны. Бонхеффер совершил краткую поездку в Лондон, где друзья из Англии и из Соединенных Штатов (где он когда-то учился) уговаривали его не возвращаться в Германию. Но он все-таки вернулся. Затем он решил принять приглашение провести год в Соединенных Штатах. Но фазу же по приезде он решил, что совершил ошибку, так как понимал, что его соотечественникам-немцам вскоре придется выбирать между патриотизмом и истиной. Он заявил: "Я знаю, какую из этих альтернатив должен выбрать, но не могу сделать выбор в безопасной обстановке".

Жизнь Бонхеффера в Германии становилась все труднее. В 1938 году ему запретили жить в Берлине. Два года спустя его семинарию закрыли по приказу гестапо, а самому ему запретили печататься и выступать с публичными заявлениями. В течение следующих трех лет он принимал все более активное участие в подпольной деятельности против гитлеровского режима. До сих пор он был пацифистом. Но теперь он пришел к убеждению, что такой пацифизм, возлагающий на других обязанность принимать трудные политические и повседневные решения, означает по сути уклонение от ответственности. Встретившись с одним из друзей в Швеции, Бонхеффер сказал ему, что участвует в заговоре с целью убийства Гитлера. Он добавил, что ему это не очень нравится, но что другого выбора у него нет.

В апреле 1943 года Бонхеффера арестовало гестапо. В тюрьме и затем в концентрационном лагере Бонхеффер пользовался уважением как охранников, так и заключенных, которым он служил священником. Он также поддерживал переписку с друзьями на свободе, причем одни письма проходили цензуру, а другие тайком передавались с помощью симпатизировавших ему охранников. В этих письмах и других оставленных им записях он излагал охватившие его новые идеи, которые он пытался разрешить и над рядом которых будут биться последующие поколения. Он говорил, например, что мир "достиг совершеннолетия" и что Божье присутствие в этом мире очень похоже на поведение мудрого родителя, который по мере роста ребенка все больше отступает на задний план. Именно в этой связи он критиковал Барта, которого

глубоко уважал, за то, что тот, по его мнению, принял точку зрения, которую он называл "позитивистским отношением к откровению", как будто откровение позволяет нам узнать больше, чем оно на самом деле содержит. Но в других вопросах он придерживался линии Барта и пытался смело развивать его концепции. Например, Барт заявлял, что религия выражает стремление человека спрятаться от Бога, и на этом основании, пытаясь определить будущую форму христианства, Бонхеффер говорил о "безрелигиозном христианстве". Прочитав эти строки, последующие поколения почувствуют необходимость развить эту мысль Бонхеффера и будут делать это, двигаясь совершенно разными путями.
С приближением американской армии и неминуемого поражения Третий рейх начал уничтожать тех, кого считал своими противниками. Среди них был и Бонхеффер. После короткого заседания военного суда его приговорили к смертной казни. Тюремный врач впоследствии рассказал, что видел, как он, стоя на коленях в своей камере, молился перед смертью. 9 апреля 1945 года, через два года и четыре дня после ареста, Дитрих Бонхеффер был повешен. Несколько дней спустя американская армия захватила тюрьму, в которой его казнили.

Послевоенный период

В результате войны обширные территории Восточной и Центральной Европы попали под советский контроль. Большинство этих стран были преимущественно католическими, однако в каждой из них проживали значительные протестантские меньшинства. Попавшая в советскую зону оккупации часть Германии была колыбелью протестантизма с подавляющим преобладанием протестантского населения. Это привело одновременно к возникновению трений между протестантами и коммунистическими режимами и к оживлению диалога между марксистами и протестантами. Характер отношений между государством и церковью в разных странах и в разное время был неодинаковым. Ортодоксальная марксистская доктрина, безусловно, рассматривала христианство как противника, однако тогда как одни коммунистические лидеры проводили политику открытого противоборства церкви, другие предпочитали снисходительно не замечать ее, будучи убежденными, что религиозная вера - пережиток прошлого и исчезнет сама по себе. В Чехословакии и в Венгрии государство продолжало традиционную политику поддержки церкви из общественных фондов. С другой стороны, в Восточной Германии христиане подвергались серьезному ущемлению в гражданских правах, лишавшему их возможности получать образование и занимать ответственные должности.
В Чехословакии марксистско-христианский диалог был связан с именем Йозефа Громадки, декана Богословского факультета имени Коменского в Праге. Чтобы понять позицию его самого и других протестантов в Чехословакии, надо помнить, что это - родина Гуса и земля, подвергшаяся наибольшему опустошению во время Тридцатилетней войны. С тех пор протестанты в этой стране начали относиться к католикам как к угнетателям. Поэтому когда коммунистический режим объявил, что в глазах правительства все церкви будут занимать равное положение, чешские протестанты восприняли это как акт освобождения. В оппозиции Ватикана новому режиму в Чехословакии они видели попытку вернуть утерянные католичеством привилегии, чтобы опять подчинить их своей власти. Кроме того, со времени гуситских войн против иноземных захватчиков они приобрели убеждение, что христианская вера должна быть не просто сугубо личным делом, но должна также оказывать влияние на жизнь общества, приводя к установлению более справедливых отношений. По этим причинам Громадка и его последователи положительно отнеслись к марксистскому режиму, не отказываясь при этом от своей веры. Громадка еще до Второй мировой войны говорил о возможности того, что русский коммунизм откроет новую эру в мировой истории, в которой первостепенное значение приобретут вопросы социальной справедливости. Об опасности нацизма он предупреждал еще в 1933 году. Когда его родина подверглась немецкому нашествию, он бежал в Соединенные Штаты, где восемь лет преподавал в Принстонской богословской семинарии. В то время он еще больше утвердился во мнении, к которому пришел еще раньше, рассудив, что многое из принимавшегося за христианство в Соединенных Штатах служило всего-навсего оправданием либеральной демократии и капитализма. Он был также убежден, что марксистский атеизм не может сбить христиан с пути, так как Бог, существование

которого отвергают марксисты, не более чем фикция. Истинный Бог Писания и христианской веры иной, Он находится вне сферы влияния поверхностного марксистского атеизма. Между марксизмом и христианством существует коренное различие. Но церкви не следует путать это различие с поляризацией мира в результате холодной войны. Христиане должны критически относиться к марксистскому государству, но им нельзя занимать позицию, оправдывающую несправедливости капиталистического строя или положение, существовавшее в Чехословакии до войны.
Активный диалог между христианами и марксистами проводился и в других частях Европы. Марксистами, участвовавшими в диалоге, часто были не правоверные марксисты-ленинцы, а ревизионисты, принимавшие основополагающие положения марксистского анализа истории и общества, но в то же время стремившиеся внести в него собственное понимание. Ведущим выразителем этого направления мысли был Эрнст Блох, философ-марксист, согласный с Марксом в том, что религия в целом - и особенно христианская на протяжении большей части своей истории - использовалась как один из инструментов угнетения. Но, отталкиваясь от мыслей самого же молодого Маркса, Блох увидел в раннем христианстве движение протеста против угнетения, а в христианском учении и библейских рассказах - позитивный смысл. По его мнению, их ценность заключается в том, что они несли послание надежды. "Философия надежды" стала самым значительным вкладом раннего христианства в человеческую историю. И это оказало огромное влияние, так как надежду люди ищут не в прошлом, а в будущем. Такие взгляды, как и позиции других марксистских ревизионистов, подготовили почву для диалога, продолжавшегося вплоть до последних десятилетий XX века. Этот диалог - и особенно труды Блоха - способствовали развитию в протестантском богословии XX века одной из важнейших его черт, а именно, акцента на эсхатологической надежде как одной из основополагающих тем христианского богословия. Выдающимся представителем этого движения стал Юрген Мольтман, чьи книги "Богословие надежды" и "Распятый Бог" получили признание как начало новой эры в богословии. Мольтман утверждал, что надежда - основная категория библейской веры. Бог еще не закончил Свою работу в мире. Бог, говорил Мольтман, доходит до нас и призывает нас из будущего. Надежда на "последние дни" должна занимать в христианских богословских трудах первое, а не последнее место. Это - неличная надежда какого-то одного человека, а надежда на установление всеобщего нового порядка. Следовательно, богословие надежды должно побуждать верующего не к пассивному ожиданию будущего, а к участию в борьбе по искоренению бедности и угнетения, олицетворяющей уготованное Богом будущее.
Тем временем в Западной Европе, остававшейся свободной от советского контроля, усиливался процесс секуляризации. Через двадцать лет после войны в таких традиционно протестантских регионах, как Скандинавские страны, Западная Германия и Великобритания, посещаемость церкви и участие в ее делах снизились до такой степени, что лишь незначительное меньшинство населения - в некоторых случаях менее 10 процентов - имело хоть какую-то связь стой или иной формой организованного христианства. В этих регионах христианских лидеров и богословов более всего занимал вопрос о взаимосвязи между христианством и современным крайне светским мировоззрением, то есть вопрос, который Бонхеффер пытался разрешить в тюрьме.
Один из самых популярных ответов на этот вопрос дал Рудольф Бультман в своем опубликованном во время войны исследовании "Новый Завет и мифология". В нем Бультман заявил, что в Новом Завете послание выражено в форме мифа и что для понимания послания в современных условиях его надо "демифологизировать". Это важно не потому, что без него вера невозможна - человек может заставить себя верить во что угодно, даже в самое иррациональное, - а потому, что без демифологизации вера понимается совершенно неправильно. Вера - не усилие воли, чтобы заставить себя поверить в невозможное. Призыв Нового Завета к вере нельзя услышать, если он воспринимается как призыв поверить в миф. Миф - это попытка выразить в образах то, что выходит за рамки этого мира. Но в Новом Завете, помимо этого основополагающего мифа, нарисована также мифологическая картина мира, в которой действуют Бог и другие сверхъестественные силы, а мироздание состоит из трех ярусов с небом наверху и адом внизу. Современный человек не может больше воспринимать мир открытым для сверхъестественных вмешательств и подвешенным между небом и адом. Все это, в том

числе попытки говорить о Боге в человеческих категориях, необходимо демифологизировать.
Представление самого Бультмана о том, как надо понимать Новый Завет, было вдохновлено философом-экзистенциалистом Мартином Хайдеггером. Однако этот аспект его программы не получил такого широкого признания, как призыв к демифологизации. Каким бы ни было новое понимание Нового Завета, заявляют сторонники этой концепции, ясно, что современный человек не мыслит более в категориях открытого для сверхъестественного вмешательства мира, и потому рассказы Нового Завета, выраженные именно в таких категориях, представляют собой препятствие для веры. Более чем через двадцать лет после опубликования работы Бультмана англиканский епископ Джон Робинсон в книге "Честность пред Богом", вызвавшей широкие дискуссии и комментарии, предпринял попытку популяризации идей Бультмана, а также Бонхеффера и Пауля Тиллиха, к которому мы еще вернемся в следующей главе.
Секулярные тенденции в Европе действительно растут, но этот процесс не следует истолковывать в том смысле, что церкви теряют жизненную силу или что богословские диспуты о значении секуляризма составляют их главное занятие. Напротив, европейские протестанты, число которых за последние десятилетия во многих местах сократилось, продолжают оставаться активной общественной силой и занимают ведущие позиции в движении за прекращение гонки вооружений, в борьбе за установление справедливых международных отношений и в служении обездоленным или потерявшим корни в результате промышленного развития и его последствий. Во Франции в 1936 году после слияния двух реформатских групп с методистами и конгрегационалистами образовалась Реформатская церковь Франции. Эта церковь проявляет большой интерес к евангелизационной работе в индустриальных районах и добивается в ней значительных успехов. Равным образом, в Западной Германии протестантские церкви содержат штат в 130 тысяч работников, занимающихся вопросами социального обеспечения как в самой Германии, так и за границей. За всей этой работой стоят миллионы преданных христиан, для которых главный вопрос заключается не в секу-лярности, а в послушании. В Восточной Германии к концу 80-х годов, после почти четырех десятилетий, в течение которых коммунистический режим препятствовал гражданам - особенно детям и молодежи - посещать церковь, почти две трети населения продолжали исповедовать христианство. И только к 1978 году правительство пошло наконец на соглашение с церквами, дав обещание прекратить дискриминацию христианских детей и юношей, разрешив проведение массовых собраний верующих на региональном и национальном уровнях, а также строительство новых церквей. В 1983 году правительство и церкви, в том числе католические, заключили нелегкий союз, чтобы отметить пятисотлетие со дня рождения Лютера. Несмотря на потрясения, вызванные крупными и даже гибельными событиями XX века, несмотря на сокращение в некоторых местах его численности, европейский протестантизм не утерял своей жизненной силы.

Протестантизм в Соединенных Штатах

Мы знаем свои христианские и гражданские обязанности. Следовательно, нам надо бросить вызов неуместной вере страны в свое экономическое и военное могущество... Нам надо противостоять искушению превратить страну и ее институты в предмет почти религиозного поклонения.
ЧИКАГСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

От Первой мировой войны до Великой депрессии

Соединенные Штаты тоже участвовали в Первой мировой войне, однако для них этот конфликт не имел таких далеко идущих последствий, как для стран Европы. Это объясняется прежде всего тем, что Соединенные Штаты вступили в войну на ее последнем этапе и их территория не была театром военных действий. В общем и целом большинство американцев не были прямыми свидетелями разрушений и кровопролитий, а тяготы и страдания гражданского населения не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило в Европе. Долгое время общественное мнение выступало против участия в том, что казалось чисто европейским конфликтом, но когда Соединенные Штаты объявили войну, она была воспринята как дело славы и чести.

Церкви, до 1916 года поддерживавшие движение за мир, присоединили свой голос к воинственным выступлениям. Как либералы, так и фундаменталисты говорили о необходимости "спасти цивилизацию", а некоторые наиболее радикально настроенные фундаменталисты начали оценивать происходившие события как исполнение пророчеств Даниила и Откровения. За исключением традиционно пацифистских конфессий - меннонитов и квакеров, - воинственный пыл и национальный шовинизм охватили всех, причем до такой степени, что с некоторых кафедр раздавались призывы полностью уничтожить германскую нацию во имя Бога. Это, естественно, создавало огромные трудности для американцев немецкого происхождения - в том числе для Вальтера Раушенбуша, - которые по разным причинам считали необходимым занимать более умеренную позицию.

Некритическое отношение к войне и к причинам ее возникновения оказало серьезное воздействие на события последующих лет. Во-первых, надежды президента Вудро Вильсона на подписание договора, в котором учитывались бы интересы побежденных, дабы избежать повторения конфликта, развеялись из-за амбиций одержавших победу союзников и отсутствия поддержки у себя дома. Во-вторых, его видение Лиги Наций как форума для разрешения всех возникающих международных конфликтов почти не встретило понимания в его собственной стране, находившейся в плену военной риторики, и Соединенные Штаты так и не вступили в Лигу Наций. К этому времени многие церковные деятели начали отказываться от предрассудков времен войны, но видели, что призыв к любви и взаимопониманию не встречает такого широкого отклика, как раздававшиеся ранее призывы к ненависти и предубежденности.

Отчасти в результате войны Соединенные Штаты в очередной раз вступили в период изоляционизма, страха перед всем иностранным и подавления инакомыслия. В 20-х годах ку-клукс-клан переживал возрождение и беспрецедентный рост своих рядов как на Юге, так и на Севере и включал в число злейших врагов американского христианства и демократии не только чернокожих, но также католиков и евреев. Это движение поддерживало немало религиозных лидеров и церквей. То было время "красной опасности", первой из серии охот на радикалов, коммунистов и подрывных элементов, происходивших в Соединенных Штатах в XX веке. Многие церкви подливали масла в огонь и извлекали из всего этого пользу, представляя себя и христианскую веру передовой линией обороны против красной опасности. Известный проповедник Билли Санди заявил, что депортация "радикалов" - слишком мягкое для них наказание и что она была бы дорогостоящим предприятием для страны. Вместо этого, предложил он, их надо выстроить в ряд и расстрелять.

Некоторые христиане, принадлежавшие в основном к традиционным церквам, создавали комитеты и проводили кампании для противодействия этим тенденциям. Такие комитеты нередко добивались поддержки со стороны конфессионального руководства. В результате возникла ситуация, характерная для многих традиционных церквей на протяжении нескольких десятилетий: раскол по богословским и политическим вопросам между национальным руководством, придерживавшимся либеральных тенденций, и значительной частью рядовых членов церквей, считавших, что конфессиональные лидеры неправильно выражают их позицию.

В послевоенный период конфликт между либералами и фундаменталистами еще больше обострился. Именно в это время состоялся знаменитый "обезьяний процесс", символизировавший апогей усилий фундаменталистов, добивавшихся запрета на преподавание теории эволюции в государственных школах. Отношение к фундаментализму способствовало разделению почти всех конфессий, особенно по части непогрешимости Писания, ставшей к тому времени отличительным признаком фундаменталистской ортодоксии. Позднее эти разногласия привели к открытым расколам. Например, в результате деятельности среди северных пресвитериан преподавателя Принстонской семинарии Грешема Мейчена, видного сторонника фундаментализма, была создана новая семинария, отделившаяся от уже существовавшей, а затем, в 1936 году, образовалась Ортодоксальная пресвитерианская церковь.

Но в 20-х годах почти все протестанты были едины в одном: в необходимости запретить продажу алкогольных напитков. Эта инициатива очень быстро получила поддержку со стороны как либералов (видевших в ней практическое воплощение социального Евангелия), так и консерваторов (рассматривавших ее как попытку

вернуться к былым временам, когда страна, как считалось, была чище). Многие связывали пьянство со всеми пороками, которые, по их утверждению, принесла иммиграция евреев и католиков, выражая то же самое предубеждение против иностранцев, евреев и католиков, которое служило движущей силой для роста ку-клукс-клана. Сначала кампания привела к изменению законодательства в нескольких штатах, а затем и федеральной Конституции. В 1919 году восемнадцатая поправка сделала запрещение продажи спиртных напитков законом страны, действовавшим в течение более десяти лет.

Но закон легче принять, чем провести в жизнь. Бизнесмены, гангстеры и пьющее население разными путями и общими усилиями нарушали закон. К пьянству добавилась коррупция, которой способствовала подпольная торговля, ставшая чрезвычайно прибыльным делом. Ко времени, когда закон отменили, выражение "мораль законом не изменишь" стало частью американского фольклора. Этот принцип, популярный сначала среди либералов, отказавшихся от антиалкогольного идеала, впоследствии восприняли консерваторы, противившиеся принятию закона, направленного против расовой сегрегации.

В течение всего этого периода Первой мировой войны и последовавшего за ней десятилетия в Америке царили настроения больших надежд. С этой далекой земли война и ее ужасы казались туманными воспоминаниями. В Соединенных Штатах на повестке дня все еще стоял прогресс. В церквах и на кафедрах очень мало слышали о развивавшемся в Европе новом богословском направлении, отказавшемся от оптимизма предшествующих поколений. А то немногое, что слышали, казалось чуждым, относящимся к миру, далекому от радужных надежд "земли свободных и родины смелых". Затем наступил крах.

Депрессия и мировая война

24 октября 1929 года нью-йоркскую фондовую биржу охватила паника. С краткими перерывами, когда курс стабилизировался, акции продолжали падать до середины 1930 года. К тому времени большая часть западного мира впала в экономическую депрессию. В Соединенных Штатах работу потеряла четверть трудоспособного населения. В Великобритании и других странах существовали системы социального обеспечения и пособий по безработице. В Соединенных же Штатах страх перед социализмом не позволил принять такие меры, поэтому безработные оказались предоставленными самим себе и были вынуждены обращаться за благотворительной помощью к родственникам, друзьям или церквам. Бесплатные столовые и очереди безработных в них стали обычным зрелищем во всех крупных и во многих небольших городах. Число востребованных вкладов в банках, банкротств и просроченных платежей достигло рекордного уровня.

Поначалу страна отнеслась к Великой депрессии с оптимизмом, характерным для предшествующих десятилетий. Президент Гувер и его кабинет отрицали, что в стране кризис, в течение нескольких месяцев после обвала рынка. Признав наконец, что депрессия все-таки наступила, они заявили, что американская экономика достаточно сильна, чтобы справиться с ней, и что свободное действие рыночных отношений - лучший способ оздоровления экономики. Сам президент был сострадательным человеком, тяжело переживавшим тяготы безработных, однако в его окружении были люди, которые радовались всему этому в надежде, что депрессия подорвет профсоюзное движение. Когда правительство наконец вмешалось, чтобы предотвратить дальнейшие банкротства в промышленности и торговле, комик Уилл Роджерс пошутил, что деньги дали тем, кто наверху, в надежде, что они "тонкой струйкой потекут вниз к нуждающимся".

Все это положило конец оптимизму предшествующего десятилетия. Историки утверждают, что депрессия, поразившая Соединенные Ш тэты в конце XIX века, носила гораздо более серьезный характер, однако к Великой депрессии 30-х годов американцы были менее готовы психологически. В один миг развеялись мечты целого поколения, доселе никогда не знавшего нужды и жившего с убеждением, что жизнь будет неуклонно улучшаться. Но когда речь зашла просто о выживании, поверхностные представления о розовом будущем стали казаться нереальными.

Именно в это время в Соединенных Штатах начали распространяться менее оптимистические богословские концепции. Работа Карла Барта "Слово Бога и слово

человека", опубликованная на английском языке незадолго до краха на бирже, начала приобретать смысл и для американцев, на которых Великая депрессия произвела такое же впечатление, как и Первая мировая война на Барта и на его поколение. На первый план выступили богословские взгляды братьев Рейнхольда (1892-1970) и Ричарда (1894-1962) Нибуров. В 1929 году Ричард Нибур опубликовал работу "Социальные истоки деноминационализма", в которой утверждал, что деноминационализм в Соединенных Штатах - не что иное, как приспособление Благой Вести к различным расовым и социально-экономическим слоям населения и что тем самым он знаменует "преобладание в церкви классовых интересов и стремления к самосохранению над этическим учением Евангелия"[27]. Его вывод, кажущийся еще более горьким в свете приближения самой страшной войны за всю историю, заключался в том, что "христианство, уступающее лидерство националистическим и экономическим силам общества, не может предложить никакой надежды разделенному миру"[28]. В 1937 году в книге "Царство Божье в Америке" он подверг еще большему осуждению такую религию, заявив, что, по ее учению, "Бог без выражения гнева приводит людей без греха в царство без суда над ними просто благодаря их поклонению Христу без креста"[29].

Тем временем его брат Рейнхольд, до 1928 года работавший приходским священником в Детройте, пришел к выводу, что ничем не сдерживаемый капитализм представляет собой разрушительную силу, и в 1930 году вместе со своими единомышленниками основал Содружество христиан-социалистов. Он пришел к убеждению, что любое общество, предоставленное самому себе, с нравственной точки зрения хуже и эгоистичнее составляющих его членов. Эту точку зрения он в полной мере выразил в книге под заглавием "Нравственный человек и безнравственное общество". Затем противоборство богословскому либерализму привело к тому, что он принял точку зрения неоортодоксии с ее сомнениями относительно человеческих возможностей и стал говорить, что лучше было бы назвать книгу "Безнравственный человек и еще более безнравственное общество". Он имел в виду, что христианам пора вернуться к более разумному представлению о человеческой природе, к более глубокому пониманию греха и его последствий, а также к более осознанному представлению о благодати. Эту задачу он попытался решить в двух томах написанной им в 1941 и 1943 годах работы "Природа и судьба человека".

В 1934 году благодаря проявленному интересу и поддержке Рейнхольда Нибура к работе на кафедре Объединенной богословской семинарии присоединился немецкий богослов Пауль Тиллих. То было время, когда в Германии к власти пришел Гитлер, и умеренный социалист Тиллих был вынужден одним из первых покинуть страну. Он был не неоортодоксом, а, скорее, просто богословом широкой культуры, использовавшим экзистенциалистскую философию для истолкования Евангелия и его связи с современным миром. В отличие от Барта с его упором на Слове Божьем Тиллих предложил то, что он назвал "методом корреляции", заключавшимся в изучении наиболее сложных вопросов бытия современного человека - в особенности его "высших устремлений" - и затем в показе того, как на них отвечает Евангелие. Его "Систематическое богословие" было попыткой рассмотрения основных тем христианского богословия на основании этого метода. Он был также социалистом, применявшим пересмотренную форму марксистского анализа в попытке понять суть пороков западной цивилизации. Но после переезда в Соединенные Штаты эту сторону его научной деятельности затмил интерес к экзистенциализму и современной психологии.

Критику экономической позиции *laissez faire* депрессия вызвала не только со стороны богословских факультетов. В 1932 году Методистская церковь и Федеральный совет церквей (образованный в 1908 году тридцатью тремя деноминациями) высказались за участие правительства в экономическом планировании и выделение средств для поддержки бедных. Это было расценено как выражение радикального социализма, и вскоре последовала реакция.

В этой реакции элементы традиционного фундаментализма сочетались с антисоциалистическими - и порой фашистскими - политическими взглядами. В то время как руководство различных традиционных конфессий все больше приходило к убеждению о необходимости создать систему социального обеспечения с пособиями по безработице и принять антитрестовское законодательство, многие рядовые члены церкви двигались в противоположном направлении и обвиняли руководство в

пособничестве коммунизму. С приближением войны значительная часть этого движения встала на сторону фашизма, и некоторые его лидеры заявляли даже, что христиане должны быть благодарны Адольфу Гитлеру за то, что он останавливает распространение социализма в Европе. Различие между русским коммунизмом и другими формами социализма проводилось редко, и даже когда это делалось, все они объявлялись в одинаковой степени нечестивыми.

С избранием Рузвельта и провозглашением "нового курса" стали осуществляться многие мероприятия, за которые ратовали "социалисты" в руководстве церквей. Принятые в то время весьма скромные меры по облегчению положения бедных и социальной защите трудящихся некоторые историки связывают со спасением капиталистической системы в Соединенных Штатах. Как бы то ни было, "новый курс" действительно улучшил положение бедных, но восстановление экономики происходило медленно, и последние следы депрессии исчезли только в 1939 году, когда страна вновь готовилась к возможности вступления в войну. В определенном смысле конец Великой депрессии положила именно война, а не "новый курс".

В вопросе о возможности вступления в войну, которая уже бушевала в Европе и на Дальнем Востоке, страна раскололась. Противниками войны двигали разные побуждения: одни были христианами, чувствовавшими угрызения совести за необузданное проявление воинственного и националистического духа во время предыдущей войны; другие были фашистами или по крайней мере людьми, у которых страх перед коммунизмом затмевал все другие соображения; среди американцев немецкого и итальянского происхождения многие испытывали симпатию к земле предков; изоляционисты просто-напросто считали, что страна должна предоставить остальной мир самому себе; приверженцы расистских и антисемитских взглядов полагали, что Соединенные Штаты не должны препятствовать осуществлению программы Гитлера.

В конечном счете страна не получила возможности самой решить, вступать в войну или нет. Решение было продиктовано нападением на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. Вслед за этим под сомнение была поставлена лояльность всех, кто выступал против войны. Американцы японского происхождения - в том числе многие из тех, чьи предки веками жили в Соединенных Штатах, - были интернированы как потенциальные шпионы. К сожалению, церкви не особенно протестовали против этого, а ловкие дельцы завладели имуществом и предприятиями интернированных. Церкви, по всей видимости испытывавшие чувство вины за активную поддержку предыдущей войны, в целом занимали умеренную позицию. Их участие ограничилось отправкой священников в вооруженные силы и заявлением о резком осуждении преступлений нацизма. Но большинство лидеров церкви старались не смешивать христианство с чувством национальной гордости. Показательно, что в то же самое время в Германии многие подчеркивали несовместимость того и другого, хотя для них цена такого заявления была гораздо более высокой. Война разделила мир, и христиане по обе стороны фронта старались навести мосты. По окончании конфликта эти возведенные мосты послужили основанием для развития экуменического движения (см. главу 36).

Послевоенные десятилетия

В конце войны произошла катастрофа в Хиросиме и начался ядерный век. Вначале много говорили о больших перспективах, открывающихся благодаря использованию ядерной энергии, но ее разрушительное действие было слишком очевидным. Впервые в истории целое поколение выросло под угрозой ядерного холокоста. Это было также самое многочисленное в американской истории поколение - поколение "взрыва рождаемости". Несмотря на ужасы Хиросимы, послевоенные годы стали периодом беспрецедентного процветания как для экономики страны, так и для ее церквей. После долгих десятилетий, в течение которых депрессия и война ограничивали доступ к материальным благам, наступил период изобилия. Во время войны промышленное производство выросло в связи с необходимостью обеспечения военных потребностей. После нее рост продолжался, создавая тем самым самое богатое общество потребления, которое когда-либо видел мир. Возможности для материального и общественного роста открывались перед всеми, кто хотел ими воспользоваться. В поисках этих возможностей миллионы людей устремлялись в новые места и, найдя их, селились в пригородных районах. Центры городов постепенно освобождались от зажиточных

граждан и становились местом обитания низших слоев населения, в частности бедных чернокожих и представителей других меньшинств. Для пестрого и непостоянного населения пригородов церкви начали играть важную роль как олицетворение стабильности и общественного признания.

Это было также временем холодной войны. Сразу же после разгрома стран "Оси" появился новый и более опасный противник - Советский Союз. Этот противник казался более коварным, поскольку у него были сторонники в Западном мире. В Соединенных Штатах началась очередная охота на коммунистов и социалистов всех мастей. В разгар "эпохи Маккарти" отсутствие связи с церковью рассматривалось как возможное указание на склонность к антиамериканской деятельности.

По этим причинам церкви в пригородах быстро росли. 50-е и начало 60-х годов были временем расцвета церковной архитектуры, когда богатые местные общины финансировали строительство больших и великолепных храмов, школ и других помещений. В 1950 году была создана Евангельская ассоциация Билли Грэма. Она стала не просто продолжением старой американской традиции ривайвелизма (массовой проповеди), так как имела в распоряжении большие финансовые возможности, благодаря которым пользовалась самыми современными методами и техническими средствами. Придерживаясь консервативных по своей сути взглядов, Ассоциация Билли Грэма в то же время старалась избегать конфликтов с христианами других вероисповеданий. Вскоре она распространила свою деятельность на весь мир, оставив отпечаток традиции американского ривайвелизма на всех континентах.

Но не все шло так гладко. В общем и целом традиционные церкви ушли из городов, где теперь жили бедняки и расовые меньшинства. Несмотря на предпринимавшиеся некоторыми энергичные усилия, традиционное христианство настолько приспособилось к культурным условиям пригородов, что утеряло связь как с народными массами в городах, так и со своими сельскими корнями и проживавшими в сельской местности христианами. Жители сельских районов, остававшиеся членами своих традиционных церквей, относились к новому руководству со все большим недоверием. В городах вакуум пытались заполнить церкви движения святости, однако очень многие теряли всякую связь с какой-либо формой организованного христианства. Через двадцать лет после великого религиозного пробуждения 50-х годов вновь прозвучали призывы возобновить работу в городах, но лишь немногие имели ясное представление о том, как это надо делать. Только в 80-х годах в городах появились признаки возрождения религиозной жизненной силы, да и тогда это было тесно связано с возвращением туда достаточно обеспеченных людей.

Еще одной отличительной чертой послевоенного религиозного подъема было понимание христианской веры как средства достижения внутреннего мира и счастья. Одним из самых популярных религиозных авторов того времени был Норман Винсент Пил, пропагандировавший, что вера и "позитивное мышление" ведут к психическому здоровью и счастью. Историк Сидни Олстром справедливо отмечает, что религиозным принципом того времени была "вера в веру", дававшая надежду на "душевный покой и уверенность в жизни"[30]. Такая форма религиозности была очень удобной для того времени, так как предлагала покой в неспокойном мире, мало говорила об общественных обязанностях и не могла привести к конфликту с теми, кто в силу своей ментальности холодной войны стали великими инквизиторами американского политического общественного мнения. Вывод Олстрома выглядит как достаточно серьезное обвинение:

В общем и целом церкви не делали почти ничего, кроме предоставления средства для обретения общественного самоосознания менявшемуся и непостоянному населению, быстро порывавшему связь со старыми привычными условиями[31].

Но в американском обществе происходили и другие процессы. В первые послевоенные годы сила новых факторов была недостаточной, чтобы изменить господствовавшие в стране оптимистические умонастроения, но в следующем десятилетии они вышли на первый план и вызвали коренные изменения в мировоззрении страны.

Одним из этих факторов было вызревавшее десятилетиями движение чернокожих. Национальная ассоциация содействия развитию цветного населения, созданная в 1909 году, выиграла ряд судебных процессов задолго до того, как движение заявило о себе в полную силу. В общинах чернокожих некоторые продолжали искать утешение в таком понимании религии, которое давало им надежду на потусторонние награды или чувство

принадлежности к небольшой группе верующих, и не стремились бросить вызов существующему порядку. В отдельных случаях это приводило к созданию новых религиозных объединений, лидеры которых объявляли себя воплощением Божества. Наиболее известными среди них были "Божественный Отец" (умерший в 1965 году) и "Дорогой Отец благодати" (умерший в 1960 году). Чернокожие солдаты и моряки, возвращавшиеся с войны (на которой они сражались в отдельных от белых частях), видели, что свободы, за которую они сражались за границей, у себя дома они лишены. В ответ на это недовольство правительство в 1949 году отменило сегрегацию в вооруженных силах, а в 1952 году было принято историческое решение Верховного суда об объединении государственных школ. Движение за интеграцию поддерживало также значительное число белых, и на раннем этапе их помощь и поддержка были очень полезными. Национальный совет церквей (бывший Федеральный совет церквей) и большинство основных конфессий тоже выступили за отмену сегрегации. Но неодолимым движение сделали участие в нем самих чернокожих и выдвижение их собственных лидеров. Вплоть до 60-х годов большинство его руководителей приходили из числа негритянских священнослужителей, самыми видными из которых были Адам Клейтон Пауэлл-мл. (во время войны и в послевоенные годы) и Мартин Лютер Кинг-мл. (с конца 50-х по начало 60-х годов). Являя чудеса веры, мужества и настойчивости, чернокожие тысячами демонстрировали решимость раскрыть суть направленных против них законов и практического их применения и противостоять им. Подвергаясь арестам, побоям и даже убийствам, причем в таких местах, как Монтгомери и Селма, штат Алабама, они показывали миру, что с нравственной точки зрения они по меньшей мере равны тем, кто обвинял их в неполноценности. Лозунг "мы победим" стал одновременно вызовом и исповеданием веры.

Созданной Кингом "Южной конференции христианского руководства" и других христианских ненасильственных организаций было недостаточно для выражения отчаяния и гнева, накопившихся в негритянском сообществе. В течение нескольких десятилетий более воинственно настроенные чернокожие видели в исламе религию без господства белых, в результате чего родились такие движения, как "черные мусульмане" и подобные им. Другие, особенно жители перенаселенных гетто в таких городах, как Нью-Йорк и Лос-Анджелес, изливали свой гнев в мятежах, самым известным из которых были волнения в Лос-Анджелесе в 1965 году. К середине десятилетия чернокожие пришли к выводу, что они не добьются гражданских прав, пока у них не будет достаточной силы. В результате появился лозунг "черная власть", часто неверно воспринимавшийся как стремление чернокожих установить господство над белыми.

В то же самое время, отчасти под влиянием своей христианской направленности, движение д-ра Кинга начало заниматься не только чисто расовыми вопросами. Вместе с некоторыми другими членами "Южной конференции" он пришел к убеждению, что борьба должна вестись с несправедливостью во всех ее проявлениях. Тогда шла война в Юго-Восточной Азии, и д-р Кинг начал критиковать правительственную политику в этом регионе по двум причинам: во-первых, было ясно, что существовавшая система призыва в армию представляла собой дискриминацию по отношению к чернокожим и другим национальным меньшинствам, и, во-вторых, он был убежден, что Соединенные Штаты совершают в Юго-Восточной Азии такую же несправедливость, как и у себя дома в отношении нефов. Д-р Кинг теперь полагал, что в самих Соединенных Штатах в борьбе должны принимать участие все бедные слои населения, независимо от цвета кожи. Он возглавил "поход бедняков", во время которого в 1968 году был убит.

Вдохновение все это движение получало в христианской вере чернокожего населения. Сами его старые "спиричуэлз" приобретали новый смысл или, вернее, напоминали об их прежнем значении вызова, когда они звучали на плантациях. Церкви становились местом сбора и подготовки тех, кто хотел присоединится к протесту. Проповедники подчеркивали связь этого движения с Евангелием. Наконец, появилось "черное богословие". Это богословие было по сути своей ортодоксальным и упор делало на реалиях жизни чернокожих - на надежде и борьбе. Главным его выразителем был профессор Объединенной богословской семинарии Джеймс Коун, который заявил:

Не может быть христианского богословия, не связывающего себя безоговорочно с униженными и оскорбленными. Более того, богословие прекращает быть богословием Евангелия, если оно оставляет без внимания положение угнетенных. Ибо невозможно

говорить о Боге истории Израиля, раскрывшем Себя в Иисусе Христе, не признав, что Он есть Бог *тех* и *для тех,* кто трудится и несет тяжелый груз[32].

В то же время набирало силу еще одно движение, на первых порах менее заметное. Им было феминистское движение. О своих правах женщины в Соединенных Штатах заявляли на протяжении более столетия. Свою политическую активность они демонстрировали и повышали, участвуя в кампании за отмену рабства, работая в Женском христианском обществе трезвости и борясь за избирательные права, которых они наконец добились в 1920 году. В XIX веке несколько церквей рукоположили женщин. Но даже в середине XX века большинство конфессий не разрешали рукополагать женщин, и все оставалось под контролем мужчин. В 50-х годах в результате широких общественных изменений женское движение усилилось, приобрело опыт и стало более сплоченным как в церкви, так и в обществе в целом. В церквах борьба разворачивалась в основном по двум направлениям: в виде требований предоставить женщинам право реализовывать призвание к служению, подкрепленное рукоположением, и критики такого положения дел, когда богословские вопросы традиционно решаются мужчинами и находятся под их контролем. К середине 80-х годов большинство крупных протестантских конфессий начали рукополагать женщин, а в католической церкви, которая все еще отказывалась это делать, разворачивались мощные кампании за отмену запрета рукополагать женщин. В области богословия несколько женщин - в частности, пресвитерианка Летти Рассел и католичка Розмари Рейтер - внесли предложения, представлявшие собой по сути ортодоксальные поправки к традиционно мужскому богословию. Более радикальными были взгляды Мэри Дейли, объявившей себя "выпускницей" мужской церкви и призвавшей своих сестер ожидать "женского воплощения Бога".

Помимо этих движений, в которых участвовало значительное число чернокожих и женщин, влияние на умонастроения страны оказывали другие международные и внутренние события. Самым значительным среди них была война в Юго-Восточной Азии. Конфликт, начавшийся как относительно небольшое военное столкновение, в 1965 году превратился в самую долгую войну, которую когда-либо вели Соединенные Штаты. В этой войне Соединенные Штаты, надеявшиеся остановить распространение коммунизма, поддерживали коррумпированные правительства и использовали свою огромную мощь против очень небольшой по сравнению с ними страны. Средства массовой информации показывали ужасы войны каждой семье. Затем выяснилось, что общественное мнение - и Конгресс - были намеренно введены в заблуждение относительно сути "инцидента в Тонкинском заливе", послужившего предлогом для эскалации войны. По всем университетским городкам страны пронеслись резкие выступления протеста с выражением горечи и возмущения людей, оскорбленных в своих патриотических чувствах. В конце концов против студентов были направлены армейские подразделения, что привело к человеческим жертвам в Кентском государственном университете и в Государственном колледже Джексона. В итоге Соединенные Штаты впервые в истории проиграли войну. Более того, они запятнали свою репутацию. Обоснованность представления о "земле свободных и родине смелых" - выражавшего идею свободы и справедливости у себя на родине и готовности защищать их за рубежом - была поставлена под сомнение. Само послевоенное процветание, за которым последовал резкий спад, побудило многих задаться вопросом, не требует ли экономическая система страны искусственного стимулирования в виде войны. К этому добавились вопросы и сомнения, вызванные уотергейтским скандалом, который в конечном счете привел к отставке президента Никсона.

В то время как в обществе происходили эти события, церковь тоже переживала потрясения. Протестантское богословие распалось, и богословы пошли совершенно разными путями. Попытки выразить христианское послание в секулярных категориях привели к появлению широко разрекламированного "богословия смерти Бога". Гарвей Кокс, избравший иное направление, в книге "Секулярный город" попытался переистолковать христианское послание применительно к городскому обществу и увидеть, какие возможности это общество предлагает и какие трудности оно выдвигает. Джон Кобб и другие приступили к разработке концепции христианской веры на основании богословия процесса. Богословие надежды Мольтмана нашло сторонников и на американской почве. Многие богословы-мужчины начали изучать феминистское и черное богословие, а также богословские учения третьего мира, ища в них ключ для

нового понимания библейского послания. В этом широком спектре разных и даже противоречащих друг другу богословских систем есть три общие черты: ориентация на будущее, интерес к социально-политическим реалиям и попытки соединить эти два вопроса. Иными словами, основная отличительная черта этих богословских учений в целом заключается в возврате к эсхатологии как надежде на будущее, играющей в то же время активную роль в жизни современного общества. Все это сочетается со стремлением к литургическому обновлению, акцентирующему эсхатологическую сторону богослужения и его социальное значение.

Росту интереса к социальным проблемам способствовали также международные контакты церквей. Такие вопросы, как борьба с голодом, завоевание политической свободы и установление справедливых международных отношений, приобретали гораздо большее значение для тех, кто поддерживал почти постоянные связи с христианами в других странах, находившихся в неблагоприятных в этом отношении условиях. Поэтому Национальный совет церквей, Всемирный совет церквей и миссионерские советы практически всех крупных церквей подвергались нападкам со стороны политических консерваторов, утверждавших, что в их ряды проникли коммунисты или, по крайней мере, что их одурачивают коммунисты.

Тем временем новые очертания приняло харизматическое движение, зародившееся в начале века на Азуза-стрит. В первой половине столетия оно проявлялось главным образом среди низших слоев населения и в церквах святости. Но с конца 50-х годов оно получило распространение в пригородах и в традиционных конфессиях, в том числе в католической церкви. Большинство участников этой новой харизматической волны оставались верными членами своих церквей, но в то же время между харизматами разных конфессий устанавливалось чувство общности, благодаря которому родилось экуменическое движение, не имевшее никакой или почти никакой связи с организованным экуменизмом. Некоторые критики рассматривают харизматическое движение как религиозный аналог бегства в пригороды, но на самом деле оно неоднородно и включает в себя как тех, кто считает, что встреча с Духом должна увести их от мира, так и тех, кто, наоборот, полагает, что она должна побудить их к активным общественным делам.

Евангельские церкви тоже разделились. За период с конца 70-х по начало 80-х годов их работа на радио и телевидении возросла и достигла огромных масштабов. Сейчас некоторые телепроповедники возглавляют крупные корпорации, поддерживающие проводимую ими работу. Это получившее широкое распространение явление критики окрестили "электронной церковью". Общая тема многих таких проповедников - утеря традиционных ценностей и упадок общества вследствие этого, то есть тема, повторяющаяся со времен принятия сухого закона и его отмены. Черпая вдохновение в проводившейся ранее кампании против употребления алкогольных напитков, некоторые лидеры евангельских церквей организовали движение "морального большинства" для защиты нравственных ценностей и поддержки консервативной экономической и социальной политики.

С другой стороны, все больше евангельских христиан начинали сознавать, что вера побуждает их критически относиться к существующему экономическому и социальному порядку как в своей стране, так и за границей. Они приходили к убеждению, что христиане должны бороться с несправедливостью, страданиями, голодом и угнетением во всех их проявлениях. В 1973 году группа лидеров, придерживавшихся таких взглядов, подписала "Чикагскую декларацию", выражавшую убеждения все большего числа преданных христиан в Соединенных Штатах:

Будучи евангельскими христианами, преданными Господу Иисусу Христу и верящими в абсолютный авторитет Слова Божьего, мы заявляем, что Бог обладает полной властью над жизнью Своего народа. Поэтому мы не можем отделять свою жизнь во Христе от тех условий, в которые Бог поместил нас в Соединенных Штатах и в мире.

Мы признаем, что не исполняем полностью Божьих требований в отношении нашей жизни.

Мы знаем, что Бог требует любви. Но мы не проявляем Божьей любви к тем, кто страдает от злоупотреблений, существующих в обществе.

Мы знаем, что Бог требует справедливости. Но мы не провозглашаем и не демонстрируем Его принципы справедливости в несправедливом американском обществе. Господь призывает нас отстаивать социальные и экономические права

бедных и угнетенных, но мы в большинстве случаев храним молчание. Мы сожалеем об участии американской церкви в проведении расистской политики и о ее очевидной ответственности перед евангельским сообществом за поддержку отдельных людей и государственных структур, разделившую Тело Христово по расовым признакам. Кроме того, мы не осуждали эксплуатацию расистских воззрений нашей экономической системой у себя дома и за рубежом...

Мы должны противостоять материализму в нашей культуре и бороться с несправедливым распределением богатства в стране. Мы признаем, что наша страна несет основную ответственность за несбалансированность и несправедливость в международной торговле и в развитии промышленности. Пред Богом и миллиардом голодающих соседей мы должны пересмотреть собственные ценности...

Мы знаем свои христианские и гражданские обязанности... Следовательно, нам надо бросить вызов неуместной вере страны в свое экономическое и военное могущество... Нам надо противостоять искушению превращения страны и ее институтов в предмет почти религиозного поклонения...

Мы провозглашаем не новое Евангелие, а Евангелие Господа Иисуса Христа, Который силой Святого Духа освобождает людей от греха, чтобы они могли прославлять Бога делами праведности.

Этой декларацией мы выражаем не какую-то новую политическую идеологию или партийную принадлежность, а просто призываем лидеров страны и ее народ к праведности, которая возвысит всю страну.

Мы делаем это заявление с библейской надеждой, что Христос придет и установит Царство, и принимаем Его призыв быть верными учениками вплоть до Его пришествия[33].

Примечательно, что эта декларация очень схожа с другими заявлениями, которые христиане делали в разных ситуациях, в разных частях света и нередко в совершенно иной богословской среде, приходя тем не менее к аналогичным выводам. С общемировой точки зрения казалось, что церковь в Соединенных Штатах обратила наконец внимание на проблемы постконстантиновой и экуменической эпохи. Она стала также церковью с новым видением "космической эры", когда мы впервые увидели землю из космоса и она предстала перед нами как хрупкий "космический корабль", на котором мы должны либо научиться жить вместе, либо вместе умереть.

От концов земли

Хвала Богу, Отцу нашему и Господу нашему Иисусу Христу, собирающему воедино чад Божьих, разбросанных по разным странам... Мы отделены друг от друга не только в вопросах веры, общественного устройства и традиций, но и национальной, классовой и расовой гордыней. Но Христос делает нас единым целым, и Его нельзя разделить. Когда мы ищем Его, мы находим друг друга.

ПЕРВАЯ АССАМБЛЕЯ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ

В XIX веке образовалась поистине всемирная церковь. Во второй половине того же столетия появились движения, стремившиеся к установлению более тесного сотрудничества разных церквей в каждом регионе. В 1910 году Всемирная миссионерская конференция в Эдинбурге придала дополнительный стимул процессу, хоть и прерывавшемуся двумя мировыми войнами, но в конечном счете приведшему к образованию Всемирного совета церквей и к другим видимым проявлениям христианского единства. Вскоре, однако, выяснилось, что такое единство не влечет за собой объединения христиан со всех частей света в одну церковь по западному образцу, а, скорее, подразумевает совместный поиск всеми христианами, независимо от их расовой и национальной принадлежности, смысла послушания Христу в современном мире. Таким образом, у экуменического движения были две стороны. Первая и наиболее очевидная выражалась в стремлении к более тесному и более ощутимому единству. Второй, имевшей, по всей видимости, более серьезные последствия, стало зарождение всемирной церкви, выполнению миссии и обретению самосознания которой способствовали самые разные причины. Рассмотрим эти две стороны поочередно.

Поиск единства

Всемирная миссионерская конференция 1910 года назначила Постоянный комитет, работа которого привела к созданию в 1921 году Международного миссионерского совета. К тому времени, отчасти под влиянием работы, проделанной в Эдинбурге, национальные и региональные организации, ставившие целью развитие миссионерского сотрудничества, появились в Европе, Соединенных Штатах, Канаде и Австралии. Эти организации стали ядром вновь созданного совета, но было также принято решение, что в нем должны быть представлены "молодые церкви", появившиеся в результате миссионерской деятельности. Международный миссионерский совет не ставил тем самым цели навязать свои правила и установки в проведении миссионерской работы, он хотел быть просто местом обсуждения различных методов и возможностей, а также обмена опытом. На I Ассамблее Международного миссионерского совета (состоявшейся в Иерусалиме в 1928 году) почти четверть делегатов представляли молодые церкви - значительный прогресс по сравнению с семнадцатью участниками Эдинбургской конференции. Как в Иерусалиме, так и на второй ассамблее, собравшейся в 1938 году в индийском городе Мадрасе, на первом плане стоял вопрос о природе церкви и о содержании христианского послания, и это служило доказательством, что открытое обсуждение миссионерской деятельности церкви нельзя отделить от богословских дискуссий. Затем деятельность Совета была прервана Второй мировой войной, и третья ассамблея, собравшаяся в 1947 году в канадском городе Уитби, основное внимание уделила восстановлению нарушенных войной связей и возобновлению миссионерской работы после войны. Но к тому времени все больше осознавалась неразрывная связь церкви с миссионерской деятельностью, поэтому казалось неразумным обсуждать миссионерские вопросы в отрыве от диалога, касающегося природы церкви и других богословских тем. Понимание этого еще больше дало о себе знать на двух следующих ассамблеях Международного миссионерского совета, состоявшихся в Виллингене (Германия) в 1952 году и в Гане в 1957-1958 годах. К тому времени было принято решение, что Международный миссионерский совет должен слиться со Всемирным советом церквей, что и произошло на ассамблее Всемирного совета церквей в Нью-Дели в 1961 году. При этом было предусмотрено, что за организациями, которые не хотят или не могут присоединиться к Всемирному совету церквей, сохраняется право быть представленными в отделе, унаследовавшем функции Международного миссионерского совета.

Еще одним крупным движением, способствовавшим созданию Всемирного совета церквей, было движение "Вера и порядок". Дабы развеять подозрения, Всемирная миссионерская конференция 1910 года недвусмысленно исключила из повестки дня обсуждение вопросов, относящихся к вере и порядку, то есть любую дискуссию о верованиях церквей или об их понимании и совершении рукоположения, таинств и так далее. Это исключение было необходимо, чтобы конференция стала как можно более представительной, однако многие приходили к убеждению, что настало время для проведения форума, посвященного именно этим вопросам. Наиболее видным представителем этого движения был епископ Епископальной церкви Чарлз Брент. По его инициативе англиканское содружество сделало первые шаги для созыва встречи по вопросам веры и порядка. Вскоре это начинание поддержали другие, и после Первой мировой войны и длительных переговоров в 1927 году в швейцарском городе Лозанне состоялась I Всемирная конференция, посвященная вопросам веры и порядка. Четыреста делегатов представляли 108 церквей - протестантских, ортодоксальных и старокатолических (отколовшихся от римского католичества после провозглашения догмата о непогрешимости папы). Многие из них уже имели опыт международных и экуменических встреч благодаря участию в Студенческом христианском движении, из которого десятилетиями выходили большинство руководителей различных ответвлений экуменического движения. На конференции было принято решение не стремиться достичь единодушия с помощью общих и потому бессмысленных заявлений или вероучительных определений, которые неизбежно привели бы к исключению чьих-то мнений. Вместо этого проводились откровенные и открытые дискуссии с последующим принятием документа, начинавшегося с перечисления пунктов, по которым было достигнуто согласие, а затем излагавшего вопросы, по которым сохранялись разногласия. Поэтому для документов были характерны такие выражения, как "мы

согласны" или "мы считаем", за которыми следовали пояснения, начинавшиеся со слов "среди нас есть различные точки зрения" или "такого мнения придерживаются многие церкви, представленные на конференции". К концу встречи всем участникам стало ясно, что пункты, по которым они согласны, имеют гораздо большее значение, чем те, в которых они расходятся, и что многие разногласия можно, по-видимому, преодолеть в ходе дальнейшего диалога и разъяснения позиций. Перед закрытием конференции был создан постоянный комитет под руководством Уильяма Темпла, архиепископа Йоркского (а впоследствии Кентерберийского). После смерти Темпла его сменил Брент, и II Всемирная конференция по вопросам веры и порядка собралась в Эдинбурге в 1937 году. На ней использовался тот же порядок работы, что и в Лозанне, и опять с положительными результатами. Но самым значительным решением стало присоединение к призыву второй конференции движения "Жизнь и деятельность", состоявшейся в Оксфорде месяцем раньше, основать "Всемирный совет церквей".

Движение "Жизнь и деятельность" тоже возникло под воздействием миссионерского опыта предшествовавших поколений, а также в силу убеждения, что различные церкви должны объединять усилия в любом практическом деле, в котором такое сотрудничество возможно. Его наиболее выдающимся лидером был Джонатан Седерблум, лютеранский архиепископ У пса-лы в Швеции. Первая мировая война, прервавшая осуществление планов проведения международной встречи, вместе с тем дала Седерблуму и другим возможность искать решения огромных проблем, поставленных мировым конфликтом. Наконец, в 1925 году в Стокгольме состоялась первая конференция "Практического христианства" (первоначальное название движения). Повестка дня включала вопросы, связанные с поиском основывающихся на Евангелии общих ответов на проблемы современности. Делегаты работали в пяти секциях, каждая из которых занималась обсуждением одной из пяти главных тем и сопутствующих им вопросов: экономика и промышленность, моральные и социальные проблемы, международные дела, христианское образование и возможности для более тесного сотрудничества церквей. Это движение с самого начала заняло твердую позицию осуждения любой формы эксплуатации и империализма. Так, в эпоху, когда механизация приводила к росту безработицы, ослаблению профсоюзов и понижению заработной платы, конференция выразила солидарность с "чаяниями трудящихся на установление справедливого порядка и равноправия, единственно соответствующего Божьему плану искупления". Кроме того, с пророческим предвосхищением, верность которого подтвердится несколько десятилетий спустя, она указала на "повсеместное возмущение белым империализмом", грозящее вылиться в открытый конфликт. Конференция создала постоянный комитет, подготовивший проведение II конференции по вопросам жизни и деятельности. Она прошла в Оксфорде в 1937 году, и ее итоговые документы содержали слова решительного осуждения любой формы тоталитаризма и войны как метода решения международных конфликтов. Кроме того, как уже отмечалось, она призвала к объединению "Жизни и деятельности" и "Веры и порядка" во Всемирный совет церквей.

Это решение вкупе с согласием "Веры и порядка" подготовило почву для создания такого совета. Два движения образовали совместный комитет, и началась работа по подготовке созыва первой ассамблеи совета. Но осуществление этих планов прервала Вторая мировая война. Во время войны установленные благодаря зарождавшемуся экуменическому движению связи сыграли важную роль в создании христианской сети по обе стороны фронта для оказания помощи Исповедальной церкви в Германии и для работы по спасению евреев в разных странах, находившихся под властью нацистов. Наконец, 22 августа 1948 года в Амстердаме начались заседания I Ассамблеи Всемирного совета церквей. В них приняли участие представители ста семи церквей из сорока четырех стран. Вступительную проповедь прочитал Найлз, методист с Цейлона, приобретший богатый опыт руководителя в Студенческом христианском движении. Выступили также Карл Барт, Йозеф Громадка, Мартин Нимеллер, Рейнхольд Нибур и Джон Фостер Даллес. Структура Совета была разработана таким образом, чтобы учесть в своей работе дела, которыми занимались движения "Жизнь и деятельность" и "Вера и порядок", - в Исследовательском отделе была создана Комиссия по вопросам веры и порядка, продолжившая организацию встреч и всемирных конференций, а все связанное с "Жизнью и деятельностью" как заботы более практического свойства было отнесено к ведению Отдела экуменической работы.

Выражая удовлетворение единством, проявившимся в самом существовании Совета, делегаты в то же время обращали свой взгляд на окружающий их мир и пытались найти решения стоявшим перед ним проблемам. Показательно, что в период начала холодной войны Совет призвал все церкви отвергнуть как коммунизм, так и либеральный капитализм, а также ошибочное представление, что этими двумя системами ограничиваются все возможные альтернативы. Как и следовало ожидать, это и сделанные впоследствии другие подобного рода заявления не всегда встречали хороший прием.

После 1948 года число членов Всемирного совета церквей неуклонно росло. Наиболее знаменательным событием стало участие в нем православных церквей, которые ранее приняли совместное решение не присутствовать на амстердамской ассамблее. Когда же было ясно заявлено, что Всемирный совет не претендует на роль "вселенского собора" наподобие Никейского и что у него нет намерения стать отдельной церковью, православные присоединились к Совету. Поскольку некоторые православные церкви существовали в условиях коммунистических режимов и их делегаты могли присутствовать на заседаниях Всемирного совета только с разрешения правительства, у многих возникло подозрение, что Всемирный совет превращается в орудие международного коммунистического заговора. Как бы то ни было, на II Ассамблее, собравшейся в Эванстоне, штат Иллинойс, в 1954 году было представлено уже 163 церкви. Особое внимание Совет начал обращать на положение церкви в местных конкретных условиях, стараясь не забывать, что участники его совещаний в конце концов представляют миллионы верующих, живущих в разных концах земного шара. Когда в 1961 году в Нью-Дели собралась III Ассамблея, в Совет входило 197 церквей. Произошедшее в Нью-Дели слияние Международного миссионерского совета с Всемирным советом церквей позволило последнему установить более прямые связи с третьим миром и молодыми церквами. Эти связи еще больше укрепились с вступлением в Совет двух пятидесятнических церквей из Чили, ставших первыми присоединившимися к нему подобного рода организациями. Прошедшая в 1961 году ассамблея, как и предыдущая, большое внимание уделила церкви на приходском уровне, заявив о необходимости единства "всех и повсюду". На последующих ассамблеях в Упсале (1968), Найроби (1975) и Ванкувере (1983) эти тенденции получили дальнейшее развитие. В Ванкувере делегаты заострили внимание на взаимосвязи борьбы за мир с установлением справедливых отношений и говорили о "черной тени" несущей в себе огромную опасность гонки вооружений и о крайне пагубных, "построенных на несправедливости системах", которых мир доселе не знал. К тому времени благодаря новому курсу открытости католической церкви, связанному с деятельностью Иоанна XXIII и результатами работы II Ватиканского собора, Всемирный совет церквей установил также плодотворные контакты с католической церковью, часто приводившие к сотрудничеству в реализации различных проектов и исследовательских работ.

В то время как все эти события происходили на мировом уровне, аналогичное стремление к христианскому единству наблюдалось также на региональном и национальном уровнях. Оно выражалось в создании региональных, национальных или местных советов церквей и в стремлении многих церквей к объединению в органичные союзы. Большинство этих союзов, особенно в Европе и в Соединенных Штатах, включали в себя церкви, близкие по происхождению и по богословским позициям, но в других местах заключались церковные союзы и на более широких принципах. В 1925 году образовалась Объединенная церковь Канады. После долгой серии поэтапных объединений - в общей сложности девятнадцати - в состав этой церкви вошли сорок различных деноминаций. В 1922 году Национальный христианский совет в Китае призвал миссионеров и посылающие их церкви "устранить все препятствия" на пути к органическому единству. В 1927 году собрался первый синод Церкви Христовой в Китае. В нее вошли христиане реформатского вероисповедания, методисты, баптисты, конгрегационалисты и другие. Во время Второй мировой войны под давлением со стороны правительства была основана Церковь Христова в Японии - или Каобан, - состоявшая из сорока двух деноминаций. После войны некоторые из этих групп вышли из нее, но большинство остались, будучи убеждены, что послушание Евангелию требует от них общего свидетельства. В 1947 году образовалась Церковь Южной Индии. Это слияние было особенно знаменательным, ибо впервые христиане,

настаивающие на апостольской преемственности епископов (англикане), объединились с теми, у кого вообще не было епископов. С того времени в мире проводились сотни переговоров об объединении, а число состоявшихся слияний слишком велико, чтобы их можно было перечислить. В Соединенных Штатах Консультативный совет церковного единства предложил входящим в его состав деноминациям план создания "Объединенной Церкви Христовой".

Миссия от концов земли

Миссионерские организации всегда заявляли, что их цель заключается в создании местных и зрелых церквей в разных частях света. В католических кругах это обычно означало основание церкви с собственной иерархией, со временем из числа местного населения. Протестантами же цель часто выражалась в категориях "трех само": самоуправление, самообеспечение и самораспространение. Но в большинстве ранних формулировок считалось само собой разумеющимся (как для католиков, так и для протестантов), что христианское богословие в целом мало что приобретет от молодых церквей. В лучшем случае выражалась надежда, что эти церкви смогут излагать западное богословие на языке, приспособленном к собственным культурным условиям. Но развитие экуменического движения, окончание эпохи империализма и рост уверенности в себе молодых церквей привели к неожиданным результатам - некоторые из этих церквей начали ставить вопросы и предлагать собственные ответы, представляющие собой не просто адаптацию, а вызов традиционному богословию.

Среди протестантов такую роль за последние десятилетия сыграло множество книг. В Азии бывший японский миссионер в Таиланде Косуке Койя-ма написал книгу "Богословие канонерок". Несколько лет спустя китаец Чон Сен Сонг опубликовал "Богословие третьего глаза: формирование богословия в азиатских условиях" и "Сострадательного Бога". В Африке в разгар борьбы против южно-африканского апартеида Аллан Боесак написал "Прощай, невинность". В Латинской Америке аргентинский методист Хосе Мигес Бонино написал "Богословие в революционной ситуации" и "Христиане и марксисты". Эти и десятки других книг, весьма различные по содержанию, объединяет одна общая черта: они рассматривают все христианское богословие с совершенно иной точки зрения по сравнению с традиционной. В большинстве случаев иной эту точку зрение делает не только различие культурных условий, но и учет социальной и экономической борьбы угнетенных.

Среди католиков наиболее удивительные события с далеко идущими последствиями происходили в Латинской Америке. Зарождению нового богословия там способствовали несколько факторов. Во-первых (как отмечалось в томе I), латиноамериканское католичество с самого начала разделилось на церковь, служащую интересам власть имущих, и на церковь с миссионерской ориентацией, выразителями которой были монахи, давшие обет нестяжания, жившие среди бедных и участвовавшие в их борьбе. Во-вторых, наличие региональной организации, объединяющей всех епископов (Конференции латиноамериканских епископов), и тенденция епископов проявлять больше самостоятельности стали основанием для постановки вопросов, касающихся миссии церкви, в масштабах всего континента. Наконец, II Ватиканский собор с его открытостью современному миру дал импульс для нового и дерзновенного взгляда на миссию церкви в Латинской Америке. После определенной подготовительной работы этот смелый пересмотр произошел в колумбийском городе Медельин в 1968 году. Собравшиеся там епископы Латинской Америки отвергли как капитализм, так и коммунизм. Говоря о "вопиющей к небу несправедливости", епископы взяли обязательство защищать дело справедливости и призвали христиан встать на сторону крестьян и индейцев в их борьбе за обретение человеческого достоинства и повышение уровня жизни. "Стремление христиан к справедливости, - заявили они, - есть одно из требований библейского учения".

За такими формулировками стояла работа множества пастырей и богословов, пришедших к выводу, что Евангелие требует от церкви принять сторону бедных в их борьбе за освобождение. Лидерами этих "богословов освобождения" были Густаво Гутьеррес и Хуан Луис Сегундо. Они предложили богословскую систему, не просто рассматривающую вопросы, связанные с
освобождением, а обращающуюся ко всей совокупности христианского учения и христианской жизни с точки зрения бедных, получивших от Бога силу, как они

говорили, "снизу". При таком подходе, утверждали они, можно исповедовать христианскую веру с совершенно новым ее истолкованием. В частности, они обнаружили в Писании элементы, которые, по их мнению, традиционное богословие игнорирует или затемняет. Таким образом, их работа стала вызовом не только власть имущим в Латинской Америке, но и всему мировому христианскому сообществу, вставшему перед необходимостью дать ответ на такой радикальный пересмотр Евангелия.

Этот ответ не заставил себя ждать. Рим оказал давление на латиноамериканских епископов, и накануне следующей конференции появились признаки, что они откажутся от сделанных в Медельине заявлений. Однако на этой конференции, проведенной в 1978 году в мексиканском городе Пуэбла, епископы подтвердили прежнюю позицию. В западной печати богословие освобождения нередко истолковывается с точки зрения конфликта между Востоком и Западом и крайне упрощенно называется "марксистским богословием". Резкую реакцию оно встретило и со стороны определенных кругов в самой Латинской Америке. По мере обострения отношений противоборствующие партии занимали все более непримиримые позиции. В Сальвадоре архиепископ Оскар Ромеро был убит противниками, считавшими, что он представляет угрозу для установленного порядка. В Бразилии Хельдер Камара и Пауло Эваристо Арнс встали во главе епископов, выступавших за установление нового порядка. В Никарагуа все больше обострялся конфликт между сандинистским режимом и епископатом. В Гватемале и в других странах нерукоположенных католических служителей сотнями убивали те, кто считал их деятельность подрывной. В Соединенных Штатах и в Европе раздавались голоса, предававшие новое богословие анафеме, тогда как многие богословы и христианские лидеры заявляли, что призыв к новому прочтению Евангелия, влекущему за собой радикальные последствия, вполне оправдан.

Никто не знает, к чему приведут все эти споры и столкновения. Но ясно одно: последние десятилетия XX века будут отмечены усилением напряженности между Севером и Югом. С точки зрения Севера основная проблема заключается в противостоянии Востока и Запада. Для многих христиан в Соединенных Штатах и в Европе это равнозначно противостоянию капитализма и демократии, с одной стороны, и коммунизма и тоталитаризма - с другой. С точки же зрения Юга основные проблемы выглядят совершенно иначе: установление экономического порядка, при котором не происходило бы дальнейшего обнищания третьего мира, распределение национального богатства внутри самих стран и устранение опасности проведения на их территориях скрытых войн между великими державами Севера.

В то же время совершенно очевидно, что Север все больше дехристианизируется, а наибольший количественный рост церкви происходит на Юге. Кроме того, церкви на Юге, долгое время считавшиеся бездеятельными, -

в том числе католическая церковь в Латинской Америке, - начали проявлять неожиданную жизненную силу. В 1900 году 49,9 процента христиан жили в Европе, а в 1985 году эта цифра оценивалась в 27,2 процента. В 1900 году 81,1 процента христиан были белыми, а к 2000 году эта цифра, по предварительным оценкам, сократится до 39,8 процента[34]. Таким образом, независимо от отношения к различным новым богословским учениям третьего мира, скорее всего, XXI век будет отмечен крупномасштабной миссионерской кампанией Юга на Севере. Тем самым эти земли, еще век назад считавшиеся "концами земли", получат возможность свидетельствовать потомкам тех, кто ранее свидетельствовал им.

Литература

[1] "Письмо Лаурину", 1 февраля 1523 года.
[2] Заявления брата И.Тецеля в защиту индульгенций.
[3] "Золотая роза" - знак отличия за христианские добродетели, вручаемый римским папой как высшее выражение милости. *(Прим. ред.)*
[4] *Opera* 17:580.
[5] Проповедь на Иоанна 1:17.
[6] "Предисловие к комментариям псалмов", *Opera* 31:22.
[7] "Предисловие к комментариям псалмов", *Opera* 31:26.

[8] J. Foxe, *A* с(и *and Monuments of these Latter and Perillous Dayes* (1559), 3:670.
[9] Гезы ("нищие") - прозвище повстанцев, воевавших с испанцами во время Нидерландской революции XVI века. *(Прим. перев.)*
[10] *Автобиография* I. 10.
[11] *Автобиография* 3.22 - 3.24.
[12] *Автобиография* 3. 27.
[13] Милиция - воинские контингенты местного ополчения, набиравшиеся по графствам. *(Прим. ред.)*
[14] *Апология Тилькену,* 2:298.
[15] *Sclbstzeugnisse* ("Свидетельства"), p. 25.
[16] *Дневник, 1* февраля 1736 года.
[17] *Дневник,* 24 мая 1738 года.
[18] Елизавету называли "Virgin Queen", то есть "королева-девственница". *(Прим, перев.)*
[19] *The A ustin Papers,* ed. Eugene C. Barker (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1919), 3:345, 347.
[20] *Speech of John Quincy Adams, May 25. 1836* (Washington, D. C.: Gales and Seaton, 1838), p. 119.
[21] *Memoirs,* quoted in W. S. McFeely, *Grant: A Biography* (New York: Norton, 1981), p. 30.
[22] Quoted in Sydney E.Alhstrom, *A Religious History of the American People,* vol. 2 (Garden City, New York: Doubleday, 1975), p. 327.
[23] Simon Bolivar, *Obras completas,* vol. 3 (Havana: Lex, 1950), p. 501.
[24] Frederich Schleiermacher, *The Christian Faith* (Edinburgh: T. T. Clark, 1928), p. 151.
[25] Tr. by H.E. Manning, 1871; quoted in Schaff, *The Creeds of Christendom,* vol. 2 (New York' Harper Brothers, 1878), pp. 270-71.
[26] *Encyclopaedia Britannica* (1968 ed.), 23: :
[27] 1959 reprint (New York: Meridian), p. 21.
[28] Niebuhr, *The Social Sources,* p. 275.
[29] Niebuhr, *The Kingdom of God In America* (New York: Harper Brothers, 1937), p. 193.
[30] Sydney E. Ahlstroin./l *Religious History of the American People,* vol. 2 (New York: Doubleday, 1975), p. 451
[31] ibid, p. 460.
[32] James Cone, *A Black Theology of Liberation* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1970), pp. 17-18.
[33] Ronald J. Sider, ed. *The Chicago Declaration* (Carol Stream, Illinois: Creation House, 1974), cover and pp. 1-2.
[34] David K.Barrett, ed., *World Christian Encyclopedia* (Nairobi: Oxford University Press, 1982), global tables 18 and 29.

Дополнительная литература

К первой части

Paul Althaus. *The Theology of Martin Luther.* Philadelphia: Fortress, 1966.
Roland H.Bainlon. *Erasmus of Christendom.* New York: Charles Scribncr's Sons. 1969.
Roland H.Bainlon. *Here I Stand: A Life of Martin Luther.* Nashville: Abingdon, 1950.
Roland H.Bainton. *The Reformation of the Sixteenth Century.* Boston: Beacon, 1952.
Ernest Belfort Bax. *Rise and Fall of the Anabaptists.* New York: American Scholar Publications, 1966.
Henry Daniel-Rops. *The Catholic Reformation.* New York: Dutton. 1962.
Gordon Donaldson. *The Scottish Reformation.* Cambridge: University Press, 1960.
Pieter Geyl. *The Revolt of the Netherlands.* New York: Barncs Noble. 1958.
Justo L.Gonzalcz. *A History of Christian Thought.* Vol. 3. Nashville: Abingdon, 1975.
Arthur James Grant. *The Huguenots.* Hamden, Connecticut: Archon. 1969.
P.E.Hughcs. *Theology of the English Reformers.* London: Hodder Stoughton, 1965.
Franklin H.Littell. *The Free Church.* Boston: Starr King. 1957.
Geddes Macgregor. *The Thundering Scot: A Portrait of John Knox.* London: Macmillan Co.. 1958.
Clyde L. Manschreck. *Melanchton: The Quiet Reformer.* Nashville: Abingdon, 1958.
John C.Olin. *The Catholic Reformation: Savonarola to Ignalius Loyola.* New York: Harper Row, 1969.

Jean Horace Rillict. *Zwingli: Third Man of the Reformation.* London: Lulterworth, 1964.
Francois Wendel. *Calvin: The Origins and Development of His Religious Thought.* London: Collins, 1965.

Ко второй части

Sydney E.Ahlstrom. *A Religious History of the American People.* Vol. 1. Garden City, New York: Doublcday, 1975.
Carl Bangs. *Arminius: A Study in the Dutch Reformation.* Nashville: Abingdon, 1971 .
Frederick C.Coplcston. *A History of Philosophy.* Vols. 4-6. London: Burns, Gates and Washburne. 1958-1960.
Rupert E. Da vies. *Methodism.* Baltimore: Penguin, 1963.
Herbert H.Henson. *Puritanism in England.* London: Hodder and Stoughton, 1912.
Henry Petersen. *The Canons of Don.* Grand Rapids: Baker. 1968.
F.Ernest Stoeffer. *German Pietism during the Eighteenth Century.* Leiden: E.J. Brill, 1973.
Henry Van Etten. *George Fox and the Quakers.* New York: Harper, 1959.

К третьей части

Sydney E.Ahlstrom. *A Religious History of the American People.* Vols. 1-2. Garden City. New York: Doubleday Company, 1975.
Stcwarl C.Easlon. *The Rise and Fall of Western Colonialism.* New York: Pracgcr, 1964.
Justo L.Gonzalcz. *A History of Christian Thought,* vol. 3. Nashville: Abingdon. 1975.
Kenneth Scott Latouretlc. *Christianity in a Revolutionary Age.* vols. 1-3. New York: Harper Brothers, 1954-1961.
Kenneth Scott Laloureltc. *A History of the Expasion of Christianity,* vols. 4-6. New York: Harper Brothers, 1941-1944.
Hugh R. Mackintosh. *Types of Modern Theology: Schleiermaeher to Barth.* New York: Charles Scribner's Sons, 1938.
Stephen Neill. *Colonialism and Christian Missions.* London: Lutterworth. 1966.
Claude Welch. *Protestant Thought in the Nineteenth Century.* New Haven. Connecticut: Yale, 1972.

К четвертой части

Sydney E.Ahlstrom. *A Religious History of the American People,* vol. 2. Garden City, New York: Doubleday Company, 1975.
Roger Auberl, el al. *The Church in a Secularized Society.* New York: Paulist Press. 1978.
Robert McAfce Brown. *The Ecumenical Revolution.* Garden City, New York: Doubleday Company. 1967.
Alasdair I.C. Heron. *A Century of Protestant Theology.* Philadelphia: Westminster. 1980.
Kenneth Scott Latourctte. *Christianity in a Revolutionary Age,* vols. 4-5. New York: Harper Row, 1961-1962.
Stephen Ncill, ed. *Twentieth Century Christianity.* London: Collins, 1961.
Ruth Rouse and Stephen Ncill, cds. *A History of the Ecumenical Movement, 1517-1948.* Philadelphia: Westminster, 1968.
S.Paul Schilling. *Contemporary Continental Theologians.* Nashville: Abingdon, 1966.
L.S.Slavrianos. *Global Rift: The Third World Comes of Age.* New York: William Morrow and Company, 1981.